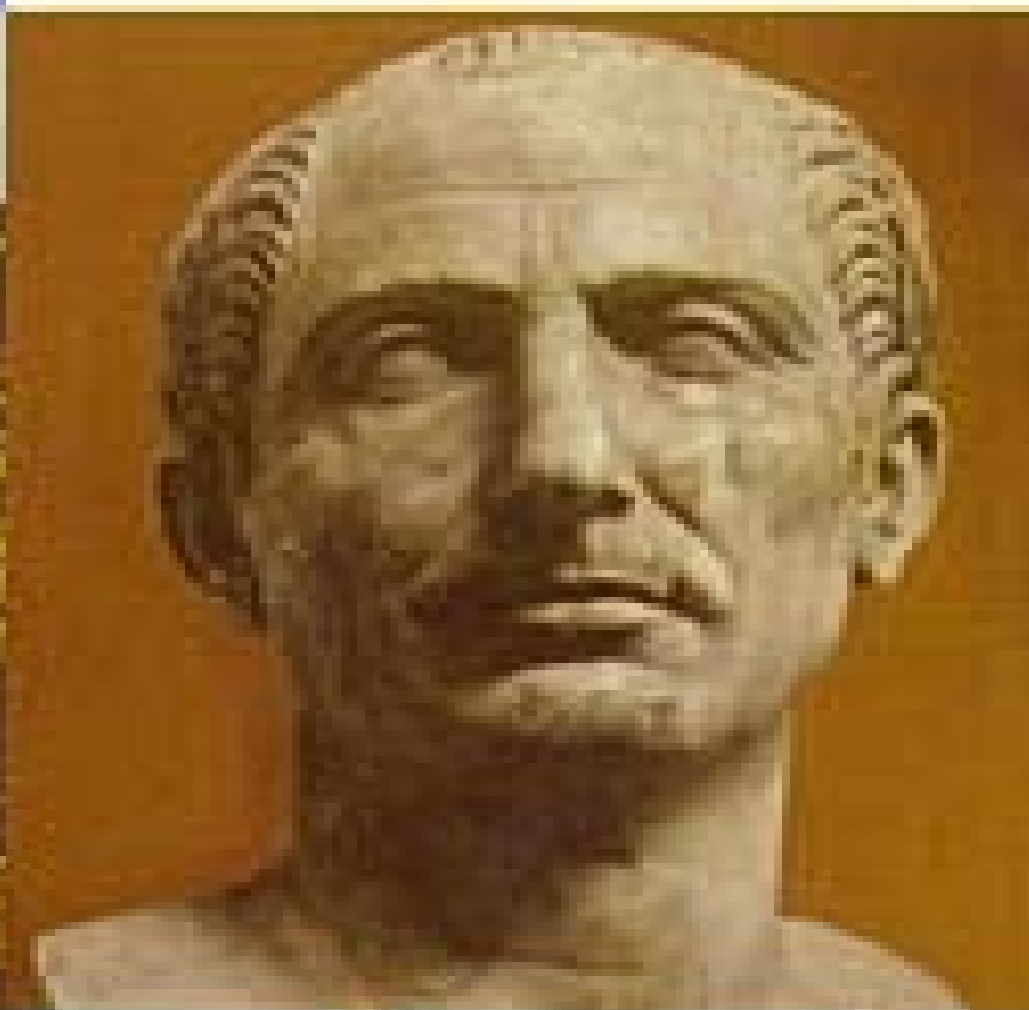

ЦЕЗАРЬ

Роберт
Этвеш

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга французского академика, известного историка и археолога Робера Этьена посвящена блистательной личности Гая Юлия Цезаря (101-44 гг. до н.э.). Великий во всем (в любви, сражениях, красноречии, законотворчестве), Цезарь явил себя идеальной вершиной пирамиды власти, поставив на века печать единоличного правления. В книге детально прописаны его личные качества, дела и триумфы. Строительство Империи предстает как революционное преобразование всего Римского государства. Р. Этьен проводит тщательное расследование обстоятельств убийства диктатора со всеми деталями, мотивами и последствиями. Даже трагическая смерть этого гения власти, покорителя женщин и победителя мужчин, смотрится как логическое и прекрасное завершение его жизни.

Книга снабжена богатым иллюстративным материалом.

- [Робер Этьен](#)
 - [ГЕНИЙ ВЛАСТИ — ВЛАСТЬ ОБРАЗА](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [КНИГА ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава II В ПОГОНЕ ЗА ПОЧЕСТЯМИ](#)
 - [Глава III В ПОГОНЕ ЗА ЛЮБОВЬЮ](#)
 - [КНИГА ВТОРАЯ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [КНИГА ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОСЛЕ ЦЕЗАРЯ](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ I](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ II](#)

- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЦЕЗАРЯ](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [СОКРАЩЕНИЯ](#)
 - [ИСТОЧНИКИ](#)
 - [ИССЛЕДОВАНИЯ](#)
 - [ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ](#)
 - [АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
 - [Примечания](#)
-

Робер Этьен

ЖЗЛ Цезарь

ГЕНИЙ ВЛАСТИ — ВЛАСТЬ ОБРАЗА

*Но Брут назвал его честолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.*

Шекспир

Крупнейший современный историк древнего Рима, соотечественник автора настоящей книги Клод Николе имел все основания назвать однажды, используя понятие, введенное немецким философом Карлом Ясперсом, период перехода от Республики к Империи в Риме «осевым временем» всей римской истории. После выхода в 1939 году классической книги Рональда Сайма¹ много спорили о том, можно ли действительно считать эпоху I века до н.э. — начала I века н.э. «римской революцией», но никто и никогда не отрицал масштаба произошедших тогда перемен. Как и всякое переломное время, эти несколько десятилетий дали множество ярких исторических личностей, среди которых и главный герой книги Робера Этьена — Юлий Цезарь. И жизнь, и особенно смерть его решающим образом повлияли на весь ход римской истории.

Загадка убийства Цезаря

Цезарь был убит в мартовские иды 44 года.² Свыше двух тысяч лет событие это хранится в памяти человечества, поражая кровавыми подробностями и интригуя вечной тайной скрытых и явных причин действия.

Смерть Цезаря стала историческим фактом, достоверно описанным событием. Наверное, это связано с исключительным единодушием многочисленных античных авторов, передающих рассказ об этом убийстве. Из той же традиции идет и осмысление этого преступления как героического тираноубийства, совершенного людьми, вдохновляемыми идеалами свободы и Республики.

И вместе с тем, как всякое важное историческое событие, смерть

Цезаря нельзя толковать однозначно. Не случайно Р. Дж. Коллингвуд в «Идее истории», рассказывая о каплях крови Цезаря на полу курии Помпея, подчеркивает внутреннюю и внешнюю стороны события. По его мнению, внутренняя сторона может быть понята познанием мыслей того, кто предпринял действие, — в данном случае Брута и других заговорщиков.

Однако не все так просто. Чем руководствовались Брут, Кассий и их сообщники, достаточно хорошо известно, и далее об этом будет сказано. Но загадка убийства Цезаря лежит отнюдь не здесь. Оно связано с глубинными процессами истории, движущимися отдельными событиями, порой почти независимыми от них. В самом деле, разве не парадоксально, что именно смерть диктатора, задуманная и свершившаяся как открытое и демонстративное тираноубийство, заложила едва ли не самый прочный камень в основание грядущей Римской империи. Ибо чем же возвысился Гай Октавий, как не отмщением за приемного отца, «божественного Цезаря»? Став Августом, он отвел центральное место на своем Форуме храму Марса Мстителя, выстроенному по обету, который дал во время войны с убийцами Цезаря. Много ли найдется в истории примеров столь разительного расхождения между замыслом и результатом? Недолгой была и радость заговорщиков, быстро понявших, что тиран мертв, но тирания жива, а вместе с ней и неизбежность новых гражданских войн. В дальнейшем же убийство Цезаря стало иллюстрацией к спорам о предопределении свыше и свободе воли. Для средневековой мысли характерно воззрение на события истории как на реализацию воли Бога. И поэтому те, кто мог убить Цезаря, не в силах помешать падению Республики. Само убийство — новое и дополнительное обстоятельство, содействующее этому падению.

Может быть, весь драматизм мартовских ид, гипнотизировавший многих творцов, от У. Шекспира до Т. Уайльдера, как раз и заключен в очевидной разнонаправленности этого деяния: героическое тираноубийство лишь усугубило агонию Республики и приблизило окончательное упрочение монархии. Именно неотвратимость события в сочетании с парадоксально противоположными, но неизбежными последствиями и превратила убийство римского диктатора в один из узловых сюжетов мировой истории.

В античной традиции, повествующей об убийстве Гая Юлия Цезаря, царит поразительное единодушие как в описании фактов, так и в их оценках. Разночтения, которые могут быть объяснены расхождением взглядов авторов, живших в разные периоды, минимальны и практически не влияют на однозначный вердикт: после завершения гражданских войн и

возвращения из Испании в сентябре 45 года Цезарь был удостоен невиданных прежде почестей, божественных и человеческих, но стал себя вести как тиран, за что и был справедливо убит. Такой взгляд на события разделяли и республиканцы из сенатской олигархии, организовавшие заговор, и отомстивший за Цезаря Август, который, усвоив этот кровавый «урок», не прочь был подчеркнуть различие между тиранией своего божественного отца и своей собственной «восстановленной республикой» (то есть установленной монархией). Поразительное согласие! Особенно если сопоставить его с чрезвычайно разнообразными взглядами современных историков на характер власти Цезаря, его политику и замыслы.

Со времен Т. Моммзена многие историки исследовали различные аспекты деятельности Цезаря — от личных, «партийных» связей, внутрисенатских интриг, до крупных начинаний в политике (расширение римского гражданства и формирование новой социальной базы власти, отношения с ветеранами и аграрная политика, провинциальные и муниципальные нововведения и т.д.) и особенно эффективной пропаганды, цель которой — создание в народе особого образа вождя. В целом все более ясной становится роль этого удивительного римлянина, происходившего из древнего патрицианского рода, в превращении Римской республики, по сути остававшейся лишь разросшимся до размеров мировой державы Городом, в упорядоченное государственное образование — империю. Процесс этот был длительным, начавшимся задолго до Цезаря, и завершился в общих чертах лишь при Августе. Но Цезарю в нем отводится немалая роль, и вклад его в рождение империи неоспорим.

То, что переход от Республики к Империи был обусловлен превращением Рима в мировую державу, отнюдь не открытие современных историков, рассматривающих этот процесс как проявление кризиса античной гражданской общины, полиса. Эту взаимосвязь чувствовали и сами древние: подобные рассуждения встречаются у Саллюстия, у Тацита, у других. Правда, они смотрели на это под иным углом зрения. Если мы теперь подчеркиваем непригодность традиционного сенатского республиканского строя для управления огромной державой и соответственно закономерность установления более эффективной монархической императорской власти, то римляне видели прежде всего разрушительность «державности» и ее последствий для их привычного государственного устройства — республики — как общего достояния граждан.

Римляне гордились своим государством и считали его воплощением

идеальной формы правления. Живший в Риме во II веке и входивший в кружок Сципиона Эмилиана греческий историк Полибий и позднее Цицерон видели в Римской республике образец смешанного государственного устройства, сочетающего лучшие черты монархии, аристократии и демократии, но чуждого свойственных им крайностей и опасности перерождения. Власть консулов напоминала царскую, всевластие сената воплощало аристократическое начало, а в значительной роли народных собраний нельзя было не заметить демократию. Баланс же всех трех элементов и создавал уникальность Рима. Именно уверенность в «правильности» организации Республики лежала в основе римского мифа — о богоизбранности римского народа и его великой миссии завоевать мир и править им.

Агония Республики

Насколько соответствовали реальные механизмы власти в Римской республике этим идеализированным представлениям? Однозначного ответа на этот вопрос нет и быть не может, как и в любом другом случае, когда сталкиваются идеалы и реальность. Но очевидно, что подобное умонастроение было присуще в той или иной степени всем римлянам эпохи Республики, да и в императорскую эпоху сохраняло свою притягательность, как свидетельствуют Сенека, Тацит и другие. Существовавший порядок ведения государственных дел обеспечивал достаточно успешное функционирование республики. Но — до поры до времени, пока не начались долгие десятилетия гражданских смут: от трибуната Тиберия Гракха в 133 году и до битвы при Акции в 31 году, где была подведена черта под соперничеством Октавиана и Антония.

Таким образом, смерти Цезаря предшествовало почти столетие гражданских войн, но это было и временем напряженного поиска новых форм власти. Современники Суллы, впервые двинувшего в 88 году свои войска на Рим, организовавшего проскрипции и обеспечившего мечом и кровью проведение серьезной конституционной реформы, не могли не отдавать себе отчета в тираническом характере власти диктатора, и его нововведения, направленные на усиление власти сената и умаление полномочий народных трибунов, еще не давали повода усомниться в сохранении традиционного государственного устройства. Это подтвердило

и добровольное возвращение Суллы к частной жизни после восстановления конституционного порядка.

Казалось, все идет как прежде — избираются магистраты, сенат принимает и проводит решения, определен порядок прохождения должностей, разделены военные и гражданские полномочия. Последнее было особенно важным, ибо опыт уже показал всю опасность сосредоточения провинциальных армий в руках консулов. Отныне консулы не покидают Рим, а получают провинции (вместе с войсками) лишь по истечении своих полномочий, и в этом деле сенату отводится решающая роль. Но равновесие длилось недолго. Не прошло и десяти лет, как были восстановлены в полном объеме права народных трибунов, а там уже не за горами были и новые потрясения: заговор Катилины, первый триумvirат, трибунат Клодия, фактически единоличное правление Помпея и, наконец, гражданская война и диктатура Цезаря, окончательно разрушившая сулланскую конституцию.

Заговор Катилины (63 г.) проявил многочисленные слабости римской демократии и продемонстрировал готовность политиков с легкостью прибегать к насилию: обедневший аристократ Катилина под привлекательными лозунгами кассации долгов собирал вооруженных сторонников и чуть ли не намеревался поджечь Рим. А консул Цицерон в борьбе с заговорщиками добился от сената решения о безотлагательной их казни, поправ тем самым священное право римских граждан обратиться к народу. Кстати, Цезарь попытался убедить сенаторов сохранить жизнь катилинариям, что дало повод подозревать его самого, как и Красса, в причастности к заговору. Однако это не мешало его успешному продвижению по лестнице почестей и должностей, а также росту популярности в народе. После претуры (62 г.) и наместничества в Испании, значительно поправив финансовые дела, Цезарь в 59 году становится консулом и входит в первый триумvirат, объединившись с Помпеем и Крассом против сенатской олигархии. Этот союз власти, ума и денег, будучи совершенно неформальным, а поначалу и тайным, смог, по выражению Плутарха, лишит власти сенат и народ. Именно с его помощью Цезарь получил после консулата наместничество с правом набора легионов в Цизальпинской Галлии. Ему предстояло завоевать всю Галлию, совершить экспедицию в Британию, подавить восстание Верцингеторига и написать знаменитые «Записки о галльской войне», чтение которых заставляет сожалеть о других, утраченных его произведениях, и прежде всего о речах. А еще за восемь галльских лет Цезарь сможет выковать свое главное оружие — преданную армию,

которая в 49 году перейдет вместе с ним Рубикон и двинется на Рим, навстречу гражданской войне.

Но до этого было еще далеко. Пока же Рим держали в постоянном напряжении беспрестанные столкновения и даже вооруженные стычки между Клодием, избранным народным трибуном в 58 году с помощью Цезаря, и Милоном, ставленником сената. Эти годыместили немало событий: рост могущества Помпея; изгнание и возвращение Цицерона (58-57 гг.), которого Клодий обвинил в бессудной казни римских граждан — катилинариев; непрекращающиеся скандалы и судебные процессы по поводу подкупа избирателей и попытки решать исход выборов угрозой оружия; убийство Клодия рабом Милона (18 января 52 г.) и последовавшие за этим народные волнения и суд над Милоном, закончившийся его осуждением, изгнанием и распродажей имущества; гибель Красса в парфянском походе (53 г.) и смерть в 54 году дочери Цезаря Юлии, брак которой с Помпеем был одним из залогов прочности первого триумvirата. Более или менее законное, осуществлявшееся с согласия сената единовластие Помпея, избравшегося, в частности, единоличным консулом (без коллеги) и управлявшего своими провинциями через легатов, не покидая Рима, при всей своей легитимности расшатывало устои республики.

Но это сегодня, из далека времен, нам видно неотвратимое приближение конца республики. Современники же не ведали грядущего, они лишь переживали одно за другим потрясения, занимались обычными делами, сетовали на те или иные расстройтва в государственных делах, но продолжали действовать по заданным правилам, стремясь реализовать свои собственные цели. Политика, как и прежде, пронизывала все сферы жизни. Государственная деятельность для истинного римлянина была абсолютной необходимостью и потребностью души. Консульские должности оставались заветной целью, к которой стремились и которой достигали как нобили, выходцы из потомственных консульских родов, так и «новые люди» типа Цицерона. Традиционный механизм власти в Римской республике продолжал работать, поддерживая уверенность в причастности всех граждан (в меру их статуса, разумеется) к управлению делами общины. И этой уверенностью питалось коллективное самосознание Рима, присущее всем — от Катона и Цицерона до Помпея и Цезаря.

Но становилось очевидно, что это была уже не «республика предков». Сулла смог восстановить республиканские порядки после страшной гражданской войны, но никому не под силу было зачеркнуть его всецелие как полководца, ставшего диктатором при поддержке преданной лично ему

армии. Его примеру пытались следовать многие, поняв, что именно власть над армией и провинциями гарантирует укрепление позиций в самом Риме. При внешнем соблюдении обычных конституционных процедур возрастает могущество Помпея, Красса, затем и Цезаря. В конце концов этот поначалу тайный, оформившийся, вероятно, в 61 году триумвират почти открыто правит Римом, добиваясь с помощью личных связей и подкупов (в том числе и на средства, доставляемые провинциальным командованием) избрания своих креатур на должности магистратов республики, желательного распределения провинций, принятия выгодных ему законов... Находясь в течение восьми лет в Галлии, Цезарь смог упрочить свои позиции в Риме настолько, что его столкновение со всемогущим Помпеем становится неизбежным. Началась гражданская война под «конституционными» лозунгами с обеих сторон. Перейдя Рубикон в январе 49 года, Цезарь вступился за оскорбленных народных трибунов, пытавшихся предложить сенату мир на приемлемых для полководца условиях. Помпей же выступил на защиту сената и республики. И хотя всем было ясно, что речь идет лишь о борьбе за высшую власть, война эта стала закономерным итогом республиканского правления.

Постоянное соперничество честолюбивых политиков служило дрожжами для римской жизни. Но в I веке в их руках оказалось столь сильное оружие, как профессионализирующаяся армия в сочетании с потенциалом провинций, также находившимся в полном распоряжении наместников. И хрупкое равновесие традиционного, все еще общинного по характеру строя было необратимо нарушено. Зерна будущей монархии уже вызревали понемногу в республиканской почве, испытывались разные модели осуществления высших властных полномочий как в Риме, в Италии, так и в провинциях, на суше и на море. Позже Августу не придется ничего специально изобретать: его единовластие сможет рядиться в республиканские одежды традиционных магистратур и полномочий столь искусно, что вплоть до наших дней не утихнет спор историков и юристов об истинной природе режима принципата.

Тем более в период Республики эта объективная тенденция к установлению монархии была растворена в потоке привычной действительности. Цицерон мог сколько угодно сетовать на упадок нравов и общественные язвы, возмущаться всевластием и произволом триумвиров («трехголового чудовища»), порой подчиняться их замыслам, даже вопреки собственным принципам, но участие в политической жизни оставалось смыслом его существования как единственно возможный способ служения родине и согражданам. Идеал Римского государства не только сохранял

свою притягательность и актуальность, но и находил до известной степени опору в реальной жизни. Да, конечно, кризис был налицо. И в произведениях Цицерона и Саллюстия формулируются теория упадка нравов и необходимость нравственной реформы для восстановления Республики. Порча, искажения могли быть устранены, однако без коренной ломки, без низвержения основ. Именно этого и ждали от Цезаря после его победы в гражданской войне, длившейся четыре года.

Но надеждам не суждено было сбыться. Цезарь не повторил того, что некогда сделал Сулла, — не восстановил Республику и не ушел от власти. Он поступил совершенно противоположным образом. Увеличив число избираемых магистратов, он пополнил сенат (с 600 до 900 человек), одновременно ослабив влияние традиционной сенатской олигархии и упрочив собственные позиции. Выводя новые колонии (в том числе в Коринф и Карфаген) и щедро раздавая провинциалам римское гражданство, проводя реформу муниципального строя и наделяя своих ветеранов землей, Цезарь еще более подталкивал процессы, требовавшие новой организации империи, возможной лишь при стабильной власти верховного правителя, а не раздираемого междоусобицами сената в сочетании с интригами честолюбивых полководцев. В этих условиях продление диктаторских полномочий Цезаря было обеспечено, и в 44 году он был провозглашен диктатором навечно. При управлении своей державой Цезарь не слишком заботился о соблюдении обычных процедур: рассылал по всему свету постановления сената, которые не обсуждались, но за подписью сенаторов, даже не ведавших подчас о содержании «своих» решений. Так, Цицерон получил благодарственное письмо за поддержку от царька, о существовании которого даже не подозревал. Выборы в народных собраниях также теперь происходили (по крайней мере, для половины магистратов) по прямой рекомендации диктатора. Да и высших должностных лиц, консулов, стали избирать не на год, а лишь на несколько месяцев. Но особенно тяжелое впечатление произвело событие последнего дня 45 года: когда собрались трибутные комиции для выборов квесторов, оказалось, что консул Фабий Максим, который должен был проводить выборы, скоропостижно умер. Цезарь тотчас же, превратив без соблюдения каких бы то ни было процедур трибутные комиции в центуриатные (а это были два совершенно разных вида народных собраний), объявил консулом одного из своих друзей — Гая Каниния Ребила, и тот стал консулом на последний день года. Потрясенному Цицерону оставалось только горько шутить: «На диво бдительный консул: во все свое консульство не сомкнул глаз!»

Как же реагировали римляне на бесцеремонное обращение Цезаря с республиканскими порядками? Мы мало знаем о позиции народа, но общая поддержка им Цезаря, имевшего устойчивую репутацию популяра, показывает, что такое его отношение к традициям свободной Республики едва ли вызывало массовое негодование. Иное дело сенатские круги, и прежде всего те их представители, которые традиционно занимались активной политической деятельностью. Им были привычны и понятны два состояния: или нормальная, хотя бы с виду, государственная жизнь в рамках сулланской конституции, или гражданская война, отменяющая все законы. Беззаконие и хаос гражданской войны были объяснимы и вроде бы даже естественны. Если что и удивляло, так это масштабы «милосердия» Цезаря, даровавшего прощение чуть ли не всем своим побежденным врагам, в том числе будущим заговорщикам Бруту и Кассию, сразу после битвы при Фарсале (48 г.), где те бились на стороне потерпевшего поражение Помпея. Лишь такой принципиальный республиканец, приверженец стоической философии, как Катон Утический, не пожелав принять эту милость, героически покончил с собой.

Как это ни странно, в годы гражданской войны, когда Цезарь не раз бывал близок к краху, его позиции казались более устойчивыми, чем после его окончательной победы, бросившей к его ногам весь римский мир. Пока шла война, Цезарь, несмотря на обвинения его в стремлении к высшей власти, оставался в глазах политической элиты Рима — сената — своим, ибо стремление к первенству считалось для римских нобилей естественным. Но как только установился мир и стало ясно, что восстановления нормального строя не происходит, ситуация резко изменилась. Единовластие Цезаря вдруг стало невыносимым.

После возвращения из Испании осенью 45 года ему были оказаны все мыслимые почести. Как пишет Аппиан, «во всех святилищах и публичных местах ему совершали жертвоприношения и посвящения, устраивали в его честь воинские игры во всех трибах и провинциях, у всех царей, которые состояли с Римом в дружбе... Его нарекли отцом отечества и выбрали консулом на десять лет и пожизненным диктатором; особа его была объявлена священной и неприкосновенной; для занятия государственными делами ему были установлены сиденья из слоновой кости и золота, при жертвоприношении он имел всегда облачение триумфатора. Было установлено, чтобы город ежегодно праздновал дни боевых побед Цезаря, чтобы жрецы и весталки каждые пять лет совершали за него молебствия и чтобы тотчас же по вступлении в должность магистраты присягали не противодействовать ничему тому, что постановил Цезарь. В честь его

рождения месяц Квинтилий был переименован в Июльий. Было также постановлено посвятить ему наподобие божества множество храмов...».

Однако не это оказалось чрезмерным. Чашу терпения переполнили, казалось бы, капли...

Смерть тирану?

Во всех повествованиях об убийстве диктатора фигурируют несколько событий, случившихся в первые месяцы 44 года. Сначала Цезарь принял сидя сенаторов, явившихся в полном составе, чтобы поднести постановления об упомянутых выше почестях. И этим дал повод обвинить его, что он замышляет стать царем (кстати, Цезарь отказался от предложенного сенаторами десятилетнего консульства). Кто-то из тех, кто раздувал подобные слухи, украсил его изображение лавровым венком, обвитым белой лентой. Трибуны Марулл и Цезетий разыскали этого человека и арестовали его, на что Цезарь отреагировал спокойно. Но те же трибуны снова вмешались, когда народ приветствовал Цезаря как царя у городских ворот, и нашли в толпе зачинщика. Тогда диктатор разгневался и удалил самих трибунов, обвинив их в том, что они коварно навлекают на него подозрения в тирании.

Не менее двусмысленная история произошла и во время Луперкалий — религиозного праздника, отмечавшегося 15 февраля. Участвовавший в этой церемонии Марк Антоний дважды попытался увенчать Цезаря, наблюдавшего за происходящим с золотого кресла на рострах, диадемой, но диктатор ее отвергал (под рукоплескания народа) и в конце концов повелел отнести диадему в храм Юпитера Капитолийского и сделать соответствующую запись в городских анналах о своем отказе.

Бродили и менее определенные слухи — будто бы Цезарь собирается перенести столицу на Восток в связи с парфянским походом, жениться на Клеопатре и т. п. Распространялось также предсказание, будто бы содержащееся в «Сивиллиных книгах»: победить парфян сможет только царь, и Цезарь должен принять этот титул перед выступлением в поход.

Но все эти смутные слухи и по-разному толкуемые факты в дошедшей до нас античной традиции трактуются как доказательства стремления Цезаря к царской власти. Именно царские замашки стали причиной заговора и убийства Цезаря.

Заговор этот был наверняка не первым. На сей раз в нем участвовало около шестидесяти человек, но в истории закрепились прежде всего имена Брута и Кассия. У Кассия были давние обиды на Цезаря; Брут же, зять и почитатель Катона Утического, напротив, был обласкан диктатором — ходили даже слухи, что настоящим отцом этого благороднейшего республиканца был как раз Цезарь, любивший его мать — Сервилию. Вообще, среди заговорщиков оказалось немало лично близких диктатору людей. То, что известно о заговоре, поражает его открытостью. Призывы к Бруту появлялись на его судебном кресле, подталкивая к действиям. Цезаря постоянно предупреждали о кознях против него. Он отшучивался, что не ждет ничего дурного от толстяков цезарианцев (Антония и Долабеллы) и куда больше опасается бледных и худых (намек на Брута и Кассия). Создается впечатление не тщательно и хладнокровно спланированного в тайне политического убийства, а рокового события, происшедшего с фатальной неизбежностью в обстановке массовой истерии.

Близятся иды марта — день, в который, по словам одного гадалея, диктатору грозит большая опасность. Когда наступил этот день, Цезарь, отправляясь в сенат, поздоровался с предсказателем и шутя сказал ему: «А ведь мартовские иды наступили!» — на что тот спокойно ответил: «Да, наступили, но не прошли!»

При входе в сенат Цезарю передали свиток с предупреждением о заговоре, но тот, беседуя с просителями, так и не удосужился прочесть его. Все свидетельствует о неизбежности и роковой предопределенности.

Заговорщики предполагали убить тирана на Марсовом поле или при входе в театр, но когда было назначено заседание сената в курии Помпея, решили действовать именно там. У подножия статуи Помпея все и произошло. Светоний, Плутарх, Аппиан и другие в подробностях рассказывают, как Туллий Кимвр, прося за изгнанного брата, вдруг схватил Цезаря за тогу, что послужило сигналом к нападению. Каска первым нанес удар, затем все заговорщики обнажили мечи. Цезарь сначала метался и кричал, но, увидев Брута, накинул на голову тогу и подставил себя под удары... Он пал бездыханным у статуи Помпея, забрызгав ее кровью. У Цезаря насчитали 23 раны (Светоний утверждает, что лишь одна из них была смертельной). Многие заговорщики поранили друг друга в этой свалке. Сенаторы в ужасе разбежались. «Бездыханный, он остался лежать, пока трое рабов, взвалив на носилки, со свисающей рукою, не отнесли его домой. Неизбежное свершилось, и тот, кто залил мир кровью сограждан, в конце концов наполнил курию своей собственной кровью», — писал во II веке н.э. историк Флор.

Состоялось тираноубийство, исполненное по всем правилам — открыто, прилюдно, не из-за угла. Более того, оно явно носило ритуализованный характер. Сравнение Цезаря с жертвенным животным, предназначенным к закланию, в котором должны принять участие все заговорщики, встречается у многих авторов, например у Флора и Плутарха. При всем жутком натурализме рассказов об этом событии нельзя не увидеть в нем глубоко символического смысла. Смертью тирана убившие его надеялись отвлечь от Рима всяческие напасти и вернуть былые времена вместе с прежним государственным устройством. Причем, если проанализировать дальнейшие действия (точнее, почти полное бездействие) тираноубийц, можно подумать, что они более рассчитывали на магическое воздействие этого так называемого жертвоприношения, нежели на конкретные политические меры. Это показывает и занятие Брутом и Кассием (вместе с гладиаторами!) Капитолия — поступок, носивший явно символический, адресованный к древней городской традиции характер, но вполне бессмысленный в изменившихся условиях, когда рычаги управления и власти уже не находились на этом холме. Об отсутствии сколько-нибудь реальных и продуманных планов восстановления Республики говорит и быстрое соглашение с цезарианцами, оформившееся уже 17 марта и компромиссное постановление сената, которое оставило в силе все решения убитого диктатора и одновременно гарантировало амнистию его убийцам.

Таким образом, деяния Цезаря оказались необратимыми, а возврат к прошлому — невозможным. Устранение тирании обернулось новым раундом гражданских войн, в ходе которых борьба велась лишь за единоличную высшую власть, а не за восстановление республики — таких иллюзий не питал уже никто. Наступила ночь республики, как писал Цицерон. А трагический конец Цезаря, оплаканного и обожествленного народом, ускорил кристаллизацию образа правителя Рима.

Практическая бесполезность смерти диктатора для восстановления традиционного государственного устройства стала очевидной на другой же день — и это лишь подтверждает, что убийство тирана было не смертельной схваткой в борьбе за власть, а импульсивным действием, совершенным в особой духовной атмосфере. И именно в самой общественной обстановке стоило бы искать разгадку смысла свершившегося 15 марта 44 года события.

Казалось бы, мотивы убийства пожизненного диктатора лежат на поверхности — свободолюбивые римляне не смогли вынести иго тирании, ибо само понятие царской власти было ненавистно им еще со времен

изгнания Тарквиния Гордого в 509 году и установления Республики. Все это так, но, однако, отношение к монархии вообще и к реальному единовластию Суллы, Помпея и до определенного момента Цезаря никогда не было в Риме столь простым и однозначным. Вспомним, что из всех простых типов государственного устройства предпочтение отдавалось именно монархии. Да и само понятие «республика» еще не несло в себе нынешнего смысла и вполне могло быть применено к любой форме законного и справедливого политического устройства.

Диктатура Цезаря с правовой точки зрения представляла собой концентрацию республиканских магистратур, в этом смысле продолжая линию Суллы (также диктатора) и Помпея. В режиме, установленном Цезарем, причудливо переплетались произвол и соблюдение законных процедур. Фактическое единовластие диктатора ни для кого не было секретом, но его поведение оставалось в целом в русле римских традиций. Этот свершивший необыкновенные подвиги и преступления патриций был римлянином до мозга костей, и видеть в нем эллинистического царя, последователя Александра Македонского, или восточного деспота не было достаточных оснований. Не случайно, что сравнивают его с Александром лишь более поздние авторы — Плутарх и Аппиан, которые сами к тому же греки.

Об отсутствии у Цезаря из ряда вон выходящих поступков свидетельствуют и незначительность фактов, призванных служить доказательством его стремления к царской власти, и отсутствие непосредственных поводов к убийству. В самом деле, на фоне гражданских смут, постоянно ожидаемых несмотря на пресловутое «милосердие» Цезаря казней и проскрипций, масштабных политических и социальных мероприятий, подрывавших всевластие сенатской олигархии, поистине небывалых почестей и привилегий, даруемых диктатору, вдруг причинами недовольства правителем оказались венки, диадемы, неучтивость по отношению к сенаторам, в присутствии которых Цезарь остался сидеть. Несоразмерность причины и следствия явная. Остается предположить, что, разрушая бывшее государственное устройство и создавая новое, двигаясь от сенатской олигархии к имперской администрации, Цезарь вел себя «порыцарски», иначе не пришлось бы выискивать такие фактики, как диадема и перевитый белой лентой венок на статуе.

По словам Моммзена, Цезарь, проникнутый республиканскими идеалами и вместе с тем рожденный стать царем, был монархом, но никогда не разыгрывал из себя царя. По выражению другого исследователя, нельзя доказать царский характер устремлений Цезаря, имея в наличии

только золотую диадему да красные сапоги (их, по преданию, носили некогда альбанские цари). Иными словами, современная историческая наука не склонна приписывать тому, кто окончательно погубил республику, сознательные замыслы и вождения, связанные с царской властью эллинистического либо староримского характера.

Но разве современники не были единомышленны, обвиняя Цезаря в стремлении к царскому венцу? Да, это так. Однако подобные обвинения бросали не только Цезарю, но и многим другим амбициозным политикам и честолюбивым полководцам, даже самому Цицерону, когда тот допустил убийство римских граждан — участников заговора Катилины.

Неумолимый ход истории

Диктатура Цезаря не просто разрушила республику предков, но показала, что эта республика мертва и не может быть восстановлена (как в свое время это удалось Сулле). Она разрушила не столько реальные политические институты, сколько определенную духовную реальность, составлявшую основу традиционного римского мировоззрения. Что включала в себя эта идеальная модель? Вот как понимал это сам Цезарь, стремясь (неизвестно, насколько искренне) избежать войны с Помпеем: «Пусть гражданство будет избавлено от страха, а сенату и римскому народу будет предоставлена независимость выборов и все управление государством». Именно при осуществлении этих условий и была возможна самореализация римского гражданина, для которого жизнь была невыносима вне общины, и участие в ее делах было основным делом. Для Цицерона государство было предметом всех его забот, помыслов и трудов, и к составлению философских произведений он обращался лишь тогда, когда не было возможности «ни дать совет, ни взять на себя ответственность». Спустя столетие Сенека, искавший в философии безмятежности и свободы, видел в увлеченности Цицерона вопросами о том, кто выступает притязателем на должность или хлопочет о выборах, кто борется своими силами, кто чужими руками, кто домогается консульства, полагаясь на Цезаря, на Помпея, на свою ловкость и т. п., свидетельство суетности и недостаточной обращенности к себе. Но для гражданина I века именно эти проблемы и были смыслом жизни. В то время лишь немногие римляне, которым их статус и положение открывали

доступ к должностям, уклонялись от этого пути.

Среди них был и задушевный друг Цицерона Аттик. Вот как Корнелий Непот объясняет жизненный выбор этого богатого всадника, всегда державшегося в стороне от политической борьбы и сохранявшего хорошие отношения со всеми антагонистами: «Должностей он не искал, хотя легко мог получить их благодаря своему влиянию или положению; ведь было уже невозможно ни добиваться магистратуры по обычаю предков, ни получить ее без нарушения законов при распространившихся злоупотреблениях и подкупе, ни исполнять ее, не подвергаясь опасности при царящем в государстве падении нравов». Но исключительность позиции Аттика лишь подчеркивала всеобщую увлеченность людей его круга делами форума и сената. Очевидно, осознание пороков и изъянов существующего строя все еще уравнивалось отношением к государству как достоянию народа, общему делу.

Позднереспубликанская «конституция» не была совершенной, но давала всем тем, кто стекался на форум и в сенат, ощущение причастности к управлению государством. Каждый гражданин, вовлеченный в политическую жизнь, мог (в силу возможностей, способностей и желания, разумеется) влиять на решение тех или иных вопросов и должен был понимать, какие механизмы приводят в действие политическую жизнь Рима. Поздняя Римская республика до конца сохраняла черты общинного самоуправления, что и обеспечивало ощущение соразмерности человека и государства, их слияния и неразрывности.

После окончательной победы Цезаря необратимые изменения произошли именно в этой сфере общественного сознания. В результате проведенных им преобразований стали появляться отдельные элементы нового государственного аппарата и принципиально иного образа действий власти по управлению державой. Несмотря на свои непростые отношения с сенатом, Цезарь все же поручал важнейшие посты именно сенаторам, и поэтому нет оснований говорить об антисенатской политике Цезаря в целом. Но государственное управление все более и более жило собственной жизнью, независимо от воли отдельных лиц, в том числе, вероятно, и самого диктатора. И его стремление поскорее отправиться в парфянский поход (может быть, потому, что ему привычнее была роль полководца?) и равнодушно-беспечное ожидание приближающегося конца (он желал неожиданной смерти) дают основания предполагать, что и всемогущий диктатор, как и многие его современники, утратил ощущение подвластности ему хода истории.

Итогом правления Цезаря стало создание такого устройства, которое

уже не было соразмерно каждому гражданину. Чувствовалось влияние какой-то внешней силы, не контролируемой традиционными общинными механизмами власти. Противники Цезаря по привычке, усвоенной от греческих мыслителей, видели эту неподвластную и непостижимую — а потому и враждебную — силу в тирании, в единовластии диктатора. Поэтому обвинения его в стремлении к царскому венцу, вполне традиционные для политической борьбы в рамках республики, приобрели зловещий характер. Другие же ощущали эту силу как непреодолимый рок, как гнев богов. Римскому гражданину трудно было смириться с этим. Показательно, что Цицерон в трактате «О судьбе», написанном вскоре после убийства Цезаря, стремился доказать наличие у людей свободы воли, несовместимой с абсолютным предопределением. «К чему впутывать судьбу, если и без судьбы для всех вещей находится основание или в природе, или в фортуне?» — вопрошал он. Очевидно, переживаемый момент делал рассуждения о свободе воли весьма актуальными для римского гражданина — субъекта свободы и моральной ответственности.

Да, при Цезаре республика действительно перестала быть достоянием народа, но не только из-за того, что были урезаны полномочия сената или народных собраний, а потому что стал складываться новый тип государства, не совпадающего с гражданской общиной. И осознание этого вызвало сильнейшее смущение в умах традиционных римлян. В такой взрывоопасной общественной атмосфере убийство диктатора стало столь же неизбежным, сколь и безрезультатным.

Мартовские иды — не столько опыт политического насилия, сколько выброс энергии кризисного самосознания общества. Это событие глубоко романтического звучания, и не зря именно Ф. Шиллер в споре Брута с Цезарем видел не очевидное столкновение тирании и свободы, но возвышенный диалог исторической необходимости и вечного, вневременного идеала.

*

Все то, что написано выше, так или иначе перекликается с содержанием книги Робера Этьена, известного французского историка-антиковеда, долгое время возглавлявшего центр по изучению истории древности в университете Бордо. Специалистам хорошо знакомы его

фундаментальное исследование, посвященное императорскому культу на Пиренейском полуострове (1955 г.), так же как и результаты многолетних археологических раскопок, которые разворачивались под его руководством в Португалии и в Северной Африке. Но известность у широкого читателя принесла ему книга «Повседневная жизнь в Помпеях», переведенная на добрый десяток языков и уже много лет выходящая в самых разных странах.

С Юлием Цезарем французскому историку приходилось встречаться не раз. Кроме статей по отдельным вопросам, он издал небольшую книгу об убийстве Цезаря, а теперь — и настоящую большую биографию этого римлянина, бесспорно принадлежащего к разряду «великих людей». И прежде чем оставить читателя наедине с этой замечательной книгой, позволю себе еще немного поразмышлять о том, что же такое историческая биография и как она связана с историей Римского государства.

*

Жанр исторической биографии — один из самых древних и наиболее популярных. В том числе и в общем потоке литературы об античности биографии составляют немалую долю. Как заметил Р. Сайм,³ и года не проходит, чтобы не появлялись очередные жизнеописания Цезаря и Цицерона. И в то же время нельзя не заметить и откровенно снисходительного, а то и неприязненно высокомерного отношения многих профессиональных историков к этому жанру. Действительно, мало кто из выдающихся историков XX века прославился благодаря имени какого-либо политического деятеля Греции или Рима, жизнеописание которого стало бы значительным вкладом в науку об античности. Да и в немногих подобных случаях дело обстоит сложнее. Так, хотя одна из важнейших книг Р. Сайма и носит название «Тацит», едва ли этот капитальный труд можно счесть вполне биографическим (а не общеисторическим), так же как и монографию «Август и его время» итальянского историка М. А. Леви⁴. С другой стороны, показателен пример С. Л. Утченко. В то время как завидный читательский успех выпал на долю написанных им биографий Цицерона и Цезаря, очевидно, что наиболее полно его творческий потенциал реализовался в монографиях и статьях по социально-политической истории и политической мысли Римской республики,

известных в основном специалистам.

Но следует ли из этого, что историческая биография превратилась преимущественно в научно-популярный, беллетризованный жанр и вышла тем самым за рамки собственно исторической науки, сосредоточившейся в основном на исследовании массовых явлений и структур, в том числе и при изучении конкретных исторических личностей? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к анализу ряда биографий римских политических деятелей конца Республики — начала Империи. Период этот, бесспорно, один из наиболее «продуктивных» для историко-биографического жанра — сам характер переломной эпохи, выдвинувшей на передний план множество ярких личностей, о деятельности которых сообщают весьма немалочисленные источники, предопределил «вечность» этой темы. Едва ли нуждается в доказательствах и развернутом изложении и тезис о «своих» Цицероне и Цезаре для каждого нового поколения историков, об особой сопряженности жанра с современностью и ее конфликтами и т.п. Речь должна идти о некоторых «родовых» признаках современной исторической биографии и соответственно о ее функциях.

Специфика биографии была вполне осознана в древности. Плутарх прямо писал: «Мы пишем не историю, а жизнеописания» (Александр, I), считая уделом первой воспевать великие дела и битвы и оговаривая свое право биографа углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека. Так во II веке н.э. была сформулирована диалектика соотношения истории и биографии как выражение связи внутреннего мира человека с его деятельностью. Очевидно, что это остается справедливым и сегодня. Однако эти же задачи могут решаться не научными, а художественными методами, и с большим успехом: даже блестящий портрет Цезаря, рожденный научным темпераментом Т. Моммзена и так и не превзойденный в современной историографии, все же заведомо уступает по личностной притягательности и психологической убедительности персонажу, носящему имя Цезаря в романе американского писателя Т. Уайлдера «Мартовские иды». И тем не менее исторические биографии пишутся, причем отнюдь не всегда людьми, обладающими особым даром слова. Особенность научной биографии видится в том, что это всегда портрет не только того или иного политического деятеля, но и общества, в котором он родился, жил и умер. В этом отношении любая книга о Сулле, Помпее, Цезаре не может не быть книгой по политической истории I века. Так, А. Кивни в предисловии к своей монографии о Сулле прямо заявляет, что не разделяет распространенного мнения, будто античную историю не следует писать с помощью биографии. «Плохо ли, хорошо ли, но великие

личности наложили свой отпечаток на время, в котором жили, и, следовательно, мы имеем полное право исследовать природу того воздействия, которое оказал Сулла на свое время»⁵. Сформулированный таким образом подход предопределяет и характер книги, в которой последовательно описаны ранние годы жизни Суллы, Югуртинская война, Союзническая война, взятие Рима в 88 году, война с Митридатом, возвращение в Италию, гражданская война и диктатура Суллы и, наконец, последние годы жизни после «отставки». То есть биография Суллы почти совпадает с политической историей его времени.

Вместе с тем книга отличается от общих очерков истории Рима. Так, Х. Скаллард, автор одного из самых популярных и часто переиздаваемых пособий, казалось бы, также исходит из положения об отпечатке, налагаемом великими личностями на соответствующую эпоху: не случайно же центральный том его римской истории назван «От Гракхов до Нерона»⁶. Тем не менее здесь имена политических деятелей по большей части служат лишь «этикетками» периодов, даже если и дается развернутая характеристика проводившейся ими политики, а изложение эволюции основных сфер жизни римского общества разворачивается практически независимо от них. И это понятно, так как в этом случае повествование подчиняется той или иной концепции, тогда как автор биографического исследования видит свою задачу в том, чтобы представить своего героя живым, реальным человеком. С другой стороны, биографические работы очень похожи, если посвящены одному и тому же лицу. При этом даже когда авторы с разных точек зрения рассматривают одного и того же героя (например, и те, кто подходит к Марку Антонию как к типичнейшему римскому аристократу I века, и те, кто смотрит на ту же фигуру как бы с эллинистического Востока), в изложении «основного фона» сходятся чрезвычайно близко.

Так что, пожалуй, эффект «присутствия» главного героя выражается в том, что изложение политической истории в книге о нем несколько отличается от повествования о жизни его современников — биографии Помпея и Цезаря шьются из ткани разного рисунка, хотя само качество материала близко похоже. Этому способствует и характер дошедших до нас источников: они, как правило, дают взгляд на того или иного деятеля со стороны, возможности заглянуть ему в душу весьма невелики, и изложение внешней канвы жизни остается непреодолимой первой, а зачастую и единственной ступенью в познании характера героя. Своеобразным «аргументом от обратного» в пользу высказанного утверждения может служить совершенно особый случай Цицерона. Тот факт, что от него

сохранилось огромное литературное наследие — речи, письма, политические и философские трактаты, — в котором Цицероновское «я» выразилось гораздо полнее, чем у других его современников, сказался и на характере его нынешних жизнеописаний. Здесь больше разброс оценок, значительно богаче тематика биографии, включающая, как правило, самую широкую культурную проблематику, и, наконец, вполне реальна задача написать «историческую автобиографию», как это и делает О. Цирер, не выходя за пределы науки и утверждая при этом, что Цицерон живет среди нас, в современности⁷. А ведь не будь этого авторского наследия, биографии этого политического деятеля писались бы наподобие других, поскольку из «посторонних» источников мы знали бы о Цицероне примерно то же, что и о его современниках.

Таким образом, в основной массе научные биографии — это фрагменты политической (иногда — социально-политической) истории, изложенные под тем или иным углом зрения, который довольно жестко обусловлен выбором главного героя.

Чем же можно объяснить такую устойчивость основных жанровых характеристик исторических биографий? Первая и самая очевидная причина — это общность и ограниченность источниковой базы, ее традиционность. В самом деле, основная масса фактов содержится в давно ставших хрестоматийными текстах Цицерона, Плутарха, Светония, Тацита, Аппиана, Диона Кассия и других авторов, отчасти в надписях. Новых данных ждать практически неоткуда. Кроме того, что не менее важно, античная традиция — это не просто сумма фактов, но в каждом случае сложившийся образ того или иного политического деятеля, определенная характеристика его деяний и черт личности. Эта традиция «обросла» также интерпретациями современной историографии и источниковедческой критикой, достигшей изощренной тонкости. В результате, с одной стороны, написать жизнеописание «знаменитого римлянина», казалось бы, не так трудно, о чем не без иронии говорит Р. Сайм. Факты доступны без лишних усилий, собраны, проанализированы и систематизированы поколениями ученых. И в самом деле, вполне добротную биографию Марка Антония издал отставной адмирал Робертс⁸.

Но, с другой стороны, эта же традиционность, «накатанность» источниковой базы заведомо ставит довольно жесткие рамки для исследования, хотя и не исключается возможность развития, в основе которого лежит принципиальная неисчерпаемость античной традиции, как и любого другого комплекса источников. Так, на основе достигнутого уровня «инвентаризации», систематизации разнородных источников в

настоящее время осмысление традиции происходит в немалой степени благодаря изучению формирования отдельных ее элементов в творчестве тех или иных античных авторов или в пропаганде самих политических деятелей. Ц. Явец, известный своими работами в области общественного мнения и официальной пропаганды, посвятил специальную статью⁹ проблеме формирования официального публичного образа Августа в годы его правления — от оставшейся незаконченной «Автобиографии», задача которой ограничивалась «контрпропагандой» и оправданием поведения бывшего триумвира перед современниками, до «Деяний божественного Августа» — документа, ориентированного на создание посмертной репутации и ставшего в действительности основой образа первого римского императора в последующей традиции.

К важному источнику по истории эпохи Августа и его биографии — «Римской истории» Диона Кассия — обратился Б. Манувальд¹⁰, с тем чтобы выяснить, на основе каких именно общих социально-политических и исторических взглядов греческий историк III века н.э. создавал образ принцепса, какой отпечаток на этот образ накладывало признание Дионом Кассием исторической необходимости монархии. Сходным образом поставлена проблема и в книге К. Кунтце «Об изображении императора Тиберия и его времени у Веллея Патеркула», где отношение римского историка — современника событий — к императору и его политике тесно увязывается с социально-политической принадлежностью и симпатиями Веллея Патеркула¹¹. Подобные примеры можно было бы значительно умножить, но и сказанного достаточно, чтобы осознать жизненность и неувыдаемую притягательность изучения даже самых хрестоматийных фрагментов традиции. Постоянное стремление к ее переосмыслению наблюдается и в лучших книгах биографического жанра, авторы которых стремятся преодолеть тенденциозность и односторонность традиционных образов своих героев. Не случайно в связи с этим часто фигурирует слово «репутация», в монографии М. Л. Кларка о Бруте оно использовано даже в названии¹².

Но дают ли возможность эти источниковедческие экскурсы серьезно изменить существующие оценки? Едва ли. Так, Э. Г. Хьюзар, сознательно предпринявшая попытку непредвзятого прочтения традиции в специальной главе своей биографии Марка Антония, пришла к неутешительному выводу: «Несмотря на самые критические суждения историков, Октавиан одержал победу в пропагандистской битве, ибо неясности в источниках делают создание полного и истинного портрета Антония все еще проблематичным»¹³. Иначе говоря, рассыпав кусочки мозаики,

составляющей традиционный образ (даже если мы прекрасно знаем, как и в чьих именно интересах он был искажен), собрать их заново в другом порядке достаточно убедительно и связно не удастся, и античная традиция остается непреодолимой даже в тех случаях, когда совершенно очевидна ее тенденциозность (например, Тацита и Светония, оставивших устрашающие портреты императоров династии Юлиев-Клавдиев).

Итак, оказывается, что одной из констант историко-биографического жанра является воспроизведение образа той или иной исторической личности, сложившегося в античной традиции, но с учетом достижений современной источниковедческой критики, обеспечивающей жизненность этого образа. В том, что это постоянство нельзя тем не менее абсолютизировать и отождествлять с простым повторением и пересказом традиции, убедиться нетрудно: достаточно перечитать, например, биографию Цезаря Плутарха или Светония. Разница между этими основополагающими элементами античной традиции и ее воспроизведением (во многом на базе этих авторов) у современных историков, например, С. Л. Утченко или Э. Брэдфорда, не оставляет сомнения в том, что изложение античной традиции обусловлено современностью не менее, чем любой другой тип исторического повествования. Таким образом, налицо своеобразный парадокс: в биографиях античная традиция постоянно самоповторяется, но при этом приспособляется к особенностям текущего времени.

В чем может быть смысл этого воспроизведения традиции? Очевидно, в том, что каждое новое поколение должно иметь своего Плутарха, своего Тацита, своего Светония точно так же, как своего Цезаря и Цицерона. И вот такая актуализация героев и авторов античности весьма удачно осуществляется в рамках историко-биографического жанра. В подтверждение этой мысли можно привести, к примеру, огромное количество пересказов Плутарховых жизнеописаний, издававшихся на протяжении столетий в разных странах и для разных слоев общества (для детей, для женщин и т.п.). И это вполне объяснимо. Античные источники как таковые (даже в переводах на новые языки) читает относительно узкий круг специалистов и любителей, тогда как основные элементы античной традиции давно вошли в плоть культуры значительно более широких слоев и как таковые должны усваиваться каждым новым поколением в подходящей форме. Этим, очевидно, объясняется и издание большого количества биографий, вроде бы совершенно похожих, и вполне определенный адресат этого жанра. Так, А. Кивни прямо адресует свою монографию о Сулле студентам и «широкому читателю», хотя и не

отказывается от надежды, что и специалисты смогут почерпнуть ряд новых деталей из жизнеописания этой важной фигуры последнего века Римской республики.

Этим же целям служит и общее изложение социально-политической истории в биографиях. Да, в этих сочинениях не создаются новые концепции, но именно в них (наряду с общими курсами) эти новые, современные теории становятся общим местом, доступным для понимания любого культурного читателя. При этом недостатки историко-биографического жанра с точки зрения передовых рубежей науки (традиционность и ограниченность) оборачиваются до известной степени достоинствами — наглядностью и обозримостью. Так, из необъятного и разнородного множества явлений и фактов истории Римской республики (или империи), разрабатываемых в современном антиковедении, автор биографии выбирает лишь те, что были так или иначе связаны с жизнью одного человека, и благодаря этому изложение становится более упорядоченным. Точно так же, если описание римской системы государственного управления (в том числе провинциального), правил и сроков замещения магистратур и т. д. усвоить сразу (а тем более запомнить!) не так просто, то вникнуть вплоть до тонкостей в механизм политической карьеры от квестуры до консулата с учетом всех интриг в сенате и манипуляций в народных собраниях по поводу управления той или иной провинцией или командования на той или иной войне, — все это почти без труда может, например, читатель книги Р. Сигера «Помпей. Политическая биография»¹⁴, хотя она и написана с абсолютным отсутствием занимательности, а некоторые страницы просто напоминают сухие перечисления имен и дат.

Таким образом, становится очевидной важная функция историко-биографического жанра — просветительская. Именно в его рамках происходит актуализация античной традиции в сочетании с пропагандой, распространением концепций современной историографии. И, очевидно, эта характеристика справедлива по отношению к довольно разным работам: от монографии А. Кивни о Сулле, базирующейся во многом на оригинальных скрупулезных изысканиях автора, до увесистого жизнеописания Марка Антония, написанного отставным адмиралом на добротнo-студенческом уровне.

Поскольку в центре любого биографического произведения всегда находится конкретный человек, неотъемлемым свойством жанра можно считать эмоционально-личностный контакт автора и героя (то, что почти не встречается в других типах историографии, но сближает научное и

художественное жизнеописание). И это контактное поле обладает определенной структурой, силовые линии которой обусловлены тем простым фактом, что любая биография государственного деятеля всегда сопряжена с проблемами суда истории, репутации, моральных и политических оценок и т. п. Поэтому кроме познавательной стороны в биографии всегда присутствует и оценочная. Так, уже не раз упомянутая монография А. Кивни о Сулле окрашена отчетливой авторской позицией. Он прямо говорит о своем стремлении разрушить миф о мрачном кровавом тиране. Для этого постоянно подчеркиваются привлекательные черты характера Суллы (порядочность, верность в дружбе, хорошее отношение к зависимым и подчиненным, умение завоевать симпатии многочисленных сторонников и прежде всего воинов), а также делаются попытки найти объяснения его деяниям, в том числе наиболее одиозным. Повествуя о событиях 88 года, когда впервые армия Суллы заняла Рим, автор подчеркивает легитимный характер действий Суллы-консула, принужденного происками противников, Мария и Сульпиция, к самозащите и тем самым защите государственного порядка. Лишь под давлением обстоятельств, почти случайно именно Сулла, а не кто-то другой, первым продемонстрировал новые политические возможности армии.

А. Кивни стремится объяснить наиболее благоприятным для своего героя образом и ужасную резню при взятии Афин в 86 году: снова подчеркивается вынужденный характер его поведения — в противном случае Сулла стал бы жертвой ярости собственного войска, донельзя измученного осадой города. Множество раз в истории полководцы вели себя именно так, а не иначе — так что Сулла поступал по законам своего (да и не только своего) времени и военной морали; и лишь взгляд историков на всю карьеру Суллы сквозь призму, искаженную проскрипциями, омрачившими последние годы его жизни, усматривает в обращении с афинянами какую-то особую кровожадность.

Характеризуя с разных сторон диктатуру Суллы, задачи и результаты его политики в социальной (отчасти и экономической), государственной и религиозно-культурной сферах, автор также высказывает исторические оценки, не лишённые морального акцента. Он признает, что проскрипции, в ходе которых были нарушены самые основополагающие законы человеческой порядочности, останутся несмываемым пятном на характере и карьере Суллы, достойных всяческого восхищения во многих других отношениях. Но и здесь он не удерживается от попыток оправдания: во-первых, Сулла проявил и терпимость, а во-вторых, особая его жестокость

вызывалась глубиной тех оскорблений и несправедливостей, которые ему нанесли римляне. Ключ к пониманию характера диктатора как человека не жестокого, но страстного А. Кивни находит в эпитафии, составленной самим Суллой: «Смысл ее тот, что никто не сделал больше добра друзьям и зла врагам, чем Сулла» (Плутарх. Сулла, XXXVIII).

Однако главным аргументом для положительной оценки этого политического деятеля историк считает его так называемый «отказ» от власти диктатора. А. Кивни считает, что никакой отставки Суллы и не было: как и диктаторы предшествующих веков, он был назначен для того, чтобы вывести государство из кризиса, и после того, как это было сделано в ходе его законодательных и прочих мероприятий, сложил полномочия — тем самым остался без изменений временный и экстраординарный характер этой древней магистратуры. Основным смыслом его реформ — стремление усилить сенат как коллективный орган власти в противовес власти единоличной, с тем чтобы достичь стабильности в Риме под управлением сильного сената, — также свидетельствует об отсутствии у Суллы стремления к тиранической власти (в отличие от его последователей, в особенности римских императоров). И то, что, стремясь спасти Республику, Сулла показал своим последователям, каким именно образом ее можно низвергнуть, не влияет на понимание его фигуры как последнего республиканца.

Итак, уже в этой биографии Суллы кроются, как представляется, две основные проблемы морально-исторического подхода: соотношение цели и средств и проблема стремления к единоличной власти и ее реализации с точки зрения ее полезности или пагубности. Именно в таком контексте создаются и биографии Помпея. Поскольку под влиянием его трагической гибели после поражения, нанесенного Цезарем в битве при Фарсале и знаменовавшего конец Республики, уже в античной традиции сложилось в целом сочувственное отношение к Помпею, авторам его современных жизнеописаний, как правило, не требуется излишний эмоциональный заряд, направленный на «оправдание» героя. «Республиканизм» Помпея стал вполне общим местом и не оспаривается, оценивается положительно. П. Гринхол, автор фундаментальной двухтомной биографии, дает в итоге следующую оценку: «Помпей не мог быть идеальным защитником идеальной республики, как предусматривал Цицерон, но если и необходим был защитник для той весьма несовершенной республики, в которой Цицерон жил, то для ее сохранения намного больше подходили амбиции Помпея, нежели Цезаря. Он хотел стать первым гражданином не меньше, чем Цезарь, но для этих двух людей первенство в государстве означало

разные вещи». [15](#) Конституционный характер притязаний Помпея, как правило, отождествляется с соблюдением моральных принципов. «Амбивалентную фигуру» видит в Помпее Р. Сигер: на протяжении всей своей жизни тот занимал в государстве положение исключительное, более необычное, чем Цезарь, отправлявший исполнение всех магистратур в установленное обычаем и правом время. Помпей же дважды справлял триумф; будучи всадником, вступил в сенат в качестве консула; получил высшее командование на Востоке, будучи частным лицом. И смерть его воспринималась либо как поражение претендента на единоличное господство в римском мире, либо как гибель за дело «свободы» и «авторитет сената», в зависимости от того, сравнивался ли он с Катонем Младшим или с Цезарем. Помпей не желал разрушения Республики. Цезарь же, хотел он того или нет, ее ниспровергнул. Но это не дает основания умалчивать об очевидных амбициях Помпея, о том, что его тщеславие, хитрость и лицемерие провоцировали внутри-и внешнеполитические кризисы, преодолевая которые он упрочивал свою власть и престиж.

Продолжают выходить в огромном множестве биографии Цезаря, в которых более или менее глубоко исследуются социальные основы его власти, но личность, в сущности, рассматривается традиционно с двух точек зрения — либо как гениального политика, создавшего в ответ на запросы эпохи новое, более совершенное и справедливое государственное устройство (концепция, восходящая к Моммзену и широко представленная по сей день; характерный пример — книга Л. Канали, [16](#) считающего Цезаря революционером в политике и культуре; по этому же пути идет и наш Робер Этьен), либо как тирана и узурпатора, удушившего римскую свободу. Так, Э. Брэдфорд [17](#) в монографии с характерным заголовком «Юлий Цезарь: Погоня за властью» не случайно подытоживает свою характеристику Цезаря словами Токвиля о Наполеоне: «Он был настолько велик, насколько может быть великим человек, лишенный морали».

Подобные отрицательные моральные оценки личности Цезаря могут вполне уживаться с признанием его заслуг в деле преобразования римской государственности в направлении, настоятельно диктуемом самим ходом истории, — к монархии. Именно в тот момент, когда единоличное правление становится реальностью, моральные и общеисторические оценки начинают расходиться, не совпадать. Причем нереализованное стремление к господству прощается куда легче, чем достигнутая высшая власть: борьба Антония с Октавианом после убийства Цезаря считается оправданной и закономерной, а победа Августа и установление принципата

вновь и вновь вызывают шквал морального осуждения. Так, в двух биографиях Марка Антония¹⁸ по-разному, но с одинаковым пониманием и сочувствием объясняются мотивы его вступления в борьбу за власть. И Э. Хьюзар, и Ф. Шаму подчеркивают неизбежность и прогрессивность замены традиционной аристократической республики монархией в условиях превращения Рима в средиземноморскую державу. Однако если первая усматривает импульсы политической деятельности и борьбы Антония в его принадлежности к определенной части римской аристократии, осознавшей веление времени (сходным образом трактует Марка Антония и М. А. Леви), то второй, будучи специалистом в области эллинистической культуры, подчеркивает восточные, греческие корни политики «последнего властителя Востока», а еще раньше — и Цезаря, опиравшихся на опыт эллинистических царей. Авторы жизнеописаний Антония, естественно, противопоставляют ему Октавиана Августа как беспринципного и холодного политика, разрушившего дело Антония — наследника Цезаря.

Впрочем, прохладное отношение к Августу в историографии не представляет собой ничего необычного. Как победитель в гражданской войне и создатель Империи он не вызывает симпатии (может быть, этим и объясняется отсутствие удачных биографических исследований о нем?). Личность Августа вызывает у современных историков настороженное отношение. В этом смысле примечательно название статьи «Искренность Августа». Ее автор, американский ученый М. Хаммонд¹⁹, считает вопрос о том, был ли Август искренним в своей политике «восстановления Республики», коренным для любого исследователя Ранней империи, так как именно личность принцепса определяла все аспекты его эпохи (политические, социальные, моральные, религиозные, литературные и художественные), и успех его политики в сочетании с расцветом культуры не мог быть результатом воплощения в жизнь лицемерной программы. Напротив, Р. Сайм предпочитает оставить разработку темы искренности Августа моралистам и казуистам, так как людей следует судить по их свершившимся деяниям, а не по вменяемым им намерениям²⁰.

В этих крайних точках зрения отражается объективная сложность, с которой сталкиваются все биографы Августа: его характер ускользает, растворяясь в политике, в «деяниях», в истории эпохи настолько, что либо вся эпоха предстает как эманация этой личности, либо последняя вовсе сливается с тканью исторических событий и явлений. «Политический гений Августа — явление почти устрашающее... В результате — ни одной крупной ошибки, ни одного промаха на всем протяжении политической

карьеру. Пример в истории, на наш взгляд, совершенно беспрецедентный! Зато носитель этих качеств вынужден был поплатиться утерей качеств чисто человеческих — политик в нем вытеснил, уничтожил человека; это был уже и не человек, но почти безукоризненный политический механизм, робот»²¹. Не случайно и книги о нем носят предельно объективированные, неличностные названия — «Август и его эпоха» и т. п.

Сумев подвести черту под эрой гражданских войн и установить новый политический режим «восстановленной республики» в форме очевидной для всех современников монархии, Август достиг абсолютно органичного существования в рамках своей власти, так как жил по «правилам игры», сочиненным им самим. Успех, отсутствие очевидного трагизма в судьбе и делают написание истинной биографии, с эмоционально-моральным зарядом, делом исключительно трудным. Это особенно очевидно в сравнении с жизнеописаниями его преемников, императоров династии Юлиев-Клавдиев: образы кровожадных, полубезумных тиранов, запечатленные Тацитом и Светонием, по-прежнему будоражат воображение наших современников, рождая все новые кинематографические и драматургические версии, питая историческую беллетристику. Занятым примером этого может служить роман отставного генерала, принца Левенштейнского Хуберта «Тиберий, республиканец на троне цезарей», написанный как бы от лица самого императора, втайне сочувствовавшего христианам²².

Однако создание научных исторических биографий сопряжено с рядом трудностей, среди которых тенденциозность античной традиции далеко не единственная и не главная. Так, если биографии политических деятелей периода Республики (от Суллы до Цезаря) — это определенный «фрагмент» социально-политической истории Римской державы в целом, и соотношение истории и биографии уместимо, то совместить жизнеописание Тиберия, Калигулы, Клавдия или Нерона и историю их царствования в широком смысле слова (включая все аспекты жизни необъятной Империи с ее провинциями) — дело исключительно трудное. Историки-небиографы успешно анализируют направленность политики того или иного принцепса, ее социальные корни, условия и результаты ее реализации в связи с общим развитием Римской державы, жизнью Италии и провинций, отдельных областей и городов в тот или иной период, но все это пока мало помогает постижению характера правителя, объяснению парадокса: неужели возможно процветание общества при столь отвратительной тирании?

Какое-то разрешение этого противоречия биографии и истории

обязательно содержится в жизнеописаниях императоров. Самым радикальным способом является практически полное отрицание правдивости традиции. Так, еще А. Вейгалл написал экстравагантную книгу о Нероне²³, где представил того как артистическую натуру, друга и покровителя обездоленных, оболганного впоследствии представителями римской аристократии Тацитом, Светонием, Лионом Кассием. Но подобные малоубедительные попытки остаются единичными, так как отрицание традиции делает невозможной научную биографию, разрушая ее единственную источниковую базу. И потому смерть Германика навсегда останется темным пятном в биографии Тиберия даже в книгах тех авторов, которые считают причастность императора к этому убийству (если вообще эта смерть была насильственной) абсолютно недоказанной, а устранение Германика — совершенно невыгодным с точки зрения императора, оставшегося теперь один на один против Агриппины и ее детей.

В этом примере проявляется общая закономерность: ни один факт, засвидетельствованный традицией (если он не противоречит полностью данным других источников), не может быть отброшен, но должен быть объяснен. И главной задачей современных биографов становится поиск внутреннего логического обоснования в череде злодеяний и безумств тиранов. Не случаен в этом контексте и медицинский аспект — современные исследователи часто задаются вопросом: а были ли их герои психически нормальны?

Ответ дается всегда положительный: несмотря на отягощенную наследственность, никто из Юлиев-Клавдиев безумным не был, и если кого и следует подвергать соответствующему обследованию, то не императоров, а общество, сознание которого нуждалось в образах подобных монстров.

Пожалуй, наиболее активными были попытки найти ключ к биографии Нерона — вплоть до того, что создано международное общество нероновских исследований. Это объясняется прежде всего хрестоматийной отрицательностью образа, сформировавшегося уже в античной и, что может быть еще более важно для современной европейской культуры, в христианской традиции: «Для любого традиционно настроенного историка и, я бы даже сказал, для любого более или менее образованного человека Нерон — полубезумный, кровожадный император, описанный Тацитом, Светонием, Дионом Кассием».²⁴ Усилия современных антиковедов направлены, конечно, не на «реабилитацию» (как свидетельствует специальная статья Ж. Ванкенне «Нужно ли реабилитировать императора Нерона?»),²⁵ но на поиск той нити, которая помогла бы найти логику в действиях императора и объяснить противоречия, с тем чтобы создать

более убедительный образ, согласующийся со всеми данными источников — и литературных, и археологических, и эпиграфических, и нумизматических.

Для этого предложены разные подходы. Ж. Шарль-Пикар,²⁶ сравнивая Августа и Нерона, подчеркивал революционность последнего, стремившегося заменить традиционную мораль эстетическим идеалом, превратить повседневную жизнь в вечный праздник. Э. Чизек²⁷ подчеркивал важность политической идеологии — стремления Нерона к реализации идеала теократической монархии эллинистического образца, время которой еще не наступило, что и обусловило его поражение и падение династии в целом. По мнению румынского историка, Нерон стремился изменить само мировоззрение римлян, освободить их ментальность от многочисленных табу их предков, ввести новый социокультурный код взамен отжившей свое и находившейся в кризисе системы ценностей, что требовало глубокой моральной и образовательной реформы, — все это в целом и называют иногда «неронизмом». Э. Чизек последовательно ищет объяснения злодеяний Нерона через параллельное исследование психологии героя и обусловившего ее исторического и культурного контекста. В результате ему действительно удается создать интересный, оригинальный портрет эпохи: режим Нерона не исчерпывается в книге своим политическим фасадом и охарактеризован как форма жизни, набор человеческих типов, духовная атмосфера, система жизненных и ценностных ориентаций²⁸. И вместе с тем нельзя не заметить, что использование арсенала современной культурологии и исторической психологии нарушает законы биографического жанра: несмотря на психологизм исследования, оно в большей степени объясняет специфику общества, нежели характер правителя и его судьбу.

Автор биографии Калигулы Р. Огэ вообще считает невозможным создание психологического портрета этого принцепса из-за крайней тенденциозности и недостаточности данных традиции: историку остается лишь объяснять поступки правителя психологией власти. Этому и посвящена аналитическая часть книги, где автор истолковывает все события царствования «монстра» Калигулы самой земной и неумолимой логикой — логикой борьбы за власть, и эту логику не смогли затемнить даже преднамеренно искаженные данные античной традиции, восходящей к врагам «несчастливого императора»²⁹.

И действительно, со времени Тацита и по сей день драматургия императорской власти является стержнем, скрепляющим более или менее прочно многие биографические исследования. В этом ряду особо следует

отметить книгу Л. Сторони Маццолани о Тиберии.³⁰ Автору удалось не просто объяснить те или иные деяния и преступления Тиберия, но создать при этом психологически убедительное, цельное биографическое повествование о благородном римляnine из славнейшего древнего рода Клавдиев, преданном идеалам Республики, но волею судьбы ставшем ее могильщиком, принцепсом-тираном. С большой силой показано, как императорская власть, к которой Тиберий не стремился и, в сущности, был ее противником, подчинила себе весь ход его жизни, исковеркав ее, и в конце концов привела к полной деградации этой незаурядной личности. На каждом жизненном повороте его традиционные республиканские идеалы и намерения парадоксально и трагически оборачивались укреплением режима единоличной диктатуры; его военные и дипломатические победы в молодые годы служили усилению Августа, хотя между обоими никогда не было личной симпатии и взаимопонимания. Искренним было и желание Тиберия, ставшего принцепсом в возрасте 56 лет, вернуться к республиканским порядкам, но все его действия приводили к обратному, так что объективно именно его правление знаменует собой оформление императорского режима как системы наследственной власти.

Столкновение личности правителя с необратимыми силами судьбы (то есть единоличной власти, ставшей исторически необходимой и неизбежной, но осуждаемой общественной моралью) и образует трагический фон всей биографии Тиберия. Личностно окрашенный пафос книги итальянского историка-демократа, направленный против любой тирании и диктатуры, но не лишенный сочувствия и к правителю как жертве собственной власти, оказывается залогом удачи: написанная Л. Сторони Маццолани биография — это не только научное и художественное освоение исторической действительности. Этот пример наглядно иллюстрирует важнейший закон историко-библиографического жанра: именно ясно выраженная моральная позиция автора позволяет «оживить» того или иного политического деятеля, создать контакт между ним и современным читателем.

Применительно к политическим деятелям переломной эпохи римской истории основной моральной проблемой была и остается проблема власти. И если для политиков республиканского периода исторические, моральные оценки даются в зависимости от того, насколько они стремились к единоличной власти, то для Цезаря и его преемников угол зрения несколько меняется: в это время режим личной власти становится реальностью, сами судьбы правителей превращаются как бы в игрушку в руках неведомой прежним поколениям римлян силы — деспотизма, порабащивающего и своих

создателей, и носителей, и все общество. В результате меняется и весь исторический — культурный и политический — климат эпохи. При этом если выбор авторской позиции историка диктуется современными его пристрастиями (и в этом отношении очевидны различия между биографиями одних и тех же римских политиков, вышедшими из-под пера разных исследователей из разных стран), то сама постановка проблемы власти и отношения к ней довольно жестко задана традицией. Это часто проявляется и в устоявшихся эпитетах, даваемых тем или иным государственным деятелям Рима, о чем свидетельствуют даже названия их биографий: Сулла — последний республиканец, Помпей — римский Александр и республиканский принцепс, Антоний — властелин Востока, Тиберий — республиканец на троне и т. п.

В этом отношении герои римской истории I века до н.э. — I века н.э. могут рассматриваться как традиционные образы: «...при всей изменчивости и склонности к мутациям под влиянием смены социально-политических, мировоззренческих и личных писательских установок традиционный образ неизменно в каждую новую эпоху сохраняет константу, собственно и являющуюся традиционной»³¹, в основе которой заложен прасюжет. Основное содержание традиционного образа римских политиков составляет проблема власти. Е. Н. Корнилова, рассматривая образ Цезаря в литературе Западной Европы и США, отмечает как важную его черту амбивалентность — одно из важных качеств для образа традиционного, позволяющего всякий раз увидеть героя сверхтипической ситуации не исторически, но современно, как олицетворение тех или иных политических сил текущего момента. Это же в определенной мере можно отнести и к другим политическим деятелям Рима на рубеже эпох Республики и Империи.

В целом, совершенно очевидны две основные функции историко-биографического жанра в современном антиковедении — образовательно-просветительская и воспитательная. В рамках исторических биографий наиболее естественным образом происходят актуализация и усвоение античной традиции и общепринятых в современной историографии концепций, и при этом благодаря отчетливости морально-исторических позиций авторов жизнеописаний решаются задачи истории как «наставницы жизни», воспитательницы граждан. Представляется, что именно выполнение этих взаимосвязанных функций обеспечивает исторической биографии свое, и далеко не последнее, место в системе современной исторической науки и литературы.

В своей биографии Цезаря Робер Этьен демонстрирует мастерское владение всеми приемами только что описанного жанра. В его книге читатель найдет и сводку основных данных античной традиции, дополненную соображениями современного историка о том, каким видели Цезаря Николай Дамасский, Светоний, Аппиан, Плутарх, Дион Кассий. Жизнеописание Цезаря разворачивается на широком детально прописанном историческом фоне, что позволяет по достоинству оценить всю глубину профессиональной эрудиции французского антиковеда. Наконец, в полном соответствии с законами жанра, автор складывает последовательно описываемые им события жизни великого римлянина в сюжет, наделенный вполне определенным смыслом: Цезарь был именно гением власти, который сумел подчинить себе Римское государство, одержать верх над римлянами и варварами, покорял женщин и побеждал мужчин, небо и землю и, главное, отстоял себя самого и переделал мир под себя. И даже трагическая смерть его смотрится как логическое и прекрасное завершение этого величественного сюжета.

Е. В. Ляпустина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не слишком ли самонадеянно со стороны историка отважиться на то, чтобы приблизиться к Цезарю и попытаться дать оценку этому человеку, который не поддается обычным меркам? Разумеется, речь идет не о том, чтобы осуждать или оправдывать личность, вызывавшую столько противоречивых толков при жизни да и теперь неизменно порождающую споры среди ученых. Следует по меньшей мере попытаться понять то главное, что определяло его как человека, не поддаваясь влиянию тенденциозных рассказов и слухов, а также восстановить, насколько возможно, его истинный облик. Он ведь и сам весьма искусно умел скрывать его под разными личинами, ибо одним из первых понял, сколь мощно воздействует на подверженное колебаниям общественное мнение целенаправленная политическая или религиозная пропаганда. Одним из первых он сумел вылепить свой собственный образ так, чтобы тот помогал в достижении амбициозных целей.

Амбиции одинокого человека, опасно одинокого, если он не будет все время начеку... Хотя ему и удалось позаимствовать из арсенала гибнущей Республики то оружие, которое помогло установить его собственное единовластие, он никогда не отдавался на волю случая и не ставил свою судьбу на карту. Разумеется, мы знаем много исторических анекдотов, которые подчеркивают роль его Фортуны-судьбы и дарованных ему небом благоприятных обстоятельств, однако ни Марс, ни Венера прямо не способствовали его возвышению и не благословляли его господства. Он, и только он, Юлий Цезарь, принимал решения и подготавливал свое будущее, ничего не оставляя на волю случая и не пренебрегая также любовью, которая вплеталась в игру его разнообразных стремлений. Он сам играл все партии в том оркестре, в котором был одновременно и исполнителем, и дирижером.

В книге нам хотелось бы представить этого гения на заре его деятельности, проследить этапы карьеры, созданной его политическим и военным талантом, и отметить те божественные проблески, которые поставили его выше обычных людей. Постигая себя, Цезарь освободился от всех табу, от многочисленных традиций, унаследованных им от семьи, и от покровительства богов. Завоеывая других, он отвоевал себя самого. Ниспровергая в одиночку устои, он собственно и был Цезарем — никому не приходился сыном, покуда благодаря обожествлению не превратился для

всех в отца.

КНИГА ПЕРВАЯ

СЫН ВЕНЕРЫ?

Глава I

ДВОЙНОЕ НАСЛЕДИЕ РОЖДЕННОГО ИМЕНИТЫМ

Появившийся на свет 13 июля 101 года³² без всякого кесарева сечения³³ ^[1] Юлий Цезарь родился в патрицианской семье, и это открывало перед ним широкие перспективы для восхождения к власти, а также не исключало получения любых жреческих должностей. Еще лежа в колыбели, он обладал двойным наследием, политическим и религиозным, ибо его земная семья возводила свой род к олимпийским богам. Наш будущий герой сумел воспользоваться и тем и другим, чтобы проложить себе дорогу среди первых лиц Республики.

Наследие политическое

Взглянув на генеалогическое древо рода Юлиев, мы увидим, что Г. Юлий Цезарь^[2] был сыном Г. Юлия Цезаря, сестра которого Юлия вышла замуж за Мария, шесть раз становившегося консулом, а брат, сын Гая и внук Луция, стал консулом в 91 году³⁴. Его двоюродный дед Л. Юлий, сын Луция и внук Секста, занимал должность консула в 90 году³⁵. Нет никаких сомнений в том, что отец Цезаря, ставший претором в 92 году³⁶, тоже достиг бы этой высшей магистратуры,^[3] если бы не скончался скоропостижно в 85 году.

Политическая позиция отца вполне ясна: он поддерживал Мария.

Будучи членом коллегии десяти по предоставлению и распределению земли и судебным разбирательствам среди поселенцев (*decemvir agris dandis attribuendis iudicandis*), он во исполнение законов, предложенных Сатурнином, в 100 году поселил ветеранов Мария на Керкине,³⁷ в Африке.³⁸ В тревожные годы ожесточенной борьбы между приверженцами Суллы и Мария наследие отца оказалось весьма двусмысленным. Цезарь не мог хранить верность лишь партии популяров: это поставило бы под угрозу саму его жизнь, потому что ненависть к нему Суллы была велика. На помощь пришла семья его матери — Аврелии Котты.

Двусмысленность ситуации, хотя бы в социальном плане, выдает уже то, что его отец-патриций женился на девушке из плебейского рода — Аврелии, дочери Аврелия Котты, который, несомненно, был близок сулланской верхушке. Придя к Сулле в сопровождении весталок⁴ и Мамерка Эмилия,³⁹ дед по линии матери вступился за Цезаря и спас ему жизнь. Еще раньше некоторые из оптиматов ополчились против преданных Марию плебейских трибунов Сатурнина и Главции,⁵ и юному Цезарю, несмотря на восхищение перед дядей Марием, наверняка приходилось задавать себе вопрос: а не следует ли найти некий средний путь, каким-нибудь оригинальным способом создать свою собственную программу действий, чтобы освободиться от столь сомнительного политического наследия?

Пока же он учился, находясь в доме своей матери, которая проявила характер под стать матери Гракхов⁴⁰ ⁶. Под руководством грамматика и риторика он в совершенстве усвоил основы греческой и латинской культуры. Неотъемлемой частью его воспитания были и физические упражнения: плавание, верховая езда. Он закалял как тело, так и характер, в котором сыновняя преданность сочеталась с суровой решительностью: этот «мальчишка с тонкой талией» верил в свою судьбу. По линии деда Г. Юлия Цезаря, сына Луция и внука Секста, женатого на Марции Рекс, он происходил от римских царей, сакральный характер которых давал им власть над людьми⁴¹. Оставшись без отца в 85 году, юный Цезарь понял, что отныне он сам хозяин своей судьбы. Он уже показал свою независимость, обручившись с Коссудией, девушкой из всаднической семьи. Конечно, его будущей политической карьере могло помочь то, что она была очень богата. А ее плебейское происхождение предоставляло ему еще одно преимущество: невозможность исполнять предназначенную ему должность фламина Юпитера, которая налагала разнообразные запреты, несовместимые с политическими амбициями.⁷ Эту помолвку он расторг и,

как бы бросая вызов, женился на Корнелии, дочери Л. Корнелия Цинны, сына Луция и внука Луция, преданного сторонника Мария и четырежды консула (с 87 по 84 г.)⁴², и не подчинился приказу Суллы развестись с нею. Пытаясь избежать смерти от руки сулланских наемников, он жил, скрываясь, вплоть до того дня, когда был помилован Суллой. Тот, каким-то прозрением угадав его политический замысел уничтожить партию оптиматов, сказал просившим за него: «В одном Цезаре таится множество Мариев»⁴³.

После этого Цезарь счел за благо покинуть Рим и начал пожинать лавры в Азии, проходя военную службу в свите М. Минуция Терма, пропретора 80 года⁴⁴. Он привел флот из Вифинии, добыл себе воинский венок при взятии Митилена^[8] и, заплатив выкуп в 50 серебряных талантов пиратам, захватившим его в плен неподалеку от острова Фармакуссы, без колебаний сразу же вооружил флотилию и, погнавшись за своими похитителями, в свою очередь пленил их и велел распять. Этот этап военной карьеры завершился тем, что он выгнал из провинции военачальника царя Митридата и удержал в повиновении Риму колеблющиеся города. Итак, Цезарь успел проявить силу своего характера: умение никому не уступать права руководить его жизнью, неумолимость по отношению к бунтовщикам и стремление защищать от любых противников возвышенное представление о государстве. Отныне Рим не мог не считаться с ним.

Наследие религиозное

Если политическое наследие было подвержено влиянию противоречивых, а иногда противоборствующих сил, то наследие религиозное имело под собой твердую почву. Оно основывалось на семейной традиции. Дело в том, что в Риме каждый род (gens) имел свои предания и священнодействия, совершавшиеся возле частных святилищ или в общегосударственных храмах, построенных кем-то из членов семьи. Воспоминания о таких культах дошли до нас благодаря историкам и антикварам, однако о первых годах жизни Цезаря мы осведомлены гораздо меньше, по сравнению с Августом. Ведь начало «Жизнеописания Божественного Юлия» Светония⁴⁵ и «Жизнеописания Цезаря» Плутарха утрачены. Тем не менее кое-что можно установить с достаточной степенью

достоверности.

Прежде всего это относится к приверженности рода Юлиев традиционным родовым культам. Они принадлежали к троянским родам Рима, то есть к тем, кто возводил свою родословную к сыну Энея Асканию, именовавшемуся также Юлом. Они жили в Альбе Лонге, где царствовал Асканий. Когда Тулл Гостилий захватил этот город,^[9] альбанские семейства, в том числе Юлии, переселились в Рим, где стали патрициями.⁴⁶ Они были приписаны к Фабиевой трибе^[10] и в V и IV веках занимали высшие должности, а позже ушли в тень. Однако ко времени рождения Цезаря они уже вернули себе былой блеск. Родовые культы Альбы Лонги сохранились в Бовиллах, колонии Альбы, никогда не порывавшей связи с ней. Ее жители во времена Империи называли себя *Albani Longani Bovillenses*, и с Бовиллами Цезаря связывали узы более прочные, чем с Альбой Лонгой, тем более что, по преданию, Бовиллы были основаны Юлием Асканием, пожизненно ставшим в них жрецом. Городскими культами в Бовиллах всегда ведал один из Юлиев. Там в родовом святилище 44 года была установлена статуя Цезаря. В 14 году н.э. тело Августа сначала доставили из Нолы в Бовиллы, а оттуда в Рим⁴⁷.

В Бовиллах найден алтарь, который был установлен там в конце II века: род Юлиев (*gens Iulia*) посвятил его Отцу Вейовису (*Vediovis pater*) в соответствии с законами Альбы⁴⁸, что подтверждает традиционную связь рода Юлиев с Бовиллами и Альбой Лонгой. Какова же связь между этим «юным Юпитером» и Юлом? Она не очевидна, однако семейная традиция создала этимологическое объяснение, подтверждающее божественное происхождение рода. Дело в том, что после смерти Эней стал Юпитером Индигетом (*Iuppiter Indiges*), то есть Юпитером-предком. Асканий учредил его культ и построил храм⁴⁹. Сам он стал таким образом сыном Юпитера под именем Вейовиса, божественного прародителя Юлиев. Ему и поклонялись в Бовиллах.

Эту сторону семейных преданий Юлиев можно считать достаточно удивительной, ибо, как мы еще увидим, Цезарь предпочитал подчеркивать свое родство с Венерой. Тем не менее он все же вдохнул в этот завещанный предками культ новые силы, ведь Юпитер обеспечивал ему власть над миром. И разве не именовали Цезаря в последние месяцы его жизни Юпитером Юлием?

Другим богом предков был Аполлон. Правда, это получилось почти случайно. Посвящение ему первого храма в Риме совершил в 431 году консул Гней Юлий. Кроме того, Вейовис отождествлялся с Аполлоном, что

также укрепило связь последнего с Юлиями. Почитание Аполлона усилилось при Сулле, о чем свидетельствует тот факт, что статуя этого бога сопровождала его в сражении у Коллинских ворот,^[11] принесшем ему победу. Да и не является ли само имя Суллы сокращением от имени Сивилла?^[12] И даже если культ Аполлона был оттеснен почитанием Венеры, не следует забывать, что в 45 году Цезарь на собственные средства устроил игры в честь Аполлона (*Ludi Apollinares*) с тем, чтобы узаконить в качестве своего преемника Октавия, которого он усыновил на том основании, что его мать Атия, племянница диктатора, якобы родила ребенка от змея-Аполлона. Культ Аполлона начал распространяться в особенности после Мартовских ид, и то привилегированное положение, которое он занял при Октавиане Августе, нельзя объяснить иначе как изначальной инициативой Цезаря.

Однако, бесспорно, основное значение имело поклонение Венере, и этот культ Венеры Энеадов (потомков Энея) зародился на побережье Лация уже в VI веке, тогда как в Риме наиболее ранние свидетельства о нем восходят только к III веку. Город Сегеста близ горы Эрик перешел на сторону римлян^[13] на основании общего происхождения от Энея, первый храм был построен во времена Второй Пунической войны, а второй — в 181 году. К этому времени идея происхождения римлян от троянцев окончательно укоренилась: Венера и Эней занимают большое место в поэзии Невия и Энния.^[14] В I веке эта идея поддерживалась в целях политической пропаганды как Суллой, так и Помпеем, хотя их семейства и не могли похвастаться троянским происхождением. Напротив, у Юлиев связь с Венерой была частью давней семейной традиции. Изображение богини фигурирует на монетах Секста Юлия Цезаря, отчеканенных около 125-120 годов,⁵⁰ и Л. Юлия Цезаря в 105 году. Другие члены семейства были покровителями Илиона, а какой-то Л. Юлий Цезарь написал сочинения «О происхождении Рима» и «О потомках Энея». От Венеры вела свое происхождение и семья Мария. Плутарх пишет, что Марий Младший^[15] был потомком Марса и Венеры.⁵¹ По линии матери Цезарь происходил от Венеры, а также — по линии одной из бабушек — от Марциев рексов (Марциев царей), этимология которых восходит к Марсу. В речи, произнесенной на похоронах его тетки Юлии, вдовы Мария, он заявил, что «род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья, происходит от Венеры. Вот почему наш род облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех людей, и благоговением, как боги, которым подвластны и самые цари».⁵² С этой божественной

родословной перекликается и утверждение, будто он от самой Венеры получил цвет юности.⁵³ О рождении Цезаря рассказывали много сверхъестественного, и источником этих легенд, несомненно, был он сам. Он делал все, чтобы прослыть любимцем богини, которая должна была подарить ему власть над миром, ибо изначально наделила божественным лицом и телом⁵⁴.

Оказывало ли на Цезаря давление это двойное наследие, сопровождавшее его с колыбели? Подталкивало ли оно его в сторону узкого конформизма, к стремлению увековечить идеал патриция-аристократа?⁵⁵ Или, напротив, Цезарь попробовал стать независимым и от людей, и от богов, несмотря на то, что оба эти наследства, от которых он должен был избавиться, дали ему в руки мощные рычаги, с помощью которых можно было перевернуть мир? И не старался ли Цезарь, проявляя упорство и хитроумие, оставаться самим собой, просто Цезарем, а не чьим-то сыном?

Глава II В ПОГОНЕ ЗА ПОЧЕСТЯМИ

С 78 по 59 год, то есть за 20 лет, Цезарь прошел «путь почестей», которых мог законным образом добиться патриций, человек, принадлежавший к сенаторскому сословию. Узнав об отречении Суллы, он покинул Восток, где с 80 года пожинал лавры, воюя против пиратов и приспешников Митридата. Ему было тем более легко снискать популярность и получить голоса избирателей, что олигархия оказалась неспособна распорядиться наследием диктатора и одерживала лишь пирровы победы над своими традиционными противниками. Пробивая бреши в сложившейся конституционной практике, то есть в тех «устах предков» (*mos maiorum*), которые ей надлежало воплощать и защищать, она открывала путь к власти императорам-военачальникам.^[16] В один прекрасный день по этому пути крадучись пойдет и наш герой, находящийся пока что в самом расцвете дерзкой молодости: ему всего 23 года. Итак, Цезарь настороженно следил за всеми просчетами сената и сумел добиться общественного и политического консенсуса, избежав такого положения, при котором раздираемое противоречиями общество подверглось бы непоправимому разрушению.

Закат олигархии

Позаимствовав это заглавие у Ж. Каркопино, мы не станем терять из виду самого Цезаря — нам предстоит определить его место по отношению к разнообразным кризисам, потрясавшим Римское государство.

Первая пиррова победа: победа над Лепидом

Конфликт консулов 78 года

В 78 году консулами стали Кв. Лутаций Катул и М. Эмилий Лепид. Трудно было представить себе двух более разных людей. Источники⁵⁶ сообщают, что Катул был неподкупным и уравновешенным человеком, способным пожертвовать своим спокойствием ради защиты интересов той социальной группы, к которой он принадлежал, — нобилитета. Протестовавшие против сулланских проскрипций нобили признали в нем своего и избрали его консулом как человека, способного добиться уважения к законной власти сената. Напротив, буйный и беспокойный Лепид за время смут, которые потрясли Республику, создал себе скандальную славу, перебежав от сенатской партии к демагогам-экстремистам, женившись на Аппулее — дочери их вождя Аппулея Сатурнина, а затем вместе с Марием выступив против своего тестя. После этого он покинул и ряды сторонников Мария, стараясь извлечь выгоду из сулланских проскрипций, и в конце концов, чтобы больше не опасаться появления нового единоличного правителя, предложил свои услуги нобилиям. Он надеялся оттеснить своего коллегу Катула и прибрать Республику к рукам. Первого января 78 года он единолично принял решение о том, кто будет председательствовать на латинских празднествах⁵⁷. В контексте коллегиальной системы управления это было началом, не предвещавшим ничего хорошего.

Когда к Лепиду явились плебейские трибуны с тем, чтобы потребовать возвращения отмененных Суллой полномочий (права вето и законодательной инициативы), он созвал народное собрание (contio), где отверг их политические требования, но объявил, что намерен провести хлебный закон, и, к восторгу толпы, был действительно принят Эмилиев закон (lex Aemilia), который предусматривал выдачу всем, кто этого потребует, 5 модиев зерна (43,75 л) в месяц. В этом Лепид даже превзошел своих предшественников Гая Гракха и Сатурнина, в свое время доставивших нобилиям столько беспокойства. Речь шла уже не о снижении цен на зерно⁵⁸, а о бесплатной его раздаче. Более того, этим могли пользоваться все граждане. Таким образом, Лепид привлек на свою сторону массы, избавился от условной политической ширмы в лице трибунов и щедро тратил деньги на рекламировавших его агентов, которых набирал в основном из низов.

Катул и нобилитет воспользовались смертью Суллы в марте 78 года и, устроив ему похороны с государственным размахом, решили дать отпор любым проискам демагогической тирании. Мертвый Сулла превратился в их союзника в борьбе против нового возмутителя спокойствия. Ветераны Суллы, стоя рядом с солдатами Помпея, казались оплотом олигархии.

Понятно, почему после церемонии консулы разошлись в разные стороны, оскорбляя друг друга⁵⁹.

Мятеж Лепида

Лепид никак не мог угомониться. Он снова и снова нападал на сенат, выступая с речами на форуме, обещал на этот раз трибунам, что восстановит их полномочия, вернет в Рим подвергшихся проскрипциям граждан и возвратит им конфискованное и проданное с торгов имущество. Его речи возымели действие по крайней мере на жителей Фезулы (Faesula, ныне Фьезоле), которые перебили новых землевладельцев, ветеранов Суллы, и вернули себе свои земли. Сенат не мог оставить это преступление безнаказанным и решил поручить консулам подавить смуту, однако доверить армию одному Лепиду, охотно предложившему свои услуги, должно быть, показалось слишком опасным. Сенат послал вместе с ним Катула и заставил консулов поклясться, что во время военных действий они не будут ничего предпринимать друг против друга. Однако как только порядок был восстановлен, Лепид не стал слушать приказов сената, требовавшего, чтобы он вернулся в Рим и руководил выборами. Он надеялся по крайней мере сохранить за собой армию и увеличить ее после того, как станет проконсулом Цизальпинской Галлии, — этот пост выпал ему в результате жеребьевки по разделу провинций (sortitio provinciarum) в качестве должности, которую ему предстояло занять по окончании консульства. В конце 78 года пришлось назначить интеррекса.^[17] Лепид скатился к открытому мятежу, собрав вокруг себя тех, с кем ему было поручено воевать: этрусков, всякого рода изгнанников и таких сторонников Мария, как Перпенна и М. Юний Брут. Сенату Лепид направил ультиматум, в котором требовал права гражданства для жителей Цизальпинской Галлии,^[18] восстановления власти трибунов, восстановления в правах всех лиц, подвергшихся проскрипциям, и немедленного избрания его самого консулом на второй срок.

Поражение Лепида

После недолгого лавирования, получив тревожные известия из Испании и Малой Азии, сенат стал действовать решительно. По требованию Л. Марция Филиппа, который в свое время подавил мятеж Ливия Друза, сенат проголосовал за *senatus consultum ultimum*^[19] (приостановив действие законов мирного времени) и вручил всю полноту власти интеррексу Аппию Клавдию, проконсулу Катулу и тем, кто обладал империем (*imperium*)⁶⁰. Лепид был объявлен врагом народа. Молодой Помпей повел в Цизальпинскую Галлию своих ветеранов из Пицена,^[20] сулланские колонии дали Катулу еще одну армию для прикрытия Рима. Легионы должны были покончить с Лепидом. Помпей осадил Мутину (Модену), и она сдалась, просопротивлявшись всего несколько дней⁶¹. После этого Помпей двинулся дальше по Эмилиевой дороге, захватил Регий (*Rhegium Lepidum*, ныне Реджо-Эмилия) и преследовал пытавшихся спастись бегством в Лигурии вплоть до Альбы Помпеи (*Alba Pompeia*). Таким образом угроза, нависшая над Цизальпинской Галлией, была устранена, и опасности, которая могла бы угрожать Риму, был легко поставлен заслон. Лепид не смог ничего предпринять против передовых отрядов войска Катула на Марсовом поле и, оказавшись зажатым в тиски (Помпей надвигался из Цизальпинской Галлии, и Катул двинулся на север), он потерпел два поражения подряд у Козы и отплыл в Сардинию, где не смог привлечь на свою сторону ни одного города.

Утратив надежду, пораженный известиями, из которых он однозначно понял, что неудачи преследуют его также и в браке⁶², он слег в постель и умер, в то время как последние его соратники под командованием Перпенны бежали в Испанию.

Пиррова победа

Так летом 77 года победой отцов-сенаторов завершилась безумная авантюра Лепида, в которой Цезарь оказался никоим образом не замешан несмотря на посулы мятежного консула. Отметим это осмотрительное благоразумие Цезаря⁶³. Впрочем, после победы сената он счел возможным заявить о своей оппозиционности в рамках закона, выдвинув обвинение в вымогательствах против Корнелия Долабеллы,⁶⁴ принадлежавшего к

консервативному большинству. Затея не удалась, и Цезарь отправился на Восток, на Родос, где собирался совершенствовать свое образование у самого известного в то время учителя красноречия Аполлония Милона.⁶⁵

Цезарь предоставил сенату возможность наслаждаться своей пирровой победой — пирровой потому, что, вопреки обычаям, в Италии была установлена военная власть (*imperiū*) консулов и, более того, сенат предоставил чрезвычайные полномочия Помпею.

Вторая пиррова победа: победа над Серторием

Сенат обладал недостаточными средствами для борьбы с Лепидом, потому что на Иберийском полуострове в это время набирало силу движение, куда более опасное для его владычества.

Серторий до 79 года

Серторий был достойным преемником Марка⁶⁶, от которого, видимо, унаследовал такие качества военачальника, как смелость, доблесть и умение вести разведку. Эти качества позволили ему в 98 году спасти от нападения кельтиберов гарнизон города Кастуллона. Во время Союзнической войны^[21] он набирал цизальпинские когорты и, благодаря суровой дисциплине, уберег Рим от разграбления в 87, 86 и 85 годах. Тем не менее в 84 году его не допустили к консулату по причине недостаточно высокого происхождения — он был всего лишь всадником из Нурсии, — а также из-за неустойчивости его политических взглядов и грубости характера. Марианцы удалили его из Италии, направив в 83 году в Ближнюю Испанию.^[22] Поскольку Сулла в это же самое время назначил другого наместника той же провинции, Серторий преградил сопернику дорогу, которую выкупил у племени церретанов (*Serretani*, ср. соврем. Серданья), и удерживал перевал Пертюс благодаря своему командиру Л. Ливию Салинатору. Серторий обосновался в долине Эбро, где, благодаря разумному и доброжелательному правлению, смог набрать в свое войско

девять тысяч человек. Этого все же оказалось недостаточно для того, чтобы весной 81 года оказать сопротивление двум легионам под командованием Г. Анния Луска, который рассеял отряды Л. Ливия Салинатора и вынудил Сертория и три тысячи его солдат сесть на корабли подле Картахены и отплыть в поисках надежного места. Тут началась удивительная одиссея: Тингитанская Мавритания,^[23] берега Испании, Эбуз^[24] (ныне Ивиса), Валенсийский залив, остров Планерия (Плана) между мысом Нао^[25] и мысом Палос,^[26] устье Гвадалквивира, где услышанные от матросов рассказы пробудили в нем мечту об «островах Блаженных» (Мадейра?). Он снова отправился в Тингитанскую Мавританию, взял город Тинге (ныне Танжер) и некоторое время правил там, пока весной 80 года не откликнулся на призыв жителей лузитанов и не высадился со своими двумя тысячами шестьюстами римлянами и семьями маврами в Белоне (Baelo), чтобы соединиться с четырьмя тысячами пехотинцев и семьями конниками, высланными ему навстречу из Лузитании. Так он стал вождем восставших против Рима варваров и тем самым окончательно порвал с отечеством. Пропретор Дальней Испании Фуфидий не смог остановить его продвижение. Серторий набирал войска, обучал их и подчинял себе, внушая доверчивым жителям Лузитании веру в то, что он якобы получает советы и предсказания от белой лани, считавшейся у них воплощением великой богини-охотницы. Это удалось ему до такой степени, что новый пропретор Испании Метелл Пий⁶⁷ в 79 году оказался лицом к лицу с воинственно настроенной армией, воодушевленной непоколебимой верой.

Успехи Сертория

Метелл Пий прошел от Бетиса (р. Гвадалквивир) в бассейн р. Аны (Гуадианы) и направился к горам Гуадаррамы (Carpetania iuga). Там он поставил лагерь: Metellinum (ныне Медельин), Castra Caecilia (ныне Старый Касерес) в двух с половиной километрах от Касереса, Vicus Caecilianus (ныне Баньос). Севернее он захватил Олисипон (Olisipo, ныне Лиссабон) и осадил Лакобригу (Lacobriga, ныне Лагос)⁶⁸. Эти первые успехи увлекли Метелла далеко от опорных пунктов и не давали возможности координировать действия с действиями пропретора Ближней Испании М. Домиция Кальвина⁶⁹. Последний в 78 году, спускаясь вниз по

р. Тахо, подвергся нападению Гиртулея, командовавшего одним из отрядов Сертория, и погиб неподалеку от Консабуры (ныне Консуэгра). Гиртулей дошел до Илерды и отбросил назад в Аквитанию военные отряды, приведенные пропретором Нарбонской Галлии Л. Манлием⁷⁰. Тогда Серторию удалось снять осаду Лакобриги и перебить шесть тысяч солдат Метелла; осаждавшие город войска отступили к Бетису⁷¹. В 77 году Гиртулей выступил в Лузитанию, а Серторий вернулся в район Эбро. Там он соединился с подкреплениями, которые привел ему из Сардинии Перпенна. В этом году Серторий располагал уже войском в семьдесят тысяч человек. Помимо Лузитании, он подчинил себе нагорья Кастилии и Арагона и всю береговую линию к северу от Картахены за исключением Лаврона (ныне Лаури) и Сагунта. Серторий управлял настоящим государством, которое он устроил парадоксальным образом по римскому образцу.⁷² Он окружил себя сенатом,⁷³ составленным из беглых римлян. Местными войсками командовали римляне, которые тренировали их по всем правилам тактики и дисциплины, принятым в римских легионах. Серторий пообещал местным жителям, что, пройдя выучку, они тоже в свою очередь смогут командовать. Подобная перспектива не могла не возбудить дух соревнования, а в Оске (ныне Уэска) Серторий открыл школу для сыновей вождей «главной палатки», где их стали обучать греческой и римской грамоте. Подобного рода заложники служили гарантией непоколебимой верности испанцев Серторию, подкрепляемой преданностью его непосредственного окружения.

Реакция Рима

Помпей — командующий. Подобного рода диссидентство не могло не беспокоить и не испугать римский сенат. В Диании (Dianium, Hermeroscoreion, ныне Дения) у Сертория нашли прибежище пираты, и отцы-сенаторы вполне могли опасаться высадки в Италии и восстания сторонников Мария. Чтобы избежать такой опасности, они в 77 году⁷⁴ наделили бывшего до того просто частным лицом Помпея неограниченным проконсульским империем, перед которым померкла власть обоих консулов. За сорок дней Помпей набрал необходимое число солдат и в конце лета этого года перешел через Альпы (скорее всего через перевал Малый Сенбернар) и вышел в Нарбонскую Галлию, которую следовало

усмирить прежде, чем отправляться отвоевывать Ближнюю Испанию, ибо заботам Помпея были вверены обе провинции. Весной следующего года он препоручил Нарбонскую Галлию Фонтею и через перевал Пертюс вступил в Ближнюю Испанию. Он занял Эмпории (ныне Ампуриас), подчинил себе яцетанов и илергетов, однако потерпел неудачу у Лаврона. Тогда он отступил к Пиренеям, туда, где позже возник город Помпелон (ныне Памплона). Метеллу лишь на время удалось вернуться на прежние позиции на Бетисе, однако он не смог воспользоваться плодами своей победы над Гиртулеем у Италики (ныне Сантипонсе). Соединение армий двух военачальников состоялось в 75 году в нижнем течении Сукрона (ныне Хукар). Помпей разбил войска Геренния и Перпенны на реке Турия (Гвадалавиар), Метелл покончил с Гиртулеем в Сеговии, и Серторию оставалось лишь произносить злобные речи по поводу соединения войск противника, весть о котором прозвучала для него как траурный набат поражения.

Великий замысел Сертория. Очевидно, осенью этого года Серторий и стал прислушиваться к предложениям пиратов. Дело в том, что победы сенатских войск заставили его искать поддержки на стороне — у пиратов и в особенности у понтийского царя Митридата. Рассказывая о подписании между ними договора в Диании, Плутарх⁷⁵ снимает со своего героя часть ответственности, рисуя надменного Сертория, который соглашается оставить понтийскому царю только Вифинию и Каппадокию, которые и так не принадлежали Риму. Однако Аппиан⁷⁶ утверждает, что Серторий добавил к этому целую провинцию Азию, что весьма правдоподобно, ибо в противном случае что заставило бы Митридата помогать Серторию в борьбе за власть? В целом, таким образом, в основе этого договора лежала государственная измена римлянина. Взамен Серторий получал 40 кораблей и 3 тысячи талантов, то есть около 90 миллионов сестерциев. В это время Метелл отвел своих солдат на отдых в Нарбонскую Галлию, а Помпей устроился на зимние квартиры в городе Вакка. Он потребовал у сената подкреплений для армии, а также денег. Морем были посланы два легиона, и в 74 году оба военачальника завоевали горные районы Арагона и Старой Кастилии. Долина Дурия (Дуэро) была окружена Помпеем: пала Каука, была осаждена Паленсия, Метелл взял город Бильбилис (в Куэнке). Число дезертиров из войск Сертория постоянно росло; Метелла стали приветствовать титулом «император». Он с триумфом вернулся в свою провинцию и назначил цену за голову Сертория: тот, кто выдаст его правосудию, должен был получить сто талантов и двести арпанов^[27] земли.

Конец Сертория. Весной 73 года Помпей, перезимовав в Галлии, подчинил себе северные города Испании: Паленсию, Клуний, Уксаму (ныне Осма), осадил Калагур. Тарракона, Валентия и Дианий капитулировали. Тогда Серторий повел политику устрашения: он приказал казнить в Оске сыновей вождей, а потом, потеряв интерес к командованию, пустился в разврат и пьянство. В начале 72 года он был убит по приказу Перпенны в его доме⁷⁷. Сам Перпенна попытался возобновить политику благосклонности по отношению к местным жителям, но потерпел поражение на поле боя и был схвачен. Он умолял о пощаде и пытался откупиться, пообещав выдать архивы, компрометирующие многих римских сенаторов. Помпей велел казнить его и сжечь эти документы. Такая деликатность не могла не пойти ему на пользу: он предстал спасителем не только на поле брани, но и в политике. Оставшись в Испании в то время, как Метелл отправился в Рим, чтобы первым получить триумфальные почести, Помпей продолжил начатую Серторием колониальную политику. Он и ранее пользовался популярностью благодаря отцу, оставившему по себе добрую память тем, что даровал испанским всадникам римское гражданство. Помпей вернул Оске муниципальные привилегии, основал в стране басков Помпелон (Памплону), даровал многим право римского гражданства и тем самым умножил число Помпеев.^[28] Что же до мятежников, то он свез их в Лугдун Конвенов (Lugdunum Convenarum, ныне Сен-Бертран-де-Комменж). На обратном пути в 71 году он соорудил трофей,⁷⁸ в надписи на котором похвалялся, что завоевал шестьсот семьдесят шесть городов и крепостей на пространстве от подножия Альп до пределов Дальней Испании.

Вторая пиррова победа отцов-сенаторов

Таким образом Помпей предстал усмирителем Пиренейского полуострова, за исключением земель астуриков и кантабров, но какой ценой? Авторитет сената упал в результате победы, которой он был обязан командующему, назначенному в обход закона, тем более что в 72 году Помпей получил право даровать римское гражданство воинам своей армии, а теперь ему предстояло стяжать славу, довершив разгром приверженцев Спартака.

Третья пиррова победа: победа над Спартаксом

Bellum Spartacium и ее причины

Именно так — Спартаковской войной — историк II века н.э. Флор⁷⁹ называет войну, залившую Италию кровью в 73-71 годах, пока Помпей отсутствовал. Это была одна из наиболее ожесточенных гражданских войн⁸⁰, которые пришлось пережить Риму. За несколько недель горстка беглых рабов, собравшаяся в Кампании, разрослась как снежный ком и в течение восемнадцати месяцев жгла, опустошала, грабила и заставляла дрожать Вечный город. Этому восстанию впоследствии суждено было превратиться в миф современного общества, став символом восстания угнетенных против эксплуататоров.

Причиной успехов восставших явилось то, что лучшие войска были в это время заняты за границей, воюя против Сертория и Митридата, а полицейские полномочия сената в данном случае было трудно осуществить. Кроме того, лучшие земли остались в руках крупных землевладельцев, которых мало затронула сулланская колонизация, поскольку эти новые поселенцы зачастую продавали полученные ими наделы, и все более многочисленные отряды рабов трудились во все более обширных земельных владениях. В первую очередь развитие крупной земельной собственности, которая прирастала за счет земель для перегона скота⁸¹ и обширных пастбищ, затронуло Апулию, Базилику и Бруттий,^[29] то есть именно те районы, которые стали опорой восстания Спартака. Кроме того, приток рабов усилился после победы над кимврами,^[30] после побед в Азии и Греции, а также за счет контрабанды и пиратства. Марий уже подал в свое время дурной пример, освободив рабов Этрурии⁸². В то же время все более возрастала популярность гладиаторских боев, и ремесло ланисты^[31] процветало. Уже в 160 году представление комедии Теренция «Свекровь» было прервано из-за гладиаторских боев, устроенных сыновьями Эмилия Павла,^[32] которые посвятили этот дар (munus) манам

своего отца.^[33] Первоначально эти представления давались в исключительных случаях, в связи с похоронами и погребальными церемониями, но начиная со 105 года бои гладиаторов стали ежегодными⁸³. Сулла добавил в их программу охоту на львов, а в 100 году магистраты завели обычай увековечивать игры в картинах, которые выставляли на обозрение даже в святилищах. Поскольку гладиаторы были значительной силой, они также могли стремиться к освобождению ценой ниспровержения государства.

В начале 73 года двести гладиаторов из школы (ludus), которую держал в Капуе Гн. Лентул Батиат, решили убежать. Душой заговора стал мирмиллон^[34] Спартак, в прошлом фракийский пастух, происходивший из племени медов.⁸⁴ От рождения он был наделен атлетической силой, был воспитан на греческий манер, поступил на службу в римские вспомогательные войска, затем дезертировал и подался в разбойники, но был схвачен, продан в рабство и стал гладиатором.⁸⁵ Спартак быстро возвысился среди своих сотоварищей. Его наложница, фракийская прорицательница, причастная таинствам Диониса, проповедовала нечто вроде евангелия свободы от имени Liber pater. Когда Спартак почувствовал угрозу разоблачения, она сбежала вместе с ним. С семьюдесятью тремя товарищами они украли в харчевне вертелы и ножи, а затем захватили повозку с оружием, предназначавшуюся для другой гладиаторской школы, и разоружили отряд солдат из Капуи, отняв у них мечи. После они сменили свое гладиаторское оружие на то, которое сочли более благородным. Они укрылись на склонах Везувия, и Рим послал против них претора Г. Клавдия Глабра⁸⁶ с тремя тысячами пехотинцев. Так началась война.

Паника в Риме⁸⁷

Первые операции римского претора были неудачными. Окруженным удалось ускользнуть от него при помощи импровизированных лестниц, сплетенных из виноградных лоз, и эта удача восставших привела в их ряды сотни беглых рабов — погонщиков и пастухов из окрестных поместий, — а затем гладиаторов под командованием Крикса и Эномая. Спартак быстро собрал войско численностью в семь тысяч человек. Рим допустил оплошность, разделив свои силы, а претор П. Вариний совершал одну

тактическую ошибку за другой: ему пришлось отступить и просить у сената подкреплений для того, чтобы противостоять этому конфликту, явно превратившемуся в ожесточенную гражданскую войну.

Спартак занял высоты между Кампанией,^[35] Самнием^[36] и Луканией.^[37] Он нанес удар по Ноле^[38] и Нуцерии^[39] и привлек к себе толпы рабов, которых вооружал просто закаленными в огне палками и давал им днища от корзин вместо щитов. Однако для того, чтобы добыть пропитание, эти войска все больше занимались грабежом и мародерством, отбирая осенний урожай. Тогда Спартак решил было отвести рабов на их родину (в Галлию, во Фракию), но некоторые, в том числе Крикс, стоявший во главе десяти тысяч человек, отказались от этого плана и направились в сторону Апулии в то время, как Спартак с тридцатью тысячами человек двинулся на север.

Этим разделением сил воспользовались римские войска, насчитывавшие шесть легионов, набранных в 72 году. Они убили Эномая и отбросили Крикса к Адриатическому морю, в то время как его люди пали у горы Гарган. Таким образом, оставалось зажать в клещи Спартака, и с восстанием было бы покончено. Однако Спартак дважды разбил римлян и принес в жертву две сотни пар римских пленников, превратив их по этому случаю в гладиаторов и вынудив сразиться в смертельном бою. Так он оказал почести манам Крикса и его товарищей.

Спартак вновь отправился на север, однако подле Мутины (ныне Модена), закрывшей перед ним ворота, он отказался от своего плана, ибо, хотя ему и удалось обзавестись конницей, нехватка провианта для ста тысяч шедших с ним людей дала о себе знать. Он решил вновь повернуть на юг, где мог рассчитывать на ресурсы захваченных городов. Охваченный паникой сенат послал обоих консулов, чтобы остановить его продвижение; это были тщетные усилия, и Спартаку удалось добраться до своих баз в Лукании. Рим не мог допустить, чтобы это скопище беглых рабов стало средоточием надежд еще большего числа простых тружеников и угрожало безопасности и экономике всего полуострова. Надо было исправлять положение.

Красс во главе войска

В 72 году в числе промагистратов⁸⁸ оказался претор предыдущего

года М. Лициний Красс, самый богатый в Риме человек, вполне оправдывавший прозвище Богач (Dives), которое его семья носила на протяжении пяти поколений. Он унаследовал огромное состояние: 1800 тысяч денариев.⁸⁹ Благодаря сулланским проскрипциям Красс приобрел на юге многочисленные поместья. Он надолго оставил память о своей убийственной алчности. Находясь некоторое время в опале, он увидел в подавлении восстания Спартака возможность реабилитировать себя, а также положить конец всем своим экономическим заботам. Его богатство должно было обеспечить вербовку солдат. Он стал выразителем чаяний землевладельцев, гарантом их будущей безопасности. Итак, консулов сместили, и осенью 72 года Красс встал во главе десяти легионов, из которых шесть были набраны вновь. Эту военную кампанию он повел как классовую битву. В первую очередь он постарался отрезать Спартаку пути отхода в Луканию. Когда разбежались войска его командира Муммия, он прибег к децимации, казнив каждого десятого из пятисот солдат. Тогда подхлестнутое этими мерами римское войско нанесло Спартаку несколько тяжелых поражений. Спартак отвел свою армию к Регию (Реджо-ди-Калабрия) и надеялся с помощью киликийских пиратов переправиться в Сицилию. Однако те обманули его. Веррес возглавил оборону пролива, и Спартак был вынужден укрыться в покрытых лесом горах Силы (ныне Аспромонте). Красс решил запереть его там и перегородил носок полуострова-сапога сплошной стеной-палисадом, перед которой был вырыт ров длиной 55 километров и шириной 4,5 метра. Очутившись в ловушке, Спартак был вынужден прорывать блокаду, чтобы избежать голода зимой. Первая попытка не удалась. Тогда он попробовал вступить в переговоры — тщетно. После этого трети войска Спартака все-таки удалось прорваться, и Красс был вынужден снять окружение и отказаться от изначального плана операции. В феврале следующего года он написал сенату о необходимости вызвать закаленные в боях легионы Помпея, однако вскоре ему пришлось пожалеть об этой просьбе, потому что прибывшие из Македонии войска М. Теренция Варрона Лукулла и без этого создали перевес сил в его пользу. Спартака удалось загнать в ущелья Брутгия близ Петелии. Война достигла кульминации, и Спартак погиб вместе со своими соратниками. Так закончилась тяжелая война, в ходе которой погибли тысячи римлян, были мобилизованы десять легионов, то есть столько же, сколько впоследствии будет у Цезаря для завоевания Галлии. В марте этого года Красс добился решающей победы, но вся слава при этом досталась не ему одному. Хотя он и казнил шесть тысяч пленных, пять тысяч смогли убежать и вновь подались на север. Их перебили в Этрурии войска Помпея. Тот мог теперь с

гордостью заявлять, что если Красс победил зло, то он, Помпей, вырвал его корни⁹⁰.

Третья пиррова победа

Эта война велась в обход законных правил. Крассу был вручен абсолютный империй, а в результате возвысились два императора, которых сенаторы надеялись столкнуть друг с другом или, во всяком случае, на какое-то время нейтрализовать. Красс был удостоен овации (ovatio — пеший триумф), Помпей же — настоящего триумфа, и сенат согласился на выдвижение обоих кандидатами в консулы 70 года⁹¹, тогда как ни тот ни другой не имели на это права: Красс сложил полномочия претора всего лишь полгода назад, Помпей же никогда претором и не был. Оба императора помирились между собой с тем, чтобы решительным образом покончить с существовавшей со времен Суллы олигэрхией и расчистить дорогу к власти для самих себя, — или для какого-нибудь третьего разбойника.

Разрушение олигархического режима

Сенат не мог противостоять амбициям военачальников и очень быстро увяз в политике приспособленчества.

Первые уступки

Действительно, всего через год после смерти Лепида, в разгар народного возмущения, вызванного ростом цен вследствие войны с Серторием, трибун Гн. Сициний призвал к полному восстановлению трибуната. Другой трибун, потребовавший восстановления права интерцессии,^[40] был приговорен к конфискации имущества.

Ответственность за столь ожесточенную реакцию сената лежала на консуле 75 года Г. Аврелии Котте⁹², который приходился двоюродным братом матери Юлия Цезаря Аврелии. Однако впоследствии он стал вести политику примирения с плебсом, установив, что консулы должны принять все меры для возобновления государственных закупок и перенести в Рим аукционы по сдаче на откуп податей с Сицилии. В этом была двойная выгода: для плебса, потому что обеспечивалось его пропитание, для всадников же, потому что им предоставлялся источник доходов, а возобновление торгов по сдаче на откуп десятинного налога с провинции Азии должно было придать иллегальную форму. Консул даже провел закон, по которому должность плебейского трибуна опять стала нормальным этапом политической карьеры (*cursus honorum*). Это была первая брешь, пробитая в сулланской системе. Народ успокоился, и Л. Лицинию Лукуллу, олигарху до мозга костей, удалось заткнуть рот трибуну, выступавшему против Корнелиевых законов,^[41] а с помощью другого трибуна добиться своего назначения командующим в войне против Митридата в 74 году. Однако мирная передышка оказалась недолгой, и вскоре интересы плебса и всадников вновь совпали.

В 73 году консулы М. Теренций Варрон Лукулл и Г. Кассий Лонгин⁹³ были вынуждены гарантировать минимальный размер постоянной нормы бесплатной раздачи зерна, равный 5 модиям (= 43,75 л) на человека в месяц, оговорив, что право на это имеют только нуждающиеся. Ради наполнения государственных зернохранилищ они потребовали дополнительных поставок от всех городов Сицилии: 800 тысяч модиев (70 тысяч гл) были закуплены по цене 3 сестерция за модий. Таким образом, согласно проведенному консулами закону (*lex Terentia Cassia*),⁹⁴ сорок тысяч получателей зерна могли рассчитывать на 33 тысяч медимнов, то есть 16 тысяч гектолитров из этой помощи. Еще одно отступление сената: амнистия сторонникам Лепида. Трибуны утвердили ее по предложению молодого патриция Гая Юлия Цезаря, который таким образом выступил поборником примирения. И еще: в 72 году те, кто приобрел продававшиеся конфискованные владения в кредит, были обязаны под угрозой их потери внести в казну полную стоимость.

Когда Помпей явился в Рим в ореоле победы над последними отрядами Спартака, сенат под давлением встречавшей его толпы пообещал полностью восстановить полномочия трибунов. Это было сделано в результате издания закона (*lex Pompeia Licinia*), по которому трибунам в полной мере возвращались их право интерцессии и право законодательной инициативы. Цезарь поддержал действия консулов.⁹⁵ Брат консула 75 года Л. Аврелий Котта, еще один родственник Цезаря, претор текущего года⁹⁶, подтвердил некогда внесенный Суллой закон о насилии (*lex de vi*), согласно которому любой кандидат, обвиненный в незаконных действиях при соискании магистратур, в течение ближайших десяти лет не мог участвовать в выборах. Можно сказать, это был дамоклов меч, повешенный над головами многих сенаторов.

Консулы восстановили институт цензоров,^[42] что повлекло за собой возобновление проводившихся ими торгов по сдаче на откуп государственных доходов (*censoriae locationes*) и позволило откупщикам-публиканам снова брать на откуп десятинный налог с провинции Азии. Цензоры со всей строгостью применяли вновь обретенную власть. Цензорство Гн. Корнелия Лентула Клодиана и Л. Геллия Публиколы⁹⁷ было весьма суровым⁹⁸. Шестьдесят четыре отца-сенатора были исключены из сената. При проведении ценза они наряду с городским плебсом вписали в цензовые списки плебс сельский, так что число римских граждан удвоилось (900 тысяч). Провели они и смотр всадников (*lectio equitum*), и именно тогда Помпей на вопрос, все ли военные походы, предписанные законом, он совершил, горделиво ответил: «Все, и под моим собственным началом»⁹⁹.

За этим неизбежно должна была последовать судебная реформа, ибо постоянные судебные комиссии (*quaestiones perpetuae*), находившиеся в руках отцов-сенаторов, вершили правосудие только с классовых позиций, покрывая злоупотребления, вымогательства и соучастие во всякого рода преступлениях людей, связанных с их кругом. Еще до того как стать консулом, Помпей порицал это сенаторское правосудие, но для начала реформы потребовался грандиозный скандал, вызванный тем, что жители Сицилии привлекли к суду бывшего наместника Верреса.

Однако Веррес, как и многие другие, был всего лишь аристократом-политиком, искателем наслаждений и дельцом, стремившимся исключительно к деньгам и удовольствиям. Уже прославившись благодаря нескольким скандалам и сомнительному поведению, он по окончании своих полномочий городского претора 74 года¹⁰⁰ отбыл в следующем году на Сицилию¹⁰¹ и там в течение трех лет расхищал частные и

общественные собрания произведений искусства, грабил и позволял себе самые разнообразные злоупотребления: он, например, отдавал сбор десятин на откуп подставным лицам, делил с ними взимаемое сверх установленной нормы зерно и вывозил его без уплаты таможенных сборов, «отказывал в поставках зерна, когда оно дорожало, чтобы получить максимальную цену в звонкой монете, а когда цены падали, скупал его за бесценок, прикарманивая разницу и еще зарабатывая на ней с помощью ростовщических операций». Так резюмирует обвинение против Верреса Ж. Каркопино. В целом, бесчеловечность правления Верреса граничила с преступлением, и о его поведении доносили в Рим; он же оправдывался интересами поддержания общественного порядка и потребностями государства в деньгах и зерне. И все же Верресу не удалось избежать процесса, хотя представители нобилитета делали все, чтобы его замять: Кв. Гортензий согласился защищать его в суде и позаботиться о выдвижении его кандидатуры на пост консула 69 года. Но тут в дело вмешался Цицерон, сам бывший в 75 году [102](#) неподкупным квестором, а теперь ощущавший за собой силу и амбиции Помпея. Цицерон сыграл роль защитника общественных интересов и обвинителя. Он не стал трогать всадников, замешанных в сицилийские дела, и хотел посредством дела Верреса перевернуть судебную систему. В первом слушании процесс [103](#) начался 5 августа после пятидесятидневного расследования, образцово проведенного Цицероном на Сицилии. Его досье было полно неопровержимых фактов, свидетельствовавших против сенатской администрации. Отцам-сенаторам не удалось воспрепятствовать избранию Цицерона на пост эдила [104](#), однако они смогли обеспечить избрание Гортензия консулом, [105](#) и вечером после выборов новый консул заключил Верреса в объятия. Сенаторы выдвигали огромное множество возражений и рассчитывали затянуть прения сторон. Цицерон ограничился тем, что представил своих свидетелей. Гортензий отказался от перекрестного допроса, и Веррес покинул город. 14 августа его приговорили к уплате 40 миллионов сестерциев. Он отказался от повторного слушания, заплатил требуемую сумму и спокойно наслаждался оставшимся у него богатством вплоть до 43 года, когда оказался вместе с Цицероном в одном и том же проскрипционном списке, составленном Антонием!

Подобный приговор означал, что час сенатского суда пробил: в своей краткой вступительной речи Цицерон доказал, что существует связь между попустительством судов, состоящих из сенаторов, и угнетением провинций. Он отметил, что раньше, когда в судах заседали всадники,

провинции процветали. Тогда претор Л. Аврелий Котта¹⁰⁶ выдвинул законопроект (rogatio) о дисквалификации сенатских судов, и Цицерон стал пламенным пропагандистом этой идеи. За несколько недель он написал пять речей для воображаемого второго процесса против Верреса. Гортензий возражать ему не мог. Цицерон разоблачал в своих речах пороки класса сенаторов и защищал честность всадников, ни разу публично не опозоренную, но умалчивал при этом о торгах по вину и маслу. Против красноречия Цицерона было невозможно устоять, и это предопределило решение: осенью 70 года был принят закон Аврелия (lex Aurelia), по которому создавались смешанные суды, и в них сенаторы оказались в меньшинстве.

Действительно, эти суды состояли на треть из сенаторов, на треть — из всадников, набираемых в десяти всаднических центуриях, и на треть — из эрарных трибунов (tribuni aearii), зажиточных людей, давно уже лишившихся своих былых обязанностей (как то: сбор военного налога — tributum, выплата жалованья солдатам). Эти люди были продолжением сословия всадников, и таким образом, те имели два голоса против одного. Так произошло возвращение к составу судов, установленному Гаем Гракхом, и при этом политическое превосходство всадников упрочивалось. Ценз эрарных трибунов составлял 300 тысяч сестерциев, и разрыв между всадниками и эрарными трибунами был несущественным. Таким образом, реформа была весьма значительной. Сенат оказался нейтрализован в судебной сфере, и капитал получил возможность контролировать государственный аппарат.

Можно было бы дать идеалистическую и оптимистическую трактовку этого закона: расширение управленческих кадров государства, гарантии справедливости подсудимым, независимость правосудия, установление связи между всадниками и плебсом, между всадниками и нобилиями. Отсюда атмосфера ликования и согласия 69 года, в которой Кв. Лутаций Катул совершал посвящение Капитолийского храма. Но очень скоро процесс Фонтея показал всю тщетность подобных надежд и истинную цену пустословия Цицерона. Дело в том, что Фонтей в Нарбонской Галлии нарушал правила справедливого управления, притеснял, грабил и истреблял галльские племена. Тогда, по удачному выражению Ж. Каркопино, Цицерон вывернул свою тогу наизнанку. Ведь Фонтей в свое время был помощником Помпея, а всадники признавали в Помпее вождя, и в первую очередь именно ему были на руку все постановления 70 года: он обеспечил себе голоса плебса на случай голосований о предоставлении новых чрезвычайных полномочий и растравил аппетиты всадников,

склонных к имперским устремлениям. Таким образом, вся эта политическая игра служила амбициям не какого-то одного императора, а императоров вообще. Сквозь брешь, пробитую в сулланской системе, могли теперь устремиться Помпей, а за ним и Цезарь.

Стремительная карьера Цезаря в 71-59 годах

С 71 по 59 год Цезарь продвигается к высшей почетной должности — консулату. Теперь он на верном пути, но в большинстве случаев истинных целей своих маневров не раскрывает. Цезарь действует пока в тени, что объясняется, конечно, и его возрастом, однако также и тем, что ему приходится взрослеть, оставаясь в тени Помпея. Он прекрасно понимает, что предвыборная платформа недостаточна для того, чтобы добиться успеха: политику нужно иметь «своих людей», то есть клиентов^[43] и приверженцев. В это время мы присутствуем при рождении «партии Цезаря», трамплина для будущей карьеры, которая приведет Цезаря на вершину власти в Римской республике.

Цезарь в тени Помпея

Военный трибун

Цезарь не скомпрометировал себя связью с Лепидом и не был замешан в беспорядках, спровоцированных консулом 78 года¹⁰⁷. Когда в 74 году его избрали военным трибуном, он оказался в первых рядах сторонников восстановления власти плебейских трибунов. В дальнейшем он активно выступает в поддержку закона об амнистии (lex Plautia), который позволил его шурина Луцию Цинне и другим бывшим сторонникам Лепида, нашедшим убежище у Сертория, вернуться на родину. Таким образом Цезарь приобретает верных сторонников и укрепляет свое положение лидера популяров. Плутарх пишет в связи с этим¹⁰⁸ о популярности, приобретенной им у простонародья благодаря «не по возрасту ловкому

обращению с людьми».

Квестор

В 69 году, достигнув положенного по закону возраста 32 лет, Цезарь выставляет свою кандидатуру на должность квестора, с которой обычно начиналась политическая карьера, и благодаря поддержке популяров его избирают на эту должность¹⁰⁹. Дело в том, что после смерти тетки Юлии, вдовы Мария, Цезарь произнес на ее похоронах хвалебную речь и вызвал прилив народного энтузиазма, когда в образах, которые выносили во время похорон, народ узнал изображения Мария, показанные впервые со времени прихода к власти Суллы. Хвалебную надгробную речь Цезарь произнес и при погребении своей жены Корнелии, дочери Цинны, и это еще больше подняло его популярность: он произвел впечатление человека, чуткого и исполненного привязанности. Однако насколько в Риме был распространен обычай произносить речи на похоронах пожилых людей, настолько же было не принято делать это при погребении молодых женщин. Цезарь стал первым, кто выступил с речью на похоронах юной супруги¹¹⁰. Так что он умел и следовать традициям, и обновлять их. Затем он поехал сопровождать претора Дальней Испании Л. Антистия Ветера¹¹¹, и так произошло его первое знакомство с Иберийским полуостровом. Именно об этом времени говорится в сложном впоследствии историческом анекдоте о посещении Цезарем в Гадесе храма Геркулеса Мелькарта и его вещем сне о будущем владычестве над всем миром¹¹². По возвращении в Рим Цезарь женится на Помпее, дочери консула 88 года¹¹³ Кв. Помпея Руфа и Корнелии, дочери Суллы. Так он ловко сближается с императором, который находится «на подъеме» и которому только что по закону, проведенному плебейским трибуном А. Габинием¹¹⁴, было поручено чрезвычайное командование для борьбы против пиратов: ему предоставлялись огромные полномочия и кредиты, что фактически превращало Помпея на три года в единоличного правителя, действия которого ни в малейшей степени не были подконтрольны ни сенату, ни народу.¹¹⁵ Законопроект Габиния (rogatio Gabinia) вызвал страх у наиболее могущественных и влиятельных членов сената, но только не у Цезаря, который, поддержав этот закон, менее всего заботился о Помпее: он хотел таким способом заслужить одобрение народа. Закон Габиния был утвержден голосованием в январе 67 года. Еще

до этого Цезарь, возвращаясь из Дальней Испании, проезжал через латинские колонии¹¹⁶ в Цизальпинской Галлии и произносил речи, пытаясь соблазнить их жителей идеей о том, что они могли бы получить права римского гражданства и таким образом сенат был бы отстранен от управления Цизальпинской областью. Эти речи вызвали такой резонанс, что консулы стали опасаться восстания и сочли целесообразным на несколько дней задержать легионы, которые были набраны для отправки в Киликию. Таким образом, Цезарь вышел за границы Вечного города. Его взгляд был устремлен дальше, на всю Италию, и более всего его прельщали те людские ресурсы, которые могла дать Транспаданская область.

Поддержка Цезарем законопроекта Манилия в 66 году

Цезарь прекрасно понимал, что ему нечего ожидать от сената и что для того, чтобы расширить брешь в системе государственного устройства, следует усиливать позиции Помпея и поддерживать инициативы трибунов. В январе 66 года был объявлен законопроект Манилия (rogatio Manilia)¹¹⁷, который предусматривал передачу Помпею командования в войне против Митридата и таким образом продлевал его квазицарствование. Законопроект поддержала коалиция, состоявшая из вождей партии популяров, всадников, а также части сенаторов, связанных со всадниками в силу своей заинтересованности в завоеваниях. Объединил эти силы бывший квестор Юлий Цезарь. Он был рад случаю еще раз разоблачить бессилие сената; впрочем, эта его речь не сохранилась. Во всяком случае, тогда произошла встреча Цезаря с Цицероном, в то время претором¹¹⁸, который впервые выступил с политической речью — «О предоставлении империя Гнею Помпею» («De imperio Cn. Pompei»). Обратим внимание на эту занимательную подробность, ибо вскоре события разведут этих двух людей.

Маневры Цезаря: от курульного эдила до великого понтифика

Ради борьбы с сенатом Цезарь помогал укрепить положение Помпея.

Впрочем, смог ли бы он довольствоваться хотя и блестящим, но вторым по значимости положением? Допустить подобное значило бы плохо знать Цезаря, тем более что Помпей, будучи занят на Востоке, оставил ему свободное поле деятельности в Италии. Кроме того, сенат пока еще не отказался от своих прав, и, сталкивая в своих интересах обе эти препятствовавшие ему силы, Цезарь мог надеяться проложить себе дорогу к верховной власти.

Эдил

Участие Цезаря в первом заговоре Катилины, или в заговоре Красса. Летом 66 года результаты выборов на следующий год оказались благоприятны противникам аристократии¹¹⁹: М. Лициний Красс Богач стал цензором, а Юлий Цезарь — курульным эдилом; двое из их сторонников стали избранными консулами (*consules designati*^[44]). Это были безусловный сторонник Цезаря П. Корнелий Сулла и смутьян и распутник П. Корнелий Пет. Впрочем, оба они, обвиненные в подкупе избирателей, были заменены в ноябре 66 года Л. Манлием Торкватом и Л. Аврелием Коттой, тем самым родственником Цезаря, который реформировал суды.

Тотчас же, около 5 декабря, Красс вызвал к себе домой своих должников, которых решил сделать участниками своего заговора. Среди них можно было узнать Юлия Цезаря, разорившегося аристократа Г. Антония Гибриду, интригана из Нуцерии П. Ситтия, погрязшего в долгах молодого нобиля Г. Кальпурния Пизона и, главное, перебежчика из сулланской партии, бывшего претора, вычеркнутого за взяточничество из списка кандидатов в консулы 65 года, Л. Сергия Катилину. Саллюстий¹²⁰ ошибочно называет это первым заговором Катилины, но скорее это был «путч» Красса. Заговорщики собирались 1 января 65 года убить консулов на Капитолии и заколоть тех из отцов-сенаторов, кто попытался бы прийти им на помощь.¹²¹ Оба отстраненных консула должны были вернуть себе фасции^[45] и провозгласить Красса диктатором. Тот, в свою очередь, предложил бы кандидатуру Катилины на должность консула следующего года и назначил бы Цезаря начальником конницы^[46] с тем, чтобы он захватил Египет. Пизон получил бы чрезвычайное командование в провинциях Испании, а Ситтий, поддерживавший финансовые отношения с

мавританскими царями, привлек бы к новому диктатору Африку. Таков был фантастический план ослепленного ненавистью магната-миллионера.

Тайна была раскрыта, охрана консулов усилена, и 1 января 65 года ничего не произошло.^[47] Сенатское дознание, которое могло бы выявить имена основных виновников, было приостановлено, поскольку один из трибунов воспользовался правом интерцессии. Сенат избавился от Пизона, направив его в Ближнюю Испанию, где тот был убит, несомненно, группой верных Помпею «коммандос».¹²² Ситтию тогда попасть в Африку не удалось, и от плана окончательно отказались. Цезарь, хотя и поддерживал Красса, не разделял в полной мере ни его иллюзий, ни его жажды мести, которая заставила бы его погубить своего родственника Л. Аврелия Котту. Цезарь добился отсрочки исполнения задуманного до февраля, чтобы одновременно поднять восстание в Испании и в Цизальпинской Галлии в районе озера Комо. Гибель Пизона послужила ему предлогом для того, чтобы вообще не приступать к активным действиям, и Цезарь отказался от дальнейшей поддержки Красса в борьбе против сената и Помпея. Его отступничество ободрило нобилитет и принесло успокоение в Город, сам же он стал готовиться к тому, чтобы снова взяться за планы Красса, но уже ради себя самого.

Египетская афера 65 года. Цезарь потребовал для себя внеочередного назначения, с тем чтобы обеспечить превращение Египта в римскую провинцию.^[48] Птолемей XIII Авлет так и не был признан римским сенатом *de iure*. Поэтому Цезарь надеялся создать себе славу, равную славе побед Помпея на Востоке, и открыть демократам доступ к богатствам долины Нила. Однако предложение Цезаря, плохо скрывавшее его личные амбиции, натолкнулось на сопротивление сенаторов и преданного Помпею всаднического сословия. Против этого законопроекта ожесточенно боролись оптиматы¹²³, а также глашатай мнения всадников Цицерон, который произнес по этому случаю речь «Об александрийском царе» («*De rege Alexandrino*»), в настоящее время утраченную.

Транспаданский вопрос. Не сумев включить в ценз доходы с Египта, что означало бы аннексию Египта обходным путем, Красс попытался воплотить в жизнь другой пункт программы Цезаря, а именно: предоставление полного права римского гражданства транспаданцам. Этому помешал Кв. Лутаций Катул¹²⁴, исполнявший должность цензора одновременно с Крассом, и их взаимная интерцессия парализовала всю

деятельность цензоров. Трибуны собирались представить текст законопроекта на обсуждение плебса, но в это время один из трибунов, Г. Папий¹²⁵, подкупленный Сенатом, провел решение об изгнании из Рима всех иммигрантов, происходящих из областей за пределами Италии. Это напрямую касалось транспаданцев, которые, проживая по ту сторону Рубикона, не считались жителями Италии. Цезарь отложил представление этого законопроекта.

Цезарь в полной мере сохранял свою популярность среди народных масс, пораженных пышностью Мегалезий^[49] в апреле 65 года, а затем и Римских игр, которые курульный эдил обязался организовать в сентябре этого же года. Устроив их в складчину со своим коллегой по должности М. Кальпурнием Бибулом¹²⁶, плоды успеха Цезарь пожинал единолично¹²⁷. Он дополнил Римские игры боями гладиаторов, в ходе которых выступило 320 пар, хотя ему пришлось подчиниться наложенным ограничениям. Цезарь одел гладиаторов в серебряные доспехи. Кроме того, немалую часть своего состояния он пожертвовал на ремонт Аппиевой дороги. Наконец, в нарушение всех запретов, он восстановил на Капитолии трофеи Мария,^[50] и, несмотря на возмущенные протесты Катугла, это сошло ему с рук. Благодаря такой дерзости и своему умению обставлять все с великолепием он превратился в неоспоримого кумира плебса.

Маневры Цезаря

Не имея права выставить свою кандидатуру на выборах высших магистратов ранее, чем через два года, Цезарь вполне мог совершать разные маневры ради того, чтобы тормозить продвижение своих возможных конкурентов, усиливать развал республиканского государства и обеспечивать продвижение своих собственных пешек.

Цезарь пробудил воспоминания о сулланских проскрипциях, предъявив весной 64 года судебной коллегии по делам об убийствах (*quaestio de sicariis*) список наиболее скомпрометировавших себя сулланских убийц. Несколько раз он был назначен *iudex quaestionis*¹²⁸ ^[51] и сумел добиться осуждения двух убийц. С одной стороны, он таким образом потакал настроениям народа, с другой стороны, походя и вроде бы ненароком скомпрометировал кандидатуру Л. Сергия Катилины,

замешанного в одном из дел об убийстве,^[52] совершенном по приказу Суллы. Таким образом на глазах у всех Цезарь набирал силу, карая и убирая со своего пути того, кто мешал.

На выборах консулов 63 года в противовес кандидатуре Цицерона, который в своем «Наставлении о соискании консульства» (*De petitione consulatus*) простодушно выражал надежды на объединение всех со всеми — муниципиев и любознательного юношества, всадников и простонародье, приверженцев сената и почитателей Помпея, Цезарь и Красс выдвинули Л. Катилину и Г. Антония Гибриду, такого же раскаявшегося сулланца, как и первый, к тому же крупно задолжавшего Крассу. Цицерон восстал против обоих кандидатов, которых поддерживал один из трибунов, Кв. Муций Орестин,¹²⁹ и это резкое выступление обеспечило ему 29 июля избрание подавляющим большинством голосов в 35 трибах.¹³⁰ Цезарь провел удачный маневр. Цицерон сбросил маску популяра, а став консулом и столкнувшись лицом к лицу со «снедаемым желчностью и жаждущим мести» Катилиной, был бы обречен на бездействие.

Цезарь поставил ему первую подножку, подсказав трибуну П. Сервилию Руллу¹³¹ 40 статей законопроекта, опубликованного 10 декабря 64 года. Позднее Цезарь вновь обратится к этому законопроекту для того, чтобы воплотить в жизнь его основные пункты. Речь шла о разделе государственного земельного фонда (*ager publicus*) — участки этой земли предлагалось раздать всем бедным гражданам для образования колоний. Цель была в том, чтобы лишить сенаторов их владений, отнять у всадников возможность брать на откуп подати с этих земель, разрушить политическую власть сената, передав ее децемвирам. Цезарь хотел распространить миф о разделе земли для того, чтобы привлечь на свою сторону народ. Он спровоцировал реакцию Цицерона, который в речи «Об аграрном законе» («*De lege agraria*») обнаружил перед всеми многие свои недостатки: служа интересам оптиматов, он явно измелъчал и лишился уважения значительной части своих избирателей.

Другим, уже не спровоцированным Цезарем, промахом был судебный процесс консуляра Г. Кальпурния Пизона¹³², по возвращении из Нарбонской Галлии обвиненного во взяточничестве и злоупотреблении властью. Обвинение выдвинул Цезарь, а Цицерон выступил в роли защитника и в результате потерял симпатии романизированной провинции. Тогда Цезарь решил, что теперь он уже достаточно силен, чтобы попытаться нанести серьезный удар.

Будучи с 73 года членом коллегии жрецов-понтификов¹³³, в которой он сменил своего родственника Г. Аврелия Котту, консула 75 года, Цезарь пожелал стать верховным понтификом вместо только что умершего Кв. Цецилия Метелла Пия, занимавшего эту жреческую должность с 81 года¹³⁴. Однако сулланское законодательство предусматривало выборы посредством кооптации, а при таких условиях, учитывая состав коллегии понтификов, Цезарь не имел никаких шансов. Один из трибунов, Т. Лабиен¹³⁵, внес закон, возвращавший право назначения великого понтифика народу: для голосования было достаточно созвать только 17 триб, предварительно отобранных по жребию. Тогда Цезарь выставил свою кандидатуру против П. Сервилия Ватии Исаврика и принцепса сената¹³⁶ Катула. Эти выборы обошлись недешево: пришлось покупать голоса всех 35 триб, поскольку никто не знал, которым из них выпадет жребий голосовать. Как правило, должность великого понтифика венчала долгую карьеру, а Цезарь еще не поднялся выше курульного эдилитета. Деньги и популярность сотворили чудо: Цезарь с легкостью победил на выборах 6 марта, набрав в трибах своих соперников больше голосов, чем оба они во всех трибах вместе взятых. Должно быть, его мать и весь семейный клан хорошо «обработали» избирателей, но при этом Цезарь все же многое поставил на карту в своей судьбе. «Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником», — будто бы сказал он Аврелии¹³⁶. Блестящие результаты выборов, конечно же, доставили большое удовлетворение его самолюбию, но важнее было то, что они дали ему в руки чрезвычайно удобный рычаг для того, чтобы перевернуть Республику. Заняв эту жреческую должность, Цезарь приобретал непоколебимый и вечный авторитет. Теперь он поселился в доме верховного понтифика (*domus publica*), покинув отчий дом на Эсквилинском холме. Его новое жилище примыкало к дому весталок, к Реги (regia) — древней резиденции царя Нумы, превращенной в святилище. Таким образом, Цезарь перебрался поближе к покоям царей. Тогда он и составил свою легендарную генеалогию, возводя ее к Асканию-Юлу, сыну Энея и Креусы, ставшему великим понтификом и вторым царем латинян в то время, как его сводный брат Сильвий, сын Энея и Лавинии, сменил Энея на троне. Однако предлагая такую интерпретацию своей генеалогии, Цезарь заставлял по-новому взглянуть на себя в качестве

жреца, и это не могло не пугать аристократию. И действительно, Цезарь сумел извлечь выгоду из своего нового величия, возобновив борьбу против отцов-сенаторов и их консула.

Цезарь и Цицерон: второй заговор Катилины в 63 году

Процесс Рабирия

Где-то весной 63 года Цезарь подговорил трибуна Т. Лабиена внезапно возбудить перед центуриатными комициями^[54] процесс по обвинению в убийстве против Г. Рабирия: в 100 году тот участвовал в событиях, приведших к гибели Сатурнина и Главции.^[55] Рабирий был обвинен в пролитии крови римского гражданина без приговора народа: был организован показательный процесс, который проводился в старинной форме разбирательства дела о *perduellio* (государственном преступлении). Тем самым Цезарь и Лабиен нападали на *senatus consultum ultimum*, принятие которого предоставляло магистратам, уполномоченным сенатом, право жизни и смерти в отношении граждан; однако их рвение было не более чем комедией: всегда можно было найти какое-нибудь нарушение формальностей, чтобы избавить приговоренного от смерти. Так что для Цезаря важнее был приговор, нежели его исполнение. Цицерон же, по противоположным причинам, надеялся на оправдание Рабирия, что узаконило бы широкие полномочия, которые сенат передал консулам без одобрения народа. Процедура требовала назначения дуумвиров (*duoviri*)¹³⁷, по жребию ими выпало быть консуляру Л. Юлию Цезарю и Г. Юлию Цезарю, и эти дуумвиры осудили Рабирия¹³⁸. Цицерон мог опротестовать всю процедуру перед сенаторами. Но он предпочел обратиться к народу с речью о существовании дела. Ему, как когда-то Марию, удалось погасить возмущение, и центуриатные комиции разошлись без голосования. Итак, Цезарь восстановил древнюю процедуру. Он действовал в точном соответствии с заветами предков (*mos majorum*) и в результате сумел создать реальную угрозу для тех, кто стал бы вновь

прибегать к SC ultimum.

63 год: выборы магистратов на 62 год

Цезарь претендовал на преторство, а Катилина на консульство одновременно со знаменитым правоведом Сервием Сульпицием Руфом, богатым аристократом Д. Юнием Силаном и видным военачальником Л. Лицинием Муреной, которому симпатизировали всадники. Катилина выдвинул программу действий «по всем азимутам», которая должна была привлечь к нему симпатии простого народа и бедноты (долговой вопрос, аграрная реформа, отмена наследственных привилегий). Подобная программа не могла оставить равнодушными популяров: они стали помогать Катилине (как, например, Красс своими деньгами), впрочем, не доверяя ему. Цезарь предложил законопроект о восстановлении в правах сыновей лиц, подвергшихся проскрипциям. Цицерон выдвинул возражения по тексту. Таким образом Цезарь усугубил непопулярность консула и оживил воспоминания об ужасах проскрипций, из которых Катилина сумел в свое время извлечь выгоду. Кроме того, Цезарь внушил Г. Антонию мысль о необходимости помириться с Цицероном, обменяв Цизальпинскую Галлию на Македонию,^[56] где найдется чем поживиться Антониевой алчности. Так укрепилась высшая магистратура, чтобы противостоять замыслам Катилины, потерявшего во время предвыборной кампании всякое чувство меры. Цезарь не мешал Цицерону ни переносить комиции на сентябрь, ни проводить через народное собрание закон Туллия о подкупе избирателей (*lex Tullia de ambitu*) или постановление о триумфе Лукулла, обеспечившее участие в выборах тысячи шестисот «достойных» избирателей, голосовавших против Катилины, в результате чего тот потерпел поражение: в сентябре 63 года консулами были избраны Силан и Мурена.¹³⁹ Цезарю удалось выиграть трудную партию; он был избран претором¹⁴⁰ на 62 год в возрасте 38 лет и 2 месяцев — это был минимальный возраст, допускавшийся законом.

Цезарь и Катилина

Сразу же после своей неудачи на выборах Катилина в сентябре 63 года составил заговор, предусматривавший восстание в Италии. Вожди популяров ни в коей мере не хотели предавать Италию огню и мечу, чем в конечном счете воспользовался бы Помпей. Красс передал Цицерону предостерегающие письма, в которых ему предлагалось покинуть Рим. Цезарь со своей стороны сообщил ему о волнениях в Этрурии, начавшихся в первую очередь из-за подстрекательств Гая Манлия из Фезул, но, чтобы не оказаться причастным к действиям, предпринятым против сторонников Катилины, он оставил без ответа вызов на заседание сената. 23 октября Цицерон получает полномочия, переданные ему в соответствии с *SC ultimum*. Однако он колеблется и поначалу не действует, но узнав о подготовке покушения на его собственную жизнь, он 8 ноября того же года произносит первую из речей против Катилины, и тот отправляется в добровольное изгнание. Впрочем, это всего лишь обманный ход перед открытым восстанием. Цицерон добивается того, чтобы Катилину объявили врагом народа (*hostis publicus*), а консула Г. Антония Гибриду¹⁴¹ призвали к применению самых жестоких мер. В это время заговорщики готовят в Риме убийства, в том числе и убийство Цицерона. Тогда аллоброги,¹⁵⁷ жалобе которых на бывшего наместника 64 года Л. Мурену не дали хода, вступают в сношения со сторонниками Катилины, и в распоряжение Цицерона попадает письменное доказательство измены последних. Именно третья речь Цицерона против Катилины, произнесенная после их ареста, удостоивается наивысших похвал. Но что теперь делать с арестованными? Ставила ли было доверено охранять Юлию Цезарю. 5 декабря, после того как Д. Юний Силан потребовал для заговорщиков смертной казни, Юлий Цезарь заявил, что высшая мера наказания противоречит духу римской государственности, что это создаст прискорбный прецедент и что следует приговорить подсудимых к пожизненному заключению и конфисковать их имущество¹⁴². К его мнению присоединились многие сенаторы, даже Силан и Кв. Цицерон. Сам Цицерон, ни в коей мере не разделяя этого мнения, предоставил сенату осудить виновных. Катон выступил против подозрительного благодушия Цезаря и убедил присутствующих проголосовать за смертный приговор. При выходе с заседания Цезаря чуть не зарубили всадники, которые расставили посты вокруг Капитолия, и он спасся лишь благодаря друзьям. Цезарь испугался не на шутку и постарался не появляться в курии вплоть до конца года¹⁴³. Пятеро сторонников Катилины были задушены в тюрьме.

«Vixerunt»^[58] — таково было надгробное слово о них, произнесенное в декабрьские ноны. Конфискации имущества за казнь не последовало: в этом пункте мнения Цицерона и Цезаря на этот раз совпали. Каков же был окончательный итог этой истории? Цезарь, по видимости, побежденный, выиграл по всем пунктам: будучи человеком принципиальным, он допустил применение жестоких мер против заговорщиков; он осудил происки сторонников Катилины, но уклонился от принятия непопулярного «окончательного» решения. Цицерону же очень быстро пришлось оценить недолговечность своего успеха — уже 10 декабря 63 года, когда трибун Кв. Метелл Непот¹⁴⁴ объявил о своем желании призвать Помпея.

Цезарь и Помпей: от претуры до консулата (62-59 годы)

С тех пор как осенью 63 года в Риме стало известно о смерти Митридата, все происходящее в столице делалось с оглядкой на Помпея: сенат старался не давать ему никаких поводов для вмешательства в дела Италии, а его друзья, напротив, старались ускорить его возвращение. Цезарь встал на сторону Помпея, чтобы окончательно истощить силы сената и, конечно же, для того, чтобы получить возможность стать преемником императора, возвышению которого он надеялся помешать.

Претор 62 года¹⁴⁵

1 января Цезарь вызывает на разбирательство в народном собрании принцепса сената Катула за то, что тот вовремя не завершил восстановление Капитолия. Он предлагает вместо имени Катула внести в надпись на храме имя великого Помпея. Отцы-сенаторы заявляют протест, и Цезарь снимает свое предложение: так он сражается за Помпея без всякого ущерба для себя. 3 января Цезарь своим присутствием поддерживает предложение Метелла Непота об отзыве Помпея. Однако сенат принял меры предосторожности: он объявил это предложение противозаконным и, более того, дабы примириться с массами, прибег к демагогической мере, повысив число лиц, получающих хлебные раздачи, с

тридцати тысяч до нескольких сот тысяч. Ежегодные издержки на дотации поднялись в результате до 7 500 тысяч денариев. Метеллу Непоту не удалось занять Форум,^[59] на что он надеялся, и 3 января, когда в сенате решался вопрос о принятии SC ultimum, он постановил отстранить обоих от исполнения магистратур: Непот бежал, изрыгая угрозы, Цезарю же удалось успокоить общественное мнение, и позже он был восстановлен в правах своей должности.¹⁴⁶

Тогда Цезарь смог заняться клеветниками, которые, чувствуя, что ветер подул в другую сторону, надеялись скомпрометировать его как сообщника Катилины. В ходе разбирательства в сенате Цезарь сослался на свидетельства Цицерона для того, чтобы рассеять наветы доносчиков: Кв. Курия, который в результате не получил причитавшейся ему награды за разоблачение заговора, Л. Веттия, который, чтобы избежать линчевания, предпочел отправиться в тюрьму, и квестора Новия Нигра¹⁴⁷, который поступил так же, стараясь отделаться подешевле¹⁴⁸. Таким образом Цезарь утвердил свою власть над общественным мнением, а вождь популяров Красс, боясь возможного возмездия со стороны своего личного врага Помпея, бежал в Македонию, захватив семью и ценности. В результате Цезарь остался единственным вождем демократов. Следует сказать, что исход дела сообщников Катилины решился очень скоро, во второй половине января того же года после поражения войск Катилины и Манлия под Писторией.^[60] Помпею, которому сообщили о завершении дела, больше незачем было торопиться, и он высадился в Брундизии только перед самым началом зимы. Собирался ли он распустить свою армию или, напротив, хотел захватить власть в Республике, как до него это сделал Сулла? Не сумев добиться благосклонности клана Катонов путем переговоров о заключении брачного союза (после развода со своей третьей женой Муцией, в числе любовников которой был обладавший непреодолимым очарованием Цезарь), Помпей распустил свои войска и назначил им встречу в Риме. В Риме, где в декабре 62 года разразился скандал в связи с *Damia*. Речь идет о ночном празднестве в честь Доброй Богини, которое матроны должны были справлять одни в доме кого-либо из магистратов, облеченных империем. Судьбе было угодно, чтобы этим домом стал дом Юлия Цезаря, одновременно претора и великого понтифика, а председательствовала на празднестве Помпея, внучка Суллы, на которой Цезарь шесть лет тому назад женился вторым браком. Но празднество оказалось прервано, потому что среди женщин проскользнул мужчина. Заплутав в доме, он спросил, как пройти, и голос выдал его. Мать

Цезаря Аврелия прервала церемонию, и незванный гость был изгнан. Им оказался П. Клодий, который явился, как говорили, для того, чтобы поволочиться за женой Цезаря, не имевшей об этом ни малейшего понятия. Ради жены и ее репутации Цезарь предпочел бы замять скандал. Однако о столь серьезном происшествии было сообщено сенату, который открыл дебаты по этому вопросу и объявил о том, что было совершено святотатство и церемонию празднества Доброй Богини следует повторить, а виновного наказать. В середине января следующего года Цезарю пришлось развестись с Помпеей. Сохранилось упоминание о его полном достоинства ответе на вопрос, заданный ему во время процесса над Клодием, которого, впрочем, оправдали в мае 61 года: «Почему же ты развелся с женой? — Потому что никого из моих близких не должно коснуться даже подозрение». [149](#) Из этой переделки Цезарь вышел с честью и мог при этом рассчитывать на преданную дружбу Клодия, которого спас. [\[61\]](#) После этого он смог отправиться в Дальнюю Испанию, управление которой выпало ему по жребью (*sortitio provinciarum*). Его кредиторы, возражавшие против его отъезда, успокоились после получения крупного займа в 830 талантов, [150](#) предоставленного Крассом. Цезарь уезжал на полуостров уверенный в своей судьбе. Ведь он знал, что рано или поздно Помпей прибегнет к его помощи, чтобы поддержать свой авторитет, добиться одобрения своих действий на Востоке, а также обеспечить благополучие своих ветеранов, — в течение всего 60 года эти вопросы в сенате так и не были решены.

Пропретор [151](#) Дальней Испании: 61-60 годы

Наш герой, прославившийся своими ловкими маневрами на Форуме, оказался прекрасным правителем и способным военачальником. Он уже знал эту провинцию, в которую за восемь лет до того был направлен в качестве квестора.

Правитель. Цезарь стремился примирить враждующие между собой города провинции, постарался искоренить последние проявления «варварства», уменьшая подати и устанавливая правосудие. Он проявлял гуманность по отношению к беднякам и к уроженцам провинции, некоторые из которых, например, Бальб, [152](#) попали в его ближайшее

окружение. Тем не менее он без колебаний принимал богатые дары, чтобы иметь возможность погасить собственные долги, а порой ради роста собственной популярности и увеличения добычи не останавливался перед тем, чтобы навлечь на себя ненависть определенных людей.

Воин. Цезарь сурово обходился с мятежными или даже просто подозрительными крестьянами. Он мог бы достаточно легко положить конец разбойничеству в Лузитании, но предпочел повальные репрессии, чтобы запугать всех возможных противников. С тридцатью когортами, из которых десять были набраны из местных жителей, он направился к Герминской горе (mons Herminius, ныне Сьерра де Эстрелья) и в ответ на отказ населения добровольно переселиться на равнину стал истреблять горцев, преследуя их вплоть до морского побережья, до острова Берленги. Для их уничтожения он приказал привести флот из Гадеса. Затем он морем вернулся в Галлецию, высадился в Бригантии (Brigantium, ныне Ла-Корунья), и там началось создание легенды о Цезаре¹⁵³: говорили, например, о его удивительном коне, у которого копыта разделены на пальцы, как человеческие ступни, — как тут не вспомнить о Буцефале и Александре?! Узнав о беспорядках в Риме, Цезарь решил, не дожидаясь окончания срока действия своих полномочий, вернуться в Город. В ореоле легенд, предварявших его появление, он прибыл к воротам столицы, где его ждали как человека, посланного провидением.

Первый триумвират: июль 60 года. Здесь мы имеем дело с настоящим государственным переворотом, совершенным под прикрытием человеколюбивого поступка¹⁵⁴: в самом деле, Цезарь сумел убедить Помпея и Красса в том, что улучшение взаимоотношений между ними послужит не только его, но и их собственным интересам. Было много вариантов сотрудничества. Однако из них был выбран следующий: Цезарь должен был добиться консулата, который станет в его руках орудием молчаливого взаимодействия триумвиров. Их переговоры проходили на Villa publica, за пределами померия.^[62] Это и был первый триумвират — выражение весьма двусмысленное в сравнении со вторым (то есть триумвиратом 43 г.), ибо первый не был оформлен институционально. То был частный союз, созданный для того, чтобы управлять Республикой, «постоянный заговор» (conspiratio), по словам Тита Ливия¹⁵⁵, предвыборный сговор с целью завоевания консулата, переросший, однако, затем в совместное управление государством. Трудно точно определить дату заключения этого союза. О его существовании стало известно только

тогда, когда проявились его первые результаты. В январе 59 года о нем сообщили Цицерону, но тот отказался поверить. Во всяком случае, его следует отнести ко второй половине июля 60 года, когда Цезарь ринулся в кампанию по выборам консулов на следующий год. Он как раз достиг необходимого возраста для того, чтобы выставить свою кандидатуру. В конце июля или в августе 60 года его усилия увенчались головокружительным успехом. Цезарь предпочел отказаться от триумфа^[63] и в последний момент выставил свою кандидатуру, которую поддержали Красс и Помпей. Этот подпольный триумвират положил конец свободе.

Консул 59 года

Цезарь двумя законами загоняет сенаторов в угол. Предложив закон о вымогательстве (*lex Iulia de repetundis*) и аграрный закон (*lex Iulia agraria*), Цезарь предоставил заботам второстепенных персонажей нападать на слабое место нобилей: их судебные полномочия. Речь шла о том, чтобы показать, в чьих интересах и какими способами действует правящая аристократия. Затем-то Цезарь и внес *lex Iulia de repetundis*, которому предстояло с этих пор регулировать взаимоотношения между правителями и подчиненными. Согласно этому закону представители власти не имели права принимать от тех, кем они управляли, подарки стоимостью свыше 10 тысяч сестерциев. Податные списки следовало вывешивать в двух городах каждой провинции, а один экземпляр — в Риме, на стенах эрария (государственной казны). Закон предусматривал все виды должностных злоупотреблений. Жертвы вымогательства имели право получить возмещение имущества, отданного в залог (*usucapio*), с вымогателя или с его наследников в течение года после его смерти, а сам несправедливо обогатившийся приговаривался к штрафу в четырехкратном размере, а в ряде случаев мог быть даже исключен из числа сенаторов. Таким образом, хотя бы теоретически, этот закон был важен как с моральной, так и с политической точки зрения: люди больше не должны были подвергаться вымогательствам со стороны тех, кому требовалось пополнить свои богатства, истощенные возросшими расходами на участие в выборах.¹⁵⁶

Второй мерой был аграрный закон. Полученные по этому закону земельные наделы не могли отчуждаться ранее, чем через 20 лет. Получателями наделов должны были стать бывшие солдаты (ветераны

Помпея) и безработные городские пролетарии. Однако, в отличие от законопроекта Рулла, Кампанский земельный фонд (ager Campanus) не подлежал разделу. Военная добыча Помпея должна была компенсировать издержки по приобретению земли мирным путем. Выполнение закона было поручено комиссии из двадцати членов¹⁵⁷, в которую вошли Помпей и Гн. Треллий Скрофа. Катон попытался организовать обструкцию в сенате. Цезарь отправил его в тюрьму и решил вынести законопроект на обсуждение народного собрания. Катон и Бибул снова попытались обрушиться с нападками на Цезаря, однако их спихнули с трибуны. Тогда Красс предоставил свои гарантии, а Помпей произнес одобрительную речь, вызвавшую рукоплескания, и Цезарь предложил народу попросить защиты у Помпея. Бибул хотел было прибегнуть к интерцессии, но натиск противников вынудил его отступить.^[64] Закон прошел в том виде, в каком был составлен Цезарем, и сенаторам пришлось его соблюдать под страхом гражданской смерти: все, даже Катон, поклялись подчиниться ему. Трусость сената вызвала у Бибула столь сильное отвращение, что он заперся у себя в доме. Тогда Цезарь стал «править» единолично. Он ополчился на сенаторов. Когда проконсул Антоний Гибрида возвратился из Македонии, покрытый позором взяточничества и поражений, М. Целий Руф привлек его к суду. Цицерон выступил защитником, однако Антоний был осужден. Цицерон совершил промах, выступив с нападками на Цезаря в тот самый день, когда тот помог Клодию стать плебеем.^[65] Последний смог в результате выставить свою кандидатуру на выборах плебейских трибунов и в свою очередь вступить в борьбу против неосмотрительного Цицерона.

Козыри Цезаря. Чтобы завоевать симпатии всадников, Цезарь снизил на треть сумму, которую откупщики налогов обязались внести в казну по условиям проводившихся цензорами торгов. Одновременно он обеспечил себе благосклонность Помпея, Красса и жителей провинций, которым были снижены подати.

Он добился одобрения действий Помпея на Востоке: Лукулл, опасаясь преследований за лихоимство, не стал препятствовать, и распоряжения Помпея были по инициативе консула утверждены.

По его же предложению сенат провозгласил Птолемея Авлета другом и союзником римского народа. Таким образом подготавливались основания для вторжения в Египет. Во всяком случае Птолемей Авлет прислал 6 тысяч талантов, которые Цезарь и Помпей поделили между собой, а Красс,

будучи кредитором Цезаря, косвенным образом также извлек выгоду из этих денег.

В апреле 59 года во втором аграрном законе было предложено разделить также и *ager Campanus*.

Так всего за два месяца сенаторы увидели, как их власть уменьшалась и подвергалась осмеянию. Женившись на дочери Л. Кальпурния Пизона, Цезарь выдал за Помпея свою единственную дочь Юлию (это произошло не позднее 1 мая).

Еще до выборов консулов этого года сенат определил, какие провинции достанутся в управление будущим консулам после окончания их полномочий, и это были две малозначительные области: *Silvae* («леса») на краю Бруттия и *Calles* («тропы») вокруг Брундизия.^[66] Теперь же П. Ватиний¹⁵⁸ предложил передать Цезарю управление Цизальпинской Галлией вместе с Иллириком сроком на пять лет и с правом самому выбирать легатов и выводить колонии, а также с предоставлением ему трех легионов. При поддержке Помпея и Красса плебисцит прошел, не встретив возражений. Загнанные в угол отцы-сенаторы расщедрились и добавили Трансальпийскую Галлию^[67] и четвертый легион. Цицерон выступил с обличением подобного «царствования» (*regnum*) и на три месяца исчез из Рима. Ничто не мешало Цезарю нанять себе сторонников и добиться летом 59 года избрания Клодия трибуном на следующий год. Избранными 18 октября 59 года консулами были: А. Габиний, человек Помпея, и ставленник Цезаря, его новый тесть Л. Кальпурний Пизон. В ответ лишь писались памфлеты, например «Трехглавие» (*Tricaranus*) Варрона, множились непристойные намеки на «царицу Вифинскую», звучавшие даже со сцены театра; Курионы выступали с неистовыми речами,^[68] Помпея освистали на Форуме. Можно задать себе вопрос, не были ли Курионы агентами-провокаторами Цезаря. Ведь это молодой Курион убедил Цицерона в том, что Клодий готов, став трибуном, опротестовать действия Цезаря. Цицерон попался в эту ловушку и открыто продемонстрировал свою ненависть к Цезарю, который принял это к сведению. Одновременно Л. Веттий пустился в неправдоподобные обвинения против молодых людей из окружения Куриона, которые якобы замыслили убить Помпея.^[69] Сенат приказал Веттия арестовать. Цезарь заставил его публично подтвердить свои разоблачения в отношении двух своих врагов — Лукулла и Цицерона. Спустя несколько дней Веттий был найден мертвым в своей тюрьме. Цезарь сумел избавиться от неудобного свидетеля, но при этом, несомненно, воспользовался его так называемыми

показаниями. От этой клеветы и этих провокаций Республика медленно умирала.

Таким образом, в конце 59 года Цезарь оказался самым могущественным из триумвиров, ибо был облечен империем. Чтобы остаться единоличным хозяином государства, ему на пять лет было предоставлены командование, войско и перспектива войны, что давало возможность «теперь-то всех оседлать»[159](#).

Глава III В ПОГОНЕ ЗА ЛЮБОВЬЮ

В Риме погоня за почестями всегда обставлялась определенными правилами: существовал возрастной ценз для соискания каждой магистратуры, было необходимо соблюдать временной интервал перед каждой последующей должностью, а стремительное восхождение по ступеням карьеры свидетельствовало о знатности рода и его богатстве — выборы обходились недешево — ничуть не меньше, чем о личных качествах и политическом таланте кандидата. Итак, Юлий Цезарь в период между 78 и 59 годами, то есть за двадцать лет, без заминок прошел все этапы карьеры, неизменно взбираясь на очередную ступеньку в минимально допустимом по закону возрасте. В этом он не отличался от своих современников — аристократов-патрициев. Но в это же самое время он прославился благодаря скандальной хронике, безоглядно оскверняя альковы своих конкурентов.

Донжуанский список

Единственный любовник: Никомед Вифинский

Прежде всего следует разобраться с вопросом: был ли Цезарь гомосексуалистом? Надо ли доверять слишком изящно сформулированной фразе: «Он был женой всех мужей и мужем всех жен», которой мы обязаны злomu языку Куриона-отца?¹⁶⁰ Конечно, молва есть молва, однако что же все-таки стоит за этой басней, возникшей в результате пребывания Цезаря в Вифинии у царя Никомеда¹⁶¹, которому он якобы дважды отдавался? Светоний, охотно изображавший все, происходившее в те времена, как непристойности, отмечает, что репутация Цезаря как содомита возникла исключительно в результате его пребывания у Никомеда¹⁶² и что вплоть до его консульства он в насмешку величался «Вифинской царицей». Светоний приводит подробности: в компании других миньонов Цезарь якобы

прислуживал как виночерпий Никомеду на большом празднике, в котором принимали участие несколько римских торговцев. Конечно, нельзя не принимать во внимание совпадение свидетельств, среди которых есть свидетельства Цицерона и претора 58 года Г. Меммия¹⁶³, выступавшего против постановлений Цезаря по окончании срока его консульства. Эта единственная история была у всех на устах в течение всей жизни Юлия Цезаря до такой степени, что во время галльского триумфа 46 года солдаты пели следующие сатирические вирши:

Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря:
Нынче Цезарь торжествует, покоривший Галлию, –
Никомед не торжествует, покоривший Цезаря.^[70]

И этот народный куплет равносильно оправданию, поскольку невозможно отрицать, что чувственность Цезаря заставляла его добиваться любви женщин, в чем он себе никогда не отказывал¹⁶⁴. Можно сказать, что его любовь была избирательна и он соблазнял только высокородных дам. Таким образом, он не выходил за пределы своего круга и ни в коей мере не опускался: ведь у него был достаточно большой выбор кандидатур для внебрачных любовных связей.

Три законные жены

По правде говоря, неловко и упоминать трех или четырех законных жен Цезаря в рассказе об этой любовной гонке. В Риме, в семьях сенаторов, женитьба была частью политической стратегии, а не любовных походов. Мы уже видели, как помолвка с Коссудией служила хитрой уловкой для того, чтобы избежать жреческой должности фламينا Юпитера (*flamen dialis*). В 84 году Цезарь женился на Корнелии, дочери ставшего в четвертый раз консулом Л. Корнелия Цинны,¹⁶⁵ чтобы продемонстрировать свою приверженность партии Мария. Однако смерть тестя, последовавшая в конце того же года, и возвращение Суллы свели на нет все надежды, которые мог породить подобный союз. Цезарь отказался подчиниться настоятельному требованию диктатора развестись с Корнелией: это был дерзкий и красивый поступок в отношении супруги,

которая подарила ему единственного ребенка, рожденного в браке, — дочь Юлию. В 69 году Цезарь с большим чувством произнес в честь Корнелии надгробную речь. Затем он женился на Помпее, дочери консула 88 года Кв. Помпея Руфа¹⁶⁶ и Корнелии, дочери Суллы. Это был явно политический союз, нацеленный на то, чтобы приблизиться к Помпею как «восходящей звезде» того времени, и этот союз продлился всего шесть лет. В январе 61 года Цезарь развелся с Помпеей, замаравшей себя скандалом во время праздника Доброй Богини. Затем, в 59 году, для того, чтобы усилить свою «партию», Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Кальпурния Пизона, которого затем провел в консулы 58 года.¹⁶⁷ Этот третий брак оказался последним, в мартовские иды 44 года Кальпурния стала его вдовой, а Кальпурний неизменно поддерживал все начинания своего зятя. Испытывал ли Цезарь любовь, привязанность к своим женам? Наверняка — к Корнелии, но также и к Кальпурнии, которая разделила с ним заботы и надежды последних лет с таким достоинством, что, как жена великого понтифика, избежала любых подозрений, хотя ей приходилось мириться с доказательствами многочисленных измен ветреного супруга.

Многочисленные внебрачные связи Цезаря

Светоний¹⁶⁸ не претендует на то, чтобы представить полный список внебрачных любовных побед Цезаря. Он отмечает, что среди прочих тот соблазнил Постумию, жену Сервия Сульпиция,¹⁶⁹ Лоллию, жену Авла Габиния,¹⁷⁰ Тертуллу, жену Марка Красса¹⁷¹ и даже жену Гнея Помпея Муцию¹⁷², которая изменяла своему мужу, пока тот сражался против Митридата. Даже если возвращение в Рим стало горьким для Помпея Великого и он развелся с Муцией, тем не менее он без колебаний взял в жены дочь Цезаря Юлию, к величайшему возмущению обоих Курионов, отца и сына. С 78 года Цезарь испытывал великую страсть к Сервиллии, матери Марка Брута, который на деле был сыном Цезаря¹⁷³.^[71] Цезарь осыпал ее дорогими подарками¹⁷⁴, помог отсудить в ее пользу огромные владения, продававшиеся с аукциона, — среди них имения Понтия Аквилы, — и несомненно также пользовался благосклонностью ее дочери Терции!

Цезарь не ограничивал круг своих любовных походов только женщинами из высшего римского сенатского общества. Он не раздумывая соблазнял жен знатных провинциалов, на что намекали солдаты в песенке,

с которой вышагивали во время галльского триумфа Цезаря в 46 году:

Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии¹⁷⁵.

Среди его любовниц были и царицы, одна из них — царица Мавритании Эвноя, жена Богуда¹⁷⁶. Он засыпал ее подарками, но не забывал при этом и супруга!

Цезарь и Клеопатра

Именно с Клеопатрой Цезарь пережил исключительное любовное приключение, настолько тесно связанное с политикой, что мы вполне можем поставить под сомнение наличие реальной страсти, которую ошибочно считают роковой. Клеопатра не была роковой женщиной, очаровавшей стареющего Юлия Цезаря: от этого стереотипного образа Ж. Каркопино не оставил камня на камне¹⁷⁷.

Пал ли Цезарь при первой встрече с царицей Египта жертвой «любви с первого взгляда», приковавшей его к покоренной им правительнице? Разумеется, он передал ей, в равной мере как и ее брату-супругу Птолемею XIV, царство и в качестве платы за щедрость разделил с нею ложе. У пятидесятитрехлетнего соблазнителя разыгрался аппетит на юную двадцатилетнюю женщину, несомненно весьма честолюбивую, но отнюдь не заслуживающую прозвища «коронованной блудницы»¹⁷⁸.

Вопреки более поздним, неизменно тенденциозным источникам Клеопатра не производит впечатления женщины, очарование которой заслуживало бы особого восхищения¹⁷⁹. Это подтверждается иконографическими документами, являющимися нам ничем не примечательное лицо, «мужеподобную» физиономию, — ничего такого, что могло бы пленить диктатора.

Он решил принять ее в Александрии, и только при его содействии она смогла вновь проникнуть в царский дворец. Плутарх приукрасил этот факт и придумал эпизод в духе похождения Рокамболя, в котором царицу, завернутую в мешок для постели, как бы случайно приносят в покои Цезаря!

В любом случае, связь римлянина с египтянкой ни в коей мере не могла повлиять на его политику в отношении Египта. Он вовсе не собирался аннексировать это теократическое государство, но хотел поставить его правителей под свой пристальный контроль. Когда Птолемей XIV, изгнанный 25 марта (4 февраля 47 г.), нашел свою смерть, оказавшись в лагере враждебных Цезарю египетских сановников, Клеопатра по настоянию последнего вышла замуж за своего второго брата, который стал править под именем Птолемея XV. В течение трех месяцев Цезарь плыл вместе с ней вверх по Нилу на таламеге,^[72] увеселительном корабле, в котором брачные покои были особо красиво украшены. Он сумел воспользоваться этим романтическим путешествием для сбора полезной информации. В конце июня (начале мая 47 г.) Цезарь покинул Клеопатру, чтобы отплыть в Азию, где назревало восстание Фарнака. Таким образом, в этой истории Цезарь вовсе не только поддался напору чувств: у него на уме были лишь достоинство римской державы и интересы государства¹⁸⁰. Оставленные в Александрии три римских легиона служили для венценосной супружеской четы залогом вольной или невольной верности.

Той же заботой о государственной пользе можно объяснить пребывание Клеопатры в Риме, продолжавшееся больше года вплоть до смерти диктатора. Он не спешил звать ее в Рим, куда она приехала только после 1 сентября 46 года, и не оказывал ей особого внимания после того, как вернулся из Мунды. Он поселил ее не в *Domus regia*,¹⁸¹ где жила его супруга Кальпурния, а в своих садах на правом берегу Тибра.¹⁸² Возможно, его привязанность к ней уже ослабла к этому времени. Ведь в первой половине 45 года, находясь в Южной Испании, он нашел новую избранницу: царицу Эвною, супругу Богуда Мавританского.

Итак, страсть Цезаря сводится к мимолетному увлечению. И если диктатор вызвал Клеопатру в Рим, то только потому, что хотел сделать очевидной власть Рима над Египетским царством. Кроме того, в Вечный город ее сопровождал Птолемей XV. Засыпанная дарами, она тем не менее не могла вернуться в Египет и оказалась, таким образом, неофициальной узницей. Марк Антоний восхвалял Цезаря за это подчинение Риму египетской царицы.¹⁸³

Подобная политическая подоплека отношений между Цезарем и Клеопатрой не позволяет верить, будто бы у Цезаря от Клеопатры был сын Цезарион. Уже в древности эту легенду оспаривали современники, как Николай Дамасский,¹⁸⁴ так и секретарь Цезаря Опий.¹⁸⁵ Цезарю тем более легко отказать в этом отцовстве, что анализ документальных свидетельств, в частности переписки Цицерона, позволяет датировать

рождение Цезариона самое позднее 20 апреля 44 года, когда Клеопатра уже сошла на берег после побега из Рима в начале апреля этого же года. Вполне возможно, что настоящим отцом ребенка был Антоний, у которого были и время и возможность встречаться с Клеопатрой в ее садах на берегу Тибра в 45 году. Появившийся на свет Цезарион должен был быть зачат около 20 июля 45 года, когда Цезарь воевал в Испании. Если Клеопатра претендовала на то, что родила Цезариона от Юлия Цезаря, то только для того, чтобы досадить приемному сыну Цезаря Октавию, выдвинув предполагаемого конкурента — родного сына диктатора. Действуя от имени Антония при посредничестве Долабеллы, в начале 43 года она разделила трон с этим ребенком, рожденным месяцев за десять до этого, и нарекла его Птолемеем XVI вместо Птолемея XV, который весьма кстати скончался незадолго до этого. Египетские и греческие тексты стали с этих пор упоминать среди царских имен «Птолемея, прозванного Цезарем», — по крайней мере покуда царице Египта нужно было напоминать об этом апокрифическом отцовстве. В свою очередь и она использовала этот плод своей греховной любви в перипетиях политики, балансируя между Октавианом и Антонием. Надо признать, что и ее «покровитель» Цезарь не повиновался исключительно порывам любовной страсти: он умел подчинять их политическим перспективам превращения Египта в вассальное государство.

Итак, Цезаревы солдаты в своих веселых песнях восхищались жизненной энергией того, кого они провозгласили императором: ничто не могло перед ним устоять. Противник склонялся перед его военным гением, женщины, не могли сопротивляться его искусству обольщения. Для Цезаря речь шла о том, чтобы явить миру вечную молодость и создать новый миф, который слился бы с идеей о вечности Рима. Имеет ли при этом смысл говорить о любовных чувствах как самого Цезаря, так и его женщин? Катон¹⁸⁶ был прав, когда сказал: «Невыносимо, что общественная власть протуируется браками и женщин используют для того, чтобы распределить между кумовьями провинции, армии и власть». Скандальное поведение Муции напоминает водевиль: жена изменяет мужу, занятому военными действиями вдали от дома. Однако это не мешает Помпею спустя несколько месяцев принять из рук Цезаря новую жену, его дочь Юлию, несмотря на то, что она была уже помолвлена с Сервилием Цепионом. Декорации устанавливались на политической авансцене, и нам никогда не узнать, чем в большей мере руководствовался Цезарь: соображениями государственной пользы, сердечными страстями или физиологической потребностью.

Исключительная способность Юлия Цезаря к обольщению

Что же так нравилось в нем женщинам? Несомненно, лицо, известное нам по бюстам и монетам. Эти документы отнюдь не подтверждают мнения Светония¹⁸⁷, который считал лицо Цезаря слишком полным. Во всяком случае, один из денариев¹⁸⁸ передает нам его портрет в конце жизни: худощавое лицо, тонкая шея, хорошо очерченный нос, тонкие и чувственные губы, открытый взгляд. Светоний сообщает, что глаза его были черными и живыми.¹⁸⁹ Жизненные испытания, тяжелые военные кампании оставили свой отпечаток на его облике и, несомненно, сделали его взгляд более выразительным, более нервным. Цезарь всегда торопился, казалось, он всегда устремлен вперед. Он был нетерпелив и всегда проявлял непреодолимое желание завоевывать, но при этом не изнурял свое тело, общаясь с проститутками или пьяницами, потому что не был склонен к злоупотреблению вином.¹⁹⁰ Будучи в добром здравии и тщательно ухаживая за собой, он приберегал страстные порывы своего хорошо сложенного, пропорционального тела¹⁹¹ для жен своих друзей или врагов, — прекрасный способ одерживать двойную победу! Даже его лысина, обнажавшая широкий лоб, как на бюсте, хранящемся в Копенгагене,¹⁹² — притягивала к себе взгляд, ибо Цезарь блистал умом и решительностью. Не одна женщина поддалась его чарам, но сам он не позволял Венере управлять собой, он лишал исключительности власть этой богини, переходя из объятий одной любовницы в объятия другой. Но эта сила соблазителя не ограничивалась сферой чувственности. Умея пленять сердца и тела, он стремился, благодаря свойственной ему харизме, управлять миром и хотел установить в нем свое царствие (regnum).

КНИГА ВТОРАЯ

СЫН МАРСА?

Цезарь, сын Венеры, не мог упустить возможности объявить своим отцом Марса — мифического предка рода Марциев Рексов, из которого происходила его бабка. Военный гений Цезаря действительно кажется чем-то божественным, идет ли речь о завоевании Галлии или о кампаниях, которые он вел для того, чтобы положить конец гражданским войнам. Конечно, он умел окружить себя способными легатами, но всегда сам принимал решения как в области стратегии, так и в области тактики, где в полной мере проявились его гениальность и интуиция, заставлявшая поверить в нисходящее с небес вдохновение или, во всяком случае, в содействие богов: по крайней мере, именно эту веру Цезарь всегда поддерживал в доверчивом общественном мнении.

Однако предлагая заглавие «Сын Марса?», не поддаемся ли мы желанию сохранить некую симметрию, которая самого Цезаря весьма бы удивила, а то и разгневала? Ведь он ни разу не упоминает своего «божественного предка» ни в «Записках о Галльской войне», ни в других сочинениях, даже в тех, которые принадлежали перу его окружения, прекрасно знавшего его заветные желания и потаенные планы. Он говорит только о своей Фортуне, и это — еще один способ остаться самостоятельным и не афишировать свою независимость.

Зададим предварительный вопрос: отдавал ли Юлий Цезарь с самого начала предпочтение театру военных действий в Галлии? Его власть в Цизальпинской Галлии, области, богатой воинами и зерном, позволяла направиться либо в Иллирик, либо в Косматую Галлию.^[73] В то время, в начале 61 года, область Иллирика внушала особые опасения: племена даков, объединенные под властью царя Бурбисты, осмелились выйти из своих горных лагерей и стали угрожать Аквилее и даже Иадеру (Задар). Риму — а значит, и Цезарю — нужно было изгнать дакские племена из Северной Италии и Далмации и утвердить буферную провинцию между Италией и Дунаем. Однако Бурбиста остановил свое продвижение, угрожавшее стратегическим и торговым интересам римских правящих классов, вернулся к своим «святилищам» в Трансильванию и в марте 59

года повернул на восток, начав свой «Drang nach Osten», в результате которого в 43 году разрушил Ольвию (Одессу) на Черном море.¹⁹³

Таким образом, у Цезаря оставалась более серьезная забота — Нарбонская Галлия, жемчужина среди западных римских провинций, особая сфера интересов всадников, которые даже грубыми методами сумели если не установить в ней полный порядок, то хотя бы привести ее в приличное состояние. Оказавшись под угрозой в результате миграций германских племен, стремившихся перейти через Рейн, эта провинция должна была получить защиту от их алчных намерений. Таким образом, жребий был брошен быстро: именно Косматой Галлии — Галлиям^[74] — было суждено в течение последующих восьми лет служить трамплином для Цезарева честолюбия.

Глава I

ХАРИЗМА ПОЛКОВОДЦА

Приобрел ли Цезарь талант завоевателя или родился с ним? Несомненно, он с должным пылом занимался устройением своей карьеры и уверенно проходил все ее ступени, умея в трудное время избегать подводных камней. Итак, на пять лет он стал проконсулом Косматой Галлии, не оценив полностью все подстерегающие его там опасности, которые соответственно угрожали и его положению в государстве. Ему предстояло оказаться лицом к лицу с необходимостью завоевывать страну, которую он плохо знал. Ему предстояло помериться силами с отважным и многочисленным противником. Волей непредвиденных обстоятельств ему суждено было преподнести в дар Риму провинцию, которой тот не ожидал, а самому Цезарю эта провинция должна была обеспечить власть и славу, то есть те два рычага, без которых нельзя было подчинить себе государство.

Сенатор по определению должен иметь склонность к командованию армией и обязан откликнуться на любое предложение сената подавить восстание местных племен, а порой и вести войну на уничтожение, даже если его военный «багаж» весьма невелик. Высшее политическое сословие в государстве оставалось также высшим военным сословием. Конечно, каждый промагистрат^[75] имел свой совет (consilium), в который входили военные трибуны и центурионы, по большей части старые вояки, заработавшие отличия на полях сражений, а не в кулуарах сената или в укромных уголках альковов. Так что решения могли и даже должны были приниматься с их участием. Цезарь, конечно же, созывал свой совет, излагал перед ним в подробностях сложившееся положение и сообщал о своем решении. Совет удовлетворялся тем, что одобрял решение своего руководителя, который и брал на себя полную ответственность за военные действия и поручал легатам исполнение своих приказов¹⁹⁴. Однако чаще всего он действовал сам, например¹⁹⁵, он сам принимает решение продвигаться в направлении Скальдиса (Шельды), и это главенство военачальника выражается в том, какое значительное место занимает сам Цезарь в тексте «Записок о Галльской войне». Как главное действующее лицо он является движущей силой каждого события, решение о котором он

принимает в одиночку, но это не значит, что необдуманно.

Он не жалеет времени на предварительные расспросы, например, находясь у треверов, справляется о путях доступа¹⁹⁶; поручает убийцам разослать многочисленных разведчиков, чтобы получить от них донесения¹⁹⁷; при случае сам опрашивает пленных¹⁹⁸. Так что Цезарь никогда не принимает необдуманных решений, он приходит к ним логичным и рациональным путем. Например, у Цезаря было «немало оснований» ожидать еще более серьезного восстания в Галлии¹⁹⁹. «По двум причинам» он решает переправиться через Рейн²⁰⁰. Он умеет выиграть время, чтобы подумать²⁰¹. Иногда он решает отложить сражение²⁰², но обычно, если идея сражения уже ясно сформулирована, он без колебаний наступает²⁰³. Цезарь сообщает легатам и квестору о своем решении ни на день не откладывать сражение²⁰⁴; иногда быстрые действия оказываются единственным средством спасения армии²⁰⁵. Если бой начат, его следует энергично закончить²⁰⁶, ибо успех, по мнению Цезаря, зависит от стремительности²⁰⁷ и неожиданности.²⁰⁸ Цезарь предпочитает передвигаться быстро, и этому обязан большей частью своих успехов:²⁰⁹ он никогда не дает передышки побежденному противнику.²¹⁰

Такая стремительность, такое воодушевление в бою требовали от Цезаря исключительного физического напряжения. Будучи отличным наездником, он, чтобы нагнать свое войско, преодолевал верхом невероятные расстояния. Умея без усталости ходить, он продвигался вперед днем и ночью,²¹¹ и во время сражения он постоянно был на виду как у противника, так и у своих войск: его красный плащ командующего²¹² привлекал к себе удары первых и надежды последних. Будучи смелым до безрассудства, он личным примером поддерживал храбрость в своих людях; он рисковал собственной жизнью для того, чтобы показать войску, что жизнь солдат ценнее его собственной жизни.²¹³ Он без колебаний вырвал щит из рук одного из солдат и выступил на передовую линию.²¹⁴ Во время битвы при Мунде²¹⁵ в Дальней Испании все видели, как он один ринулся вперед с обнаженной головой, отражая щитом брошенные противником дротики, и приблизился к вражескому строю на расстояние шести метров! Увидев столь безумную храбрость, римские легионеры перестроились и вновь пошли в атаку. Требовательно относясь к самому себе и никогда не отдыхая,²¹⁶ он мог требовать жертв и от других, но старался при этом беречь своих людей и избегать бессмысленных потерь.²¹⁷

Мог ли такой военачальник, столь близкий своим солдатам, не стать популярным? Он обращается к центурионам, называя каждого по

имени.[218](#) Он лично поздравляет их и трибунов.[219](#) Возможность получить отличие из рук главнокомандующего воодушевляла солдат, и во время сражений каждый соперничал с другими в храбрости и отваге. Каждый был убежден, что сражается на глазах у Цезаря, как если бы император видел все, что происходит.[220](#) Похоже, что даже в отсутствие Цезаря солдаты, которых он столько раз вел к победе, были убеждены в том, что он присутствует при сражении.[221](#) Можно ли себе представить нечто более действенное, нежели подобная харизма военачальника?

Цезарь постоянно проявлял заботу о снабжении войск, а значит, об их благополучии, и старался беречь их силы для сражений. Разумеется, союзники римского народа, например эдуи, непременно должны поставлять официально обещанное ими зерно. Если новый урожай еще не созрел, они должны были привозить зерно из своих зернохранилищ.[222](#) От регулярности поставок зерна для людей и фуража для коней — представьте себе число повозок, необходимое для каждого легиона! — зависел моральный дух войска. Добывание провианта проходит лейтмотивом через каждую главу «Записок»: Красс запасует зерно в Анжу;[223](#) VII легион посылается на жатву хлебов;[224](#) в 54 году Лабиен остается на континенте, чтобы поставлять зерно;[225](#) в 53 году Цезарь сам следит за поставками зерна.[226](#) Эти поиски пропитания настолько важны, что в 52 году Верцингеториг в окрестностях Аварика занимался тем, что подстерегал посланные на поиски фуража и зерна отряды и уничтожал их.[227](#) В 52 году приходится добывать зерно в окрестностях Алезии.[228](#) Цезарь продолжал заботиться об этом и после сдачи Верцингеторига во время последних всплесков восстания в Галлии в 51 году.[229](#)

Независимо от того, доставляли ли провиант — добровольно или по принуждению — союзники римского народа или это делали отдельные подразделения легионов, в любом случае армия Цезаря жила за счет страны. Цезарь вел поиск провианта как нескончаемое сражение, все время возобновляющееся и неизбежно увенчивающееся победой: речь шла о здоровье людей, о мощи животных, а следовательно — об эффективности военной силы. Это снабжение войск могло бы открыть огромные возможности для обогащения наименее щепетильных поставщиков. Однако они здесь почти не заметны, потому что зерно и фураж давали очень низкую прибыль. Куда выгоднее были операции по ввозу вина из Италии; растительное масло, рыбный соус и соль также приносили больше прибыли. Почтенный римский всадник Г. Фуфий Цита[230](#) получил от Цезаря поручение надзирать за поставками продовольствия; мулов и повозки поставлял Вентидий Басс.[231](#) Может быть, допустимо даже

говорить о некоем лобби обосновавшихся в Галлии римских торговцев, влиявшем на военные замыслы Цезаря? Такое представление было бы ошибочным, ибо, даже если император был падок на деньги, он слишком любил самолично пользоваться прерогативами главнокомандующего, чтобы позволить каким-то купцам, которых зачастую ненавидело местное население, диктовать, как ему себя вести. Он ограничивался тем, что на полях сражений мстил за них.

Можно ли точно обозначить качества Цезаря как стратега и тактика?

Возражая против недавно высказанного Кристианом Гудино положения, отводящего в судьбе Цезаря слишком большое место случаю и недоразумению, приведем следующее высказывание полководца:²³² «Цезарь предвидел, что Верцингеториг именно так и поступит, то есть выступит из области битуригов по направлению к стране арвернов». Это предвидение ни в коей мере не было результатом божественного откровения или «неземной» интуиции, а основывалось на наблюдениях и размышлениях над полученной информацией. Таким образом, стратегический план разрабатывался рационально, а для того, чтобы быть отличным стратегом, нужно обладать воображением, и К. Гудино, хотя и отрицает наличие у Цезаря макиавеллиевского плана, приписываемого ему Ж. Каркопино, признает, что он обладал блестящей интуицией: никакой хитрости и коварства, но все же...

У Цезаря прекрасное чувство местности. Он понимает преимущества топографии и выбирает хороший наблюдательный пункт, чтобы следить за тем, как разворачиваются действия во всей их полноте. У командующего должно быть глобальное видение происходящего, даже если речь идет всего лишь о небольшой стычке с противником²³³. Цезарь действует в соответствии с данными, полученными в результате наблюдения²³⁴, и часто принимает решение действовать осторожно²³⁵.

У Цезаря имелась осадная техника, и, судя по его описанию, осада им галльских столиц, таких, как Кенаб,^[76] Аварик,^[77] не говоря уж об Алезии,^[78] — может считаться и подвигом, и проявлением мужества. Что до мостов через Рейн, то они давно вызывают восхищение специалистов военно-инженерного искусства и изображены на прекрасных гравюрах в труде Наполеона III. Цезарь оказался замечательным флотоводцем, он приказал построить целый флот для того, чтобы перевезти его легионы в Британию, и в этом деле еще более, чем прежде, не оставлял никакой инициативы легатам: здесь он тоже сам решал и сам приказывал²³⁶, например, сосредоточить корабли флота в гавани Ития (Portus Itius)²³⁷. Его

присутствие подогревало и, даже можно сказать, разжигало храбрость войск.

Ясность мысли, храбрость, личное участие, умение строить человеческие взаимоотношения — Цезарь был наделен всеми этими добродетелями, которые ведут военачальника к победе. Оказавшись в трудном положении, он отступал, нередко нарочно уступал поле боя²³⁸, а затем снова начинал тревожить противника. Благодаря харизме присутствие полководца служит самой надежной гарантией упований солдат. Солдаты были уверены, что звезда удачи не покинет их, как не покинет она Цезаря. Однако в отсутствие главнокомандующего гарантии успеха больше не было, и в 54 году римская армия оказалась разбита эбуронами²³⁹.

Ни разу Цезарь не взывает к миру богов — даже самых официальных богов Римского государства — с просьбой о том, чтобы его армии даровали еще больше шансов на победу. Цезарь поминает только Фортуны, не столько как случайность, сколько как богиню, которая управляет судьбой человека²⁴⁰ и порой подтверждает предвидения человеческого ума²⁴¹. Цезарь отдавал предпочтение уму, который, можно сказать, укрепляет руку Фортуны. «Помоги себе сам, и тебе поможет небо». Так заклинают силу судьбы, роль которой в военных событиях велика²⁴², и Цезарь не мог исключить неожиданные вмешательства случая в ход войны²⁴³, в особенности когда речь шла о том, что его легаты оказались разбиты в пух и прах, как это случилось в 53 году с Кв. Цицероном. Чтобы не подчеркивать вину этого несчастного и не упрекать его в неправильной оценке ситуации, Цезарь облегчает сердце, говоря о вмешательстве всемогущей Фортуны²⁴⁴. Его призывы и благодарности небу не достаются. Заклиная судьбу и пытаясь подчинить ее себе, Цезарь рассчитывает только на самого себя: фортуна ведет к счастью (*felicitas*)²⁴⁵.

Небо не могло оказать никакой помощи в завоевании Галлии. Однако будучи искусным и осторожным завоевателем, Цезарь старался по возможности меньше проливать кровь своих легионеров и сопровождал военные действия дипломатическими кампаниями, которые, несомненно, не всегда были удачными, но он всегда умел обеспечить себе надежных и верных союзников.

Конечно, на протяжении всех «Записок» Цезарь осуждает непостоянство галльских племен. Данное слово подкреплялось выдачей заложников, обычно вождей или их сыновей. Однако при первом же удобном случае союзы разрывались, и предательства, поначалу тайные, становились явными. Цезарь научился пользоваться разногласиями между

галльскими племенами, амбициями одних, обидами других, и мастерски вел эту игру. Вот он создает видимость того, что слово остается за собранием племен, и созывает, согласно установленному им же самим правилу²⁴⁶, всеобщее собрание представителей всей Галлии (*concilium totius Galliae*²⁴⁷). Он предпочитает правовые методы для обуздания честолюбивых, могущественных и богатых.

Он с упорством²⁴⁸ ведет эту двойную политику и неоднократно, причем зачастую в решающие моменты войны, созывает этот *concilium Galliarum*²⁴⁹: он располагает представительным органом галльских племен и считает вождей (*principes*) законными посредниками. Этому собранию он объявляет о своих намерениях, о своих указаниях и создает видимость открытости для того, чтобы лучше укрепить свой авторитет: не правда ли, это похоже на то, как он ведет себя в своем совете? С другой стороны, такая дипломатия позволяет опираться скорее на цезарианскую, нежели на проримскую партию и внутри одного племени оказывать поддержку одному клану в противовес другому. Разделяй и властвуй. Цезарь всегда следовал этому девизу, столь же древнему, как и сама история Рима; он настойчиво и успешно применял его.

Цезарю было абсолютно необходимо собирать сведения для составления плана кампании, и дружественные племена или расположенные к нему члены кланов оказывались в его распоряжении как осведомители. Он располагал целой сетью давних сторонников, ибо Рим не скупился на титул «друга римского народа», дав его эдуям, арвернам в Кельтике, нитиоброгам и лакторатам в Аквитании. Каждый раз, когда восставшее племя просило у него прощения, Цезарь, требуя заложников, пресекал любую измену и даже подозрительную нерадивость. Систематически забирая заложников, он предупреждал любые возможные восстания в первую очередь потому, что заложниками становились в основном сыновья вождей, как в случае с племенем ремов²⁵⁰. Поощадив по просьбе эдуев союзных им белловаков, Цезарь потребовал шестьсот заложников²⁵¹. Часто такие заложники служили гарантией мира, обретенного благодаря жесту милосердия со стороны Цезаря, который только выигрывал, заставляя верить в то, что верные Риму племена будут обладать в Галлии высшей властью. Адуатуки не напрасно зывали к его милосердию²⁵²: подобная дипломатия прощения часто обеспечивала ему союзников. В 55 году²⁵³ он склонял каждого из вождей треверов к союзу с Цингеторигом: он был заинтересован в усилении доверия к человеку, проявившему исключительную преданность, а также в том, чтобы подорвать доверие к Индутиомару, в верности которого сомневался.

Наконец, чтобы удержать в зоне римского влияния народы, склонявшиеся к измене или виновные во враждебных действиях, Цезарь прибегал и к террору. Он велел убить всех венетских сенаторов,^[79] потому что венеты с неуважением отнеслись к статусу римских посланников.²⁵⁴ Он приказал убить эдуа Думнорига, предавшего его в 54 году во время экспедиции в Британнию,²⁵⁵ а в следующем году — сенона Аккона, зачинщика заговора сенонов и карнутов;²⁵⁶ позднее он приговорил к смерти карнута Гутуатра.²⁵⁷

Подобная гибкая дипломатия, менявшаяся применительно к тому или иному племени в зависимости от момента, соединялась с искусством ведения войны. Чтобы доказать свою добрую волю, привлеченные на сторону римлян племена должны были поставлять сведения. Таким образом Цезарь всегда был в курсе намерений каждого и в случае необходимости мог изменить первоначальный план кампании. Иной раз сражения бывали выиграны благодаря вмешательству посланников, и это значительно повышало престиж Цезаря. Анализ политической ситуации соединялся с военной интуицией, и это придавало еще больший блеск харизме Цезаря. Несмотря на несколько неудачных сражений, — от которых сам он зачастую оставался в стороне, — его репутация непобедимого военачальника привлекала к нему и солдат, и общественное мнение как в Галлии, так и в Риме.

Глава II

ЗАВОЕВАТЕЛЬ ГАЛЛИЙ

Мы не станем говорить: «Завоевание Галлий», — эта глава истории была написана уже много раз и совсем недавно заново освещена талантом Кристиана Гудино. Мы же, исследуя это полное драматических событий время, охватывающее сто десять месяцев войны и сто десять месяцев политического маневрирования, будем следить за конкретным человеком — Юлием Цезарем, ибо именно он один решал и создавал в то время свое и политическое, и военное будущее.[258](#)

Первые победы Цезаря (58-57 годы)[259](#)

Цезарь меж двух опасностей — галльской и германской

Восстание аллоброгов (Вьенна) дало сигнал к перемещениям племен Кельтики, которые могли в результате своих миграций перекроить общественно-политическую карту Галлии. Чтобы не допустить этого, сенат распространил на Галлию сферу применения плебисцита Ватиния, проведенного в конце апреля 59 года.

За действиями галльских племен в первую очередь просматривались честолюбивые замыслы германского вождя Ариовиста, предводителя свевов (свебов). Он привел их из Бранденбурга в Швабию, получившую от них свое имя, через долины Неккара и Майна проник в самое сердце Германии, а после этого стал использовать каждый удобный случай, и в особенности разногласия среди галлов, для того, чтобы перейти через Рейн и поселиться на их землях. Арвернская федерация только что распалась.[\[80\]](#) Благородный провидец Кельтилл был убит, потому что его обвинили в попытке захватить царскую власть. Чтобы восстановить свою гегемонию, арверны вступили в союз с секванами Юры против эдуев Нивернэ и Морвана и опирались на свевских наемников, которых секваны попросили

у Ариовиста. Секваны получили помощь, но Ариовист потребовал от них за это треть их территории. Они отказали и были разбиты им осенью 61 года. Вместе с эдуями в начале следующего года они опять потерпели поражение, в результате которого в руках Ариовиста оказался весь Верхний Эльзас. Перед лицом опасности сенат в оказавшиеся под угрозой области назначил обоих консулов²⁶⁰: Л. Афраний получил Цизальпинскую, а Кв. Метелл Целер — Трансальпийскую Галлию. Подобная решимость произвела впечатление на Ариовиста, и он не стал двигаться дальше, так что даже Цезарь в начале своего консульства признал за ним титул царя и друга римского народа. Таким образом, Цезарь выжидал и старался, прежде чем вмешаться, играть на противоречиях между двумя угрожающими силами: германцами и галлами.

Галлы предоставили ему такую возможность. Желая противопоставить честолюбивым замыслам Ариовиста единый галльский фронт, эдуй Думнориг стал уговаривать свой народ обратиться к секванам. А у тех сын свергнутого царя вступил в переговоры с гельветом Оргеторигом. Эти трое составили заговор в пользу установления монархии для совместного отпора свевам. Однако друид эдуб Дивитиак, старший брат Думнорига, сообщил обо всем в Рим. Увидев, что его намерения разоблачены, Оргеториг покончил с собой, и план галлов рухнул. Рим не мог допустить, чтобы Галлия спаслась сама: он желал вмешаться, чтобы принести ей спасение. Растерявшиеся после самоубийства Оргеторига гельветы решили отступить перед свевами, и весной 58 года в Риме распространились слухи о том, что гельветы, предав огню 12 400 своих городов и деревень, собираются всем народом переселиться на запад, взяв с собой соседние племена боев, раураков и даже германцев — латовиков и тулингов, в общей сложности 368 тысяч человек, из которых 18 тысяч способных носить оружие. Эти завышенные цифры приводит Цезарь, чтобы хорошенько напугать Рим. Гельветы намеревались переправиться через Рону возле Генавы. Цезарь решил отбросить их обратно, чтобы защитить Нарбонскую Галлию, а затем последовать за ними в независимую Галлию, путь в которую был бы после этого для него открыт.

Победа Цезаря над гельветами

Общий сбор гельветов был назначен на 28-24 марта 58 года. Для того

чтобы пройти в земли сантонов, с которыми их связывала давняя дружба, у них было два пути. Первый, лежавший правее, позволил бы избежать нарушения римской границы, но был очень узок и проходил между горными кручами, грозя многими опасностями. Другой путь, лежавший левее, вынуждал их пройти через земли алоброгов, то есть через римскую провинцию. Намеревались ли они так и поступить? Во всяком случае, Цезарь должен был их остановить. Вместе с Т. Лабиеном²⁶¹ он покинул Рим в середине марта, принял в Генаве (Женеве) командование X легионом, приказал разрушить мост через Рону и велел набрать дополнительное войско в Нарбонской Галлии. Гельветы направили к нему послов с просьбой разрешить им пройти через Провинцию, не причиняя ущерба.

Цезарь решил выиграть время и отложил ответ до апрельских ид (13 апреля), чтобы иметь возможность воздвигнуть сплошной вал от Генавы до Па-де-Леклюз. Затем 13 апреля он отказал гельветам в праве прохода. Он обвел их вокруг пальца, прежде чем разбить в пух и прах. Тогда гельветы просят секванов разрешить им пройти севернее. Цезарь решает, что нельзя упускать столь удобный случай для начала вторжения, находит хитрый предлог для этого, заявив, что территория сантонов находится в непосредственной близости от племени толосатов (хотя на самом деле их разделяют 200 км), и распространяет слухи о вымышленном нападении гельветов на его линию укреплений. Цезарь покидает Женеву и во весь опор мчится в Аквилею, где собираются VII, VIII и IX легионы. Он пополняет свое войско двумя новыми легионами, набранными в Цизальпинской Галлии (XI и XII), и, перейдя через Альпы, пересекает сначала земли воконтиев, затем земли аллоброгов и наконец на территории сегузиавов переправляется через Рону у ее слияния с Соной.

Тем временем гельветы наконец получили разрешение пройти через страну секванов и направились через Па-де-Леклюз в направлении территории эдуев. Эдуи были разделены: одни поддерживали Думнорига, другие — вергобрета^[81] Лиска или Дивитиака, который вернулся из Рима в Бибракте (ныне Мон-Бевре). Грабежи, причиненные гельветами, настроили общественное мнение против Думнорига, и он отказался от руководства кампанией. Новое «большинство» попросило защиты у Рима. Цезарю оставалось лишь радоваться: у него появился готовый предлог для преследования гельветов, и он мог рассчитывать на поставки продовольствия. Более того: особую законность этому предлогу придавало то, что предполагалось прийти на помощь тем, кто гордился званием «братьев и родственников римского народа».

Цезарь не смог помешать гельветам форсировать Сону. Ему удалось

захватить врасплох только тигуринцев,^[82] шедших в арьергарде. Это произошло 6 июня 58 года. Цезарь провел свое войско по мосту, попытался завязать переговоры, затем бросил в погоню конницу эдуев. Однако она оказывается недостаточно агрессивной, и по вполне понятной причине: ею командует Думнориг! Дивитиак осуждает предательство своего брата, которого Цезарь всего лишь отстраняет от командования. Тогда Цезарь начинает активные действия против гельветов и разбивает их у Монмора (?) в сражении, в котором храбрость сочеталась с рассудочностью. Наш командующий перебил 80 тысяч гельветов, из них 37 тысяч тигуринцев. Остальным он позволил спастись бегством, но передал лингонам приказ не кормить их. После тщетной попытки сопротивления гельветы приняли его условия: дать заложников и вернуться в свои земли. Десять тысяч боев были поселены на территории эдуев между реками Луарой и Алье и должны были получать зерно из запасов аллоброгов. Таким образом Цезарь завоевал репутацию милосердного, а главное, гельветы стали с этих пор щитом между свевами и Нарбонской Галлией.

Победа Цезаря над Ариовистом (август-сентябрь 58 года)

Одержанная победа не заставила Цезаря забыть о том, что свевы представляют реальную угрозу. Избавив эдуев от опасности, которую им несли гельветы, он мог надеяться освободить их также от угрозы со стороны свевов. В Бибракте было созвано собрание всех народов Кельтики. Они единодушно решили противостоять Ариовисту, потребовавшему от секванов новых уступок. Дивитиак от имени всех стал молить Цезаря о помощи. Надо было убедить сенат в необходимости отказаться от прежней политики дружбы со свевами, то есть повернуть общественное мнение в Риме. По существу, только провокация свевов могла вызвать римское вторжение.

Ариовист отказался от встречи, предложенной галлами, заявив, что будет поступать с ними так, как ему заблагорассудится. Он захватил область треверов, потеснил гарудов на земли секванов и сам выдвинулся из Свабии (Швабии) в Верхний Эльзас. Цезарь приехал из Бибракте в Везонтион (Безансон) к секванам и пообещал своим войскам предпринять еще одну попытку договориться. В августе 58 года на разыгранной, как в театре, встрече Ариовист предлагает Цезарю поделить мир, причем он,

Ариовист, оставит за собой Галлию. Цезарь вынужден отказаться: принеся свободу галлам, Рим не может лишить их ее. Поскольку в это время на нескольких сопровождавших Цезаря легионеров произошло нападение, он прервал переговоры. Теперь оставалось только воевать. Свевы были опрокинуты, и в Эльзасе насчитали 80 тысяч погибших. Свевы отступили за Рейн, который с этих пор стал границей, отделяющей римлян от варваров. Рим же смог распространить свое господство на народы, попросившие у него помощи. Цезарь вернулся в Цизальпинскую Галлию в ореоле славы от двойной победы: над гельветами и над Ариовистом. Он передал Лабиену командование в землях секванов, которые должны были предоставить римским войскам кров и обеспечить пропитание. Это значило, что римляне уже вели себя как завоеватели, что не могло не вызвать озлобления у других народов, например у галлов Белгики.

Покорение белгов

Благоволение Цезаря к эдуям пробудило зависть у других племен. У арвернов и секванов было ощущение, что у них просто сменился хозяин, и многие стали искать помощи для того, чтобы от него избавиться. Лабиен известил Цезаря о том, что белги собираются объединить против эдуев и Рима адуатуков (ныне Намюр), эбурунов (ныне Тонгерен) и кондрусов, живших между Юи и Льежем. Кроме того, белловаки (Бовези) расторгли связывавший их с эдуями договор о дружбе.

Итак, весной Цезарь набрал в Цизальпинской Галлии XIII и XIV легионы и в мае соединился с ними в верховьях Марны. Двое ремов, из числа первых лиц этой общины, прибыли заверить его, что не вступали в союз с остальными белгами; они предложили дать заложников и провиант. Кроме того, Цезарь мог положиться на нейтралитет леуков (Туль), медиоматриков (Мец) и треверов на Мозеле. Тогда Цезарь натравил эдуев на белловаков и перешел в наступление. Он разбил объединенные силы противника у Краона и преследовал его вплоть до Новиодуна, главного города суессионов (в 3,5 км от Суассона). Белловаки капитулировали, амбианы (Амьен) сложили оружие.

В конце лета Цезарь атакует нервиев (Геннегау и Брабант), атребатов (Артуа), веромандуев (Вермандуа), настигает их у реки Самбры и разбивает. Затем он выступает против адуатуков и эбурунов, окружает

Намюр (?) 4,5-километровым рвом и таким образом вынуждает их сдаться. Передумав, осажденные предпринимают вылазку, и четыре тысячи из них погибают, а 33 тысячи жителей — проданы в рабство. В это же время П. Красс,²⁶² сын триумвира, по приказу Цезаря отправленный во главе легиона в земли венетов, венеллов, осисмов, кориозолитов, эзубиев, авлерков и редонов, смог доложить проконсулу, что все эти прибрежные народы, живущие возле океана, подчинились Риму.

Так в августе 57 года Галлия оказалась покоренной, не будучи покоренной по сути. Даже народы Арморика склонились перед величием римского народа и направили посольство к Крассу. Разумеется, Цезарь прекрасно понимал, что страна еще не созрела для присоединения к Риму, однако боевые походы совершались с целью накормить его легионы и пополнить мощну триумвиров. В это время он издает первые две книги своих «Записок», в которых драматическое описание событий еще выше поднимает в глазах римлян его славу и доблесть. Вернувшись на зимние квартиры в Цизальпинскую Галлию, он получает от сената решение о 15-дневном благодарственном молебствии богам в свою честь, — такого числа дней еще не удаивался никто. Таким образом Цезарь еще более укрепляет свое влияние в Риме.

Закрепление Цезарем внутренних и внешних успехов (58-54 годы)²⁶³

Маневры Цезаря и ответные маневры сената

Находясь вне Рима, Цезарь оказался перед необходимостью добиваться двух противоположных целей: с одной стороны, усиливать триумвират в противовес сенаторам, а с другой — не давать оставшимся в Риме триумвирам возможности воспользоваться его отсутствием для ослабления его собственных позиций. По счастью, трибун Клодий,²⁶⁴ против всех ожиданий, помог ему обеспечить себе преимущество перед остальными членами крепнущего триумвирата.

Цезарю удалось удалить Катона, послав его на Кипр,¹⁸³ а от Цицерона он избавился с помощью Клодиевого Закона об убийстве римского

гражданина (*lex Clodia de capite civis Romani*), согласно которому всякий римлянин, казнивший римского гражданина без предварительного приговора римского народа, должен был подвергнуться гражданской смерти — «лишению воды и огня», то есть изгнанию. Цицерон не мог не почувствовать угрозу и стал искать поддержки у Цезаря, который предложил взять его с собой в качестве легата в одну из своих провинций. Это означало нейтрализовать Цицерона, и, следуя коварным советам Помпея, Цицерон отклонил предложение. Тогда Цезарь спустил с цепи Клодия. Тот созвал чрезвычайное собрание (*contio*), на котором Цезарь поддержал его позицию в защиту заговорщиков-катилинариев. Впоследствии Цицерон смог вернуться из изгнания только благодаря благорасположению Цезаря (4 августа 57 г.) и ответил любезностью, добившись принятия сенатского постановления о 15-дневном благодарственном молебствии богам в его честь. Однако проявив свою полную слепоту, Цицерон после того, как изолировал Помпея и нанес тому множество обид, стал поддерживать замыслы врага Цезаря Домиция Агенобарба,²⁶⁵ который собирался, как только станет в 55 году консулом, отменить империй Цезаря в Галлии. Поговаривали о том, чтобы пересмотреть Юлиев закон 59 года о разделе *ager Campanus*, и Цицерон выступил за его отмену. Это была грубая тактическая ошибка, потому что наделы из этого земельного фонда получали ветераны Помпея. Поэтому, когда Помпей узнал, что Красс поехал в Равенну, где с 6 апреля 56 года находилась штаб-квартира проконсула Галлий, он уступил и отправился на встречу с ним.

Соглашения в Луке (15 апреля 56 года): превосходство Цезаря

Помпей отправился в Луку на назначенную проконсулом²⁶⁶ встречу. Цезаря сопровождали Красс, пропретор Сардинии Аппий Клавдий²⁶⁷ и проконсул Испании Кв. Метелл Непот.²⁶⁸ Вот основные пункты соглашения: Красс и Помпей должны были стать консулами 55 года и устранить таким образом врага Цезаря Л. Домиция Агенобарба. В обмен на продление полномочий Цезаря Помпей получал обе Испании, а Красс — Сирию. Хотя и казалось, что Цезарь делится выгодами своего положения с триумвирами, на деле он значительно усиливал свои собственные позиции, получив преимущество при этом будто бы справедливым дележе. Крассу

предстояло ввязаться в Сирии в тяжелую кампанию, а поход на Евфрат держал бы его вдаль от Рима. Помпею должны были достаться две замиренные провинции, которые не могли принести ему большой славы. Таким образом интересы Италии и Рима оказывались в зоне действия Цизальпинской Галлии, а следовательно — проконсула Галлий. Помпей оказался вынужден работать на Цезаря, потому что было необходимо избежать обычного — и единственно законного — распределения провинций в 56 году на 55 год, а срок действия закона Ватиния истекал в конце 55 года. Примирение троих мужей повлекло за собой отречение Цицерона от его прежних позиций. Он стал поддерживать планы Цезаря: его своевременное отсутствие в сенате положило конец пересмотру аграрных законов 59 года. Набрав вдвое больше легионов, Цезарь требовал, чтобы их содержание оплачивалось из казны, и добивался назначения десяти легатов. Цицерон выступил по этому вопросу и составил декрет, вполне удовлетворявший запросы Цезаря. Тогда он, к всеобщему изумлению, потребовал, чтобы сенаторы приняли постановление, по которому империй триумвира был бы выведен из-под действия провинциальных законов. Следовало подтвердить командование Цезаря, поскольку он отменил «Альпы» как границу. Сенат покорился. Цицерон извлек из этого отступничества некоторую выгоду: его брат Квинт стал легатом Цезаря. В свою очередь, солдаты, отпущенные на зиму по домам, [\[84\]](#) провалили кандидатуру Домиция и поддержали избрание Помпея и Красса [269](#). В конце марта 55 года консулы провели закон (lex Pompeia Licinia), по которому империй Цезаря продлевался на срок, равный сроку их собственного наместничества в соответствующих провинциях. Таким образом, Юлий Цезарь получил в свое распоряжение еще пять лет, ведь именно его войска обеспечили избрание консулов, которые отличились весьма посредственным законотворчеством и непомерным тщеславием, увенчанным празднованием освящения театра Помпея, в ходе которого было перебито 500 львов и 17 слонов. На деле всем руководил засевавший в Галлии Цезарь. С Помпеем в конце апреля 55 года он договорился о том, что его бывший легат Габиний не станет торопиться на обратном пути из Сирии, а займется возвращением на трон Египта Птолемея Авлета. Через подставное лицо Цезарь воплощал одно из своих самых давних желаний — установление римского протектората над Египтом — и при этом сумел обойтись без своих сотоварищей. Египетская операция могла бы задеть интересы одного лишь Красса, но, по договоренности с Помпеем, Цезарь нацелил его на Сирию и завоевание Парфии: действительно, Плутарх [270](#) утверждает, что именно Цезарь в своих письмах к Помпею поощрял планы

парфянской экспедиции.

Военные вылазки (56-54 годы): растущая слава Цезаря

А сам Цезарь продолжал оказывать давление на общественное мнение в Риме, забрасывая столицу реляциями о всевозможных победах: в 56 году его легат Титурий Сабин²⁷¹ прошел с тремя легионами по землям эбуровиков (Эвре), лексовиев (Лизье), венеллов (Котентин); П. Красс,²⁷² сын триумвира, во главе двенадцати когорт и с помощью верных союзников Рима пиктонов, сантонов, нитиоброгов (Ажен) и лакторатов (Лектур) разбил ополчение земли Сое, в которое входили вокаты, вернее васаты (Базас) и тарусаты (Тартас), а также союз иберийских племен; Децим Брут²⁷³ и Цезарь одержали победы над венетами Морбиана. В конце лета Цезарь решил замирить всех еще не подчинившихся моринов и менапиев, однако непогода вынудила его отвести свои войска в земли аулерков и лексовиев.

В 55 году²⁷⁴ слава Цезаря еще более возросла. В то время как его войска находились на зимних квартирах в Цизальпинской Галлии, огромное число узипетов и тенктеров, изгнанных свевами из Нассау, перешли Рейн и распространились по обоим берегам Мааса. Цезарь взялся изгнать их, представ в роли спасителя менапиев, которых годом раньше покарал за недостаток у них проримского энтузиазма. При первом же появлении Цезаря вторгшиеся племена стали умолять его дать им разрешение остаться в землях менапиев. Цезарь отказал и дал только три дня, чтобы они могли вернуться в Германию. Воспользовавшись в качестве предлога постигшим его конницу поражением,^[85] которое он приписал вероломству варваров, Цезарь перебил всех, кто находился в лагере противника, то есть около четырехсот тридцати тысяч человек. Затем, развернув масштабные работы, он перебросил через Рейн деревянный мост со сплошным настилом, покоившимся на сваях. Он двинулся на свевов, но те отступили. Тогда Цезарь переходит обратно через Рейн и разрушает этот мост, чудо инженерной мысли и прочности. И, наконец, он отправляется в Британию во главе двух легионов, которые перевозит на восьмидесяти кораблях. Эта экспедиция продолжалась с 27 августа по 29 сентября и завершилась тяжелыми, но победоносными сражениями против бриттов.

Так Цезарь удивлял мир и показывал, насколько он свободен в своих

действиях и решениях. Ведь ни в lex Vatinia, ни в lex Pompeia Licinia не было ни слова ни о Британии, ни о Германии. С другой стороны, Цезарь облегчил жизнь населения Галлии, перенес войну на территорию чужих племен и став, таким образом, защитником их свободы, вернее безопасности. Он создал миф о германских варварах, противостоящих цивилизованным галлам, и укреплял связи с различными галльскими вождями, делая их своими клиентами. В 56 году он восстановил царскую власть у карнутов; в том же году передал сыну Кельтиллы Верцингеторигу отцовскую власть над арвернами. В 54 году он поставил Кальварина царем над сенонами, а Комм получил царскую власть сразу и над атребатами, и над моридами. В своей главной ставке Цезарь председательствует на общегалльском собрании и обращается теперь с Галлиями как со своей провинцией.

Общественное мнение в Риме было зачаровано этими сообщениями, которые Цезарь в конце 55 года включил в III и IV книги своих «Записок». Он стал певцом имперских амбиций, и сенат, покоренный такой славой и такими доходами, постановил провести в его честь 20-дневное благодарственное молебствие, то есть на пять дней дольше, чем предыдущее. Цицерон приветствовал его подвиги в 56 году в речи «В защиту Бальба» (Pro Balbo)²⁷⁵ и в следующем году в речи «Против Пизона» (In Pisonem).²⁷⁶ Оратор провел защиту нескольких не особо достойных дел, например дела клеветы Цезаря П. Ватиния, который обоснованно обвинялся в подкупе избирателей, а потом вернулся легатом к Цезарю. Цицерона толкала на это постоянная нехватка денег, и он прибегал к щедрости Цезаря. Он восхищается талантом и образованностью Цезаря, который в 55 году посвятил ему свой трактат по стилистике «Об аналогии» (De analogia). Цицерон был убежден в незыблемости триумvirата и рискнул написать: «Конечно, все во власти наших друзей [триумvirов], и нет никаких примет того, чтобы это положение изменилось, покуда живо наше поколение».²⁷⁷ Определенно, Цицерон был не только форменным ослом (asinus germanus), но еще и не имел ни малейшего понятия о политической истории.

Проконсул Галлии оказывается в трудном положении (54-52 годы)

Для того чтобы триумvirат сохранился, было необходимо выполнение

трех условий. Прежде всего Цезарь должен был включиться в игру, поддерживая то одного, то другого, чтобы навязывать свои взгляды и оказываться всякий раз вдвоем против одного. Далее, его дочь Юлия, выданная замуж за Помпея, служила залогом гармонии в отношениях между тестем и зятем. Наконец — и это важнее всего — Цезарь должен был постоянно одерживать военные победы в Галлии. Как только любое из этих условий переставало выполняться, грозила обрушиться вся система, ибо именно на них покоилось все ее здание.

Череда несчастий

В сентябре 54 года, разрешившись от второй беременности, умерла Юлия. Это трагическое событие причинило боль Помпею, и Цезарь не стал покуда изменять своего завещания, по которому Помпей являлся наследником всего его имущества. Однако погребальные почести, оказанные покойной Цезарем, в том числе и возведение гробницы на Марсовом поле, вызвали размолвку между этими двумя людьми: Помпей предпочел бы похоронить ее в Альбе, Цезарь же, ссылаясь на требования плебса, умело направляемые в нужное русло, хотел, чтобы место погребения, где упокоилось его достойное обожествления чадо, было освящено. Перед лицом смерти любимой дочери он думал лишь о себе и снова остался один.

В 53 году наступил черед Красса,²⁷⁸ устранившегося парфянами в результате битвы при Каррах (9 июня — 28 мая 53 г.), где римляне не досчитались двадцати тысяч человек убитыми и тридцати тысяч пленными. Красс погиб 12 июня (1 июня) этого года.^[86] Равновесие триумvirата оказалось нарушено.

Осенью 54 года осложнилось военное положение в Галлии. Тем не менее в тот год Цезарь построил флот из шестисот транспортных судов, которым оказывали поддержку 28 длинных боевых кораблей. Флот был сконцентрирован в Итии (Itius Portus, Булонь). Во главе четырех легионов и тысячи восьмисот всадников Цезарь выступил против затеявших заговор тревиров. Он уладил политический конфликт и дал им царя, которого поставил в зависимость от себя. Затем он направляется в Итий и в начале августа отплывает в Британнию. Он закрепляется на берегу возле Кентербери (?). Буря разметала часть судов, и Цезарь строит лагерь. Он

переходит в наступление и, испытав превратности военной удачи, овладевает крепостью царя Кассивеллауна, который сдается и соглашается платить дань. 20 сентября Цезарь возвращается в Галлию, переправив войско через море в два приема.

Из-за нехватки хлеба он размещает легионы на зимние квартиры во многих галльских общинах. И вот тогда вспыхивает восстание эбуронов и они нападают на лагерь Адуагука (Тонгерен), которым командовал легат Сабин. Вождь эбуронов Амбиориг предложил ему перевести свои отряды в земли ремов в лагерь Лабиена, ибо, по его словам, восстала вся Галлия. Растерявшийся Сабин поверил ему, и 15 когорт, офицеры и солдаты, были перебиты. Амбиориг осадил Кв. Цицерона в его лагере на реке Самбре, и в это время стали восставать и другие племена: ареморики, сеноны, треверы. И так, кельты и белги снова поднимали голову против Цезаря.

Цезарь, находившийся тем временем на зимнем отдыхе в Самаробриве (Амьен), отреагировал решительно. М. Красс, старший сын триумвира, получил приказ привести в Самаробриву легион, размещенный в землях белловаков. Цезарь взял также легион Требония для того, чтобы прийти на помощь осажденным у Самбры. Кроме того, он призвал Г. Фабия, вызвав его легион из земли моринов, чтобы соединиться с ним на марше. Он разбил эбуронов и выручил Кв. Цицерона в ноябре этого года, что подняло боевой дух легионов и подорвало уверенность побежденных в своих силах: ареморики и сеноны успокоились. Не прекративший сопротивления вождь треверов Индутиомар был обезглавлен.^[87] Конечно, Цезарь мог занести на свой счет ряд успешных действий, но подавление не было окончательным. Он решает остаться на всю зиму в Самаробриве — решение чрезвычайное, показывающее, насколько нестабильна была ситуация. Он просит подкреплений, чтобы отомстить за шесть тысяч римлян, перебитых в Адуатукке. Помпей посылает ему XIV и XV легионы, а также отправляет один дополнительный легион из своих войск в Испании, и этот легион становится VI в армии Цезаря. Это была очень мощная военная сила, которой предстояло пройти через адские испытания.²⁷⁹ У нервиев в Самаробриве Цезарь созвал в марте 53 года общегалльское собрание, на котором не присутствовали три наказанных им народа: треверы, сеноны и карнуты (апрель 53 г.). Далее он отправляется в земли менапиев, переходит через Рейн и приходит к убиям. Он готовит наступление на свевов, которые отступают в дальние земли. Затем Цезарь переходит обратно через Рейн и возводит на левом берегу башню и укрепленный лагерь. Он размещает в Адуатукке свои резервные силы, и в течение трех месяцев три колонны римлян будут разорять страну эбуронов. В сентябре этого года на собрании

Цезарь выносит смертные приговоры, но Амбиорига найти не удалось. Не обращая внимания на возмущение в Кельтике, Цезарь мог написать, что в Галлии воцарился покой. Он смог вернуться в Цизальпинскую Галлию, однако расположение его войск показывает, насколько он был обеспокоен положением в Галлии: два легиона в землях белгов, восемь — в Кельтике, из которых два — у лингонов. Таким образом, он поставил шесть легионов в стране враждебно настроенных сенонов. Могла ли подобная диспозиция защитить Цезаря от всеобщего восстания?

Всеобщее восстание в Галлии[280](#)

13 февраля (23 января) 52 года в торжественной обстановке друиды, праздновавшие 6-й день луны зимнего солнцестояния в лесу карнутов, дали сигнал к всеобщему восстанию в Галлии. Принеся клятву, к карнутам присоединились авлерки, ареморики, анды и туроны, паризии и сеноны, арверны, кадурки, лемовики. В Кенабе (Орлеан) перебили всех римских жителей, чтобы, как некогда Митридат, сделать отступление невозможным. У этого восстания, направленного на то, чтобы вернуть былую военную честь и свободу, был выбранный вождь — царь Верцингеториг.

Верцингеториг. Мы не знаем, как он выглядел, потому что голова, чеканившаяся на его монетах, представляла не то Аполлона, не то Минерву. Мы ничего не знаем о его характере, ибо Цезарь, приводя его речи, старался преувеличить силу противника. Но благодаря Плутарху и Диону Кассию мы можем все-таки набросать его портрет. Красноречивый и смелый, он питал ненависть к рабству. Его страстное неприятие римского владычества позволило ему пробудить — пусть еще в весьма туманном виде — галльский патриотизм. Энергичный и решительный, он проявлял неумолимую властность, хотя и не всегда отличался неизменным постоянством. Воображение диктовало ему порой чересчур грандиозные планы. Несомненно умный, он порой становился слеп и склонен к мистике. Способный на безрассудную отвагу, он иногда оказывался скован невероятным безволием или падал духом, видя раздробленность галльских народов. Недостаток образованности и культуры ни на йоту не умаляет обаяния его личности. В общем, противоречивый персонаж, величие которого главным образом заключалось в том, что он сумел создать

противовес Фортуне Цезаря.

С самого начала Верцингеториг проявляет незаурядные организаторские способности. Он подавляет сопротивление своих оппонентов, среди которых был его собственный дядя Гобаннитион, либо заставляет их добровольно отправиться в изгнание к римлянам. Он берет заложников, устанавливает контингент союзных галльских войск численностью 80 тысяч пехотинцев, его основную силу составляет конница. Он устанавливает железную дисциплину и более всего старается дать сражения римлянам, прежде чем те успеют отреагировать. Его план таков: в разгар зимы, что само по себе непривычно, в конце января 52 года, он вторгается в земли битуригов. Сенон Драппет должен заблокировать Лабиена с его легионами в Агединке (Сане). Кадурк Луктерий, за которым пошли рутены, нитиоброги и габалы (Жеводан), вторгнется в Нарбонскую Галлию и будет напрямую угрожать Нарбону (Narbo Martius). Таким образом проконсул окажется запертым в Нарбонской области, а Верцингеториг получит полную свободу передвижения по Кельтике. Цезарь ответил на этот план ударом, достойным громовержца. Получив сообщение от Лабиена, он покинул Равенну и в начале февраля был уже у аллобровов во Вьенне, после чего двинулся с конницей на Нарбон. Луктерий был вынужден вернуться в свои горы. Тогда Цезарь идет через перевалы Виварэ, руками своих солдат расчищая их от шестифутовых (1,7 м) завалов снега, обрушивается на Веле (Velay) и отдает его на разграбление. Арверны призывают на помощь Верцингеторига, которому приходится оставить Берри. Цезарь возвращается во Вьенну, где его ждет свежая конница, пересекает страну эдуев и, забрав два легиона из земель лингонов (конец февраля — начало марта), соединяется с основными силами в районе Санса, где и оставляет два легиона.

Победа Цезаря при Аварике. Результаты первого наступления Верцингеторига оказались полностью отрицательными, потому что его действия сдерживали битуриги.^[88] Они намеревались осадить Горгобину, город у слияния Луары и Алье, который незадолго до того эдуи передали боям. Это была ключевая позиция для находившихся вблизи арвернов, в то время как Цезарю было бы сложно оказать ей помощь, так как это увело бы его слишком далеко от его баз. Разумеется, это был логичный план, однако он заставил Верцингеторига потерять много времени, в то время как, по мнению Ж. Каркопино, ему стоило бы лучше укрепить позиции самих битуригов. Дело в том, что Цезарь хотел отомстить карнутах Кенаба за произошедшую в самом начале восстания резню находившихся там

римлян. Выйдя из Агединка, Цезарь запасается фуражом в Веллаудуне, городе сенонов неподалеку от Луанга (Монтаржи), и прибывает к стенам Кенаба, жители которого разбегаются. Он захватывает их в плен, грабит и сжигает город, после чего совершает бросок на Аварик (Бурж). В результате Верцингеториг вынужден отказаться от осады Горгобины и поспешить на спасение Буржа. Цезарь же, взяв Новиодун (Неви-сюр-Беранжон), наголову разбивает его авангард. Тогда Верцингеториг решает перейти к политике выжженной земли, опасной как с психологической, так и с материальной точки зрения: со временем трудности с продовольствием возникли бы у всех, однако на первое время у Цезаря продовольствия хватало, да и зернохранилища Буржа были целы. По прошествии двадцати пяти дней Аварик пал. Для того чтобы захватить его, Цезарь велел построить башню размерами 100 на 300 метров и высотой 22 метра. Измученные долгой осадой римские солдаты пощадили лишь несколько сот человеческих жизней из сорока тысяч жителей города. Они захватили огромную добычу, поскольку это был наиболее укрепленный город битуригов и почти всей Галлии (середина апреля 52 г.).

Неудача Цезаря при Герговии. Вдохновленный этим успехом, Цезарь решил перейти в наступление, недооценив силы восставших, которые почти не заявляли о себе во все время осады. Цезарь передал четыре легиона Лабиену для захвата территории паризиев и их города Лютеции для того, чтобы нарушить сообщение между сенонами, авлерками и карнутами и удерживать в повиновении белгов. Сам же Цезарь с шестью легионами направился к Герговии, столице восставшей Галлии.

Этому стратегическому плану было немало препятствий: Лабиен натолкнулся на хитрую ловушку старого аулерка-эбуровика Камулогена в болотах Эссоны и был вынужден отступить к Мелёну. Он переправился через Сену, поднялся по левому берегу вверх по течению и разбил лагерь на высотах, где теперь находится Сен-Жермен-л'Осеруа. Когда Цезарь был отброшен от Герговии, Лабиен оказался вынужден вернуться в Сане, однако он не мог пройти через северные области, потому что там восстали беллоаки. Он приказал трем легионам перейти через Сену и в долине Гренель разбил Камулогена, который погиб в бою. Лабиену удалось без злоключений добраться до Агединка (Сане), в котором уже обосновался Цезарь после неудачи под Герговией.

Эта неудача, бросившая тень на популярность Цезаря среди римлян и повредившая безупречности его образа, придавала новые силы галльскому восстанию. В конце апреля — начале мая Цезарь встал лагерем у подножия

плато, находящегося к югу от Клермон-Феррана и представляющего собой площадку в 1500 метров с востока на запад и 700 метров с севера на юг, расположенную на высоте 700 метров. На этом плато находилась укрепленная крепость (oppidum) арвернов, которую Верцингеториг постарался сделать неприступной. Неважно, находилась ли Герговия на высотах Мердоньи, как считал Наполеон III, а вслед за ним Ж. Каркопино, или на склонах Клермона, или даже на плато Корана (Corent). В данном случае я вполне разделяю скептицизм К. Гудино.²⁸¹ Прежде чем начать бой, Цезарь дожидался конницу эдуев под командованием Литавикка, молодого аристократа, тайно примкнувшего к восстанию. Когда, находясь в сорока пяти километрах от Герговии, Литавикк обнаружил свое намерение возмутить конницу, Цезарь оказался вынужден двинуться к нему с четырьмя легионами, чтобы обеспечить верность конницы Риму, что не помешало Литавикку перейти на сторону противника: сомнительная преданность конницы эдуев, оставшейся на стороне римлян, не принесла Цезарю той помощи, на которую он рассчитывал. Тем не менее он решил ускорить начало сражения. Завладев одной из высот противника, Белой скалой (Roche Blanche (?)), он соединил ее со своим основным лагерем двумя параллельными рвами глубиной в 4 фута (1,2 м) и шириной в 6 футов (1,8 м). Примерно в середине июня он отдал приказ о штурме крепости. Это нападение, по его плану, должно было застать галлов врасплох и привести их силы в беспорядок. Эффект неожиданности был достигнут вполне, однако весьма скоро защитники крепости опрокинули осаждавших. Цезарь приказал трубить отступление, но в жестокой схватке римская армия потеряла 700 солдат и 46 центурионов. Это отступление было равносильно серьезному поражению, и в июле 52 года все это привело к еще большему накалу страстей: галльское восстание стало практически всеобщим.

Гениальный ход при Алезии и окончательная победа Цезаря

Выбор Алезии

Считается хорошим тоном не верить в гениальность Цезаря-завоевателя и таким образом противостоять точке зрения, высказанной в

знаменитом труде Ж. Каркопино «Алезия и военные хитрости Цезаря» («Alesia et les ruses de Cesar»). Кажется, это так честно — представлять себе, как Юлий Цезарь составляет в Бибракте свою седьмую и последнюю книгу, предаваясь замешанным на страхе воспоминаниям о том времени, когда Верцингеториг угрожал ему своей пятнадцатитысячной конницей, вел политику выжженной земли и перекрывал все пути к отступлению в Италию и на юг. В таком случае создается впечатление, что положение могло быть исправлено лишь вмешательством судьбы или решением богов. Идея Фортуны Цезаря помогает тогда спасти образ вождя, который ни в коей мере не соответствует образу, встающему перед нами при чтении «Записок». Разве не пишет К. Гудино²⁸² о стремительности, о спонтанности решений, несомненно, более возвышающих, нежели отчаянное бегство по направлению к Провинции, которую следовало любой ценой спасти?

Будучи единственным человеком, разрабатывавшим стратегию и принимавшим решения, Цезарь сумел скрыть свой истинный план до такой степени, что даже наши современники, подобно галлам того времени, стали приписывать ему намерения, которых у него не было²⁸³. Будто бы он ссылаясь на безопасность Нарбонской Галлии, которой он ничем не помог в 54 году, когда потерял три легиона и двух легатов. Но с какой стати неудача при Герговии должна была привести к всеобщему отступлению в Провинцию в летний период, когда открыты все перевалы? Впрочем, в 53 году Цезарь укрепил ее оборону. Его легат, которым был не кто иной, как его двоюродный брат Луций Цезарь, провел новый военный набор и в конце концов располагал двадцатью двумя когортами. С другой стороны, несмотря на призывы посланников Верцингеторига, тамошние племена пребывали в спокойствии: аллоброги прикинулись глухими; те же, кто поначалу прислушивался к посланцам Верцингеторига, были вынуждены быстро пойти на попятную. Габалы (Жеводан), независимые рутены и кадурки ограничивались набегами на арекомийских вольков и ни разу не угрожали Ниму. Более того, Цезарь повернулся к югу спиной и вернулся в Сане, где находился Лабие с четырьмя легионами, судьба которых вызвала у него особые опасения²⁸⁴.

Тревога, сквозившая во многих его реляциях, служила нескольким целям: беспрепятственно получить в помощь от Помпея одиннадцатый легион, который прибыл к нему во время осады Алезии, разжечь пыл среди галлов, в особенности среди готовых к измене эдуев, и заставить Верцингеторига двинуться на соединение с ними. Цезарь сам наметил место, где он мог помериться силами с галлами, которые уже представляли

себе, как разобьют его легионы,двигающиеся форсированным маршем в сторону Нарбонской Галлии. Таким образом, действия Цезаря создают скорее образ полководца, способного предвидеть то, что произойдет в действительности, ибо он постиг механизмы, которым подчинялся ход мыслей галльского вождя. Цезарю нужно было заставить Верцингеторига занять такую позицию, где тот считал бы себя неуязвимым, и такое место нашлось. Это была Алезия, где Цезарь, со своей стороны, мог запереть противника. Алезия находилась на полпути между землями эдуев и лингонов, наилучших союзников римского народа, и туда могла бы добраться тайно вызванная из Германии конница.

Итак, мы подошли к одной из наивысших точек нашего повествования. Кто не помнит картинки (в духе изданий Эпиналя) в своем первом учебнике истории для начальной школы, на которых суровый Верцингеториг бросает оружие к подножию трибунала проконсула? Именно в Алезии была решена судьба Галлии, и как не понять многолетнюю борьбу местечковых самолюбий за точную локализацию этого пункта! Сегодня в этом вопросе достигнуто полное согласие: да, это Ализ-Сент-Рен. Это местонахождение Алезии было определено уже раскопками Наполеона III²⁸⁵ и обосновано строгими филологическими изысканиями Ж. Каркопино²⁸⁶, заставившего умолкнуть споры. Раскопки, возобновленные в 1991 — 1992 годах франко-немецкой экспедицией под руководством М. Реддэ²⁸⁷ и З. фон Шнурбайна, аэрофотосъемки, которые с 1960 года проводил Р. Гогей²⁸⁸, позволяют во многом подтвердить достоверность текста Цезаря, так же как и справедливость некоторых выводов Наполеона III, хотя и вносят в них поправки.

Гора Оксуа представляла собой акрополь, просто созданный для того, чтобы оказать сопротивление противнику. Однако сведущий человек мог обнаружить ее слабые стороны. Это место могло привлечь галлов, тем более что Алезия была одним из главных религиозных центров, где почитались Алисан (Alisanos), Укуэт (Ucuetis), Бергузия (Bergusia), Мористаг (Moristagus). Проживали там мандубии, то есть секваны, расселившиеся западнее Соны, провозглашенные проконсулом отдельным народом и верные дружбе с Римом. Так что, оставляя в покое Герговию, Цезарь думал об Алезии.

План был приведен в исполнение с идеальной точностью. Цезарь отправляется сначала в сторону эдуев, а затем к берегам Алье. В Десизе он созывает вождей эдуев, убеждается в их верности, истинную цену которой очень скоро показало избиение римских купцов в Новиодуне (Ножан?, в 8 км от Десизы). Цезарь переправляется через Луару и решает пройти в

земли сенонов. Для него в первую очередь важно было убедить Верцингеторига в том, что он направляется к Агединку (Сане), где находился Лабиен. На самом же деле он приказывает Лабиену выступить вместе с шестью легионами навстречу ему. Цезарь останавливается в Шатильоннэ, где поджидает подкрепление — германскую конницу. Со слов самого Цезаря известно²⁸⁹, что Лабиену потребовалось всего три дня для того, чтобы соединиться с ним, так как он проходил по 30 километров в день и таким образом преодолел сотню километров, отделявших Агединк от южного подножия горы Лассуа. Тогда Цезарь распространяет сообщения, в которых раскрывает свои планы: он намерен добраться до западных секванов, то есть мандубиев, откуда в случае необходимости он смог бы оказать вооруженную помощь Провинции. Верцингеториг убежден, что Цезарь бежит, и, не дожидаясь сосредоточения контингентов, обещанных галльскими племенами, он двигается навстречу Цезарю, располагая лишь вооруженными отрядами арвернов и эдуев. В три перехода он перебрасывает войска из Бибракте на высоту Алезии возле Курсо и бросает в бой конницу, не встав во главе ее. К этому времени Цезарь уже удвоил свои силы, и германской коннице ничего не стоило разбить в пух и прах галлов, которые бежали, оставив в руках римлян троих из своих вождей. Эта стычка состоялась не в долине Дижона, как полагал К. Жюллиан, а к северу от Алезии в одном из двух возможных мест: либо на берегах Кокильи в окрестностях Энье-ле-Дюка, либо неподалеку от ручья Сены возле Бенье-ле-Жуиф. Верцингеториг укрылся в Алезии, к стенам которой на следующий день прибыл Цезарь. Галлы в беспорядке бежали в город. Цезарь приказал разбить лагерь на соседних холмах и поставил перед солдатами задачу обнести город грозными осадными укреплениями (середина августа 52 г.).

Осада Алезии

Для Цезаря, обосновавшегося во Флавињи, и речи не могло быть о том, чтобы снова, как у Герговии, предпринимать штурм; предстояло уморить Алезию голодом, потому что у Верцингеторига для восьмидесяти тысяч человек запасов продовольствия было всего на месяц. Таким образом, победу могла принести только безжалостная блокада. Плато Алезии кажется более неприступным, нежели плато Герговии. Оно имеет

овальную форму, немалые размеры, его обрамляют два притока Бренны: Оза с севера и запада и Озерен с юга. Оно отрезано от внешнего мира обрывами высотой 250 метров, хотя его высшая точка расположена на уровне 418 метров, по высоте плато уступает соседним холмам. Подходя к нему, долина Ле Лом сужается до четырех километров. К северу находится гора Бюсси, к востоку — гора Пенвель высотой 405 метров и гора Флавины высотой 421 метр, где и обосновался Цезарь. По словам К. Жюллиана, подобное место²⁹⁰, казалось, было создано для окружения и осады.

Осадные работы согласно описаниям Цезаря. Имея десять, а вскоре и одиннадцать легионов, Цезарь располагал пятьюдесятью тысячами пар рабочих рук и сумел в совершенстве применить уроки греческой полиоркетики.^[89] Когорты были размещены в двадцати трех лагерях, укреплениях и редутах. Между Озой и Озереном был прорыт большой ров глубиной 20 футов (6 м) для защиты отрядов, занятых осадными работами. Речь шла о том, чтобы концентрически окружить Алезию сплошной контрвалационной линией^[90] (протяженностью 15 км) и циркумвалационной линией^[91] (длиной 21 км), прерывистой в зависимости от неровностей местности. Это было необходимо для того, чтобы отразить нападающих, которые попытались бы прорвать блокаду извне. Между этими двумя линиями находилось пространство шириной 200 метров, обеспечивавшее римской армии свободу передвижения. Так восторжествовал принцип возведения двойных укреплений, который впоследствии применил в Британнии император Адриан.

Данные современной археологии. Контрвалационная, или внутренняя, линия, задачей которой было заблокировать Верцингеторига в Алезии, была обнаружена как в долине Ле Лом, так и в долине Грезиньи у подножия горы Реа, и археологические исследования позволяют воссоздать совершенно по-новому схему этого осадного укрепления.

Оно включает три рва, а не два; описанные Цезарем выдвинутые вперед укрепления находятся не впереди, а позади первого и второго рвов. За третьим рвом на расстоянии трех метров были обнаружены следы семи башен размером приблизительно 2,5 на 3 метра, расположенных на расстоянии 15 метров (50 футов) друг от друга. Эта оборонительная система была не сплошной, поскольку в долине Грезиньи аэрофотосъемка выявила два расположенных друг за другом, а не прилегающих друг к

другу рва; их разделяют 7,5 метра. Перед оборонительным рвом находилось шесть, а то и семь рядов «волчьих ям» — небольших вырытых в глине ям диаметром 40-50 сантиметров, расположенных в шахматном порядке. Такая система в архитектуре осадных сооружений прежде не была известна. Между вторым и первым рвами были обнаружены четыре или пять рядов ловушек, несомненно, оборудованных кольями. О характере циркумвальной линии укрепления длиной 21 километр, то есть внешней линии, повернутой против шедшей на помощь Алезии галльской армии, известно было, что существовали два рва на расстоянии 8 метров друг от друга. Гласис^[92] между двумя рвами был оборудован ловушками.

Текст Цезаря неточен. Он утверждает, что окружил крепость (*oppidum*) двойным рвом, перед которым находилась тройная система оборонительных сооружений. Линия, противостоящая идущим на помощь извне, имела такую же структуру, но Цезарь описывает различные оборонительные сооружения, расставленные вокруг крепости в целях защиты, что указывает на разнообразие использованных средств из арсенала полиоркетики. Следует отметить малую заглубленность оборонительных сооружений, вызванную высоким уровнем грунтовых вод. Это объясняет большое развитие оборонительной системы, развернутой перед валом, в ширину: 22 метра у циркумвальной линии и 28 метров у контрвальной.

Противника удерживали на расстоянии сыпавшиеся дождем стрелы и пущенные пращей ядра; артиллерия помещалась на валах. Противнику пришлось бы преодолевать все эти препятствия одно за другим; а стань он отступить, гласис между рвами стал бы ловушкой. Итак, как в общем замысле, так и в отдельных деталях, например ловушках, явно чувствуется эллинистическое влияние. Всего было четыре линии: *lilia* — волчьи ямы, *stimuli* — с металлическими кольями или шипами, о которых упоминается в одном из текстов Филона Византийского, *cipri* — вонзенные в землю заостренные жерди, и *tribuli* — металлические колючки, опирающиеся на три шипа при том, что четвертый оставался снаружи, представляя собой опасное оружие.

За этим комплексом вздымался вал (*agger*) высотой 2 футов, по верху которого по кругу шла дорога шириной 1,8 метра. Спереди насыпь вала образовывала угол 65-70° к вертикали, что обеспечивало наличие основания шириной в метр. Такая структура годилась для долины Ле Лом; на плато римские валы возводились из сложенных насухо камней. Таким образом, архитектурные решения осадных укреплений Алезии отличались разнообразием, были приспособлены к особенностям

местности и отражали традиционные методы полиоркетики.

Две большие системы укреплений, а также ловушки для людей не оставляли осажденным никакой возможности ни выйти из города, ни получить помощь.

Победа Цезаря: 27 (?) сентября 52 года

Двести тысяч человек, которых ожидал Верцингеториг, все не шли. Надо было как-то прокормить 80 тысяч человек, которые имелись в наличии. Галльский вождь распустил конницу и изгнал из города женщин, детей и стариков, которых Цезарь, в свою очередь, запретил пропускать. 20 сентября появилась галльская армия, но она пришла слишком поздно. Три атаки на гору Реа разбились о линии римских укреплений. Вожди галлов были взяты в плен или перебиты. Эдуи решили отступить, и Цезарь 25-26 сентября уничтожил их арьергард. Тогда Верцингеториг предложил сдаться, на что Цезарь согласился при условии, что ему будет сдано оружие и выданы вожди. Верцингеториг созвал вождей и предложил себя в качестве искупительной жертвы²⁹¹, однако остальные отказались. Тогда, надев на себя самые красивые доспехи, он выехал из города на боевом коне и преклонил колена перед своим победителем. Его сразу же заковали в кандалы, и только после триумфа 26 сентября 46 года в Риме он был задушен в тюрьме (Tullianum). Эдуям и арвернам ради замирения Галлии Цезарь уготовил особую судьбу, а остальных отдал в рабство: каждый из его солдат получил таким образом раба. На этот раз Цезарь не мог не проявить жестокость и непреклонность по отношению к вождю галлов, ибо Верцингеториг поставил под угрозу его дело и его будущее — это была смертельная ошибка, и только смерть могла ее искупить.

Переход через Рубикон (12 января 49 года = 17 декабря 50 года)

Цезарь в фазе затмения

Укселлодун. Военный престиж Цезаря достиг наивысшей точки. Осенью 52 года он публикует V-VII книги «Записок». Сенат провозглашает в его честь еще 20 дней молебствий. Вместе с тем затянувшаяся война подорвала его влияние, ибо он уже слишком долго отсутствовал в Риме, а события в Галлии продолжали и далее задерживать его.²⁹² Зимой 52/51 года он провел в Галлии, в Бибракте, где, по мнению некоторых, и написал все семь книг «Записок о Галльской войне». Несколькими карательными экспедициями он обеспечил мир: в январе-феврале 51 года он разбил в центре страны битуригов и карнутов; кампания против белловаков, которых поднял на войну Комм, задержала его еще на три или четыре месяца; он опустошил земли эбуронов; Лабиен же одержал крупную победу над треверами. Цезарь также истребил войска аремориков, осаждавшие Лемон (Lemonum, Пуатье), и, главное, осадил Укселлодун (Uxellodunum, Пюи-д'Иссолю или какой-то другой oppidum по соседству), где укрылся кадурк Луктерий, поддерживаемый сеноном Драппетом. Осада дала результат только после того, как удалось отвести воду, которую черпали осажденные. Получив предложение о сдаче, Цезарь приказал отрубить правую руку каждому осажденному — жестокое решение, которое походило на казнь за отцеубийство тех, кто отказывался признавать его своим отцом. Оно было продиктовано ожесточением из-за этой осады, которая оттянула окончательное замирение Галлии до 50 года. А ведь уже 1 марта 50 года власть Цезаря могла оказаться под вопросом, а вместе с властью под Укселлодуном была, возможно, поставлена на карту и его жизнь: можно понять его неумолимую жестокость.

Рост самостоятельности Помпея после 54 года. С тех пор как умерла Юлия, Цезарь не видел оснований не доверять своему зятю: в конце концов его легионы в Галлии стояли между Помпеем, оставшимся в Италии, и войсками последнего, находившимися в Испании. А в Риме у Цезаря оставался Клодий, проводивший агитацию в его пользу. Однако Помпей понемногу получал все большую свободу действий, отсрочивая выборы до июля 53 года. Он обеспечил поражение ставленнику Цезаря Л. Меммию и добился того, что консулами были избраны его соперник непоколебимый консерватор М. Валерий Мессала и цезарианец Гн. Домиций Кальвин.²⁹³ Тут Цезарь насторожился, но потерпел неудачу, предложив Помпею в конце этого года двойной матримониальный альянс: его внучатая племянница Октавия должна была выйти замуж за Помпея, а дочь последнего — стать женой самого Цезаря. Однако Помпей женился на

вдове Красса Корнелии. В ходе выборов магистратов 52 года противостояние кандидата на должность претора Клодия и метившего в консулы Милона вылилось в стычки вооруженных отрядов, так что выборы вообще не могли состояться²⁹⁴. 1 января 52 года по приказу Милона Клодий был убит в результате кровавой драки в Бовиллах. Вдова Клодия Фульвия выставила его тело в курии, которая была сожжена толпой. 2 января сенат проголосовал за *senatus consultum ultimum*. Находившийся в Равенне Цезарь не двинулся с места, разрываясь между желанием воспротивиться отталкивавшей его крайней мере и нежеланием вызвать недовольство Помпея тем, что он принял строгие меры против Милона. Начались тайные переговоры, и Помпей получил возможность набрать войска в Паданской долине в обмен на обещание о преследовании Милона. Когда Цезарь в Равенне узнал о восстании в Галлии, ему не оставалось ничего другого, как тотчас же ринуться в Трансальпинские области. Таким образом, Помпей остался один. Усиленный только что набранными войсками, он расположился лагерем близ Рима и поддерживал «республиканский» порядок. Следовало восстановить «конституцию», то есть прежде всего провести выборы для того, чтобы привести в действие судебный механизм. С другой стороны, никакие выборы не могли состояться без согласия Помпея. Поэтому в нарушение принципа коллегиальности и законов Суллы, регламентировавших порядок прохождения должностей, сенат и постановил, что Помпей будет единолично исполнять должность консула, тогда как он был консулом в 55 году²⁹⁵. Комиции приняли это решение 22 февраля 52 года из ненависти к Цезарю, а Милон был приговорен к смертной казни, которой избежал, отправившись в изгнание в Марсель. С этого момента Помпей стал предпринимать попытки отнять у Цезаря его провинции и войска еще до истечения срока его собственных полномочий, мотивируя это тем, что замирение Галлии уже завершилось. Тогда-то и возникла сложная проблема полномочий Цезаря.

Вопрос о полномочиях Цезаря

Хронология. Первоначально плебисцит Ватиния дал Цезарю полномочия сроком на пять лет, до 1 января или 1 марта 55 года. Позже соглашения, достигнутые в Луке, отнесли окончание полномочий всех

триумвиров к одной дате: *lex Pompeia Licinia* указывает 28 февраля 50 года. На деле срок полномочий истекал на два года позже в результате комбинации норм законов Г. Гракха и Суллы. В действительности только 1 января 48 года Цезаря мог сменить человек, магистратура которого должна была предшествовать назначению на проконсульство и продолжаться после 1 марта 50 года. Из-за того, что избираться консулом повторно можно было только через десять лет после первого избрания, Цезарь мог бы тогда получить второе консульство, так как он был консулом в 59 году. Поскольку Помпей и Красс были консулами во второй раз в 55 году, они могли бы баллотироваться в третий раз только в 45 году и в течение трех лет их позиции были бы слабее, нежели у Цезаря. Но у них было средство помешать этому: выдвижение на пост консула требовало присутствия кандидата в Риме. Таким образом, Цезарю пришлось бы сложить свой империй раньше, чем им, и на время этого перерыва он оказался бы в их полной власти.

Эту «конституционную» схему вскоре опрокинуло новое событие: отказ ради Помпея от десятилетнего интервала — ведь он был единогласно избран консулом в третий раз в 52 году. Цезарь согласился на это отступление от правил функционирования органов власти Республики — впрочем, ответственности за него он не нес, а в будущем мог извлечь из него пользу — тем более что Помпей взялся поддержать так называемый закон десяти трибунов (52 г.), которым ради проконсула Галлий отменялась необходимость присутствия в Риме кандидатов в консулы. Цезарь мог продемонстрировать свое удовлетворение, но что означало положение закона, согласно которому привилегия отсутствия распространялась только на первый год, в течение которого кандидат получал возможность вновь выставить свою кандидатуру: имелись ли в виду выборы 49 года (на 48 г.) или выборы 50 года (на 49 г.)? Кроме того, проведенный Помпеем в 52 году закон (*lex Pompeia*), предусматривавший, что отныне промагистраты могли получать наместничества не ранее чем через пять лет после сложения магистратуры, позволял заменить Цезаря сразу по истечении срока его полномочий.^[93] Однако после Алезии Помпей поспешил заявить, что закон, запрещающий отсутствие кандидата, следует применять ко всем кандидатам за исключением Цезаря.

Унижения 51 года. Цезарь потребовал, чтобы его полномочия были официально продлены до последнего дня декабря 49 года. Новые консулы не передали его просьбу сенаторам, а один из них начал говорить о замене Цезаря 1 марта 50 года, что вызвало сильное волнение среди

присутствующих. Теперь, когда Цезаря уже не щадили и явно желали унижить, Помпей ясно дал понять, что никогда не допустит, чтобы Цезарь сосредоточил в своих руках и консульскую власть, и командование своей армией. Так что между этими полномочиями обязательно будет разрыв во времени. В апреле этого же года консул Марцелл предложил, чтобы наместничество Цезаря закончилось, как только 15 ноября будет назначен его преемник. Его приглашали выдвинуть свою кандидатуру на выборах в этом году на следующий год. Цезарь высокомерно отверг приглашение, сославшись на необходимость десятилетнего перерыва между двумя консульствами. Трибун Курион наложил вето на предложение Марцелла и спас Цезаря от этого первого срока. По требованию сената Цезарь отослал для укрепления сирийского фронта легион, полученный им от Помпея, и XV легион, стоявший в Равенне. Однако, как только легионы прибыли в Италию, они были направлены к Капуе и стали резервом на случай гражданской войны. Цезарь залатал бреши в своей армии, раздал отбывающим солдатам жалование за два года, тем самым обеспечив себе и уважение сограждан (подчинившись просьбам сената), и лояльность войск. Сенат продолжал относиться к Цезарю враждебно. 1 декабря он решил сместить Цезаря, потом по предложению Куриона постановил одновременно лишить командования и Цезаря, и Помпея.^[94] Сенат не скупился на непоследовательные шаги.

Переход через Рубикон (12 января 49 года = 17 декабря 50 года)

2 декабря консул Г. Марцелл настоял на отмене результатов голосования. Он объявил, что Цезарь с десятью легионами спускается с Альп, и предложил Помпею возглавить все вооруженные силы в борьбе против него. Помпей уклонился от ответа, но когда 7 декабря Гирций покинул Рим, даже не попытавшись встретиться с Помпеем, тот направился в Кампанию, где стояли его легионы, а Курион в ночь с 9 на 10 декабря, когда истекали его полномочия трибуна, скрылся из Города и присоединился к Цезарю. Цезарь находился на зимних квартирах в Равенне. Узнав от Куриона о событиях в Риме, он отозвал два легиона, стоявшие лагерем в Матисконе (Макон), и 22 когорты, незадолго до того набранные в Нарбонской Галлии. Он вел переговоры через трибуна Марка Антония,²⁹⁶ прежде бывшего у него квестором, и Кв. Кассия Лонгина,²⁹⁷

трибуна и брата бывшего квестора Красса в Каррах. Цезарь требовал, чтобы за ним оставили Цизальпинскую Галлию и два легиона вплоть до его вступления в консульство 1 января 49 года, и признавал продление наместничества Помпея в Испании.

1 января 49 года на инаугурационное заседание сената Курион²⁹⁸ привез послание Цезаря, а Антоний и Кв. Кассий заставили консулов зачитать его. В письме Цезарь превозносил совершенные им подвиги и настаивал на том, чтобы и он, и Помпей либо сохранили свои армии, либо вместе сложили свои полномочия. Сенаторы отказались прислушаться к нему. В течение двух дней последовали интерцессии трибунов на решение о замене Цезаря его врагом Домицием Агенобарбом и на то, чтобы обязать Цезаря явиться лично для выдвижения своей кандидатуры в консулы. Консулы пошли дальше и поставили на голосование вопрос о принятии *senatus consultum ultimum*. Антоний сделал вид, что уступает насилию и вместе с Курионом и Кв. Кассием уехал в лагерь Цезаря.

Цезарь всегда выступал против *senatus consultum ultimum*, а вето трибунов, лишавшее силы это постановление, не принималось всерьез. Впрочем, казалось, что во избежание анархии Республика должна была подчиниться власти одного человека — будь то Цезарь или Помпей, — то есть положиться на тирана, как это и предсказывал Цицерон.²⁹⁹ Помпей прибыл в Рим 4 января 49 года. Помочь Цезарю реализовать свои революционные идеалы могла только гражданская война. Впрочем, умы были уже подготовлены к установлению монархии. Разве Цицерон в трактате «О государстве» (*De re publica*), вышедшем в шести книгах весной 51 года, не видел спасение государства только в единоличной власти, вверенной Помпею для защиты senatorской олигархии? Однако настроения больше склонялись к откровенной монархии, которая излечила бы римский мир от одолевавших его недугов. Прежде всего Цезарь располагал силой: закаленной в восьми кампаниях армией, фанатично влюбленной в своего вождя, который в 51 году объявил римской провинцией Косматую Галлию. Там он не скупился на жесты великодушия, щедро раздавая титул «союзника и друга римского народа». Новую провинцию он обложил не слишком высоким налогом, не превышавшим 40 миллионов сестерциев, и обязал предоставить небольшие военные отряды. Страна галлов таила в себе еще немалые резервы для обеспечения окончательной победы.

Итак, конституционный спор решался соотношением сил. 12 января Цезарь с XIII легионом перешел через реку Рубикон, служившую границей между его провинцией и Италией, и занял Аримин. Для того чтобы перейти

эту символическую границу, он сумел искусно поставленным спектаклем увлечь за собой людей, пошедших за человеком небывалой стати и красоты, ставшим символом полководца (dux) и императора. Язык богов поддержал волю людей:^[95] жребий брошен — alea iacta est — вот формула, выражавшая и таинство силы, и харизму вождя.

Глава III

ПОБЕДИТЕЛЬ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Чуть более трех лет, с начала 49 года до весны 46 года, потребовалось Цезарю для того, чтобы уничтожить армии Помпея и сената и приступить к построению монархии, то есть того режима, при котором он наконец смог бы править единолично. Какой удивительный размах деятельности, когда боевые действия соперничают с законотворчеством! Какой острый взгляд стратега, какая проницательность при политическом анализе! Как не вспомнить Наполеона Бонапарта в первые два года его консульства?! Как не воздать должное быстроте решений, боевому задору того, кто продолжал в одиночку строить мир под стать себе?!

Цезарь завоевывает Италию и отбрасывает Помпея к морю (1 января 49 года — 17 марта 49 года)

Проконсул Галлии умел говорить с солдатами XIII легиона и добиваться одобрения ими своих поступков. Со времени взятия Аримина (Римини) после перехода через Рубикон Цезарь, окружив себя трибунами, изображал из себя жертву преследований. Он разжигает ненависть солдат к Помпею, которого он сделал своим наследником, а теперь зачитывал солдатам свое завещание. Он пробуждает в них тревогу за их будущее, неотделимое от его собственного. Он распаляет их алчность. Уверившись в их преданности, он оставляет при себе только две когорты, а три другие отправляет вдоль побережья для того, чтобы занять Пизавр (Pisaurum, ныне Пезаро), Фан (Fanum, ныне Фано) и Анкону, а оставшиеся пять когорт передает Марку Антонию для захвата Арреция (Arretium, ныне Ареццо), обеспечивавшего контроль над Кассиевой и Аврелиевой дорогами (via Cassia, via Aurelia). Таким образом он обеспечивает себе свободу сообщения со своими провинциями и большей частью войска.

Эти военные действия сопровождались попытками вступить в переговоры, которые не были искренними ни со стороны сената, ни со стороны Цезаря. Последний заявляет, что хочет восстановить право трибунов на интерцессию и вернуть народу свободу³⁰⁰. Чувствуя опасность подобной пропаганды, сенат решает вступить в переговоры и направляет к Цезарю посольство. Цезарь принимает его и заявляет, что готов подчиниться воле сената на определенных, уже известных, условиях: прекращение мобилизации войск Помпеем, его отъезд для того, чтобы действительно принять на себя командование в Испании, разрешение ему самому добиваться консульства на ближайших комициях. Цезарь объявляет, что готов также встретиться с Помпеем, что было весьма маловероятно. Тогда ход событий ускоряется: напуганные тем, что Цезарь занял города Адриатического побережья и Арреций, 17 января 49 года (22 декабря 50 г.) отцы-сенаторы решили покинуть Рим и отправиться в Кампанию, где они обосновались в Капуе, оказавшись в результате между двумя легионами, отобранными у Цезаря. На следующий день, 18 января, произошел беспорядочный и бездарный исход нобилей и их семей. Паника и хаос в Риме достигли такой степени, что консул Лентул³⁰¹, торопясь убежать, даже не вывез полностью государственную казну, находившуюся в храме Сатурна (*aerarium Saturni*). Цезарь также выступил из своего лагеря, и посланное к нему посольство только 23 января 49 года смогло отчитаться перед сенатом, заседавшим в Таррацине. Положение Помпея и сената с военной точки зрения осложнилось тем, что Курион занял Игувий (*Iguvium*, ныне Губбио). Помпей больше не был в состоянии настаивать на своих требованиях, но вместе с тем ответил на предложения Цезаря требованием отвести войска и распустить их, не назначая при этом точной даты своего собственного отъезда на Иберийский полуостров. Сенаторы, почувствовавшие силу после того, как в их ряды влился Лабиев, покинувший лагерь сторонников Цезаря³⁰², отказались от любых компромиссных решений. Цезарь понял это и, двинувшись на Пицен, удел Помпея, захватил Ауксим (*Auximum*, ныне Осимо). Пора уже было не тянуть время, а воевать.

Имелся ли у Помпея³⁰³, столкнувшегося с такой решимостью, какой-либо план? Цицерон скоро понял, что отъезд из Рима был абсурдом. Ведь силы, которыми располагал Помпей, были неоднородны и не слишком надежны. Помпей предпочел отступить, чтобы перенести театр военных действий на Восток, увести Цезаря подальше от его баз и измотать бесконечным преследованием: мог ли он реально рассчитывать на «русскую кампанию»? В это время, по его замыслу, испанские легионы

должны были бы вновь захватить галльские земли и Италию. Нельзя отказать этому плану в определенной масштабности, однако для его выполнения требовались единство взглядов, последовательность и хладнокровие, которыми отнюдь не обладала собравшаяся вокруг Помпея разношерстная коалиция. Впрочем, Помпей не раскрывал в полной мере своего плана, что вело лишь к еще большей деморализации войска. 25 января текущего года он расположился в Ларине (Larinum, ныне Ларино), не объявляя, что это был этап на пути к Брундизию. Напротив, он распространял слухи о том, что намерен идти в Пицен. Однако войска цезарианцев заняли 5 февраля Фирм (Firmum, ныне Фермо), 6-го — Труэнт (Truentum, ныне Ла-Чивита) и 10 января — Аскул (Asculum, ныне Асколи); таким образом, Пицен оказался потерян для Помпея.

Положение помпеянцев ухудшилось, когда их вождь 6 февраля отошел от Ларина к Луцерии (Luceria, ныне Лучера). Это произошло из-за неповиновения Домиция Агенобарба,³⁰⁴ отказавшегося отступить вместе со всеми собравшимися вокруг него войсками. С четырьмя тысячами воинов он заперся в древней метрополии пелигнов Корфинии (Corfinium, ныне Пентима), бывшем столицей восстания во времена Союзнической войны, и удерживал там также другие войска. Он не стал прислушиваться к предостережениям Помпея и сообщил в штаб-квартиру, что контролирует действия Цезаря. Однако он ослабил способность своих сил к сопротивлению, разделив войска между Альбой Фуценс (Alba Fucens, в 8 км от Авеццано), Сульмоном (Sulmo, ныне Сульмона) и Корфинием. Ему так и не удалось разрушить стратегически важный мост через Атерн (Aternus, ныне Атерно). Уже 15 февраля Цезарь был там со всеми своими войсками: это XII и XIII легионы, прибывший из Норика VIII легион и 300 всадников, присланных царем Норика; к этим силам присоединились 22 когорты, вновь набранные в Цизальпинской Галлии. Таким образом, численность его войска возросла с одного до шести легионов, что позволило ему 18 февраля осадить Корфиний и окружить его восьмикилометровой осадной стеной, что частично напоминает тактику при Алезии. Тщетно Домиций взывал к Помпею о помощи; войска Домиция капитулировали, ему самому Цезарь сохранил жизнь и вернул казенные деньги. Эта необычная щедрость произвела огромное впечатление, и с тех пор муниципии молились за победу Цезаря. Войскам, перешедшим на его сторону у Корфиния, впоследствии предстояло завоевать Сицилию.

Для Помпея оставалась лишь одна возможность: бежать из Италии. Цезарю же оставалось лишь ждать, когда помпеянцы взойдут на корабли:

своими операциями в Италии он не оставил им другой альтернативы и продолжал вытеснять их с родной земли.

Цезарь настойчиво создавал впечатление, что он все еще готов вести переговоры и встретиться с Помпеем, который снова уклонился, так как уехавшие в Диррахий (Durrachium, ныне Дуррес) консулы были единственными, кто имел право принимать решения. Но в то же самое время Цезарь пытался окружить силы Помпея — 50 когорт, 30 тысяч человек, — авангард которых, включая консулов и сенаторов, уже отправился в Диррахий, с помощью системы плотин и каналов. Помпей установил на размещенных вдоль берега судах трехэтажные башни, с которых постоянно тревожил обстрелами Цезаревы войска и строительных рабочих, вынуждая их разбегаться. Таким образом он сохранял свободным фарватер Брундизия и вечером 17 марта (17 февраля 49 г.) вышел из этого порта вместе со своими двадцатью когортами, избавив Цезаря от необходимости вести сухопутные операции на втором фронте, но доказывая этим свое превосходство на море, что в более или менее длительной перспективе могло поставить под угрозу господство Цезаря.

Испанская кампания и взятие Марселя (7 апреля — 13 декабря 49 года)

Каким в конечном счете мог бы быть наилучший стратегический план? Риск был огромен для обеих сторон. Помпей мог надеяться, подобно Сулле, утвердиться в Греции и на Востоке и затем вновь завоевать Италию. Однако значительное усиление помпеянцев в ближайшем будущем, казалось, было исключено, и пока время работало на Цезаря. Всегда готовый ухватиться за любую предоставляющуюся возможность, он решил [305](#) подчинить себе Рим и бессильный, бездеятельный сенат. Уверенность ему придавала уклончивость сенаторов в вопросе об отправке к Помпею делегации с предложением согласия и мира. Он призывает к мобилизации, раздает плебсу деньги и зерно, направляет войска на Сардинию, Сицилию и в Африку, чтобы обеспечить снабжение столицы и Италии продовольствием. Закон Росция (lex Roscia) предоставляет гражданство жителям Транспаданской области, которые отныне должны служить в легионах. Цезарь прибирает к рукам казну, хранящуюся в подземельях храма Сатурна и насчитывающую 15 тысяч слитков золота, 30 тысяч слитков серебра и 30 миллионов сестерциев: презрев законы, он

обзавелся средствами для осуществления своей политики, чтобы открыть второй фронт в Испании. Покидая Рим 7 апреля (9 марта 49 г.), он тотчас же отдает приказ Г. Фабию³⁰⁶ перейти через Пиренеи с тремя легионами, находящимися под его командованием в Нарбонской Галлии, в то время как Требоний³⁰⁷ должен привести в Провинцию три легиона, которые зимовали в долинах Соны и Роны. К галльской границе должны были выступить и VIII, XII и XIII легионы, которые сопровождали его в победоносном шествии от Рубикона до Брундизия.

Осада Марселя

И вот первое препятствие на его пути: Марсель (Массилия) закрывает перед ним ворота и отказывается пропустить. Как верный союзник Рима город не считает возможным участвовать в распре, в которой рискует потерять все, будучи связан с обоими императорами, являющимися его «патронами». Однако это всего лишь предлог для обоснования отказа: по сути дела они высказались против завоевателя Галлии, вытеснившего их с кельтских рынков и закрывшего им пути на Рейн и в Британнию. Цезарь не мог оставить без внимания подобный вызов, поскольку речь шла о безопасности его коммуникаций на Аврелиевой дороге. Поэтому он решил построить в Арле флот из двенадцати судов, осадить Марсель и блокировать стены города. Он надеялся на то, что Марсель сдастся скоро, прежде чем он продолжит наступление на Испанию. Однако он забыл об имевшихся в городе значительных запасах, о мощи марсельских стен, построенных, как доказано недавними археологическими раскопками³⁰⁸, по принципам греческой полиоркеттики, храбрости наемников-альбиков,^[96] спустившихся с гор в город, чтобы усилить его оборонный потенциал, возросший и благодаря присутствию кораблей, приведенных туда Домицием Агенбарбом. Более же всего он недооценил естественные преимущества местности — треугольника, ограниченного с запада открытым морем, с севера — холмами, а с юга — Лакидоном (ныне Старый порт). Однако Цезарь предполагал, что, поскольку марсельцы давно не участвовали в военных действиях, они не смогут стать серьезным препятствием. К тому же он рассчитывал на блокаду силами новой эскадры из Арля и на то, что с шестью легионами ему будет нетрудно окружить город непрерывной циркумвальной линией и принудить его сдаться,

как до того сдался Аварик (Бурж). Цезарь занимался этими операциями в течение месяца: марсельцы отбили римскую атаку, сумев поджечь деревянные части осадной галереи, выдвинутой против их укреплений, и проломив панцирь «черепахи», которая пыталась высадить ворота нижнего города. Эта неудача, усугубленная присутствием в Лакидоне судов Л. Домиция Агенобарба, вынудила Цезаря сражаться на два фронта, то есть делать то, чего он как раз старался избежать. Один фронт был марсельским, другой — испанским. Цезарь незамедлительно принял решение: он оставляет Требония подле Марселя для завершения осадных работ на суше, поручает Дециму Бруту³⁰⁹ вести блокаду с моря; сам он через перевал Пертюс переходит через Пиренеи с VIII, XII и XIII легионами и соединяется с войсками Г. Фабия, которые попали в затруднительное положение при Илерде, столкнувшись с войсками Помпея (начало июня = май 49 г.).

Победа в Испанских провинциях

На счастье Цезаря, помпеянцы совершили ошибку, разделив свои силы (семь легионов). Легат Ближней Испании Л. Афраний³¹⁰ сосредоточил к югу от Эбро только пять из семи имевшихся легионов: три из них находились непосредственно под его командованием, двумя командовал легат Дальней Испании М. Петрей,³¹¹ который был занят тем, что поддерживал мир и порядок в горных районах. Оставшиеся два легиона находились в распоряжении легата Дальней Испании М. Теренция Варрона,³¹² который поддерживал порядок в этой провинции. Другой ошибкой помпеянцев была их выжидательная тактика по отношению к Г. Фабию, которого им следовало бы атаковать, едва лишь тот перешел через перевал Пертюс. Они выбрали гору у Илерды (Лерида), возвышавшуюся 116-метровым пиком над долиной Сикориса (ныне Сегре) и позволявшую контролировать единственный каменный мост через эту реку. Помпеянцы окопались в городе и близлежащем холме Гардени и стянули туда свои запасы продовольствия: они думали, что могут теперь уверенно ожидать нападения неприятеля.

Тяжелое начало экспедиции

Г. Фабий, в свою очередь, разбил лагерь к северу от Илерды и построил два деревянных моста, чтобы облегчить вылазки своих фуражиров: паводок (около 20 июня = 21 мая 49 г.) снес один из двух мостов, но, несмотря на усилия Афрания, Г. Фабий удалось благополучно перевести через реку два легиона, оказавшихся в опасности на левом берегу.

Победа Цезаря в Ближней Испании

22 июня (23 мая) появился сам Цезарь и приказал починить разрушенный мост. 24 июня он разбил новый лагерь в Гардени и не смог закрепиться в Пуиг Бордель, откуда он надеялся отрезать Афрания от города, поставлявшего ему продовольствие. Проливные дожди снесли временные мосты. Ситуация стала критической, и в Риме считали, что Цезарь побежден. Все еще колебавшиеся сенаторы стали уезжать на Восток, куда уже до них отправился Цицерон. Однако Цезарь восстановил оба разрушенных моста и построил третий в тридцати пяти километрах выше Илерды (Лериды). Он смог опять получать провиант из Галлии, кроме того, на его сторону перешли иберийские города: Оска (Osca, ныне Уэска), Калагуррис (Calagurris, ныне Калаорра), столица Тарракон (Таррагона). С ним вступили в союз авсетаны, яцетаны и иллургавоны. Тогда Афраний и Петрей решили перенести военные действия в область к югу от Эбро, потому что каменный мост у Илерды уже не мог им помочь. Они направились к Октогезе (Мекиненса), находившейся при слиянии Сегре и Эбро, и навели там мост.

Цезарь следует за ними по пятам и выставляет пять легионов против их шести. Афраний, узнав о случаях неповиновения в своих войсках, которые братались с передовыми дозорами Цезаря, решает отступить к Илерде. Цезарева конница разбивает его и запирает в его собственном лагере, укрепленном со всех сторон, после чего Афраний запросил условия сдачи. Капитуляция произошла на щедрых условиях, в которых лишний раз проявилось «великодушие Цезаря» (*dementia Caesaris*): вожди должны

были покинуть полуостров и распустить свои войска. Легаты Помпея сдались 2 августа (2 июля) 49 года. На следующий день испанские войска разошлись по домам. Так за 40 дней пал один из бастионов сенатской Республики, а слава Цезаря только возросла.

Покорение Дальней Испании

Дальнюю Испанию постигла участь Ближней. Варрон, поверив восторженным сообщениям Афрания, настолько не сомневался в его будущей победе, что не жалел для него ни подкреплений кораблями и людьми, ни продовольствия, ни денег. Чтобы пресечь всякие попытки сопротивления, Цезарь выехал в сопровождении эскорта всего лишь из шестисот всадников: на его сторону перешли Кармон (Carmon, ныне Кармона), Кордуба (Corduba, ныне Кордова), Гадес. Варрон сдался Цезарю в столице Кордубе, и Цезарь, стремительно прибыв в Гадес, вернул святилищу Геркулеса конфискованную Варроном казну, превратил древний финикийский город в римский муниципий и поручил Кв. Кассию [313](#) управление провинцией. Сам он отплыл в Тарракон на оснащенной Варроном флоте, прошел через Пертюс, где установил скромный каменный алтарь возле старых трофеев Помпея и вернулся в Марсель (начало октября — начало сентября 49 г.).

Падение Марселя

В отсутствие Цезаря блокада продолжалась. Децим Брут оснастил в Арле 12 высокобортных судов, укрыл их за Стойхадскими островами и контролировал передвижения марсельского флота. В сражении у Фриульских островов (острова Поммег и Ратонно) он потопил девять их легких кораблей и захватил шесть. Успех на море был решающим для того, чтобы отвлечь от илердской кампании города северной Испании (конец июня = конец мая 49 г.).

Когда Помпей послал марсельцам 16 судов, которые должны были присоединиться к новой марсельской эскадре, Децим Брут повторил

примененный у Фриульских островов маневр на всем пространстве Стойхад.³¹⁴ После его успешных действий при Тавроэнте (Tauroentum, ныне Си-Фур между Санари и Тулоном) свобода передвижения по морю осталась исключительно за войсками Цезаря.

Сухопутная блокада также была успешной. Требоний вновь отстроил сгоревшую осадную галерею, используя для этого деревья из священной рощи в Сент-Боме (Sainte-Baume), но марсельцы вновь сожгли ее. Направив действия в сторону порта, Требоний поначалу не имел успеха: его саперы, рывшие подкоп, были затоплены, а подвижной навес над тараном (musculus) оказался обездвижен. Тогда Требоний ограничился тем, что удерживал внутренний вал, защищенный двумя кирпичными стенами и разделенный внутренними перегородками, откуда осаждавшие могли делать вылазки, пробивая бреши в стенах противника.

Итак, блокада с моря и с суши понемногу душила марсельцев, а капитуляция сторонников Помпея в Испании лишила их последней надежды на победу. Они решили сдаться на милость Цезаря, который 13 декабря (8 ноября) 49 года получил возможность еще раз продемонстрировать свое великодушие. Он сохранил свободу жителям Марсея, но полностью лишил город средств поддержания могущества: казна, оружие, оборонительные орудия, корабли и монетная чеканка — символ былой независимости и экономического могущества, — все это было отнято. Город заняли два легиона, а позже Цезарь поселил в его бывших владениях своих ветеранов. Так было покончено с эллинизмом в Галлии: Цезарь навсегда обеспечил триумф латинской культуры на галльской земле.

Цезарь-диктатор

В Риме всем заправляли сторонники Цезаря; претор Лепид³¹⁵ в законной форме провозгласил Цезаря диктатором в тот момент, когда тому пришлось усмирять в Пьяченце бунт четырех легионов, которые отважно воевали в Испании и получили приказ отправиться в Брундизий как перевалочный пункт перед экспедицией на Восток. Мятеж сопровождался грабежами. Цезарь со свойственной ему стремительностью решений собирает эти войска в Пьяченце и добивается полного поворота в настроениях, произнеся убедительную и суровую речь. Он принимает

решение казнить каждого десятого в IX легионе и распустить весь легион. Видя раскаяние мятежников, он казнит лишь 120 виновных и откладывает роспуск легиона до сбора всех войск в Брундизии. IX легион отправляется туда вслед за остальными. Так Цезарь вновь вселил мужество в свою армию, навязав ей неумолимые решения, но оставив при этом место надежде.

Во время этого второго пребывания в Риме, которое продлилось одиннадцать дней³¹⁶, Цезарь приступает к своим реформам и преобразованиям вполне революционного порядка. Чтобы подготовить будущую кампанию против сторонников Помпея, он накладывает руку на все поддающиеся обращению в деньги приношения в святилища и, переплавив их, чеканит прекрасную серию золотых денариев и квинариев⁹⁷ 49 года, которые объединяет характерный тип Pietas на реверсе⁹⁸ с надписью Caesar и IMP II на лицевой стороне. Цезарь распределил провинции между верными ему людьми, причем Лепид получил Ближнюю Испанию, а Кв. Кассий — Дальнюю. Комиции избрали его консулом³¹⁷ совместно с П. Сервилием Исавриком. Он отказался от диктатуры и с 1 января 48 года стал воплощать собой величие римского народа и торжество законности. Теперь он мог выступить против Помпея и его сообщников-сенаторов как против мятежников.

Этапы окончательной победы над помпеянами

Действовать надо было быстро, поскольку силы Помпея постоянно возрастали и их боеспособность все увеличивалась. Однако можно было рассчитывать на обычную стремительность действий Цезаря.

Диррахий и Фарсал

Высадка цезарианцев

Помпей стянул свои войска к Берее (Вегоеа, ныне Верия) в Македонии.

Они состояли из пяти легионов, выведенных из Италии, легиона Gemella (букв. «сдвоенный», «близнец»), возникшего в результате слияния двух сицилийских легионов, легиона критских и македонских ветеранов и двух легионов из провинции Азии. К ним присоединились люди Афрания, добровольцы, 15 когорт, набранных флотом Афрания в Фиумском заливе. Если учесть еще и массу вспомогательных частей, то мы насчитаем 50 тысяч воинов, которые летом 48 года должны были еще получить подкрепление в виде двух легионов тестя Помпея Метелла Сципиона, приведенных последним из Сирии. Продовольствие для этой «Великой армии» поставлялось армадой из пятисот-шестисот кораблей под командованием М. Кальпурния Бибула³¹⁸, извечного противника Цезаря. В качестве плацдарма Помпей в конце концов избрал Диррахий (Дураццо, Дуррес), находившийся к северу от обширного залива на оконечности гористого полуострова. Он перешел туда в середине декабря, чтобы расположиться на постой: действие разумное, хотя и запоздалое.

Дело в том, что Цезарь уже давно задумал пересечь море, в то время как помпеянцы даже представить себе не могли, что он рискнет высадиться с кораблей. Именно эта неспособность предвидеть события парализовала действия сторонников Помпея, Цезарь же обладал исключительной интуицией в отношении того, какое решение следует принять. Итак, Помпей не спешил, а Бибул рассредоточил свои корабли по средиземноморским портам, оставив при себе только 138 галер, сосредоточенных в основном на Корфу. Тогда 4 января 48 года (28 ноября 49 г.) Цезарь перевозит семь легионов и высаживает их возле Орика (Oricum, ныне Эрико), который немедленно сдается. Остальные города северного Эпира оказывают радушный прием законно избранному консулу римского народа. Бибул реагирует мгновенно: он уничтожает возвращающийся в Брундизий флот Цезаря. Однако Помпей медлит, надеясь ослабить противника блокадой. С другой стороны, Цезарю нужны еще войска, находящиеся в Брундизии под командованием Марка Антония. Несмотря на свое нетерпение, он был вынужден дожидаться в течение двух месяцев, пока в середине апреля (середине марта 48 г.) попутные южные ветры не принесли к нему войска Марка Антония. Переход через море сопровождался чудесными знаменами, однако в результате ветры прибили флот Антония³¹⁹, минуя Диррахий, к Нимфею (Сен-Жан-де-Медуа), что поставило под удар как сторонников Цезаря, так и Помпея, попавшего в клещи. Помпей укрылся в Аспарагии (Asparagium), и его связь с Диррахием оказалась прервана. Однако он все еще рассчитывал на блокаду Цезаря с моря, тем более что его старший сын Гней сумел уничтожить последние

Цезаревы суда.

Диррахий. Затем Помпей покинул Аспарагий и разбил лагерь близ Петры, воспользовавшись утесом, возвышавшимся над берегом на 100 метров. Цезарь, разумеется, последовал за ним и разместил свои легионы на холмах, расположенных к северу от небольшой речки Шимхил (Chimhil). Он стал воплощать дерзкий замысел окружения, приступив к возведению гигантской циркумвалационной линии. Помпей пытался помешать работам непрерывными атаками, но в конце концов укреплением была окружена площадь 5500 гектаров к югу от Диррахия до реки Дартги, в то время как помпеянцы контролировали 4200 гектаров. К наступлению лета окружение было завершено, однако засуха заставила конницу Помпея отправиться на полуостров Диррахия. Трудности с продовольствием коснулись как осаждающих, так и осажденных. Тогда Помпей решает прорвать возведенные Цезарем линии, добиваясь еще одной пирровой победы, поскольку войска противника в результате отходят, а Цезарь именно этого и добивался (первая половина июля — конец мая 48 г.). Ведь теперь помпеянцы были обречены принять генеральное сражение. Теснимый от Адриатического моря, которое больше не играло никакой роли в его стратегических планах, Помпей был вынужден двинуться к Эгейскому морю. Он направился по Эгнатиевой дороге (via Egnatia), спеша соединить свои войска с теми, которые вел к нему его тесть Сципион³²⁰. Тот столкнулся с Гн. Домицием Кальвином на реке Галиакмон и вернулся в Фессалию. Помпей, успокоившись за свою судьбу, замедлил движение. Тем временем Цезарь прошел кратчайшим путем — долиной Аооса (Вьосы), соединился при Эгинии (Калабака) с двумя легионами Кальвина и вышел в Фессалию с юга. Он захватил Гомфы, Метрополис и своим великодушием привлек на свою сторону города Фессалии (за исключением Лариссы), где нашел созревшие хлеба, обеспечившие снабжение его армии продовольствием на многие месяцы (июль = июнь 48 г.).³²¹

Фарсал (9 августа = 28 июня 48 года). Тогда Помпей стал готовиться к сражению и передвинулся к северо-востоку от древнего города Фарсала. Вместе со Сципионом он располагал сотней когорт, Цезарь же — восьмьюдесятью. Отсутствие численного превосходства не помешало ему посылать конницу за фуражом все ближе и ближе к лагерю Помпея. В конце концов Помпей принял бой. 9 августа, назначив пароль «Непобедимый Геркулес» (Hercules Invictus), он развернул свои войска на левом берегу Энипея. На правом фланге были испанские и восточные

легионы под командованием Лентула,[322](#) в центре — войска из Сирии и Италии (два легиона) под командованием Сципиона, а на левом фланге Домиций Агенобарб[323](#) возглавлял два италийских и два старых галльских легиона. Сам Помпей расположился позади этих войск, а на крайнем левом фланге были сосредоточены семь тысяч конников под командованием Лабиена.[324](#) Этой коннице Помпей уготовил чисто наступательную роль. Она должна была опрокинуть позиции войск Цезаря и зайти ему в тыл.

Цезарь разгадал этот план и поместил лучшие войска на своем крайнем правом фланге. Определив пароль «Венера-Победительница» (Venus Victrix), он бросил вперед пехоту и сумел отразить натиск конницы Лабиена. Тогда пехотинцы Помпея отступили. Помпей не мог защитить свой лагерь и бежал к Лариссе в сопровождении нескольких соратников. Потеряв 15 тысяч убитыми, — среди которых опознали проконсула Домиция Агенобарба, — и 24 тысячи пленными, Помпей потерпел безоговорочное поражение. Цезарю пришлось оплакивать гибель только тридцати центурионов и двухсот легионеров, то есть незначительные в данном случае потери. Так военный гений Цезаря еще раз привел его к победе, а Венера-Победительница, похищенная у его противника, была не чем иным, как рекламным щитом. Напомним, что центурион Крастин начал битву с кличем: «За достоинство (dignitas) Цезаря и за свободу римского народа!»[325](#)

Смерть Помпея и восточные кампании

Смерть Помпея

Цезарь отправляет на отдых своих ветеранов, и Марк Антоний отводит их в Италию. Сам же Цезарь пускается в погоню за Помпеем, который 10 августа прибывает в Амфиполь, а затем в Митилены, где его супруга Корнелия и второй сын Секст садятся вместе с ним на корабль. Помпей плывет вдоль берегов Азии вплоть до Атталии (Attalia, ныне Адалия) и мечтает укрыться в Египте, где правит его верный союзник тринадцатилетний Птолемея XIV. Помпей достигает берегов Египта 28 сентября (16 августа) 48 года. Он останавливается неподалеку от Пелузия, потому что Египет раздирает гражданская война: сестра царя Клеопатра

изгнана в результате дворцовых интриг евнуха Потина и надеется вернуться в Александрию, чтобы противостоять ему. Малолетний царь и его двор обосновались на соседнем с Пелузией мысе Казион. Помпей попросил у них убежища, а двор, боясь не угодить Цезарю, решил убить Помпея. Стратег Ахилла вышел навстречу ему на рыбацкой лодке, где он и был убит одним из офицеров римского оккупационного корпуса на глазах у Корнелии, которая издали наблюдала это подлое и предательское убийство. Перенеся тело Помпея на берег, его обезглавили: так что кровь Помпея не обогрела рук Цезаря, которому вполне удастся роль мстителя. У Геллеспонта Цезарь погрузился на корабли вместе с VI легионом, по пути делал остановки в Илионе, Эфесе, на Родосе и, получив предупреждение о том, что Помпей отправился на Кипр, устремился в Александрию, в гавань которой вошел 20 октября (19 августа). Там он узнал о смерти Помпея, зарыдал, увидев его кольцо и голову, в отсутствие Птолемея XIV расположился в царском дворце и сразу стал вести себя как хозяин Египта: чтобы укрепить свою власть, он призвал два азиатских легиона, изъяв их из армии наместника Азии Домиция Кальвина³²⁶.

Египетские события и Александрийская война

Как только Птолемей XIV вернулся из Пелузия, Цезарь показал ему свою власть. Он потребовал возвращения долгов Птолемея Авлета, обязал царя распустить находящуюся на Казионе армию и решил единолично рассудить вопрос о его ссоре с сестрой. Он предложил ей вернуться в Александрию, хотя бы даже для этого пришлось завернуться в походное покрывало, чтобы тайно проникнуть во дворец. Еще до того, как он воспылал хорошо рассчитанной страстью к царице Египта, Цезарь получил предлог для вмешательства в дела Египетского царства. Он вернул царский престол Птолемею XIV и Клеопатре в соответствии с завещанием Авлета и поручил Кипр заботам младших членов царской семьи — Арсиное и Птолемею XV (начало сентября 48 г.) ценой отъединения этого острова от Римской державы.

Подобные уступки вовсе не успокоили гнев александрийцев, разжигаемый евнухом Потинном, который велел стратегу Ахилле двинуться вместе с царской армией на Александрию: Александрийская война (*Bellum Alexandrinum*) началась в конце октября (середине сентября) и

участвовавшие в ней силы не были равны. Ахилла располагал двадцатью двумя тысячами солдат и двумя тысячами всадников. У Цезаря было всего шесть тысяч солдат, и он должен был также считаться с враждебностью полумиллиона александрийцев, которая на данном этапе не позволяла ему перейти в наступление. Ему пришлось затвориться во дворце и театре, превращенных им в неприступную крепость. Он сжег царский флот, и пожар распространился на Библиотеку, в которой дотла сгорело 40 тысяч томов. Тогда он занял островок Фарос и таким образом установил контроль над Александрией с суши и с моря.

Теперь Цезарю оставалось только ждать помощи со стороны моря, на котором он был хозяином. Нужно было сдерживать и отражать атаки осаждающих его войск. Он окружил дворец невозгораемой стеной. Он приказал отрубить голову Потину и выпроводил Арсиною и внуха Ганимеда, который по приказу Арсиной убил Ахиллу. Среди египтян возникли серьезные распри, что, однако, не мешало Ганимеду, бывшему отличным воином, осложнять жизнь Цезарю. Наконец появился XXXVI легион Домиция Кальвина. Ганимед построил флот, но Цезарь рассеял его. Во время неудавшегося нападения на Гептастадий^[99] Цезарь смог спастись только благодаря тому, что вплавь добрался до берега (середина января 48 = конец ноября 47 г.). Подкрепление, приведенное Митридатом Пергамским, сыном великого Митридата и личным другом Цезаря, прибыло по берегу, освобожденному от египетских эскадр в результате сражения, в котором погиб родосский адмирал Эвфранор и отличился Ти. Клавдий Нерон, отец будущего императора Тиберия. Очевидно, чтобы избавиться от ненужного балласта, Цезарь отправил Птолемея XIV к его войскам. Разыгрывая комедию прощания, каждый из них надеялся на свое: один (Птолемей) — на то, что вновь обретет полную власть, другой (Цезарь) — на то, что, добиваясь этого, Птолемей уничтожит Ганимеда, что облегчило бы окончательную победу Рима.³²⁷ Цезарь соединился с войсками Митридата в Херее. Египтяне запросили мира, в чем им было отказано, и Цезарь повел решительное наступление. В результате 12 тысяч египтян сдались, 20 с половиной тысяч погибли, в том числе и Птолемей XIV. Александрийцы предложили сдачу города (27 марта = 6 февраля 47 г.). Цезарь отослал в Рим Арсиною, поженит Клеопатру и Птолемея XV, вновь включил Кипр в состав Римской державы и утвердил власть Рима в Египте, царица которого стала его любовницей. Он совершил с ней путешествие по Нилу вплоть до первого порога и достиг границ Эфиопии. Так что свое любовное приключение, вызвавшее нареkania Цицерона, этот государственный деятель продублировал рекогносцировкой на местности и сбором

информации. Цезарь совершил нечто вроде поездки нового хозяина по своим владениям и оставил царство, владыкой которого стал, на попечение трех легионов. В конце июня (начале мая) 47 года, встревоженный восстанием Фарнака, он отправился на Восток.

Последняя вспышка сопротивления на Востоке

Смерть Помпея разрушила порядок, установившийся на Востоке, и сын Митридата Евпатора Фарнак, царь Боспора Киммерийского, решил, что наступил удобный момент для того, чтобы сбросить римское иго, захватив царства Дейотара и Ариобарзана III, то есть Малую Армению и Каппадокию. Уступив настояниям представителя Цезаря в Азии Домиция Кальвина, от Каппадокии он отказался, но вторгся в Малую Армению. Тогда Домиций Кальвин двинулся с четырьмя легионами из Команы к Никополю (ныне Пиуск), где находился Фарнак. Кальвин потерпел поражение (декабрь — ноябрь 47 г.), и царь смог предпринять завоевание Понта, не гнушаясь жестокостями и казнями находившихся там римлян.³²⁸ Цезарь не мог оставить подобные зверства безнаказанными в тот момент, когда в Италии были беспорядки, а в Африке собиралась армия аристократов. Цезарь высадился в Антиохии 13 июля (13 мая) 47 года. Затем он отправляется в Таре, где созывает представителей киликийских городов. После этого он вступает в Каппадокию, в Галатию и углубляется на территорию Понта в поисках Фарнака. Последний стоит лагерем в Зеле (Зиле), Цезарь направляется к нему и занимает соседнюю с его лагерем возвышенность. После битвы, поначалу не давшей однозначной победы, Цезарь сумел опрокинуть нападавшего неприятеля и вновь завоевал Понт. Этой победе (2 августа — 12 июня 47 г.) мы обязаны горделивым изречением «Veni, vidi, vici» («Пришел, увидел, победил»)³²⁹

Теперь Цезарь улаживает дела на Востоке. Он передает государства Боспора Киммерийского Митридату Пергамскому, Дейотар теряет Малую Армению, которая отошла Ариобарзану III. Цезарь разбирает все конфликты; оставляет Кальвина на Востоке и возвращается в Рим, по пути сделав остановку в Афинах. Он проезжает через Патры и плывет к Таренту. В начале октября (середине августа) 47 года Цезарь вступает в Рим раньше, чем его ожидали, оваянный ореолом неизмеримой славы как владыка Востока, который один мог бы поправить его финансовое положение. Кто

мог рассчитывать справиться с ним теперь, когда он сосредоточил в своих руках все богатства прежде помпеянского Востока и богатства Египта?

Последние победы над помпеянами

Цезарь усмиряет восставшие легионы

В 48-47 годах в Италии было множество внутренних смут, порожденных остротой долгового вопроса, а также неразрешенностью проблемы обустройства и наделения землей ветеранов, которые были уже готовы выйти из повиновения. Когда пронесся слух о том, что Цезарь возвращается в Италию для того, чтобы вновь призвать их на службу, ветераны взбунтовались. Они набросились на своих командиров и чуть не перебили их. Цезарю предстояло вновь подчинить ветеранов своей власти, и он добился этого, отпустив их, согласно их требованию, в отставку и обратившись к ним словом «квириты», то есть «граждане». Этим он настолько поразил их, что даже самые буйные из солдат сразу объявили, что останутся «воинами» (milites), а за ними пошли и другие мятежники, тоже пожелавшие остаться «его солдатами». Так ловким маневром Цезарь повернул ситуацию в свою пользу и восстановил единство армии перед последней битвой с аристократами, которых поддерживал царь Нумидии Юба I.

Военные действия в Африке

Злосчастный поход Куриона

Оптиматов прогнали с Востока, из Иллирии и из Эпира. Они стекались на Коркиру,^[100] где Катон располагал пятнадцатью тысячами человек пехоты и тысячью шестьюстами человек конницы, спасенными Лабиеном. Катон³³⁰ был вождем помпеянской партии, но после смерти Помпея

отказался от этой роли. Тогда партия оптиматов разделилась. Цицерон³³¹, которому предложили эту честь, вернулся в Италию. Катон, уехав на поиски Помпея, узнает о его смерти и об отъезде Метелла Сципиона в Утику. Катон высаживается в Беренике (Бенгази) и в течение тридцати дней двигается в сторону Лепты Магны (Lercis Magna), совершая изнурительный переход через пустыню. Однако, высадившись в Африке, Катон понял, что страна изобилует зерном и может дать ему значительные средства для продолжения борьбы. Еще в 49 году Цезарь приказал Куриону перебраться с Сицилии на африканский континент, чтобы привести его в повиновение. Помимо Проконсульской провинции (со столицей в Утике), цари Мавритании — Богуд к западу, а Бокх II к востоку от реки Мулуха (Мулуя) — контролировали двух правителей, которые поделили между собой Нумидию: это были Масинисса к западу и Юба I к востоку от города Кирта (Константина). В обстановке невероятной неразберихи в Утике вскоре оказалось сразу три полководца «для немощего войска и бессильного флота», по чеканной формуле Ж. Каркопино³³². Несмотря на то, что П. Аттий Вар^[101] сумел добиться признания, Куриону казалось, что будет не очень сложно привести всех к согласию.

В начале августа (начале июля) 49 года Курион высаживается в Африке с двумя легионами и пятьюстами всадниками и останавливается в гавани Тоннары, в семнадцати милях от Клупеи (Clupea, ныне Келибия) к северо-западу от мыса Бон. После успешных действий на море он достигает реки Баграды (ныне Меджерда) и ведет свою конницу на место «Корнелиева лагеря» (castra Cornelia).^[102] Он совершает набег и в качестве добычи уводит 200 торговых судов. Затем Курион с неосмотрительной самонадеянностью разбивает лагерь к югу от Утики, и войска Аттия Вара переманивают на свою сторону некоторых его солдат. Сторонники Помпея не сомневаются в победе. В середине августа (середине июля) 49 года они дают сражение, но проигрывают его.³³³ В этот момент Юба I выходит из своего царства и идет на помощь Утике. Курион отступает к «Корнелиеву лагерю», однако, вместо того чтобы укрепиться там и поддерживать связь с Сицилией, он решает помериться силами с тем, что принимает за всю нумидийскую армию и что на самом деле является лишь ее авангардом. Он неосмотрительно ввязывается в сражение, в котором и находит свою смерть. За несколько дней сторонники Цезаря оказываются сметены с лица земли. Однако сенат смог добиться триумфа, только обратившись за помощью к Юбе I, то есть ценой унижения.

Победы Цезаря и конец клана Помпея

Партию Помпея возглавил теперь Метелл Сципион. Будучи проконсулом и императором, опираясь на советы и поддержку честных и умных людей, он сумел превратить Проконсульскую провинцию в цитадель римской знати. На его монетах превозносится Africa. В конце 47 года у него было десять легионов, то есть от тридцати пяти до сорока пяти тысяч пехоты и пятнадцать тысяч конницы. Он сосредоточил провиант и другие запасы в Адрумете (Hadrumetes, ныне Сус) и на острове Керкине (Керкенна). Укрепления Утики были восстановлены, были также возведены дополнительные фортификационные сооружения и укомплектован флот, состоявший из пятидесяти судов. Подобные приготовления производили впечатление на умы, и даже Цицерон думал, что Сципион высадится в Италии. Однако эта армия была весьма посредственной и, хотя и подчинялась своим командирам, в душе ненавидела их. На население Утики вообще нельзя было положиться.

17 декабря (27 октября) 47 года Цезарь уже был в Либлибе^[103] с четырьмя тысячами всадников и десятью легионами, из которых пять были укомплектованы из ветеранов. Однако для высадки в Африке у него не хватало транспортных средств: пришлось довольствоваться пошелонной переправой. 25 декабря (31 октября) в направлении Адрумета отправились две тысячи всадников и шесть легионов. Пункт назначения хранился в тайне, и поэтому другие корабли потеряли Цезаря из виду. С ним на берег высадились лишь три тысячи пехотинцев и сто пятьдесят всадников. При таких условиях наступление на Адрумет становилось невозможным. Цезарь отошел к югу, остановился в Руспине и, получив подкрепление, овладел Лемтой. Затем он укрепился на Руспинском полуострове между Адруметом и Лемтой. Там к нему присоединились остальные переправившиеся в Африку войска. Он быстро добыл хлеб и дерево и сумел избежать нападения десяти тысяч всадников, прискакавших из Утики. В его лагерь прибыли первые перебежчики.

В свою очередь Сципион около середины января 46 года (20 ноября 47 г.) вместе с восемью легионами и тремя тысячами всадников занял позицию близ Узитты (Хенхир-Макреба). Он был готов перейти в наступление, как только к нему присоединится Юба I. Тогда Цезарь прибег к помощи мавританских царей: Богуд контролировал Испанию, Бокх II готовился к вторжению. Соответственным образом настроенный П.

Ситтием из Нуцерии, сомнительным финансистом, «кондотьером», обосновавшимся в Мавритании, он был готов выставить своих воинов против армии нумидийского царя. Когда Юба I ушел из своей страны в римскую провинцию, Ситтий воспользовался его отсутствием, чтобы совершить набеги на его деревни, и за несколько месяцев овладел его столицей Киртой. При первом же известии о вторжении Юба повернул назад, чтобы дать отпор врагу, — именно этого и ждал Цезарь.

Имея в своем распоряжении достаточно хлеба, награбленного в Керкине, и второй эшелон легионеров, прибывших из Сицилии, Цезарь собрал 30 тысяч человек и 26 января 46 года (30 ноября 47 г.) перешел в наступление. Он подошел к Узитте, однако не пытался взять ее. Он провоцировал дезертирство среди солдат противника, нарушал линии коммуникаций, перехватывал продовольствие. Сципион никак не мог добиться регулярного сражения, и с конца ноября 47-го по январь 46 года Цезарь изматывает противника, тревожа его со всех сторон, а сам не подставляясь под удары. Он неожиданно перенес военные действия в местность на 40 километров южнее, поскольку к этому времени Ахолла (Ботрия), находившаяся в шестидесяти километрах южнее Малого Лептиса (Лемты), уже была в его руках, и, кроме того, прибыл третий эшелон легионеров. 15 марта (15 января) 46 года Цезарь сжег свой лагерь у Узитты и двинулся к Аггару, в то время как Сципион и вернувшийся с половиной своей армии Юба I обосновались в Тегее. Тогда между двумя армиями снова началась настоящая игра в кошки-мышки: Цезарь постоянно ослаблял противника и множил число своих сторонников. Города просили защиты у цезарианцев. Цезарь дошел до самых Тен (Thenae, Хенхир-Тина) на подходах к Малому Сирту, не смог взять Эль-Джем, однако 28 марта (28 января) 46 года вновь вернулся в свой лагерь при Аггаре и встретил четвертый эшелон своих войск, состоявший из четырех тысяч пехотинцев, четырехсот всадников и тысячи пращников и лучников.

К югу от Адрумета у союзников оставался только Тапс (Рас-Димасс), стоявший на берегу моря в двадцати пяти километрах к северу от Аггара. В ночь с 3 на 4 апреля (с 3 на 4 февраля), после полуночи Цезарь снялся с лагеря при Аггаре, 4 апреля он появился перед Тапсом и осадил его. Союзники шли за ним по пятам. Сципион прибыл 6 апреля, и Цезарю удалось заманить своих противников в мышеловку. Он опрокидывает войско Сципиона и избавляется от неприятельских слонов, которые повернулись против союзников.^[104] Он нападает на лагерь Афрания и Юбы, но они оказываются пусты. Цезарианцы потеряли пятьдесят человек, а уничтожили десять тысяч врагов. Цезарь мог теперь оставить три легиона

в Тиздре (Эль-Джем). С пятью остальными он пошел на Утику. Катон Младший узнал о поражении вечером 8 апреля (8 февраля) и задумал организовать сопротивление, однако Совет Трехсот, представлявший обосновавшихся в городе римлян, воспротивился. Тогда в ночь с 12 на 13 апреля (12-13 февраля) Катон покончил с собой³³⁴ после того, как в философском споре заявил, что добродетельный человек всегда свободен. Он умер сорока девяти лет от роду, и бронзовый бюст из Волубилиса сквозь века донес до нас черты этого стойка, в котором античная мудрость достигла вершин.

Цезарь, относившийся к нему неприязненно и противопоставивший впоследствии прославлявшим его память апологиям две книги своего сочинения «Против Катона» (Anticato), триумфально вступает в Утику в середине апреля (середине февраля) и пожинает прочие плоды победы: Тапс был взят, с Тиздрой было покончено, военачальник Юбы Сабурра был разбит Ситтием, корабль Сципиона был захвачен, а сам он утопился, Афраний и Фавст Сулла погибли, Юба и Петрей сошлись в смертельной схватке, вызванной восстанием подданных Юбы. С кланом помпеянцев было покончено, и 13 июня (14 апреля) Цезарь отплыл из Утики в Италию, по дороге побывав на Сардинии. Он вернулся в Рим только 25 июля (25 мая) 46 года и думал, что после проведения четверного триумфа сможет посвятить себя исключительно реформаторской деятельности. Однако он ошибался, ибо ему предстояло погасить еще один очаг гражданской войны, разгоревшийся в Испании в результате лихоимства Цезаревых легатов и еще более разжигаемый теми, кто бежал из Тапса.

Цезарь покоряет Испанию

Испания встает на сторону помпеянцев

Наместник Дальней Испании Кв. Кассий³³⁵ располагал четырьмя легионами, с помощью которых он оказывал такое давление на жителей подвластной ему области, что ему потребовался пятый легион для того, чтобы обеспечить свою безопасность: ей угрожали ненавидевшие его жители провинции. Злоупотребления со стороны этого пятого легиона привели в еще большее возмущение как коренных жителей Испании, так и

латинских поселенцев. Жители Италики (Сантипонсе) совершили покушение на жизнь Кассия. Это послужило сигналом к расколу в рядах испанской оккупационной армии. Два легиона под командованием квестора М. Марцелла Эзернина³³⁶ вышли из подчинения. Парализованный этими событиями Кв. Кассий был вынужден по приказу Цезаря принять подкрепление, посланное ему царем Богудом, а также те отряды, которые привел М. Эмилий Лепид³³⁷, а затем передать полномочия заменившему его проконсулу Ближней Испании Требонию³³⁸.

Однако успокоение в умах продлилось недолго, ибо при первом же сообщении о скором приезде старшего сына Помпея Великого Гнея Помпея общественное мнение в Дальней Испании переметнулось на сторону помпеянцев и мятежные легионы приветствовали Гнея Помпея на берегу близ захваченного ими Нового Карфагена.^[105] Тотчас же беглецы, прибывшие из Тапса, среди которых находились младший брат Гнея Секст, Аттий Вар и Лабие, присоединились к испанскому восстанию. Вся Дальняя Испания, за исключением Улии (Монтемайор), встала на сторону помпеянцев, и Цезаревы командиры не осмеливались появляться дальше Обулькона (Поркуна) на южной границе Ближней Испании. Цезарю понадобилось время для того, чтобы собрать значительную военную силу, состоявшую из девяти легионов и мощной конницы. Сам он прибыл к этому войску в декабре 46 года, преодолев расстояние от Рима до Обулькона за 27 дней, — такое начало сулило молниеносную войну.

Победоносная молниеносная война Цезаря

Военные операции продолжались не более двух с половиной месяцев и представляли собой огромную и ужасную войну.³³⁹ Навязывая противнику сражения в открытой местности, Цезарь хотел, чтобы кампания была непродолжительной, что удовлетворило бы как его собственные амбиции, так и надежды солдат, измотанных нескончаемыми войнами. Согласно его плану следовало атаковать столицу Дальней Испании Кордубу и, делая вид, что собирается осадить ее, заставить Гнея снять осаду с Улии. Так и случилось. Тогда Цезарь, оставив Кордубу, осадил Атегва (Теба-ла-Вьеха), заняв удобную позицию, позволявшую обеспечить в избытке снабжение продовольствием.

Гнею Помпею не удалось нанести урон осаждающим римским

войскам, и несмотря на бессмысленные казни среди гражданского населения, проводившиеся по приказу Мунация Флакка³⁴⁰ солдатами, боявшимися в случае победы Цезаря за свою судьбу, 19 февраля 45 года ворота города открылись, что законным образом принесло Цезарю провозглашение его императором в третий раз, поскольку он победил разбойников, подчинявшихся предателю.

Тем не менее Цезарю еще не удалось помериться силами с Гнеем Помпеем в открытом бою. Чтобы сохранить свой авторитет, Помпей продолжал свои варварские действия. Так, например, он велел казнить 74 знатных жителя Укуби (Эспехо), предал огню Карруку (?) и Укуби. На эту жестокость Цезарь ответил тем, что приказал отрубить руки гонцам противника, как некогда галлам в Укселлодуне.

Отступив к югу, Гней занимает со своими легионами Мунду (Монтилья). Цезарь следует за ним по пятам. Гнея останавливает разлив реки Марчены, и он решительно разворачивает свои боевые порядки, а Цезарь использует эту возможность для нападения. Это была жестокая резня с неопределенным исходом, когда казалось, что неуловимая победа уже почти дается в руки одной из двух сражающихся армий; был и ряд драматических мгновений, когда Цезарь, желая подстегнуть своих солдат, с риском для жизни сам бросался на передовую линию. Когда мавританская конница Богуда, зайдя с тыла, стала угрожать лагерю Гнея Помпея и вынудила войска Лабиена развернуться, солдаты-помпеянцы большей частью подумали, что начинается общее отступление. Это привело их к катастрофе. Охваченные паникой, они что было сил бросились прочь с поля боя и были перебиты конницей Цезаря, довершившей разгром. У римлян были тысяча убитых и 500 раненых; у их противников за этот сумасшедший день расплатились своими жизнями 35 тысяч человек. Среди мертвых опознали П. Аттия Вара и Лабиена. Гн. Помпей спасся благодаря тому, что бежал в Картейю (Эль Рокадильо), где сел на корабль. Командующий эскадрой Цезаря в Гадесе Г. Дидий³⁴¹ погнался за ним и уничтожил его галеры. Гней Помпей некоторое время вел на суше жизнь человека, поставленного вне закона, а затем был схвачен и убит в пещере неподалеку от Лаврона (Лаури) (весна 45 г.).

18 марта Цезарь вернулся к Кордубе, которая была сожжена помпеянами, а 12 тысяч ее жителей перебиты сторонниками Цезаря. Остальная часть населения была продана с публичных торгов. Цезарь подчинил Гиспалис (Севилья), Гасту (Меса-де-Аста), Картейю и Гадес. В Гиспалисе он провозгласил новый статус Испании^[106] и отослал большую часть своих войск обратно. Во второй половине июля он отбыл в Рим, где в

октябре 45 года справил свой пятый триумф. Мы не знаем его точной даты, но триумфы его командиров Кв. Фабия Максима и Кв. Педия состоялись вскоре после него 15 октября и 13 декабря.

Так Цезарю, благодаря его решительности, реалистическому мышлению и глубине психологизма, удалось в очередной раз добиться успеха. Он сумел освободиться от всего, что унаследовал от прошлого: как от освященных давностью стереотипов стратегии поведения, так и от обветшавших установлений, оказавшихся неадекватными «новому миру». Он все изобретал заново. Он не был сыном никому.

КНИГА ТРЕТЬЯ НИКОМУ НЕ СЫН

Итак, на два вопроса: «Был ли Цезарь сыном Венеры?» и «Был ли он сыном Марса?» — мы дважды ответили отрицательно. Конечно, мы не собираемся опровергать тексты древних авторов и отрицать роль этих двух божеств в деяниях Цезаря в том виде, в каком эти тексты о них сообщают. Но мифологическая родословная не имела существенного значения для этого аристократа, который, к примеру, во время своего избрания великим понтификом не обратился к посредничеству ни одного божественного заступника, постоянно балансировал между Венерой-Победительницей (Venus Victrix) и Венерой-Прародительницей (Venus Genitrix), а в наиболее серьезных военных кампаниях признавал лишь жребий Фортуны. Укрываясь за занавесом пропаганды, он в глубине оставался одиноким человеком, который переделывает мир и одновременно создает свое собственное «я». С логической точки зрения следует признать, что он не был сыном никому и мечтал о новой вселенной, единственным центром которой должен был стать он сам.

Глава I

НЕКОРОНОВАННЫЙ МОНАРХ

Во Франции столь долго смешивали понятия монархии и королевской власти, что, говоря о Цезаре, следует провести различие между этими двумя понятиями, тем более что именно ненависть к царской власти в свое время выковала политическое кредо римлян. Обратимся к этимологии: монархом называется тот, кто правит единолично, в то время как республиканская традиция опирается на коллегиальное правление, например на власть двух консулов. Должны были возникнуть драматические и исключительные обстоятельства, для того чтобы один человек был облечен единоличной консульской властью, как, например, Помпей в 52 году.³⁴² Однако помимо правового положения Цезаря в государстве, которое само по себе было революционным явлением, следует иметь в виду ту фактическую власть, которой он был обязан своим победам, а значит, и своей доблести (*virtus*). Таким образом, для того чтобы дать наиболее точную характеристику его абсолютной монархической власти, нам предстоит рассмотреть его положение в государстве и его решимость по своему собственному усмотрению переделывать существующие установления.

Цезарь управляет государством...

... властью законных полномочий

Начиная с 49 года Цезарь постоянно занимал регулярные магистратуры и стал сосредоточивать в своих руках по несколько должностей, что давало ему неограниченную власть. Он даже получил полномочия диктатора, сначала сроком на десять лет, а затем — пожизненно. Он отказался от ежегодного обновления мандатов и продлил навечно свое положение на вершине государственной власти.

Год Диктатор Консул

49 Диктатор в первый раз (Dictator I), в ноябре³⁴³ (без начальника конницы) *rei publicae constituendae causa* («для устройства государственных дел»)

48 Диктатор во второй раз (Dictator II), в октябре, после Фарсала³⁴⁴ Начальник конницы — М. Антоний Консул совместно с П. Сервилием Исавриком³⁴⁵

47 Диктатор во второй раз³⁴⁶ Начальник конницы — М. Антоний

46 Апрель: Диктатор в третий раз (Dictator III)³⁴⁷ *Designatus III* (назначенный в четвертый раз), затем — на десять лет *rei gerendae* («для управления делами») Консул совместно с М. Эмилием Лепидом

45 Диктатор в третий раз (Dictator III) до апреля³⁴⁸ Диктатор в четвертый раз (Dictator III) — до тех пор, пока от не стал пожизненным Начальник конницы — М. Эмилий Лепид Консул без коллеги (в октябре отказ от этой должности)

44 Диктатор в четвертый раз (Dictator III)³⁴⁹ Между 26 января и 15 февраля провозглашен пожизненным диктатором (*Dictator perpetuus*) Начальниками конницы назначены: Г. Октавий, Гн. Домиций Кальвин Консул совместно с М. Антонием Назначенный консул-суффект — П. Корнелий Долабелла

В 45 году Цезарь был удостоен сенатом исключительных почестей: он получил право постоянно носить пурпур и лавровый венок триумфатора. Так, будучи в 49 году провозглашен императором во второй раз (*imperator iterum*), на монетах 44 года он становится императором навеки: *Caesar imperator* либо *imperator Caesar*, эту формулировку примет Август, а затем и все последующие императоры-правители. А получив в 45 году диктатуру на десять лет, он вполне естественным образом стал пожизненным диктатором, что и было утверждено постановлением сената, которое было ему вручено 14 февраля 44 года. Подобный титул упрочивал правовую основу его монархии: отныне должностные лица (магистраты) стали просто его уполномоченными, он отдавал распоряжения плебейским трибунам и даже предусмотрел, что, если в предстоящей парфянской кампании с ним случится несчастье, пост пожизненного диктатора унаследует его племянник Октавий, усыновленный им 13 сентября 45 года. Тем самым Цезарь закладывал основы наследственной монархии, которую можно было сравнить разве что с восточными монархиями — от республиканских установлений отходили всё дальше и дальше.

Император весь в золоте. Еще до того, как Цезарь получил пожизненный титул императора, он командовал тысячами легионеров, преданных ему до последнего вздоха, и они своими победами дали ему возможность накопить колоссальные суммы, которые при необходимости позволяли ему покупать все умы.

Весной 49 года он завладел казной (aerarium), что было разрешено ему постановлением трибунов. Таким образом он получил³⁵⁰ 15 тысяч слитков золота, 30 тысяч слитков серебра и 30 миллионов сестерциев. В декабре этого же года он изъясил из храмов города Рима, и в частности из храма Юпитера Капитолийского³⁵¹, хранившиеся там приношения, которые можно было обратить в деньги, — что и позволило ему отчеканить золотые денарии и квинарии типа Pietas с легендой Caesar imp. it.

Подобным же образом и в провинциях Цезарь обирал города и святилища, царей и частных лиц. Он «советовал» приносить дары и во множестве занимал деньги, которые отнюдь не намеревался возвращать. Он накладывал на них контрибуции, реквизиции и штрафы³⁵², что и вызвало восстание в Александрии. В Азии, Африке, Сардинии и Испании он не раз прибегал к конфискациям имущества отдельных лиц и сообществ. В Италии он пустил с молотка имущество Помпея и его сторонников. В Нумидии он ликвидировал царское имущество Юбы. И все эти богатства³⁵³ давали ему средства для того, чтобы править, и в особенности для того, чтобы ослеплять блеском современников. Прежде всего это означало поразить умы великолепием своих триумфов.

Цезарь Великолепный. Первые четыре триумфа³⁵⁴, ознаменовавшие победы над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой, следовали один за другим в период с конца августа (конец июня) по конец сентября (конец июля) 46 года. Пятым триумфом в начале октября 45 года была отмечена победа над Испанией. Цезарь предпочитал менять материал, из которого изготавливались аксессуары для его кортежа: в галльском триумфе это была туя, в египетском — акация, в понтийском — вставки из панцирей черепахи, в африканском — слоновая кость, в испанском — отполированное серебро. Для той эпохи это было неслыханное

расточительство в оформлении носилок, на которых несли несметную добычу. Он вывел напоказ знаменитых пленников, таких, как Верцингеториг, малолетний Юба (будущий Юба II),^[107] царица Арсиноя, а во время египетского триумфа в сгущавшихся сумерках наступающей ночи он проехал от Капитолия до Domus regia в сопровождении сорока слонов, на спинах которых были укреплены огромные зажженные факелы.

Помимо триумфов, Цезарь устраивал множество пиров и зрелищ. Достаточно вспомнить хотя бы пиршество (epulum) 46 года, когда в двадцати двух тысячах триклиний было предложено угощение шестидесяти шести тысячам приглашенных. Оно продолжалось много дней. За это время было съедено шесть тысяч миног общим весом более двух тысяч килограммов и каждая группа из девяти сотрапезников (триклиний) получила амфору (20,26 л) фалернского и cadus (38,38 л) хиосского вина. В 45 году Цезарь устроил два пира³⁵⁵ для народа с промежутком между ними в четыре дня: на столах красовались одновременно четыре лучших сорта вин: фалернское, хиосское, лесбосское и мамертинское.

Одновременно с этим Цезарь организовывал дорогостоящие зрелища. В 45 году он взял на себя издержки по проведению театральных представлений во всех кварталах города и на всех языках. В 46 году он устроил в два раза больше сенсационных увеселений: хоры и балеты, военный танец (пирриха) в исполнении сыновей вельмож из Малой Азии, троянская конная игра с участием мальчиков из знатных римских семейств, состязания атлетов на Марсовом поле, ристания колесниц и коней в Большом цирке³⁵⁶. При праздновании освящения храма Венеры-Прародительницы (Venus Genitrix) 26 сентября (25 июля) 46 года он превзошел самого себя, организовав навмахию^[108]. На пруду, выкопанном неподалеку от правого берега Тибра, он заставил сразиться четыре тысячи гребцов, разделенных на две флотилии. В Большом цирке он устроил инсценировку сражения, в котором сошлись два войска, причем каждое состояло из пятисот пехотинцев, тридцати всадников и двадцати слонов. В деревянном амфитеатре, построенном по его приказу, состязались гладиаторы. На девять дней Форум стал ареной травли зверей (venationes) в память о покойной Юлии³⁵⁷. Звериные травли, устраивавшиеся в свое время Суллой и Помпеем, затмило умерщвление четырехсот львов.³⁵⁸ Впервые римляне увидели и тавромахию, известную в Фессалии³⁵⁹: фессалийцы изобрели искусство убивать быков, подскакивая к ним на пущенном в галоп коне и сворачивая бычью шею, ухватившись руками за

рога. Зрителям также был впервые показан жираф³⁶⁰. И верх изящества: для защиты зрителей от летнего солнца от Domus regia до Капитолийского холма был натянут полог (velum) из шелка. Такая восточная роскошь не могла не производить впечатление на народ, так же как его не могли не пьянить триумфальные шествия, во время которых вставляли картины ключевых моментов Цезаревых побед.

Солдаты тем более охотно участвовали в этом упоении победой, что они получили в свое распоряжение значительную часть захваченной Цезарем добычи, которую он щедро раздавал. Выплатив солдатам и командирам традиционно причитающуюся им часть награбленного, он в 45 году внес в казну 600 миллионов сестерциев.³⁶¹ В 46 году он даже расставил в ряд на столах³⁶² 2822 диадемы, весившие в общей сложности 2414 фунтов золота, и разложил 60 тысяч талантов в звонкой монете. Затем он перешел к раздаче: каждый гражданин получил 10 тысяч модиев (87,50 л) зерна, 10 фунтов (3270 кг) масла и 400 сестерциев³⁶³. 20 тысяч сестерциев были выданы каждому ветерану, 40 тысяч — каждому центуриону и 80 тысяч — каждому легионному трибуну³⁶⁴.

И чтобы такая щедрость не покорила армию и плебс?! Теперь можно было рассчитывать на их вечную благодарность и можно было позволить себе все, что угодно. Подобный раздел добычи мог быть только принят без обсуждения. Не желая терпеть ропот некоторых солдат, которые, помимо денежного подарка (donativum), требовали раздач, причитавшихся гражданам, Цезарь отдал одного из недовольных в руки палача. Затем он велел умертвить еще двоих на Марсовом поле в присутствии фламينا бога войны и коллегии понтификов. Он велел пригвоздить их головы к стене Regia, где обычно вывешивали только череп Октябрьского коня:^[109] монарх не мог терпеть ни малейшей попытки оспорить свои решения. «Credere, obeddire» («Верить и повиноваться») — так Цезарь предвосхитил будущее credo Муссолини.

Цезарь берет под свою опеку государственные институты. Цезарь взял под свое покровительство трибутные комиции, чем сохранил видимость демократии, ибо именно в них испокон веков заседали городские плебеи, состав которых расширился за счет цизальпинцев, ставших римскими гражданами по закону Росция (lex Roscia) 49 года. Цезарь изменил даже место собрания комиций: вместо роци, в которой они обычно сходились, он в 54 году заложил первый камень роскошного мраморного ограждения, постройка которого закончилась лишь спустя 18

лет после его смерти. Древний овий (ovile)^[110] превратился в Saepa Iulia, Юлиеву Ограду.³⁶⁵ Это собрание дало ему разрешение сидеть на скамье трибунов и участвовать в их действиях — так уже замаячили на горизонте (трибунские полномочия) (tribunicia potestas) времен Августа.

В то же время Цезарь прибирал к рукам магистратуры, которые постепенно все более попадали под его опеку. Будучи в 49 году диктатором, он председательствовал при выборах магистратов на следующий год, однако при этом кандидатами были только те, чье выдвижение он одобрил. В этом же году отсутствие консула не позволило центуриатным комициям нормально функционировать. Однако уже в следующем году, когда он вторично стал диктатором, обычных магистратов — консулов, преторов, квесторов — уже просто не было. В Риме единолично правил Цезарев начальник конницы, которому помогали плебейские трибуны и эдилы, ибо плебс постановил, что все магистратуры, кроме плебейских, могут быть заняты только в присутствии Цезаря. Вернувшись в Рим, Цезарь сразу же, в октябре (середине августа) 47 года, созвал центурии, чтобы избрать магистратов (консулов, преторов и квесторов) на последние месяцы этого и следующего годов. Таким образом, выборы в центуриатных комициях зависели от его соизволения.

В 46 году, находясь в Риме во второй половине года, он откладывал созыв комиций вплоть до самого своего отъезда в Испанию. Тогда он назначил восемь префектов, которые управляли Городом от его имени. С этих пор магистраты превратились в его марионеток, в людей его партии. После Мунды плебисцит предоставил ему право предлагать людей на все магистратуры, включая те, которые предусматривали выборы в трибунных комициях. Цезарь отказался от этой чрезмерной почести и удовольствовался тем, что назвал имена обоих консулов. Однако накануне своего отъезда на Восток, в начале 44 года, он позволил провести плебисцит, предложенный по постановлению сената (ex senatus consulto) братом Марка Антония плебейским трибуном Л. Антонием, и этот плебисцит поручал Цезарю назначение консулов и передал в его руки половину остальных магистратур³⁶⁶. Так были заранее назначены консулы и трибуны 43 и 42 годов, преторы, эдилы и квесторы 43 года. Остальные кандидаты были, несомненно, из числа угодных людей³⁶⁷. Таким образом, Цезарь подчинил себе все римские магистратуры.

Чтобы расширить свою власть, он унижал те должности, которые не занимал сам. В то время как сам он в 47 году согласился на свое избрание в центуриатных комициях консулом на пять лет подряд,³⁶⁸ а в 45 году — на десять лет³⁶⁹, он сокращал срок полномочий для прочих, кто был облечен

этой магистратурой. Так в 47 году Кв. Фуфий Кален и П. Ватиний были избраны только на три последних месяца года³⁷⁰. В октябре 45 года, будучи единоличным консулом, подобно тому, как в 52 году им был Помпей, Цезарь после своего пятого триумфа передал полномочия своим бывшим легатам Кв. Фабию Максиму и Г. Требонию.³⁷¹ В 44 году он объявил, что в четвертом квартале откажется от должности консула в пользу П. Корнелия Долабеллы.³⁷² Таким образом, Цезарь заложил основу системы консулов-суффектов^[111] еще до того, как ее официально создал Август. Срок консульства сокращается до трех месяцев, а то и до одного дня: однажды по причине того, что утром скончался один из консулов-суффектов 45 года Кв. Фабий Максим, Цезарь до полудня назначил на его место Г. Каниния Ребила³⁷³, который наутро сложил полномочия. Как можно принимать всерьез такую магистратуру, которая была теперь достойна лишь тяжеловесных шуток Цицерона? Во всяком случае, это означало лишить какой бы то ни было значимости высокие амбиции сенаторского сословия.

Еще в большей мере Цезарь понизил престиж младших магистратур, дробя их и увеличивая количество их членов. В 49 году он удвоил³⁷⁴ число тех, кто должен был занимать должности преторов, эдилов и квесторов в следующем году. В 47 году он учредил на 46 год десять преторов вместо восьми. В отношении жреческих коллегий он проводил такую же «инфляционистскую» политику, увеличив число их членов с 15 до 16, причем это коснулось даже *XV viri sacris faciundis*!^[112] В 45 году он велел избрать на 44 год 16 преторов, шесть эдилов вместо четырех (то есть двух курульных, двух плебейских и еще двух хлебных эдилов — *seriales*), число квесторов увеличилось с 20 до 40. Его замысел ясен: речь шла о награждении сторонников, которые таким образом могли войти в высшую категорию лиц, занимающих «почетные должности», — ведь эдилы из простых граждан-«квесториев» становились «преториями», а также о том, чтобы обычных преторов сделать «консулярами»³⁷⁵. Этим дроблением магистратур Цезарь старался прежде всего изменить состав сената и порядок старшинства внутри него: в результате сенат было проще приручить.

Цезарю сенат представлялся цитаделью помпеянцев, несокрушимым оплотом его врагов. И он воспользовался способом, который в свое время помог Сулле: он ввел в сенат своих людей и нейтрализовал его, превратив в собрание придворных. Уже в 49 году он провел плебисцит о возвращении курульных кресел^[113] тем сенаторам, которые, будучи заподозрены в

сочувствии к нему, лишились их и были изгнаны Помпеем³⁷⁶. В 46 году благодаря своему положению префекта нравов, предоставленному ему после Тапса сроком на три года,³⁷⁷ он получил возможность изменять состав сената по своему усмотрению. У него был богатый выбор: число магистратов увеличилось, почетные должности замещались в обход обязательного порядка прохождения этапов карьеры. С 45 года Кассиев закон (lex Cassia) позволил ему также по своему усмотрению создавать новых патрициев. Он призвал в сенат сыновей тех, кто подвергся проскрипциям Суллы, представителей всаднического сословия, зажиточных италиков и даже провинциалов, в числе которых были испанцы, как, например, Тиций³⁷⁸, бывший центурион Л. Децидий Сакса³⁷⁹ и Л. Корнелий Бальб Младший;³⁸⁰ галлы, отобранные из элиты Нарбонской провинции, как, например, гельвий Г. Валерий Процилл³⁸¹ и воконтий Помпей Трог, а также другие, лишь недавно получившие гражданство³⁸² и в малознакомой им столице не всегда сразу находившие дорогу в курию.³⁸³ Выбор Цезаря останавливался также на центурионах и младших офицерах и даже на рядовых воинах, отличившихся своей храбростью (например, Фуфиций Фангон)³⁸⁴, на сыновьях вольноотпущенников и даже самих вольноотпущенниках, таких, как П. Вентидий Басс, бывший погонщик мулов и будущий консул-суффект 43 года.³⁸⁵

Ощутимые изменения коснулись не только качественного состава нового пополнения сената, но и количества его членов. От сулланского сената, уже разросшегося с 300 до 600 членов, мы переходим к Цезареву сенату, который в начале 44 года насчитывал 900 членов.³⁸⁶ Этот раздутый орган власти стал поистине «бесподобной палатой», в которую, как острил Цицерон,³⁸⁷ попасть было проще, чем в сенат небольшого города Помпеи. ^[114] Специальный декрет дал Цезарю право восседать в сенате между двумя консулами на курульном кресле, стоявшем выше их кресел, и первому высказывать свое мнение. Для того чтобы фактически председательствовать в этом великом совете (consilium), титул принцепса сената ему был ни к чему. В результате Цезарь сумел без особых сложностей прибрать к рукам две основные сенатские функции: распоряжение финансами и управление провинциями.

Мы уже видели, как он завладел государственной кассой. В 46 году он доверил казну двум своим префектам³⁸⁸, затем, после восстановления квестуры, он поставил на эти должности бывших преторов, которые на деле стали действовать в качестве префектов принцепса, явившись прообразами будущей имперской администрации. В следующем году

Цезарь оставил за собой право назначать триумвиров, отвечающих за чеканку монет (III viri monetales): их число было увеличено до четырех,³⁸⁹ и за эмиссией денег стали надзирать его собственные рабы³⁹⁰. С монет исчезла формула EX S C (ex senatus consulto — по постановлению сената); тем самым сенат лишился последнего свидетельства своих прерогатив³⁹¹.

Цезарь от своего лица направлял в провинции военачальников, и жителям провинций оставалось лишь подчиняться их империи³⁹². По возвращении Цезаря с Востока собрание плебса предложило ему распределять преторские провинции не по жребию, а по своему усмотрению. Разумеется, это не касалось консульских провинций, однако если вспомнить, что консулы избирались исключительно по рекомендации Цезаря, то можно полностью представить себе весь объем принадлежавшей ему власти. Игра, состоявшая ранее в том, что магистраты договаривались между собой о своих промагистратурах, с этого момента стала невозможной. Один только Цезарь мог раздавать наместничества консулам и преторам, которые сплошь были его ставленниками, а когда он сохранял провинции за собой, то посылал туда представлявших его легатов. В 45 году сенат и плебс предоставили ему свободу единолично решать вопросы войны и мира³⁹³, постановили, что он один должен командовать войсками и распоряжаться финансами. Так Цезарь установил режим абсолютной монархии, во многом предвосхитивший имперский режим, и не случайно именно это имя — Цезарь — стало впоследствии общим именем (nomen), «общим знаменателем» императоров.

Цезарь как абсолютный монарх

Цезарь правил через своих уполномоченных, с помощью кабинета, который, впрочем, уже раньше защищал его интересы во время проконсульства в Галлии и постоянно был начеку.

Кабинет

Так кто же входил в состав его кабинета? Утонченный книжник Г.

Оппий, богатый уроженец Гадеса Л. Корнелий Бальб. Оба они входили в элиту всадников, и Тацит написал, что они решали вопросы войны и мира.³⁹⁴ Еще был офицер главного штаба А. Гирций. Их мнение имело силу закона. Цезарь посылал им зашифрованные инструкции³⁹⁵. Стабильный кабинет был совершенно необходим, потому что сам он провел в Городе в общей сложности только год. Можно лишь подивиться преданности этих людей и эффективности их действий. Члены кабинета обеспечивали постоянное выполнение воли Цезаря. Именно от них Цицерон получил разрешение произнести речь «В защиту Лигария» (Pro Ligario), и они же обратились к воевавшему в Испании Цезарю с запросом о разрешении на ее публикацию. Так что они обеспечивали не только «связи с общественностью», но и отчасти государственное управление. Например, именно Бальб, следуя инструкциям Цезаря, принял решение о том, что ушедший со своей должности общественный глашатай должен становиться членом муниципального совета.

Цезарь как живое воплощение закона

Все игры с законодательством были на деле лишь фасадом. Буква «конституции» соблюдалась, и голосование о законах проводилось «по всей форме», однако их редакция получала согласие Цезаря или его кабинета, и никто не мог и подумать изменять в них что бы то ни было. Даже те, кто брал на себя инициативу внесения проекта и затем давал законам свои имена, не ведали об их содержании. Сила этого законотворчества была столь велика, что стоило Марку Антонию после смерти Цезаря опубликовать разрозненные черновые тексты, обнаруженные в его сундуках, как они сразу были выгравированы на бронзе и получили статус закона. Аналогично, Юлиев закон о муниципальном управлении (lex Iulia municipalis)³⁹⁶ на века закрепил римскую политику и статус Италии. Благодаря Цезарю, он получил немыслимый авторитет, превышавший авторитет установлений любого известного истории монарха. Постройка здания правовой системы завершилась после смерти Цезаря, ибо это здание должно было отвечать требованиям меняющегося мира, разрушенного гражданскими войнами, требующего справедливости и большего братства между людьми, но более всего жаждущего установления мира.

Таким образом, Цезарь еще до императоров стал воплощением живого закона, торжествующего даже над Смертью и обеспечивающего жизнеспособность монархии, целью и результатом которой была перестройка общества.

Глава II

СОЗДАТЕЛЬ НОВОГО ОБЩЕСТВА

В Риме в период падения Республики социальная напряженность, несомненно, приняла форму классовой борьбы. Для того чтобы разрешить противоречия этого общества, была необходима революция. Цезарь произвел ее сам и по-своему, чтобы его монархия получила поддержку определенным образом обработанного и стало быть манипулируемого общественного мнения. Именно это общественное мнение в большей степени, нежели политические институты, обеспечивало легитимность его власти.

Общество без политических партий

Единовластие Цезаря не могло сосуществовать с наличием партий или групп давления, которые стесняли бы свободу действий диктатора. Ему было необходимо образумить как популяров, так и оптиматов и заблокировать их действия при помощи пропаганды, которая, угадывая их сокровенные желания, ликвидировала бы всякие политические споры.

В первую очередь Цезарь постарался избавиться от объединений популяров. Так называемые «коллегии бедняков» (*collegia tenuiorum*) с давнего времени вели энергичную борьбу против оптиматов, которые их запретили в 64 году; в 58 году они были восстановлены Клодием³⁹⁷ с согласия Цезаря, а в 55 году их деятельность была регламентирована Крассом. Однако Цезарь, далекий от того, чтобы признать роль, которую они сыграли в его приходе к власти, и от того, чтобы продемонстрировать им свою признательность за это, разрешил существование лишь освященных древностью традиций профессиональных коллегий³⁹⁸, а также религиозных объединений, посвятивших себя исключительно культу своих божеств, таких, как синагоги³⁹⁹ или дионисийские братства, которые появились в Риме впервые после дела о Вакханалиях^[115] и распространяли вакхическую мистику⁴⁰⁰.

Цезарь — и это еще раз говорит о его гениальности — понял, что для

того чтобы низы общества пребывали в спокойствии и держались подальше от любых мятежей, следовало придать направление их мыслям и привлечь к своим замыслам. Он понимал силу пропаганды. Его сообщения о военных действиях во время завоевания Галлии были образцом этого жанра: «искажение исторических фактов» значения не имело, важнее было донести идею. Он сумел набрать хороших редакторов, а при случае и сам приходил им на помощь. Конечно, можно задаваться вопросом о подлинности писем⁴⁰¹, которые Саллюстий будто бы писал Цезарю-старцу,^[116] но, даже если они принадлежат «перу» какого-то школьного риторика, писавшего при Августе, они вполне соответствуют настроению умов эпохи Цезаря и тем пунктам Цезаревой программы, о которых информировалось общественное мнение. Известие о самоубийстве Катона в Утике в 46 году потрясло общественное мнение, и Цицерон, воспользовавшись этим, опубликовал надгробную хвалебную речь в духе дифирамба, с которой перекликался панегирик, сочиненный Брутом. На это ответил Гирций, и сам Цезарь написал сочинение «Против Катона», в котором подверг «героя» резким нападкам, оспаривая даже честность, проявленную тем на Кипре. Возражения на этот памфлет никогда не увидели света, ибо после Мунды Цезарь осуществлял настоящую цензуру. Так, Цецина был изгнан за то, что опубликовал «Жалобы» (Querelae)⁴⁰². Даже сам Цицерон, желая опубликовать свои труды, должен был получить согласие Цезаря или его кабинета. Более того, Цезарь придумал создать Acta populi,^[117] нечто вроде официального органа его режима, наряду с Acta Senatus,^[118] которые он также держал под контролем. В определенном смысле он создал прессу, но монополизировал ее и умел незаметно потакать мнению простого народа, чтобы обеспечить внутренний мир, тем более что находящиеся на другом конце общественной лестницы аристократы-оптиматы тоже согласились подчиниться давлению Цезаря.

Великие противники погибли в гражданской войне, а люди второго плана перешли на сторону Цезаря, как, например, М. Юний Брут — в день битвы при Фарсале, а Г. Кассий — чуть позже. Цицерон отошел от проигравшей стороны, то есть от сторонников Помпея, но на самом деле не примкнул и к лагерю Цезаря. Наконец некоторые другие отправились в добровольное изгнание. Цезарь противопоставил жестокости запомнившегося проскрипциями Суллы свое великодушие: римлянин не мог вести себя, как варвар, и отвечать на убийство убийством, на кровопролитие — кровопролитием⁴⁰³. После Мунды он назначил преторами на 44 год⁴⁰⁴ тех, кто по выражению Ж. Каркопино, «явились к

шапочному разбору», — Брута и Кассия, — при этом давние сторонники Цезаря оказались готовы перечеркнуть бывшие разногласия и желали примирения обоих враждующих лагерей. Цезарь стал искать пути к примирению после Тапса. Первым, уже 26 сентября 47 года, к нему присоединился Цицерон и, перейдя на сторону Цезаря, сразу стал действовать как его посредник, хотя и не всегда успешно. Например, он сумел привлечь бывшего легата Африки Кв. Лигария. Тот был осужден на изгнание; его родственники и друзья по наущению Цицерона бросились к ногам Цезаря. Однако личные враги Лигария, отец и сын Тубероны, начали против него судебный процесс, и в конце сентября 46 года ему пришлось защищаться в суде. Цицерон взял на себя его защиту, произнеся речь «В защиту Лигария» (Pro Ligario), где воззвал к великодушию Цезаря, который наверняка заранее одобрил весь этот спектакль. Кв. Лигарий был оправдан и получил прощение. Речь «В защиту Лигария» вошла в арсенал процезарианской пропаганды, поскольку в ней Цицерон признает, что Цезарь более всех приблизился к богам, ибо он спас наибольшее число себе подобных⁴⁰⁵.

По предложению Цезарева кабинета Цицерон донимал своими уговорами в письмах М. Клавдия Марцелла, бывшего консула 51 года⁴⁰⁶, остававшегося яростным противником Цезаря. Живя изгнанником в Митиленах, он отказывался просить Цезаря о помиловании. В начале июля 46 года десяток консуляров окружили Цезаря в сенате и просили его за Марцелла. Среди них был тесть Цезаря Л. Кальпурний Пизон. Поначалу Цезарь не сдавался на эти просьбы, но затем простил по причине «желания сената, этого великого оплота государства».⁴⁰⁷ Тогда в курии началось всеобщее ликование, в котором принял участие и Цицерон, произнесший речь «В защиту Марцелла» (Pro Marcello), в которой прославлял божественное великодушие Цезаря⁴⁰⁸.

Однако Марцелл не пожелал сразу же воспользоваться этим прощением. Он отложил приготовления к отъезду до весны 45 года. И 25 мая, когда он уже находился в пути, возвращаясь на родину, во время остановки в Пирее его заколол один из его ближайших людей П. Магий Килон, который, судя по всему, сразу же покончил с собой. Эта трагическая развязка уже не имела значения. Цезарь достиг своей цели: сенат единодушно восхвалял и его самого, и то, что он делал. Он добивался единства вокруг себя, необходимого при построении тоталитарного государства, руководимого единственной партией — партией сторонников Цезаря. Это коренным образом отличалось от традиционного дуализма сената и римского народа. Это была революция, которую до него никому не

удавалось совершить: обществу, избавившемуся от традиционных партий, должно было соответствовать и бесклассовое общество.

Бесклассовое общество

Силой своей монархической власти Цезарь мог попытаться разрешить противоречия, в которых в прошлом увязла демократическая партия. В самом деле, в свое время Гай Гракх, с одной стороны, стремился посредством раздела общественных земель вернуть городскому плебсу стремление к труду и к вложению усилий в свое дело; с другой же стороны, он хотел расширить права гражданства, что уменьшало долю городского плебса. Уже 11 марта (11 февраля) 49 года Цезарь законом Росция (Lex Roscia) завершил распространение прав римского гражданства на всю Италию, включая Цизальпинскую область. Раздачами пропитания и денег черни он заткнул рот протестовавшим жителям Города. Затем, щадя самолюбие народа, он провел закон Рубрия (lex Rubria), который оставлял до 42 года за Цизальпинской областью статус особой провинции, ограничивая судебные полномочия местной власти и перенося в Рим разбирательства по искам, грозившим проигравшей стороне бесчестьем, и по гражданским делам, превышавшим определенную сумму: 10 или 15 тысяч сестерциев. Так что он одновременно вел дерзкую политику обновления, но вводил изменения постепенно, что свидетельствует в пользу его радения о выгоде государства.

Нужно было решительно браться за важнейшую проблему нищеты плебса. Дело в том, что условия жизни пролетариев в Риме в эти годы значительно ухудшились. Росло число рабочих рук, но следом увеличивалось и число безработных. Ремесленники были раздавлены тяжестью долгов. Цезарь решил вмешаться в вековой конфликт, однако не поддаваясь демагогии. Уже в 49 году он выступил посредником между кредиторами и должниками, что вообще-то входило в исключительную сферу ведения городского претора, обеспечивавшего решения третейских судей. В 48 году городской претор Г. Требоний⁴⁰⁹ исполнял свои обязанности с человеколюбием и боролся против ростовщических процентов, добиваясь выплаты законных долгов по частям. Тем не менее число должников было столь велико, что они попытались насильственным путем добиться отмены долгов. Претор по делам перегринов-иноземцев М.

Целий Руф⁴¹⁰, завидовавший Требонию, возглавил это движение. После первых безуспешных выступлений он выдвинул законопроект об аннулировании половины долгов и выплате второй половины без процентов и в рассрочку. Натолкнувшись на враждебность консула Сервилия Исаврика⁴¹¹, он отозвал свой законопроект и заменил его двумя еще более радикальными предложениями: о годичном моратории для квартиросъемщиков и о полной отмене долгов. Тогда Город разделился на две партии. В результате бунта Требония прогнали с его трибунала. Сенат проголосовал за *senatus consultum ultimum*. Целий бежал, присоединившись к приехавшему из Марселя Милону и войску помпеянцев, стоявшему на юге подле Компсы на территории гирпинов, тому самому войску, которое впоследствии было разбито в пух и прах претором Кв. Педием⁴¹². Целия убили всадники, стоявшие гарнизоном в городе Турии.

Итак, это первое возмущение было подавлено за несколько месяцев. Затем возникло другое движение, во главе которого встал молодой патриций П. Корнелий Долабелла⁴¹³, перешедший в плебейское сословие и ставший трибуном 47 года. Он попытался создать затруднения для начальника конницы Марка Антония. Он выдвинул те же предложения, что и Целий, и призвал к оружию в поддержку этих проектов. Форум вновь оказался покрыт баррикадами, а сенат снова провозгласил *senatus consultum ultimum*. Собравшиеся у Капитолия войска Марка Антония бросились на мятежников и перебили 800 человек. Долабелла остался жив, осталась нерешенной и проблема. По возвращении с Востока Цезарь своим молчанием показал, что одобряет резню, устроенную Марком Антонием. Вместе с тем он не стал порывать и с Долабеллой. Ему надо было проанализировать ситуацию. Существовали неплатежеспособные должники, погрязшие в нищете и достойные сострадания, однако не пытавшиеся найти выход из своего положения, сделать хоть малейшее личное усилие, что, по мнению Цезаря, свидетельствовало о посредственности этих людей.⁴¹⁴ В отличие от них, не платившие долги богачи позволяли себе непростительное бесстыдство⁴¹⁵. На основе этого анализа Цезарь выработал четкую линию действий для поддержания социальной справедливости.

Один Юлиев закон установил мораторий для квартиросъемщиков, которые платили не более двух тысяч сестерциев в год. Второй закон предусматривал *cessio bonorum* — уступку несостоятельными должниками своих имущественных прав другим лицам в объеме суммы, которую они задолжали. Тогда возмущение богачей, не желавших выполнять взятые обязательства, прекратилось. Очевидно, для честных должников уже

уплаченные проценты, как в ценностях, так и в деньгах, списывались с общей суммы долга, а предварительные расчеты должны были учитывать стоимость, которую имущество имело до гражданской войны. По-настоящему бедные люди передаче имущественных прав и аресту за долги не подвергались. В целом, если верить Светонию⁴¹⁶, долги сократились только на одну четверть; не было и речи о полной отмене долгов, которая вызвала бы потрясения с непредвиденными последствиями. Для Цезаря речь в первую очередь шла о том, чтобы возродить плебс за счет своих богатств и завоеваний.

В программе популяров всегда был пункт о необходимости помогать нуждающимся. Из-за демагогии нобилей решение этой задачи быстро превратилось из предоставления зерна по низким ценам в бесплатную его раздачу, которая началась еще в эпоху Гая Гракха. Цезарь сохранил верность этой программе, однако не хотел излишней щедростью подрывать государственные финансы и отказался поощрять бездельников. В 46 году он определил условия, необходимые для получения бесплатного пропитания, и вычеркнул из списков тех, кто эти условия не выполнял. В результате число получающих помощь уменьшилось с 320 тысяч до 150 тысяч⁴¹⁷, и эту цифру не предполагалось превышать в будущем. Вносить в эти списки новые имена можно было только при наличии вакансий, и при нарушении этого правила хлебные эдилы (*seriales*) наказывались штрафом в 50 тысяч сестерциев.

Цезарь убедился, что наделение земель, предусмотренное принятыми в его консульство социальными законами, в первую очередь пошло на пользу ветеранам восточной армии Помпея. Он решил изменить порядок предоставления наделов и стал раздавать участки из Кампанского земельного фонда (*ager Campanus*) гражданам, являвшимся отцами не менее троих детей, и таким образом 20 тысяч получили эти наделы. Приобретению земель (*occupatio*) в Кампании аристократами был положен конец. Чтобы удовлетворить все претензии граждан и ветеранов, нужны были новые земли в новых областях: ими стали Вейи, Вольтерра,^[119] Казилин^[120] (*Casilinum*) и Калатия (*Calatia*)^[121].⁴¹⁸ Цезарь поселил в Коринфе римских вольноотпущенников, наделив их собственностью⁴¹⁹, а 80 тысяч городских пролетариев были размещены в заморских колониях⁴²⁰.

Наконец, Цезарь хотел, чтобы неимущие, не получившие наделов или не желавшие уезжать со своей родины, могли зарабатывать себе на хлеб, и Цезарева программа предусматривала улучшение их положения за счет

обеспечения работой. Он увеличил число строительных площадок в самом Риме, открыл прямой водный путь между Тибром и Адриатическим морем. Он заложил порт в Остии, там, где позднее был построен порт Клавдия. Он планировал осушить Фуцинское озеро^[122] и Помптинские болота^[123]. Он заставил землевладельцев нанимать пастухами по меньшей мере треть свободных вольнонаемных рабочих.⁴²¹

Итак, железной рукой Цезарь утверждал свое намерение заставить всех работать и демонстрировал вполне явное желание добиться торжества уравнилельной модели общества.

Нивелирование высших сословий

Именно это выравнивание делало более приемлемым подчинение плебса. Своей реформой 46 года Цезарь сблизил положение сенаторов и всадников. Он исключил из судебных комиссий (quaestiones) эрарных трибунов (tribuni aerarii), введенных туда претором Аврелием Коттой в 70 году⁴²². С этого времени судебные комиссии состояли из отцов-сенаторов и всадников. Однако важнее всего то, что он приравнял сословие всадников к первому цензовому классу, принадлежность к которому определялась имуществом в размере 400 тысяч сестерциев, то есть миллиона ассов^[124], и таким образом перемешал в этом первом классе сенаторов и всадников, не делая различия между всадниками с «государственным конем» и эрарными трибунами. Итак, к большому удовлетворению плебса, он вел политику нивелирования классов. Он повел также мощную атаку против денег⁴²³. Завоевания и добытые им богатства позволили ему избавиться от давления плутократов. Он нанес удар крупным земельным собственникам, изгнав сенаторов из Кампании и распылив государственный земельный фонд в виде наделов. Он был не менее бдителен в отношении владельцев недвижимости: в Сицилии и в Азии он заменил десятину, допускавшую множество злоупотреблений со стороны товариществ откупщиков налогов, денежным взносом. Что касается накоплений, то он запретил хранить дома более 15 тысяч денариев в звонкой монете. Он преследовал любой вид показной роскоши. Он обложил налогом тех, кто строил перистилю^[125] с большим числом колонн. Он запретил незамужним и замужним, но бездетным женщинам пользоваться носилками. Только матроны в возрасте

свыше 41 года имели право носить жемчуга. Он велел изымать на рынках диковинные продукты и запрещенные блюда⁴²⁴.

Политическое и социальное нивелирование сопровождалось насаждением гражданской добродетели как обязательного требования для всех. Все лица, все социальные категории должны были изо всех сил стараться обеспечить процветание государства, чтобы еще ярче явить миру величие Рима, неотделимое отныне от власти Цезаря.

Глава III

МЕЧТА О ЕДИНОЙ ИМПЕРИИ

Цезарь не мог удовлетвориться нивелированием традиционного римского общества. Он мечтал объединить под властью Рима всю ойкумену, где исчезли бы этнические и правовые различия. Он хотел построить империю и, восхищаясь македонским героем, вернулся к идее Александра о всеобщем равенстве: он желал осуществить слияние греко-римской и варварской цивилизаций. В этом он опять же был революционером, и до него в Риме по этому пути не шел никто.

Объединение Италии

Распространение прав римского гражданства на Цизальпинскую Галлию позволило Цезарю прежде всего объединить Италию. Внутри своих естественных границ она получила теперь единообразное политическое устройство, и Цезарь смог романизировать политические объединения, а также перестроить их внутренний дух на римский манер. Из Юлиева закона о муниципальном управлении (*lex Iulia municipalis*), обнародованного после его смерти, мы знаем, какой порядок предусматривался для выборов муниципальных магистратов и для вынесения решений декурионами — членами городских советов. Во многих пунктах этот порядок повторял правила, предусмотренные для римских магистратов. Делая это, Цезарь возрождал республиканский дух: он знал, что децентрализация власти на муниципальном уровне вполне совместима с деспотизмом и при этом может подхлестнуть патриотизм, который скрепит единство Италии.

Политика различия в обхождении

Этот вид патриотизма ковался во время гражданской войны, поскольку и среди помпеянцев, и среди цезарианцев находились чужеземцы, принадлежащие к какому-то одному народу, но разделенные своей принадлежностью к антагонистическим партиям. Теперь победителей и побежденных можно было сблизить. Конечно, по отношению к чужеземным царям-вассалам Цезарь был малоуступчив. Например, он не стал восстанавливать Иудейское царство ради великого жреца Гиркана, и тому пришлось довольствоваться титулом первосвященника. Царь Западной Мавритании Богуд не приобрел никаких новых территорий⁴²⁵. Царь же Мавритании Бокх II включил в свои владения царство Масиниссы и расширил свои границы вплоть до окрестностей Кирты. В процессе по делу галатского царя Дейотара⁴²⁶, проходившем перед Цезарем в его доме, он отложил вынесение приговора, так как полагал, что этот восточный царь пригодится ему для парфянской экспедиции. Таким образом, Цезарь обращался с царями по-разному; трон он им гарантировал, но ото всех требовал безоговорочного повиновения. Что касается провинций, то он довел их число до восемнадцати и столь же избирательно относился к различным городам, которые успели проявить по отношению к нему большую или меньшую лояльность.

Неодинаковое обращение с ними было основой его власти, и он умел наряду с суровыми штрафами — например, Лептис (Лемту) он наказал ежегодной поставкой 68 тысяч килограммов масла⁴²⁷ — также и раздавать привилегии, как, например, свободный статус Книду и Илиону в 48 году, Амису, Митиленам, Кизику, Милету, Афинам, Мегарам, Теспиям в следующем году, податной иммунитет Пергаму. В ответ это принесло ему принимавшиеся городами почетные декреты и акты благодарности. А самое главное, он избавил провинциальное управление от произвола проконсулов: отныне стало нельзя продлевать срок полномочий наместников-пропреторов, а проконсулам предоставлялось право только на одно продление; в любом случае все промагистраты должны были отчитываться перед Цезарем, который старался явить общественному мнению в провинциях свою беспристрастность.

Ферменты объединения

Армия

Первым ферментом стали вооруженные силы, которые никогда еще не были столь велики. В конце своей жизни, в преддверии войны с парфянами, Цезарь набрал дополнительно 16 легионов и разместил 23 легиона в гарнизонах провинций, что в сумме дало 39 легионов — внушительная цифра, если учесть, что Август решил обходиться всего 25 легионами. Эта армия как воплощение дисциплины и напоминание о прошлых победах поддерживала в людях патриотические настроения. Благодаря своему составу она явно способствовала процессу уравнивания в правах: peregrini скоро переставали отличаться от римских граждан, и эта единая армия была не сравнимым ни с чем двигателем романизации, а следовательно, объединения империи.

Выведение колоний

Другим — и в определенной степени сопутствующим — средством такой романизации была колонизация, которая позволила, согласно данным Светония⁴²⁸, поселить за пределами Италии 80 тысяч римских граждан; при этом созданные Цезарем колонии получали имя «Юлиевых». Однако с точки зрения хронологии такое наименование не может считаться однозначным⁴²⁹, поскольку оно может относиться также к колониям, основанным в период второго триумvirата, — ведь Октавиан, будучи усыновлен Цезарем, тоже стал Юлием. Исследования последних лет привели к изменению представлений о численности Цезаревых колоний в сторону уменьшения их числа во многих провинциях. К другой группе колоний следует отнести города, которые открывали ворота перед Цезарем и его войском, — им он даровал права римского гражданства для всех граждан городской общины или какой-то их части и возводил в ранг почетных колоний или муниципиев. Таким образом, действия Цезаря, как всегда, были направлены на уравнивание в правах свободных людей империи, но при соблюдении иерархии, основанной на заслугах: нивелирование проводилось умеренно и осторожно, и вся эта сеть новых поселений позволяла обеспечить освоение замиренных земель⁴³⁰ и пересадить модель римского государственного устройства на почву провинций. В уставе колонии Юлии Генетивы (*lex coloniae Iuliae Genetivae*), который разрабатывался Цезарем для его колонии в Урсоне (Осуна) и был

обнародован после его смерти, были заложены основные черты типовой схемы муниципального устройства: капитолийская триада,^[126] магистраты, декурионы^[127]. Отныне каждая колония, каждый муниципий стали зеркальными отражениями величия Рима⁴³¹.

Главным образом Цезарь основывал римские колонии полного права.

В Нарбонскую Галлию он направил ветеранов X легиона, которые стали второй волной поселенцев в Нарбоне⁴³², где в конце 45 года была основана колония. В Арле обосновались ветераны VI легиона, которых, как и тех, что поселились в Нарбоне, вывел туда Ти. Клавдий Нерон, отец Тиберия⁴³³. Напротив, образование колоний в Безье,⁴³⁴ Оранже,⁴³⁵ Фрежюсе⁴³⁶ и Валансе⁴³⁷ скорее всего относится ко времени Октавиана.

На Сицилии Цезарем была основана колония в Палермо,⁴³⁸ в то время как колонии в Сиракузах⁴³⁹ и Катании⁴⁴⁰ относятся к более позднему времени.

На Сардинии поселением, основанным Цезарем, считается Turnus Libisonis.⁴⁴¹

В Дальней Испании — Гиспалис,⁴⁴² Урсон,⁴⁴³ Кордуба,⁴⁴⁴ а в Ближней Испании — Эмпории.⁴⁴⁵

В Вифинии-Понте не следует считать колонией Цезаря Апамею, которую нужно отнести ко времени II триумvirата, поскольку она носила второе название Конкордия (Concordia, Согласие).^[128] В список же Цезаревых колоний входят Синопа,⁴⁴⁶ Гераклея Понтийская,⁴⁴⁷ так же как в Македонии Бутрот⁴⁴⁸ и Коркира, а в Греции — Коринф.⁴⁴⁹

Что касается Африки, то тщательно пересмотреть утверждения предшественников о колонизации и подвергнуть свидетельства древних источников критической проверке с помощью эпиграфики выпало на долю Ж.-М. Лассеру⁴⁵⁰. В числе колоний он оставляет только Карфаген, Клупею, Курубис и, возможно, Гиппон Диаррит, но отказывает в этом статусе Карпису, Неаполису и Тиздру.

Провинции Римские колонии Почетные колонии Муниципии
Нарбонская Галлия | Нарбон, Арль, Безье, Оранже, Фрежюс, Валанс |
Вьен | Толоза, Русцинон, Антиполис, Авеннион
Сицилия | Палермо, Сиракузы, Катания||
Сардиния | Туррис Либизонис||
Дальняя Испания | Гиспалис, Урсон, Кордуба | Улия | Гадес, Олисипон,
Эбора
Ближняя Испания | Эмпории | Тарракон | Кастулон

Вифиния-Понт | Синопа, Гераклея, Понтийская ||
Македония | Бутрот, Коркира ||
Греция | Коринф
Африка | Карфаген, Клупея, Курубис, Гиппон, Диаррит | Киртская
конфедерация | Утика, Мустис

Категория почетных колоний менее многочисленна: в Нарбонской Галлии отметим Вьен[451](#), в то время как Кабеллион (Cabellio, Кавайон) является уже колонией Августа.

В Дальней Испании мы находим Улию (Монтемайор)[452](#), а в Ближней Испании — Тарракон[453](#); наконец, в Африке — города Киртской конфедерации[454](#).

Наконец, муниципии более многочисленны, нежели почетные колонии. В Нарбонской Галлии это Толоза[455](#), Русцинон,[456](#) Антиполис[457](#) и Авеннион[458](#), в Дальней Испании — Гадес[459](#), Олисипон[460](#) и Эбора[461](#), в Ближней Испании — Кастулон[462](#) и наконец в Африке — Утика[463](#) и Мустис[464](#).

Монетная система

Единая монетная система была третьим краеугольным камнем объединения империи. Взяв управление финансами в свои руки, как мы уже видели, Цезарь решил чеканить золотые монеты весом 8,21 грамма, что равнялось одной сороковой римского фунта и по стоимости соответствовало 25 денариям или 100 сестерциям. Благодаря соблюдению точного соотношения золота к серебру как 12/1, римские монеты завоевали все рынки. Чеканка серебряных монет сохранилась только в Эфесе, Антиохии и Александрии, и римская монетная система, основанная на биметаллизме, распространяла по всей империи все ту же цезарианскую идеологию.

Календарь

Упорядочение календаря заставило и Город, и весь римский мир начиная с 46 года жить по римскому времени. Это была последняя опора объединения. Действительно, до этого года в календарь забывали вставлять добавочные дни или месяцы (интеркаляция), что привело к беспорядку, причинявшему всем ущерб. Первым шагом Цезаря стало введение между ноябрем и декабром сразу трех вставных месяцев, длившихся 67 дней. Вторых, он принял выводы египетских ученых о том, что длительность одного оборота Земли вокруг Солнца составляет 365 с четвертью дней. Отныне нужно было только добавлять каждые четыре года один день: такой год получил впоследствии название високосного (*bisextilis*), поскольку в первый раз при использовании нового календаря в високосный год был удвоен шестой (*sextus*) день до мартовских календ, то есть 24 февраля, и этот шестой день, дважды шестой (*bis sextus*), надолго оставил след в нашем языке и календаре, который наследует юлианскому календарю через григорианский. С этих пор общение между представителями разных народов, населявших римские земли, стало происходить в рамках времени, измерявшегося одинаковым образом, и это не могло не усиливать солидарность этих народов и не способствовать созданию общества, которому было суждено жить в мире.

Завершение завоевания

По образу циклического времени, вовлеченного в вечное движение, Цезарь представлял себе и кругообразный космос: чтобы придать равновесие этой совершенной фигуре, следовало совершить три завоевания на Востоке, так как на Западе Цезарь считал решение своей военной задачи законченным — как в Британии, завоевание которой казалось ему легким делом, так и на Рейне, где он весьма плохо знал реальную этническую ситуацию.

На Востоке же он наметил себе три задачи: изъять из чужих рук египетские сокровища, избавить Понт Эвксинский^[129] от набегов царя даков Бурбисты, который в 48 году направил своих эмиссаров к Помпею, отступавшему в Фессалию (но оказалось слишком поздно), а затем снова стал разорять и грабить побережье Черного моря и Фракию. Победив Бурбисту, можно было захватить дакские горы, недра которых таили в себе немало золота. И наконец, речь шла о том, чтобы отомстить парфянам за

Красса и за катастрофу 53 года.

Первой цели достичь было легче всего. В Александрии Цезарь располагал тремя легионами. Он послал туда еще четвертый, чтобы еще более усилить оккупационные войска. Он пригласил в Рим Клеопатру и ее юного брата и мужа — египетского царя. В течение двух лет он управлял страной через посредника — всадника Руфия, которого он поставил во главе тех самых четырех легионов. Действительно ли, как утверждали ходившие по Риму слухи, он собирался просить разрешения на многоженство для того, чтобы иметь возможность жениться на своей любовнице — египетской царице, не разводясь при этом с римской супругой Кальпурнией? В принципе, это возможно, однако едва ли стоит доверять клевете, распространявшейся его врагами: в любом случае Египет и так был в его руках.

Что касается двух других задач, то их можно было выполнить только военными средствами. Цезарь мобилизовал 16 легионов, десять тысяч всадников⁴⁶⁵ и создал оперативную базу в Аполлонии в Эпире⁴⁶⁶. Он предполагал, что потребуются трехлетняя война, и Светоний⁴⁶⁷ сообщает о его оперативных планах: во-первых, покончить с даками, затем двинуться в Малую Армению с тем, чтобы после этого разбить парфян.

Однако прежде, чем уехать на Восток, он, видимо, собирался окончательно укрепить свою власть и заручиться всеми человеческими и божественными козырями, чтобы выиграть наверняка. Правда, небо могло оказаться для него более надежной вотчиной, чем земля.

Глава IV

ЗАВОЕВАТЕЛЬ НЕБЕС

Какое еще завоевание мог планировать Цезарь, завоевав почести и женщин, чужие страны и Италию? Перед ним открывалось огромное поле душ, подчиненных разнообразным религиозным верованиям в рамках широчайшего многобожия. Эту систему диктатор собирался свести к своей персоне и сделать единой. Он не просто получил наследство, будучи членом рода Юлиев и римлянином, он собирался произвести религиозный переворот с тем, чтобы занять исключительное положение в государстве: ему нужно было еще при жизни завоевать небо.

Исключительное положение Цезаря укреплялось и в плане религии, хотя в его поведении, в атрибутах его власти ничто не могло поразить общественное мнение, издавна привычное к тому, что наиболее выдающиеся граждане занимали религиозные должности, превращавшие этих людей в необходимых посредников между гражданской общиной и богами: эти должности были составной частью их престижа и служили продолжением их политической власти. Однако Цезарь не мог довольствоваться жреческими должностями, которые, кстати, давали ему власть в области римской религии. Его военные победы обеспечили ему совершенно иное религиозное оправдание его положения, и он мог создавать новые культы ради укрепления своего божественного образа.

Напомним этапы его религиозной карьеры⁴⁶⁸. После долгого пребывания рода Юлиев в тени римской политики в III и II веках под их контролем находились семейные культы в Бовиллах и, возможно, в Альбе. Эти культы были связаны с потомками Энея (Энеадами) Вейовисом и Венерой, и подобный культ родоначальников не имел в себе ничего исключительного. В 87 году или в январе следующего года Цезарь был назначен жрецом Юпитера (*flamen dialis*) в возрасте тринадцати лет, поскольку был племянником Мария и патрицием. Однако Сулла не дал ему вступить в эту должность, если только не сам Цезарь из хитрого расчета сделал все для того, чтобы уклониться от нее. В 73 году он стал понтификом в результате кооптации, заняв в этой коллегии место двоюродного брата своей матери Г. Аврелия Котты. В 63 году он был избран великим понтификом голосами 17 триб из 35. Это избрание дало ему значительную религиозную власть. Он стал жить в *domus publica*, а

исполнять жреческие обязанности в Regia. После скандала на празднике Доброй богини (Bona Dea) он развелся с супругой, ибо жена великого понтифика должна быть выше любых подозрений. После Фарсала в 47 году он получил сан авгура и тем самым положил начало политике совмещения жреческих должностей, которую впоследствии продолжали Август и его преемники. Он провел кооптацию своего племянника Гая Октавия в число понтификов и предусмотрел в своем завещании, что тот должен был наследовать ему в должности великого понтифика. Сразу же после Мартовских ид Антоний добился избрания великим понтификом Лепида, и Август смог получить свое наследство только в 12 году.

Итак, на каждом этапе своей карьеры Цезарь по кусочкам завоевывал также и небо, а почести, которые ему оказывались, все более превращали его в земного бога.

Завоеватель и мистика победы

При известии о победе при Тапсе в честь Цезаря на Капитолии были установлены изваяние и колесница, что являлось исключительной почестью.

В 48 году после Фарсала Цезарь уже удостоился ряда изваяний, но то, что было сооружено на Капитолии, отличалось от предыдущих. Статуя Цезаря была помещена над сферой, и в надписи на ней, если верить Диону Кассию⁴⁶⁹, его величали полубогом (ἡμιθεός). Сфера утверждала его владычество над обитаемым миром. Цезарь принял эту символику по возвращении в Рим в 49 году. Его сторонники, например Г. Вибий Панса⁴⁷⁰, приняли ее, помещая на чеканившихся ими монетах соответствующие изображения. Можно также упомянуть барельеф с Кассиевой дороги (via Cassia)⁴⁷¹, где изображено, как Ойкумена склоняется перед Цезарем в знак своего подчинения ему. Сам он при этом назван dominus terrarum — владыка обитаемых земель. Трудно поверить, чтобы на упомянутой статуе Цезарь был обозначен словом ἡμιθεός, то есть в греческой надписи, каковую невозможно представить себе на Капитолии. В любом случае Цезарь будто бы велел убрать ее, и точно не известно, какой латинской формулой ее заменили.

Дион⁴⁷² сообщает о том, что другим подношением была колесница: вот еще одно исключительное отличие, ибо использование колесниц было

прерогативой богов, царей, воинов и атлетов. Посвященная Цезарю колесница была помещена напротив статуи Юпитера, несомненно, изображавшей сидящего Юпитера, у ног которого лежал земной шар. Эта единственная в своем роде композиция представляла Цезаря в момент завершения триумфа: он сходит с колесницы на площадь Капитолия (area Capitolina) как новый Юпитер, владыка мира, и его принимает Юпитер, владыка богов, людей и вселенной.

Триумфатор, новый Юпитер

Дорогу на Капитолий открывал именно триумф. Полководец, провозглашенный императором на поле битвы, требовал триумфа у сената. Если ему его предоставляли, он въезжал в Рим на колеснице в триумфальном облачении Юпитера — пурпурной расшитой тоге (toga picta) поверх тоги, украшенной пальмовидными узорами (toga palmata), с венком на голове, с лицом, окрашенным красной краской, и со скипетром в руке — все в соответствии с образом царя Олимпа. Он направлялся на Капитолий совершать жертвоприношение Юпитеру, становясь на несколько мгновений ему равней и отождествляя себя с ним.

До 46 года Цезарь не справлял триумфа, а теперь он был удостоен исключительных молебствий, в которых участвовало все общество. Тому были прецеденты: в 63 году Помпей был удостоен 10 дней молебствий после победы над Митридатом. В 57 году Цезарь получил за Галлию 15 дней, в 55 году — 20, а в 52 году — еще 20 дней. В 46 году последовали четыре дня после Тапса, в 45 году — 50 дней после победы при Мунде. Подобное обесценение молебствий весьма примечательно и показывает, что Цезарь установил своеобразный рекорд.

Цезарево нововведение: в день, когда стало известно о победе при Тапсе, он получил привилегию⁴⁷³ воспользоваться для своего триумфа колесницей, запряженной белыми конями, а не гнедыми, как обычно. Благодаря этой привилегии он еще более приблизился к Юпитеру: дело в том, что колесницей, как в Греции, так и в Персии, преимущественно пользовались боги и цари. В Риме на белых конях ехал в триумфе Ромул, этот образ мы находим и в сне Октавия, отца Августа⁴⁷⁴.^[130] Все это могло быть придумано Цезарем в ходе подготовки к парфянской кампании, ибо подобные колесницы были атрибутом парфянских царей.

Четверной триумф 46 года, которого долго ждали и к которому долго готовились — triumphus Gallicus, Alexandrinus, Ponticus, Africanus — длился четыре дня, но не подряд. Судя по некоторым деталям, это было исключительное событие⁴⁷⁵, ибо Цезарю было дано разрешение вступить в Рим до триумфа. По длительности, пышности и разнообразию триумфальная процессия превзошла последний триумф Помпея. Доехав до Капитолия, Цезарь на коленях поднялся по ступеням, которые вели в храм.

На следующий день после этого удивительного триумфа он освятил храм Венеры-Прародительницы (Venus Genitrix). Он основал культы Победы Цезаря (Victoria Caesaris), Фортуны Цезаря (Fortuna Caesaris) и Марса-Мстителя (Mars Ultor). Великий понтифик возрождал традиционную религию, чтобы еще более возвысить свое уникальное положение в государстве.

Создатель новых культов

Создавая новые культы, Цезарь, несомненно, вписывался в римские традиции: должностное лицо по разным случаям могло дать обет построить храм, активно заняться этим строительством и завещать своим потомкам заботы по его поддержанию. Поначалу именно так и произошло с храмом Венеры-Прародительницы.

Венера-Прародительница (Venus Genitrix)

Храм Венеры-Прародительницы органически вписывается в план форума Юлия (forum Iulium), и Цезарь, используя слово «форум», вовсе не имел в виду, что он собирается обзавестись новой рыночной площадью, которая стала бы носить его имя: в этом и было первое и решающее нововведение. Еще воюя в Галлии в 54 году, он предполагал расширение традиционного римского форума (forum Romanum) для того, чтобы разместить на нем трибунал⁴⁷⁶. Впоследствии у Августа при создании forum Augustum была та же задача⁴⁷⁷. Цезарь хотел создать площадь, отделенную от forum Romanum колоннадами Юлиевой базилики (basilica

Julia). Впервые подобное место в Риме стало носить имя того, кто его построил, чтобы увековечить его память. В этом вторая — революционная — особенность подобного названия.

Более того, там находилось две статуи диктатора — одна конная и одна пешая.

Конная статуя⁴⁷⁸ изображала его сидящим на своем горячем коне, который во время первого консулата 59 года стал залогом получения власти над миром, подобно Буцефалу Александра. Статуя была поставлена перед фасадом храма Венеры-Прародительницы и знаменовала собой на священной оси форума ту роль, которую Венера сыграла в победе при Фарсале.

Что до пешей статуи, известно только, что она изображала Цезаря в доспехах и вполне вписывалась в традиции изображения героических предков римлян.

Представление о действительных масштабах религиозной революции дает именно присутствие храма Венеры-Прародительницы, который не упоминался в планах 54 года. Согласно Аппиану⁴⁷⁹, Цезарь дал обет богине построить его на поле боя при Фарсале. Кажется более правдоподобным, что эта идея восходит к 55 году, когда Цезарь купил эту землю после смерти своей дочери Юлии, ставшей женой Помпея; к тому же времени следует отнести и архитектурный замысел площади, обрамленной двойной колоннадой и увенчанной храмом Венеры-Прародительницы.

Храм этот был освящен 26 сентября 46 года, но форум был еще не достроен, и выполнение этой задачи выпало на долю Августа. Для своего форума Цезарь предложил архитектурную модель, которой в будущем следовали императорские форумы. Цезарю уже ранее воздавали религиозные почести⁴⁸⁰: в 48 году в Александрии возник культ Цезаря Мореходного (Caesar Epibaterios) и был построен первый Цезареум (Caesareum) — так стали называть базилики того типа, который впоследствии использовался для его культа. В 47 году в Антиохии-на-Оронте он сам заложил фундамент другого Цезареума, где отправлялся культ богини Ромы (Dea Roma) и его собственный. Вполне возможно, что и многие будущие Августеумы также были основаны Цезарем.

Не стоит удивляться приверженности Цезаря к Венере, которая была, можно сказать, родовым божеством Юлиев. Но во время гражданской войны Венера стала Венерой-Победительницей для Помпея (Venus Victrix). Цезарь конфисковал ее и сделал своим девизом во время битвы при Фарсале, тогда как девизом Помпея был «Непобедимый Геркулес»

(Hercules Invictus). После Фарсала Цезарь отказался от Венеры-Победительницы и начал выдвигать на первый план Венеру-Прародительницу. Во время своего путешествия в Азию он посетил Илион. Города Азии воздавали ему почести, а в Эфесе его провозгласили сыном Ареса и Афродиты. Храм в Риме стал храмом Венеры-Прародительницы. Нововведение состояло в том, что государственный культ был посвящен Венере, понимаемой как праматерь рода Юлиев. Храм, кроме того, носил имя своего основателя, причем в соответствующей надписи перечислялись все его титулы, а также, возможно, и повод для постройки — *de manubiis* (из военной добычи). Статую Венеры для храма изваял скульптор Аркесилай⁴⁸¹. Интересно, не была ли она изображена в сопровождении Эрота-Купидона? В любом случае культ Цезаря оказался прочно связан с этим храмом и при жизни, и после смерти: после появления кометы во время игр 44 года рядом со статуей Венеры поставили его собственную статую.

Победа Цезаря (Victoria Caesaris)

Цезарю нужна была личная богиня, но он не мог претендовать на создание культа Венеры Цезаря (*Venus Caesaris*). Культom Венеры-Прародительницы он пополнил арсенал своей пропаганды, соблюдая при этом по отношению к этому культу некоторую дистанцию. Весьма характерно, что в 45 году игры в честь Венеры-Прародительницы (*ludi Veneris Genitricis*) были перенесены с 26 сентября, традиционной даты освящения храма, на 20/30 июля и с этих пор стали называться играми в честь Победы Цезаря (*ludi Victoriae Caesaris*). *Victoria Caesaris* была создана как личная богиня Цезаря, сравнимая с Фортуной Цезаря (*Fortuna Caesaris*), Счастьем Цезаря (*Felicitas Caesaris*) и Милосердием Цезаря (*Clementia Caesaris*). Помпей уже создал ранее культы Фортуны (*Fortuna*) и Счастья (*Felicitas*) в своем театре, а вслед за ним это сделали Цезарь и Август. На монетах 49 года⁴⁸² Рим венчает Победа. Моделью для монет явно послужила скульптурная группа, и Венера изображена с Победой в правой руке. Таким образом, обе эти богини сохраняют самостоятельность и индивидуальность, однако между ними существует тесная связь. Своим вмешательством Цезарь превратил Победу в атрибут своей прародительницы Венеры, и очень скоро, несомненно, уже он держал ее в

своих руках. Хотя и нет прямых доказательств этого революционного шага, и мы можем опираться только на свидетельства эпохи Августа, наверняка существовали статуя Цезаря с Победой в руке и другая скульптура, где Венера вручала ему Победу. Таким образом, Victoria Caesaris была Цезаревым нововведением. После Мунды сенат разрешил ему использовать титул imperator в качестве личного имени⁴⁸³, постоянно носить лавровый венок, а во время официальных церемоний — облачение триумфатора, а также позволил, чтобы во время торжественной процессии в цирке его статуя из слоновой кости сопровождала статую Победы: все эти почести прославляли его статус пожизненного императора, властвовавшего надо всей империей римского народа, что признает Цицерон в своей речи «В защиту Лигария» (Pro Ligario)⁴⁸⁴.

Фортуна Цезаря (Fortuna Caesaris)

Цезарь был многим обязан этой старинной римской и италийской богине, которую столь часто призывали люди. На пользу ей пошла и мода на греческую богиню Тюхе (Tyche).^[131] Например, в 102 году Кв. Лутаций Катул, чтобы увековечить память о своей победе при Верцеллах (ныне Верчелли), дал обет построить круглый храм Фортуны нынешнего дня (Fortuna huiusce diei), а благосклонность собственной Фортуны вела к Счастью (Felicitas). По древнему поверью, удачливый полководец должен был обладать Счастьем. Сулла Счастливый (Felix) приписывал свои победы над противниками скорее Счастью (Felicitas), нежели своим доблестям. Это же самое представление разделяет и Цицерон в речи «Об империи Гнея Помпея»⁴⁸⁵, утверждая, что именно Фортуна римского народа (Fortuna populi Romani) избрала Помпея для победы над врагами. В 55 году Помпей в своем мраморном театре создал культ Счастья, одновременно с культами Венеры-Победительницы (Venus Victrix), Победы (Victoria), Славы (Honos) и Добродетели (Virtus)⁴⁸⁶. Однако Фортуна может и отобрать то, чем однажды наделила, и на примере Цезаря мы видим, что за пируэты она совершает. В своих «Записках»⁴⁸⁷ Цезарь неоднократно отдает должное могуществу Фортуны, которая дарует военные победы и политических союзников, а 16 апреля 49 года⁴⁸⁸, отправляясь в Испанию, Цезарь настаивал на том, что благословение Фортуны с ним, в то время как оно оставило Помпея. Прежде чем уехать из Рима в декабре этого же года, он

совершает жертвоприношение Фортуне. В январе следующего года ему удается пересечь Адриатическое море подле Брундизия только благодаря тому, что Фортуна усмирила зимние бури. Вновь прибыв в Брундизий, чтобы проследить за отправкой второго эшелона войск, Цезарь обращается с речью к солдатам⁴⁸⁹ и напоминает им: «Вы везете с собой Цезаря и Фортуну Цезаря» (την Καισαρος Τύχην). Таким образом, он присвоил себе Фортуну римского народа: она стала его личным божеством, которое не могло его покинуть. В качестве пароля в битве при Тапсе он выбрал «Счастье» (Felicitas)⁴⁹⁰. В 44 году он построил и освятил храм Felicitas. Вокруг Фортуны Цезаря создавалась целая мифология, в которой зачастую трудно отделить вымысел от правды. Обычно перед тем как выступить в военный поход, полководцы совершали жертвоприношение Юпитеру, а не Фортуне. Непривычно также принесение в жертву женскому божеству быка — жертвы мужского рода. Как бы то ни было, на штандартах легионов появилось изображение быка, сулившего победу и обеспечивавшего связь с Бовиллами.^[132] В легендах о Фортуне Цезаря сплетаются основные темы будущей пропаганды Августа. Во всяком случае, подобно тому, как Тюхе эллинистического царя почиталась в рамках государственного культа, и Цезарь выдвигает это свое личное божество для общественного поклонения, убивая таким образом двух зайцев: он конфисковал в свою пользу древнюю италийскую и римскую богиню и не оставил и следа от всех Фортун императоров-военачальников, бывших до него. Он стал провозвестником Фортуны Августа (Fortuna Augusti), покровительницы будущих римских императоров-правителей.

Марс Мститель (Mars Ultor)

После триумфа 46 года Цезарь объявил⁴⁹¹, что построит храм Марса на Марсовом поле и этот храм будет величайшим в мире. Храмом Марса Мстителя нарек его Август, дав в 42 году накануне битвы при Филиппах обет возвести его ради того, чтобы отомстить за смерть своего приемного отца,^[133] однако на деле Август всего лишь привел в исполнение план Цезаря.

Марс как бог войны занимал в Риме особое место, наряду с Юпитером и Квирином. Но более того: Марс, как мы знаем, был богом-прародителем.

Греческая по происхождению пара Марс и Венера была известна в Риме со времени лектистерний^[134] 217 года. Ее популярности во многом способствовала троянская легенда, отразившаяся во множестве посвящений и надписей, так что обет Цезаря казался вполне обычным. Не будем забывать и о том, что предстояла парфянская кампания и пора было взять реванш за катастрофу 53 года при Каррах. Так что храм был призван отметить собой будущую победу над парфянами и отпущение за гибель Красса и его людей.

Итак, храм Венеры был воздвигнут во славу завоевания Галлии, а храм Марса в честь победы над парфянами. Так что Цезарь и здесь показал себя не пассивным орудием в божественных руках: нет, он связал этих богов-прародителей с главным — со своей личной доблестью, с *virtus* пожизненного императора.

Цезарь-Освободитель

Известие о победе при Мунде 17 апреля 45 года достигло Рима 20 апреля. Было решено назначить 50-дневные молебствия, объявить Цезаря Освободителем (*Liberator*), построить храм Свободы (*Libertas*) и установить на Рострах две статуи — одну в гражданском венке,^[135] другую в венке, даваемом за освобождение от осады (*corona obsidionalis*). Третью статую должны были установить на Капитолии среди статуй римских царей, четвертую — в храме Квирина, снабдив надписью «*Deo invicto*» («Непобедимому богу»), и, наконец, статую из слоновой кости, изображающую Цезаря, должны были нести во время торжественной процессии в цирке (*rompa circensis*)⁴⁹² вместе со статуями богов.

Современных ученых может удивить то, что Цезаря называли Освободителем. Свобода ассоциировалась с образом Республики в отличие от Империи. Всякое покушение на республиканские идеалы, любое стремление к тирании карались смертью. Постепенно, а особенно в I веке до н.э., свобода в Риме стала ставкой в борьбе между политическими партиями: любой лидер группировки представлял себя ее поборником и утверждал, что отстаивал ее в борьбе против тирании его противников. Единственным ее гарантом был Юпитер Капитолийский. Ее символом был

пилей^[136]: его надевали рабы и пленные, когда обретали свободу. Согласно второму письму к Цезарю,⁴⁹³ приписываемому Саллюстию, Цезарь восстановил свободу, уничтоженную Помпеем, намек на которого содержится в «Гражданской войне».⁴⁹⁴

Таким образом, Цезарь изображал из себя человека, принесшего свободу греческому миру на манер Тита Фламинина, который в 196 году в Коринфе торжественно провозгласил свободу Греции.⁴⁹⁵ Благодарность, которую выражали сенату города, вновь получившие свободу, то есть автономию, никогда не выливалась в форму ее обожествления. После Фарсала, напротив, впервые в Афродисиаде был основан культ Элевтерии (ελευθερία — греч., свобода)⁴⁹⁶, а жрецом этого культа, так же как и жрецом Афродиты, был один из вольноотпущенников Цезаря, Г. Юлий Зоил.⁴⁹⁷ Считалось, что еще один город получил свободу из рук Цезаря. Это был Никополь в Эпире.⁴⁹⁸ После Тапса и самоубийства Катона в Утике в 46 году споры вокруг свободы (*libertas*) резко обострились, и Цезарь даже сумел в период боев при Мунде найти время, чтобы написать «Против Катона».⁴⁹⁹

Итак, Цезарь-Освободитель воплощал собой Свободу, храм которой, впрочем, так никогда и не был построен, потому что Свобода перешла на сторону заговорщиков. Позднее Август заявлял, что он восстановил свободу — тема этого восстановления стала уделом императоров.

Термин «Освободитель» необычен; до Цезаря так не называли ни одного бога и ни одного человека. Известен бог *Zeus Liber*, а также обозначение человека как защитника свободы (*vindex Libertatis*). В Греции царя или государственного деятеля называли Спасителем (Σωτήρ), но не Освободителем (Ελευθερωτής). После 44 года это слово перешло к Бруту и Кассию и красной нитью проходит через «Филиппики» Цицерона.^[137] В свою очередь Август приписывал себе возвращение свободы после убийц Цезаря и даже после Антония⁵⁰⁰. Однако после битвы при Акции^[138] он стал именоваться защитником свободы римского народа (*libertatis populi Romani vindex*), а не Освободителем (*Liberator*): отзвук этого слова постепенно становился все слабее и слабее. На Капитолии статуя Цезаря стояла по соседству со статуей Брута, который некогда освободил Рим от тирании Тарквиния Гордого.^[139] В этих условиях Цезарь казался новым освободителем от тирании. Разве не был он в глазах Цицерона самым великодушным вождем своих свободных сограждан⁵⁰¹? Возможно, в оказываемых Цезарю почестях важную роль играл и пилей, красовавшийся на голове статуи Цезаря, хотя и нельзя утверждать, что во время

триумфальной процессии в октябре 45 года его надевали римские граждане. Во всяком случае этот «колпак свободы» был политическим символом: один из заговорщиков прицепил его к острию своего меча, и заговорщики стали призывать к восстановлению республиканского правления. На одной из монет 42 года Брут поместил изображение пилея между двух кинжалов⁵⁰²; на другой была изображена Победа с разбитыми скипетром и диадемой⁵⁰³.

Цезарь получил еще одну награду, как Освободитель: на Рострах были установлены две его статуи. На одной из них был венок из дубовых листьев (*corona civica*), так как он спас жизнь граждан, на другой — венок из травы (*corona obsidionalis*), так как он избавил Рим от осады. Этот венок представлял собой наивысшую почесть, потому что обычно его вручали солдаты тому, кто спас целую армию или ее часть. Траву для венка брали на поле битвы, и он символизировал капитуляцию противника. Конечно, Цезарь действительно не раз спасал свою армию, например во время войны в Египте, однако этим венком его наградили не солдаты, а сенат — причем за то, что он освободил Рим от Помпея. Так Цезарь повернул себе на пользу традиционную награду и превратил ее в исключительное отличие, которое впоследствии сенат также присудил Октавиану после получения известия о смерти Антония.

Еще одна почесть: в 44 году было принято постановление, что месяц квинтилий будет отныне именоваться июлем, потому что в этом месяце родился Цезарь, и что одна из триб, избранная по жребию, получит название Юлиевой. В действительности, как доказал английский ученый Уэйнсток⁵⁰⁴, обе эти почести были задуманы в 45 году в честь Цезаря-Освободителя. Римские месяцы, названия которых изначально происходили от их порядковых номеров, впоследствии были поставлены под покровительство отдельных богов, что подчеркивало их связь с определенными знатными римскими фамилиями. Юнона, давшая свое имя июню, была также богиней рода Юниев. Месяц же июль стал носить имя бога Юлия, а также рода Юлиев. Июнь получил свое название будто бы после того, как первый консул Республики Брут изгнал Тарквиниев. А может быть, это было придумано в эпоху Цезаря, чтобы узаконить его собственные действия? Возможно и иное объяснение, скорее религиозное: инициатива исходила от Юноны, а Цезарь лишь последовал этому примеру. Однако не является ли все это иллюстрацией известной греческой практики? Со времен Деметрия Полиоркета, освободившего Афины от тирании Деметрия Фалерского в 307 году, месяцы стали называть в честь

государственных мужей. Месяц мунихион стал деметрионом, потом был создан месяц селевк-антиохон. Римские военачальники также вдохновляли греков на подобные почести, как, например, Помпей в Митиленах. Подобные свидетельства стали множиться со времен Августа, когда в 27 году в август переименовали месяц секстилий, а не сентябрь, хотя это и был месяц его рождения, и эта традиция утвердилась при Юлиях-Клавдиях. Таким образом, это была почесть исключительного характера, происхождение которой было уже забыто. Именно идея освобождения обосновывала такое право личности на присвоение месяца: ведь и в Афинах статуя Деметрия была поставлена рядом со статуями тираноубийц.

Месяц Юлия (*mensis Iulius*) был отмечен в 45 году играми в честь Победы Цезаря (*ludi Victoriae Caesaris*), учрежденными в сентябре 46 года с тем, чтобы еще более возвеличить славу Цезаря. Перенос на июль был вызван желанием Цезаря располагать длительным и пышным праздником, приходящимся на месяц, носящий его имя. Этот праздник (игры) длился 11 дней, в то время как на игры в честь Аполлона (*ludi Apollinares*) в том же месяце приходилось всего восемь дней. Решение о новом названии месяца, должно быть, восходит к 45-му, а то и к 46 году, когда был создан юлианский календарь. Несмотря на сопротивление некоторых, месяц Юлия утвердился окончательно, что обрело законную силу после появления в июле 44 года кометы. Это повлияло и на решение Августа.

Похоже, что настоящим прецедентом, особенно в связи с созданием Юлиевой трибы, была история Деметрия. О новой трибе сообщает Дион Кассий, он пишет при этом и о месяце Юлия, отмечая лишь, что такая же честь была оказана Октавиану в 29 году. От трех изначальных триб — рамнов, тициев и луцеров — римляне дошли до 35, и это число сохранялось в течение всего периода Империи. Эти трибы были когда-то названы либо по территориям, либо по родовым именам. Похоже, Цезарь и здесь вдохновлялся греческим образцом, восходящим ко времени Деметрия. В 307 году были созданы две филы (трибы): Деметриева (*Demetras*) и Антигонова (*Antigonis*). И еще: нося имя освободителя, эти филы имели привилегии, например, право голосовать первыми, первыми выдвигать должностных лиц, сменяющих друг друга в течение года. Греки создавали подобные филы также и в честь римских военачальников и продолжали это делать и в честь императоров. Подражая греческому прецеденту, Цезарь приспособивал его к своим планам, ибо ему предстояло создать новых граждан. Он основал новые колонии, где были организованы новые трибы, получившие имена членов его семьи. Так, в колонии *Laus Iulia* (Коринф) мы встречаем Аврелиеву и Кальпурниеву

трибы. В Риме Юлиева триба, которая наложилась на древнюю Фабиеву трибу, получает преимущественные права при голосовании на манер новых греческих фил, что привело к определенному влиянию на результаты голосования в трибутных комициях и в центуриатных комициях при выборах консулов и преторов. Закон Валерия-Корнелия (*lex Valeria-Cornelia*), принятый в 5 году н.э. и известный под названием *Tabula Hebana*,⁵⁰⁵ основывался на преимуществах центурий Цезарей (*centuriae Caesarum*) при голосовании. Это позволяет предположить, что существовал некий закон Юлия (*lex Iulia*), содержание которого было намного шире простого упоминания о Юлиевой трибе у Диона Кассия. Во всяком случае, как эта триба, так и месяц июль были призваны возвеличить славу Освободителя.

Цезарь-Спаситель

Вернемся к статуе, увенчанной гражданским венком, возложенным на Цезаря как спасителя сограждан. Вслед за Свободой (*Libertas*) подчеркивалось Благополучие, или Спасение (*Salus*).

Венком из дубовых листьев награждали римского гражданина, спасшего другого гражданина на поле битвы. Спаситель имел право носить свой венок во время состязаний в цирке, и все вставали, когда он подходил, чтобы сесть подле сенаторов. Цезарь уже получил такой венок из рук пропретора М. Минуция Терма в 80 году при осаде Митилен, когда ему было двадцать лет. В 45 году он получил этот венок вторично за спасение множества граждан на поле битвы. Образцы богов-спасителей (*θεοὶ σωτηρῆς*) следует искать в греческом мире: так величали царей и римских военачальников. Изображения гражданского венка на монетах впервые появляются в 110 году⁵⁰⁶. Этот венок уже получали не на поле битвы, а на политической арене, поскольку известно, что Л. Геллий Публикола хотел, чтобы сенат вручил его Цицерону⁵⁰⁷. Цезарь спас своим великодушием Галлию, а вслед за тем он пощадил и своих сограждан. Цицерон называет его «спасителем»⁵⁰⁸: он намекает на статуи, установленные на Рострах; впрочем, немало статуй, увенчанных гражданским венком, было и в других городах, например Фасосе⁵⁰⁹.^[140] Можно подумать, что именно Цицерон вдохновил на присуждение гражданского венка и положил таким образом начало длительной традиции.

Римские боги часто почитались как спасители, а одна из богинь — Salus — даже не имела никакой другой функции, кроме спасения и дарования благополучия, превосходя в этом Valetudo (Здравие). Salus почиталась в Риме с IV века как Salus Publica (Общественное Благоденствие), но когда с самого начала гражданской войны так называли Цезаря его сторонники, то имелось в виду как общественное, так и частное благополучие и спасение. Как бы то ни было, Цицерон очень рано называет Цезаря Спасителем (Salus), как мы видели в его речи «В защиту Марцелла». Он взывает к богине Salus, поскольку был обнаружен заговор. Кроме того, планировалось также поместить статую Цезаря в древнем храме Спасения-Благоденствия (Salus), а формула присяги начиналась со слов «per salutem Caesaris» («Клянусь благоденствием Цезаря»), в ожидании того, что будет построен новый храм в честь Благоденствия Цезаря (Salus Caesaris). Там тоже поставили бы статую с гражданским венком. Август впоследствии также назывался Спасителем и получил в награду гражданский венок с надписью «Ob cives servatos» («За спасение граждан») и золотой щит⁵¹⁰.

Цезарь — Основатель и Отец

Основатель

Многие решения о почестях 45 года были приняты 20 апреля, когда известие о Мунде достигло Рима. А на следующий день, 21 апреля, справлялись Палилии (Palilia, или Parilia) в честь основания Рима Ромулом. Игры 21 апреля были даны во славу Цезаря⁵¹¹, и его статуя из слоновой кости заняла место в процессии богов, предшествовавшей играм, попав в компанию Ромула-Квирина, Основателя. Еще одна статуя с надписью «Deo invicto» («Непобедимому богу»)⁵¹² должна была быть установлена в храме Ромула-Квирина. Все эти отличия вращаются вокруг одной центральной темы: связи Цезаря с Ромулом, основанием Рима и его праздниками.

Совпадение времени получения известий из Мунды с датой Палилий может показаться подозрительным: в этом случае среди весны потребовалось бы 34 дня для того, чтобы сообщение дошло из Мунды в Рим, в то время как в разгар зимы Цезарь прошел это расстояние со своими

войсками за 24 или 27 дней, а известие о смерти Нерона в июне 68 года достигло Испании из Рима всего за семь дней. Так что известие о победе при Мунде было нарочно задержано для того, чтобы помочь установлению фундаментальной связи между Цезарем и Ромулом, между Цезарем и праздником Палилий. Ромул был первым героем Рима. Обладая божественным происхождением, он в конце концов и сам превратился в бога Квирина, который был одним из главных римских богов.

Для греков спаситель — это основатель (κτίστης), и Ромул как основатель приобретает особое значение: Камилла за освобождение Рима от галлов называли вторым Ромулом⁵¹³,^[141] Мария же за отражение германцев — третьим⁵¹⁴. Со своей стороны Цезарь спас Рим от разрушения, которым ему грозил Помпей. В декабрьские ноны 63 года, Цицерон, помышляя о своих действиях против Катилины, говорил о новом основании Рима⁵¹⁵. Однако требовать титул «нового основателя» он не осмелился. Что же до Цезаря, то сам Цицерон, уже много позже — в речах «В защиту Марцелла» и «В защиту Лигария»⁵¹⁶ — заявлял, что после своих побед Цезарь станет новым основателем и новым законодателем Рима. Цезарь вполне подходил для этой новой роли благодаря своей связи с Ромулом через легенду, и род Юлиев был звеном в цепи, которая вела от Троянской легенды до Цезаря: согласно изложению семейного историка Л. Юлия Цезаря, Эней и Юл были предками Ромула и Рема. Он утверждал также, что свидетелем апофеоза Ромула был некий Прокул Юлий⁵¹⁷.^[142] На Востоке Цезаря называли (κτίστης); в латинском языке соответствующего термина не существовало: сначала использовали слово creator (создатель), потом conditor (основатель), — этим титулом Цезаря стали величать писатели после его смерти. Август предпочтет термин «Parens patriae» (Отец Отечества). Цезарь остался единственным истинным Основателем (Conditor): применительно к Камиллу и Марию этот титул был анахронизмом.

Празднование Палилий начиналось старинным праздником пастухов, приносивших жертву в честь Ромула-Квирина на Квиринале^[143]. Теперь же к ней добавили еще одну жертву в честь Цезаря, а также молебствия в течение пятидесяти дней. Затем начинались игры, которые раньше не были составной частью Палилий: народ надевал венки во славу Цезаря. Как обычно, играм предшествовала процессия, в которой проносили статуи богов. Процессия шла от Капитолия до Цирка. Среди статуй заняла место и статуя Цезаря из слоновой кости, помещенная, как мы уже сказали ранее, рядом с Ромулом-Квирином. Будучи представлена в триумфальном

облачении, эта статуя должна была затем храниться во внутреннем святилище (cella) храма Юпитера Капитолийского. То, что у смертного человека была статуя, подобная статуям богов, было невероятной почестью в Риме (но не в Греции). Статую поместили на пульвинар (подушку для изваяний божеств), как и статуи богов; такой же ритуал соблюдался и во время игр в честь Победы Цезаря (ludi Victoriae Caesaris), где его статуя следовала за статуей Победы (Victoria). Учреждать игры в связи с какой-либо победой и связывать их с тем или иным божеством вполне вписывалось в установившуюся традицию. Здесь же, во время Палилий, единственная связь была только с Цезарем, и это было революционно.

После праздника изваяние Цезаря было помещено в храм Квирина, и была сделана надпись «Deo invicto» («Непобедимому богу»), о чем говорит Цицерон в двух своих письмах середины 45 года.⁵¹⁸ У греков был обычай помещать статую полководца или царя в храм, где он становился *συνναός θεός* («бог, находящийся в храме другого бога»), как, например, Тит Фламинин. Вместе с тем ранее в Риме если статуи людей помещались в храм, то это ни в коей мере не означало, что им будут поклоняться. Так что единственный реальный прецедент для случая Цезаря следует искать в Греции, и эта новая привилегия распространилась на все храмы Рима и Италии. Надпись «Deo invicto» делала Цезаря наследником Александра, прототипа всех непобедимых полководцев. Возможно, подобная надпись и не получила одобрения Цезаря, однако сбить ее было невозможно, поскольку ее защищало сакральное пространство. Как бы то ни было, важно было провозгласить во время Палилий, что Рим получил новое рождение, что наступает новый золотой век. Цезарь имел законное право считать, что он заново основал Рим, и можно задать себе вопрос о существовании века Юлия (saeculum Iulium) наподобие века Августа (saeculum Augustum)⁵¹⁹. Похоже, что появление кометы в июле 44 года возвестило о конце IX века и начале века X.^[144] Как бы смог Вергилий провозглашать в Четвертой эклоге наступление нового века⁵²⁰, если бы до этого не было века Юлия (saeculum Iulium) и если бы Цезарь не включил в свои планы создание новой эры?

Отец

Согласно Аппиану, в 45 году (эта дата кажется более правдоподобной,

чем 44 год, указанный у Диона Кассия⁵²¹) Цезарь получил прозвище (cognomen) *Parens Patriae* (Отец Отечества), засвидетельствованное на монетах и в надписях. Смысл этого очевиден. Дион напоминает, что речь идет о титуле, выражавшем любовь отца к своим детям и почтение детей к родителям. Это звание давало Цезарю, а позднее римским императорам, ту же власть над подданными, что и власть отцов над детьми⁵²².

Плиний Младший напишет позже: «Мы говорим не о господине, а об отце»⁵²³. Уже Марий заслужил титул Отец Отечества (*pater patriae*), потому что он породил свободу римлян⁵²⁴. После разгрома Катилины сенаторы провозгласили Отцом Отечества Цицерона, и он был первый, кому этот титул был присвоен таким образом. Этому примеру последовали историки, приписавшие этот титул Ромулу и Камиллу. Подобное провозглашение наверняка было связано с вручением венка из дубовых листьев: к своему спасителю следовало относиться как к отцу. Однако в данном случае дубовый венок был впервые присужден гражданскому лицу. Несомненно, Цицерон был одним из тех, кто предложил сенату оказать такую почесть Цезарю, за чем последовало и провозглашение того Отцом Отечества⁵²⁵. В 27 году первого императора тоже почтят венком из дубовых листьев, который поместят над входом в его «дворец»⁵²⁶.^[145] Значение титула разъясняется на монетах 23 года — «*ob civis servatos*» — поскольку он спас своих сограждан. Для Цезаря подобный титул мог иметь особое значение. Его власть определялась не как тирания, а как отеческая власть (*patria potestas*); подданные были его детьми, связанными с ним узами благочестивого почтения (*pietas*): они должны были молиться за его благополучие, клясться его именем, почитать его гения. Это положило начало введению в Риме того типа отношений, которые существовали между государем и его подданными в греческом мире.

Гений — сила, генетически присущая человеку, — был его божественным покровителем от рождения до смерти. Его чествовали в каждый день рождения, а гений благодетеля приобретал значение и для других, и они могли, прибегая к преувеличению, называть его своим гением и клясться им вместо того, чтобы призывать Юпитера. Несомненно, именно во время Второй Пунической войны, в 218 году, появился культ Гения государства (*Genius publicus*), а затем и родственный ему культ Гения римского народа (*Genius populi romani*). Этот культ появился в конце периода Республики, и обстоятельства его возникновения недостаточно известны. Что до Гения Цезаря (*Genius Caesaris*), ставшего предметом общественного поклонения, то мы знаем о нем на основании того, что в 45 году⁵²⁷ было принято решение об общественном праздновании дня

рождения Цезаря, и того, что Дион Кассий сообщает о том, что стало принято клясться Тюхе Цезаря⁵²⁸. С другой стороны, культ Гения Августа (*Genius Augusti*) наследовал культу Гения Цезаря, и следует провести параллель между ним и культом *Salus Caesaris*. В римской истории нет прецедента общественного празднования дня рождения государственного деятеля: должно быть, это была практика восточного или эллинистического происхождения. Клятва Тюхе Цезаря соответствует греческой терминологии: речь идет о божественном покровителе (*δαίμων*) конкретного человека. Таким образом утвердилась общая клятва Гением Цезаря. Позже, уже после его смерти, клятва приобрела форму *per Caesarem* («клянусь Цезарем»), ибо гений покровительствует человеку только при жизни. А после обожествления Цезаря стали клясться *per divum Iulium* («клянусь Божественным Юлием»), При Августе культ Гения Августа, связанный с культом компитальных ларов (*Lares Compitales*),^[146] отправлялся в первую очередь рабами и вольноотпущенниками. Он не был государственным культом, однако эта практика может пролить свет и на поклонение Гению Цезаря, при котором граждане становились клиентами патрона-Цезаря.

Дион упоминает, что в 44 году во время ритуала начала года проводились молебствия за Благополучие Цезаря (*Pro Salute Caesaris*) по образцу *vota pro Salute rei publicae* (молебствий о Благополучии Республики). Первого января консулы совершали на Капитолии жертвоприношение Юпитеру за выполнение просьб, высказанных в молебствиях года прошедшего, и возобновление их на текущий год. Подобные обеты существовали в условиях греческих тираний и монархий. Их текст, должно быть, совпадал с тем, который известен нам из Актов арвальских братьев,^[147] поскольку он впоследствии воспроизводился в отношении многих императоров. Тогда это уже превратилось в рутину, но во времена Цезаря таковым не было. Разумеется, существовала римская традиция совершать молебствия во здравие известных личностей, таких, например, как М. Ливий Друз или Помпей. Цицерон говорил, что благополучие Государства зависит от благополучия принцепса⁵²⁹, в особенности если во главе государства стоит один-единственный магистрат, будь то Помпей или Цезарь. Дабы обезопасить Цезаря от возможных заговоров, его провозгласили священным и неприкосновенным (*sacrosanctus*)⁵³⁰: он получил право сидеть в цирке на скамье трибунов и таким образом был им уподоблен.^[148] Это было беспрецедентно. Он оставался патрицием и не был трибуном, однако получил эту

неприкосновенность (*sacrosanctitas*) без ограничения срока. Август унаследовал эту исключительную привилегию, он тоже стал неприкосновенным (*sacrosanctus*)⁵³¹.

В другой клятве магистраты клялись не противиться действиям Цезаря. Разумеется, это была неконституционная мера, хотя у нее и были прецеденты. В любом случае эта клятва была включена в традиционные церемонии, проводившиеся 1 января. Подобная клятва обеспечивала конституционную преемственность и гарантировала Цезарю исключительное положение в государстве. Имела ли место и личная присяга наподобие принесенной в 32 году Октавиану?⁵³² Доказательства этого слишком незначительны, чтобы быть убедительными, однако вполне очевидно, что враги Цезаря становились врагами государства и заслуживали немедленного возмездия.

Итак, Цезарь действительно стал богом или, во всяком случае, божественной личностью, делившей небо с традиционными богами. Единолично управляя государством, он подчинял себе и умы и привлекал сердца своих сограждан. Он предоставил им лишь одну свободу: свободу признавать его своим освободителем, своим спасителем, своим отцом. Будучи жрецом, он уже не просто являлся посредником между согражданами и богами. Он стал своим в кругу богов и не боялся соперничать с самыми великими из них, порой изменяя их природу с тем, чтобы заставить их служить своим собственным монархическим устремлениям. Отныне Цезарь мог считать себя недостижимым для любого заговора и для любых интриг. Однако он забыл о том, что один человек, вознесшийся высоко над другими, всегда уязвим: Тарпейская скала^[149] по-прежнему находилась совсем близко от Капитолия. Ему суждено было в конце концов натолкнуться на кинжалы убийц и оказаться в полном одиночестве перед лицом смерти.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ВСЕОБЩИЙ ОТЕЦ

Итак, мы видим Юлия Цезаря на вершине славы: титул Отца Отечества дал ему власть над всеми подданными, которые должны были почитать его как отца, а он в то же время являлся их Спасителем.

Силой Гения Цезаря, хранящего его от рождения, он смог обеспечить стабильность государства, а оно признало его неприкосновенным (sacrosanctus).

Как и почему случилось, что за несколько недель в начале 44 года составилась жесточайший заговор, который должен был превратить будущих убийц Цезаря в отцеубийц и сделать Мартовские иды днем, запятнанным отцеубийством?

Как и почему решились противники диктатора перейти свой поистине мрачный Рубикон?

Сколь захватывающим полицейским расследованием стало бы выяснение побудительных мотивов, приведших к убийству! Сколь удивителен был бы этот римский детектив, в котором мы заранее знаем и жертву, и убийц, и время совершения преступления!

Открывая процесс над убийцами, остается выявить глубокие причины их покушения, которое в конечном счете явно не достигло своей цели. Ведь разве Август, вознеся своего приемного отца на небо, превратив его в Божественного Юлия (Divus Iulius) и провозгласив себя самого сыном божественного (divi filius), не воскресил навеки этого всеобщего Отца и не обессмертил его?

Глава I

ЦЕЗАРЬ НА ФОНЕ СЛУХОВ И НЕТОЧНОСТЕЙ

Слухи будоражат общественное мнение, неточности же являются уделом историков, которые тоже разносят слухи. Так что приходится с трудом прокладывать путь через лес утверждений и отрицаний, принадлежащих перу пяти авторов, которые помогут нам раскрыть заветные намерения диктатора и, соответственно, причины, заставившие заговорщиков задумать и привести в исполнение убийство Цезаря⁵³³.

Но, говоря по правде, помогут ли нам эти авторы? Ведь в нашем распоряжении лишь рассказы историков, которые сами не были современниками событий, а брали материал из вторых рук. Впрочем, даже если бы мы располагали «дневником» непосредственных участников драматических событий Мартовских ид, мы не были бы застрахованы от перелицовки истины: этим средством авторы — и в первую очередь сам Цезарь — пользовались как психологическим оружием для уничтожения внутренних врагов и для манипулирования мнением граждан, которое в Риме было решающим при выборах должностных лиц, при наделении правами и средствами для ведения войн, суливших добычу и славу. Писатели провозглашают свою преданность государству, но лишают нас правды.

Один лишь Цицерон мог бы рассказать как свидетель о ходе событий, об интригах, о слухах, ходивших в последние годы, особенно между 46 и 44 годами, поскольку «Письма к Аттику» и «Письма к близким» доносят до нас горячие новости с разных сторон. Однако Цицерон находился в стороне от заговора. На следующий день после убийства Цезаря он пишет одному из заговорщиков, Л. Минуцию Басилу⁵³⁴, о своем удовлетворении: «Поздравляю тебя; радуюсь за себя; люблю тебя; оберегаю твои дела; хочу быть любимым тобой и знать, что ты делаешь и что делается». Но его оценка этого события не оставалась неизменной: «несмотря на все несчастья, которые нам грозят, утешают Мартовские иды»⁵³⁵; «тем не менее до сего времени меня не радует ничто, кроме Мартовских ид»⁵³⁶; «освободители стяжали себе славу навеки»⁵³⁷; «это божественные мужи»⁵³⁸. Тем не менее вскоре он разочаровывается: «поэтому Мартовские иды утешают меня не в такой степени, как раньше»⁵³⁹; «так

что утешаться Мартовскими идами теперь глупо»⁵⁴⁰. Утверждая в трактате «О дивинации», что знание будущих событий бесполезно, он приводит в пример судьбу Цезаря: «Или Цезарь, если бы предвидел, что в том самом сенате, большую часть состава которого он сам же и назначил, в курии Помпея, пред самой статуей Помпея, на глазах у стольких преданных ему центурионов, он будет заколот знатнейшими гражданами, часть которых получила от него же всякие награды, и что к упавшему телу его не подойдет не только никто из его друзей, но даже из рабов; если бы Цезарь все это знал заранее, подумать только, какие душевные муки он испытал бы при жизни!»⁵⁴¹ Несмотря на шекспировские интонации оправдания этих «весьма достойных людей» (all, all honourable men)⁵⁴², Цицерон мало чем может помочь в разрешении вопроса о причинах Мартовских ид. Он лишь констатирует насмешку судьбы, ее роковой исход, положивший начало кровавой эпохе, когда помпеянкам и цезарианцам предстояло сражаться друг с другом вплоть до окончательного поражения первых при Филиппах, а цезарианцам суждено было расколоться и встать одним — под знамена Октавиана, а другим — Марка Антония. Независимо от того, станем ли мы примыкать к республиканскому направлению (которому Азиний Поллион, фанатично преданный Октавиану военачальник, был верен в своей «Истории», которая решающим образом повлияла на историографию от Светония до Диона Кассия) или к «придворной» традиции (скажем, в лице Николая Дамасского, который, будучи современником Августа, прославлял нового императора и его приемного отца в излишне льстивой «Биографии»), нам предстоит столкнуться с противоположными точками зрения, которые часто противоречат друг другу. Каждая партия утверждает, что именно она защищала свободу, но свобода эта была настолько лишена своего «республиканского» смысла, что только император, а не заговорщики, смог похвалиться тем, что вернул ее «республике, притесняемой владычеством одной группировки»⁵⁴³.

Цезарь Николая Дамасского

Будучи современником Августа, Николай Дамасский собирал информацию, даже если не был непосредственным очевидцем драмы: в этом его серьезное преимущество перед другими историками, писавшими более века спустя после 15 марта 44 года.

Николай Дамасский родился около 64 года — в то время, когда завоевание Сирии Помпеем открыло широкие горизонты перед знатными жителями сирийских городов. Владея с детства двумя языками, Николай по отцу принадлежал к среде первых людей города, и образование, полученное им в Александрии и на Родосе, сделало его ученым-космополитом, который поступил на службу к восточным правителям, связанным с Римом. Так он оказался воспитателем детей Клеопатры и Антония при дворе Птолемея. В 30 году, после смерти Клеопатры, он стал советником и доверенным лицом Ирода, честолюбивого царя Иудеи, который стремился расширить свое царство и свое влияние на евреев диаспоры. Около 25 года Николаю было предложено написать биографию Августа, используя сочинение самого Августа «О своей жизни» (*De vita sua*). Николай был придворным историком: он утверждал права Августа на наследие Цезаря и всеми силами отрицал, что Цезарион был сыном Цезаря. В то же время он воспевал миссию Рима на Востоке, куда Рим пришел, чтобы принести мир и справедливость. Август неоднократно принимал его и пользовался его услугами как дипломатического советника по делам евреев. Так что Николай Дамасский, будучи слишком тесно связан с иудейским царем и с Августом, мало годился для выполнения работы историка. Он остался послушным эхом придворной традиции — проавгустовской, а значит, и процезаревской.

По мнению Николая Дамасского, убийство Цезаря было сознательно задумано заговорщиками. Он изображает их, стараясь очернить и усугубить их вину, доказывая, что одни из них действовали лестью, другие — вероломством, чтобы вызвать ненависть к Цезарю, третьи же действовали из ревности и неблагодарности. На фоне этих восьмидесяти заговорщиков Цезарь оказывается единственным человеком, вызывающим сочувствие. Его ответственность всячески умаляется: простой человек, чуждый политических махинаций, чуть ли не наивный. Его одолевают ложные слухи: о переносе центра империи в Александрию под предлогом того, что Цезарион его сын. Николай ссылается на завещание Цезаря, в котором его единственным сыном назван Октавиан.

Он считает, что история со статуей, увенчанной диадемой,^[150] была целиком и полностью подстроена трибунами Луцием и Гаем. В отношении того, что произошло на Луперкалиях 15 февраля 44 года,^[151] он не занимает никакой позиции: жест Марка Антония вроде бы отвечал ожиданиям друзей и преданных сторонников Цезаря. Николай доходит даже до того, что позволяет подозревать Марка Антония в том, что он хотел

стать приемным сыном Цезаря, — предположение, абсолютно не обоснованное.

Будучи одинок, Цезарь окончательно остается один, когда отсылает свою свиту и полагается на заявления сенаторов об их преданности ему, а также на свой статус священной персоны и Отца Отечества. Итак, он падет невинной жертвой, а его собственная ответственность еще надежнее растворится в тени рока: сенат был созван в тот день, когда Цезарь собирался доложить о планах своей восточной кампании. Роковым было и место собрания — курия Помпея, напоминавшая о былом сопернике Цезаря.

Описывая эти превратности судьбы, Николай уходит от реального объяснения Мартовских ид. Невероятная наивность военачальника? Неслыханная дерзость тех, кто осмелился убить человека, чтимого наравне с богами? Смерть тирана, все действия которого получили одобрение? Драматическое чутье биографа сбило Николая с толку: Мартовские иды невозможно свести к убиению лучшего из людей группой негодяев. В определенном смысле Николай Дамасский написал антиисторию.

Цезарь Светония

После «чужеземца» перед нами — римлянин (возможно, родом из Африки), ученый, как и Николай Дамасский, и также хорошо осознающий свою принадлежность к классу, необходимому как для славы, так и для управления империей.

Будучи рожден в семье всадника на заре правления Флавиев,^[152] Светоний мог гордиться тем, что его отец сражался под Бедриаком в армии Отона.^[153] Сам он не испытывал никакой особой склонности к военному делу. Он был человеком, ценящим досуг и учение (scholasticus), «приятелем» (contubernalis) Плиния Младшего, который добыл ему штабную должность военного трибуна. Однако Светоний от нее отказался в пользу кого-то из родственников. Не больше привлекал его и Форум, где произносились судебные речи. Напротив, он посвятил себя истории и собирался опубликовать книгу «О знаменитых мужах» (De viris illustribus). Траян отметил его и включил в число судей, что предвещало административную карьеру. Он одолел несколько ступеней в иерархии

дворцовых должностей: был министром образования (*a studiis*) и в июле-августе 118 года н.э. следил за занятиями Адриана; затем был министром библиотек — латинской и греческой; наконец, в апреле 121 года н.э. стал министром по переписке (*ab epistulis*) и руководил общим секретариатом имперской канцелярии. Он впал в немилость, проявив излишнюю фамильярность по отношению к императрице Сабине. Несмотря на то, что его карьера резко оборвалась, она была типичной для образованного человека в империи и стала удачей для этого любознательного ко всему историка, который поделился с нами тем, что узнал, в книге «Жизнь двенадцати Цезарей».

Первая из этих биографий — жизнь Юлия Цезаря — была опубликована, как и другие, в 121 году н.э. Начало ее не сохранилось, и повествование начинается только с шестнадцатого года жизни Цезаря. Светоний не оставался безучастным к влиянию процезаревской пропаганды, отразившейся в надписях на монетах, чеканившихся Траяном, начиная со 107 года н.э. Давление этой пропаганды сыграло свою роль в создании книги Светония. Светоний описывал жизнь императоров, стараясь раскрыть особые черты их характера и нравов. Он оставляет в тени советников, ибо историю творят именно императоры, и историк не боится приподнять занавес, скрывающий их личную жизнь, вступить в их интимный круг, сообщить пикантные подробности их поведения.

Немало информации Светоний почерпнул у своих предшественников, он использовал Николая Дамасского, Азиния Поллиона, а также официальные документы (*acta senatus* или *diurna*), не обходил благосклонным вниманием и памфлеты. Он работал как биограф, который отыскивает разнообразную информацию и усердно трудится над неизданным и неизвестным, а не как историк, который, подобно Тациту, старается выявить в ходе событий роль каждого действующего лица и не отказывает себе ни в морализаторских рассуждениях, ни в широких обобщениях.

Для того чтобы изучать своих героев, Светоний располагал учеными образцами, применявшимися в Александрии при характеристике писателей. Жизнеописание каждого персонажа разворачивается по одной линии — восходящей от рождения до вершины его славы и нисходящей от этой точки к смерти. Именно на пересечении этих двух кривых Светоний описывает характер героя исходя из различных категорий (*species*). В то время как Плутарх побуждает читателя восхититься героем, Светоний беспристрастно расчленяет исследуемую личность. Разумеется, он не скрывает своей симпатии к Августу, однако его композиции недостает

энергии, самые разные факты ставятся на одну доску и никогда не складываются в решительные обобщения, позволяющие очертить судьбу героя. Поэтому и по отношению к Цезарю он занял противоречивую позицию.

Поначалу он следует мнению Азиния Поллиона и ищет оправдания Мартовским идам. Так, он представляет Цезаря с самого начала снедаемым страстной жаждой власти и потому внушающим страх. Упиваясь привычкой командовать, Цезарь достиг высшей власти (*dominatio*), которой жаждал с ранней юности. Итак, Светоний *a posteriori* конструирует монолитную личность для того, чтобы лучше объяснить убийство. Разве не повторял Цезарь эти два стиха Эврипида:[544](#)

Коль преступить закон — то ради царства,
А в остальном его ты должен чтить?

Но у Светония есть и другой Цезарь, который может вызвать симпатию. И правда, он умеет быть справедливым, никогда не забывает добра, и Светоний особо подчеркивает его поразительные умеренность и милосердие как во время гражданской войны, так и в том, как он пользовался плодами победы[545](#). Цезарь умеет прощать. Какая же чаша весов перевесила? Похоже, что все-таки первая. Цезарь принял чрезмерные почести, превосходящие человеческий предел[546](#). Он проявлял величайшее высокомерие как по отношению к людям, так и по отношению к институтам. Главное, он стремился к титулу царя, чтобы наверняка добиться победы над парфянами и исполнить предсказание «Сивиллиных книг». Однако Цезарь не мог обойти свою судьбу: боги постоянно вмешиваются в его решения и он признает их превосходство, демонстрируя суеверное отношение к ним.

Светоний в основном изображает Цезаря способным дойти до крайности в своих страстях (*somptuosus in libidines*) и не боится упомянуть о его гомосексуальных наклонностях, чтобы обвинить любовника царя в любви к царской власти. Ради цельности характера, однако попирая ногами хронологию, он удостоивает Цезаря звания «мужа всех жен и жены всех мужей»[547](#). Какая невоздержанная игра слов! Цезарь получается из ряда вон выходящим героем, который внушает страх в то время, как народ жаждет покоя, зиждущегося на чувстве меры и человечности. Прежде всего Светоний описывает Цезаря как самого революционного из властителей, которых знал Рим. Цезарь руководит государством, повинувшись прихотям

своей фантазии, отдает власть в руки своих друзей, передает отдельные общественные должности рабам. Так вырисовывается противоречивый итог, где милосердие (*dementia*) противостоят злоупотребление властью, необузданность (*ὑβρις*), и в конце концов неблагоприятный диагноз выливается в утверждение приговора *iure caesus* («убит по праву»). Заговор описан с бесстрастностью нотариуса, который регистрирует факты, не высказывая своего суждения, и этот недостаток чувства, несомненно, заставляет его пройти мимо истины.

Цезарь Плутарха

Этот грек, живший почти одновременно со Светонием, родился в Херонее Беотийской около 50 года н.э. и остался верен своей малой родине. Он был архонтом-эпонимом в родном городе, а также исполнял должность эпимелета амфикионов в Дельфах.^[154] Глубоко укорененный в местной жизни, он проявлял полную лояльность по отношению к Риму, который отвечал ему благосклонностью: он получил личное римское гражданство в эпоху Флавиев. Траян вручил ему знаки консульского отличия и наделил неким правом вершить правосудие в городах Ахайи. Будто бы он был даже прокуратором Ахайи при Адриане. Эта двойная приверженность к своей родине и к Риму пронизывает его «Сравнительные жизнеописания» знаменитых греков и римлян: Александра и Цезаря, Диона^[155] и Брута.

Плутарх проявляет себя как моралист, и к такому взгляду на великих людей он был предрасположен в силу своей принадлежности к Академии и своих бесед в Риме с учеными и философами своего времени. Самое важное для него — это вопросы морали. Он стремится постичь движущие силы человеческой души, подчеркнуть выдающиеся особенности той или иной личности во имя нравственного возвышения своих собственных современников. В этом он весьма далек от Светония и, выбирая для себя такой способ восприятия, вполне осознает, что не пишет историю. Он совершенно ясно говорит об этом во введении к биографиям Александра и Цезаря: «Мы пишем не историю, а жизнеописания»⁵⁴⁸. Так, заинтересовавшись Брутом и Цезарем, он рисует историческую драму между этими двумя людьми, не представляя ее в собственно историческом свете, поскольку сквозь все перипетии жизни его героев торжествует его

собственная нравственная и политическая позиция: он упрекает Брута в том, что тот стал убийцей своего освободителя. Вследствие этого в Плутарховом историописании источники играют ограниченную роль. Он обращается к работам авторов — современников описываемых событий, таких, как Оппий, Цезарь, Тит Ливий, Страбон и, особенно, Азиний Поллион, «Историю» которого он в сокращенном виде перевел на греческий язык и следовал ей в своем жизнеописании Цезаря вплоть до параграфа 56. Далее, с 57 по 69-й параграф, он находится под влиянием источников, крайне отрицательно относящихся к Цезарю. В целом его выбор хорош, и суждения об источниках удовлетворяют историков.

Какое же нравственное восприятие своего героя хочет нам навязать Плутарх? Цезарь — человек, которого отличает честолюбие (*philotimia*): он родился для того, чтобы стремиться к славе и почестям, и ничто не могло заставить его отказаться от них. С самого начала он стремится к государственному перевороту, опираясь на мнение народа. Благодаря первому триумvirату и консульству 59 года он достигает своей цели. Затем он характеризуется как человек, чьим предназначением было выполнение великих задач и который беспрестанно показывал свою жадность до почестей. Плутарх смягчает эту картину, упоминая человеколюбие Цезаря, превратившееся после Фарсала в милосердие, и Цезарь, который породил эту добродетель будущих императоров, возводит храм в ее честь. В конце концов, что же осталось от этого стремления к власти? Имя и слава, возбуждающие зависть. Цезарь хотел стать царем. Он не мог остановиться и без конца демонстрировал всепожирающее честолюбие, требовавшее все новых титулов и новых завоеваний. Портрет завершает весьма нравоучительное рассуждение о непрочности дел человеческих.

Эта Плутархова конструкция изолирует Цезаря от его современников: окружение, советники не играют никакой роли. Вместе с тем в других местах своего сочинения Плутарх показывает, что способен серьезно анализировать положение в Риме в начале гражданской войны, когда государственный корабль потерял управление. Ведь он констатирует: «Многие уже осмеливались говорить открыто, что государство не может быть исцелено ничем, кроме единовластия, и нужно принять это лекарство из рук наиболее кроткого врача». [549](#) Значит, Цезарь стал тираном не только в результате развития собственной личности и стремлений собственного темперамента, жаждавшего власти. На самом деле установления монархии требовала историческая ситуация. Разве Катон не затем добился присуждения Помпею единоличного консульства, чтобы монархия стала законной? В глазах Цезаря республика уже умерла, и он не мог быть ее

реставратором. Итак, проблема Мартовских ид оказывается под вопросом: то есть убийство более не является законным, так как монарх был нужен. Но какой монарх? Позиция Плутарха в отношении ответственности Цезаря за это возвращение монархии остается неоднозначной.

С одной стороны, он признает [550](#) историческую необходимость установления монархии и оправдывает назначение Цезаря пожизненным диктатором. Вместе с тем он считает эту форму власти плохой. Он называет ее тиранией, поскольку она никому не подотчетна и не должна прекращаться. Плутарх реагирует на это как архонт Херонеи, который, согласно демократической конституции, ежегодно давал отчет о своей деятельности. С другой стороны, как могла бы монархия оказаться временной, если только не иметь в виду ежегодное возобновление трибунских полномочий императоров, которое создавало иллюзию регулярного переизбрания? Плутарх не дает правильного объяснения желанию Цезаря обладать пожизненной диктатурой. Он хотел этого для того, чтобы избавиться от необходимости обходить соперников на выборах и чтобы избежать политического конфликта в обществе по вопросу о государственном устройстве. Даже будучи единоличной, консульская власть ограничивалась сроком должностных полномочий и не могла обеспечить преемственность, необходимую для того, чтобы переустроить мир, подвергшийся столь жестоким испытаниям в братоубийственных войнах. Цезарь понял, что традиционный механизм республиканского и коллегиального правления неадекватен, и он постоянно старался его ослабить и принизить. Итак, эпоха требовала появления монарха: так можно ли при этом говорить, что Цезарь стремился к тирании? Плутарх не высказывается определенно. Конечно, Цезарь принимал чрезмерные почести, однако, вынося все новые и новые почести на одобрение сената и народа, не стремились ли его враги накопить побольше поводов для того, чтобы потом предъявить более серьезные претензии? Плутарх считает, что Цезарь вел себя безупречно, когда отсылал охрану, приглашал народ на пиры и хлебные раздачи, приступал к выведению колоний. Однако тут же писатель вновь говорит о стремлении Цезаря к еще большей славе: противоречия не в счет.

Ненависть, толкнувшую на убийство, породила история о стремлении к царскому титулу. Этот весьма благовидный предлог не мог не возбудить народ и посрамленный сенат и не объединить их против диктатора. Так, Плутарх, следуя какому-то враждебно настроенному к Цезарю источнику, показывает Цезаря в полной изоляции. Однако в биографии Брута он пишет, что народ жалел Цезаря (первое несоответствие) и что, когда народ

отшатнулся от цезарианцев, он вдруг превратился в смятенную толпу, готовую чинить беспорядки⁵⁵¹ (второе несоответствие).

С тем же затруднением сталкивается Плутарх и при ответе на вопрос: ответствен ли сам Цезарь за свою судьбу? С одной стороны, очевидно, что нельзя избежать своей судьбы⁵⁵² и не обращать внимания на предзнаменования. С другой стороны, Плутарх оставляет место случайности. Он дает понять также⁵⁵³, что всеми этими событиями руководил гений (δαίμων) Помпея: курия Помпея и статуя Помпея приносят в Мартовские иды драматический оттенок. Однако Плутарх преуменьшает ответственность людей, да ведь и боги, похоже, не все были единодушны в осуждении Цезаря, поскольку все заговорщики впоследствии погибли насильственной смертью, в свою очередь преследуемые «даймоном» Цезаря, призрак которого дважды являлся Бруту. В момент вознесения Цезаря к звездам в виде блиставшей в течение семи ночей кометы солнце поблекло и весь мир облекся в траур.

Итак, Плутарх оставляет нас в недоумении. Он нарисовал неоднозначный образ своего героя, не пригнав детали друг к другу. Он не ответил на вопрос, почему же Цезаря убили.

Цезарь Аппиана

Александрийский грек Аппиан писал после Плутарха и вдохновлялся его сочинениями, не отказывая себе при этом в праве изложить свою личную точку зрения на события и дать нам оригинальный взгляд на Мартовские иды.

Аппиан, родившийся около 90-95 годов н.э., принадлежал к греческой аристократии Александрии и занимал высокие должности в Египте. После иудейского восстания (115-117 гг. н.э.) он приехал в Рим, где занялся адвокатской деятельностью. Его друг Фронтон — ученый муж, влиятельный при императорском дворе, — выхлопотал для него у Антонина Пия должность прокуратора, которую он и занимал в 150-155 годах н.э. Умер Аппиан в 163-165 годах н.э.

Аппиан посвятил пять книг (XII-XVII) своей «Римской истории» гражданским войнам: эти события были уже далеки от II века, в котором он жил счастливой жизнью верноподданного, вдохновляемого идеей основанного на справедливости величия Рима. Для него эти счастье и

справедливость были нераздельно связаны с монархическим режимом, который он воспринимал с идиллической точки зрения. Существует два типа режима: хороший — монархическое правление императоров и дурной — господство партий или, как он их называет, группировок. Эта зависимость от императорского режима замутняет понимание Аппианом смысла истории: смерть Цезаря знаменует пробуждение группировок, которые он осуждает. Тем самым Аппиан оправдывает Цезаря и его режим.

Особого разговора заслуживает отношение этого историка к его источникам, зачастую весьма разноречивым, а иногда даже содержащим противоположные точки зрения. Собрать их воедино Аппиану нигде не удастся. Работая с республиканским источником, он конструирует Цезаря-республиканца: ведь тот достиг высшей власти законным путем, а диктатура не заслуживает обвинения в том, что это тирания, *dominatio*. Не противоречит ли подобный образ монархической позиции Аппиана? Следуя за Азинием Поллионом, который остался верен Цезарю, несмотря на то, что провозглашал себя врагом тирании (*dominatio*), Аппиан, похоже, приходит к выводу о политической законности убийства диктатора. Однако заговорщики нарушили узы почтения и благочестия (*pietas*), связывавшие их с их благодетелем, и потому достойны лишь осуждения. В своем осуждении Аппиан, похоже, находится под влиянием еще одного, третьего источника — Николая Дамасского, настроенного в пользу Октавиана Цезаря и против Антония. Таким образом, история Аппиана представляет собой компиляцию, скроенную из наложения разных источников. Историк не делает выбора, что приводит к весьма путаному объяснению Мартовских ид, что, возможно, вполне соответствует его противоречивым задачам. С одной стороны, Аппиан — монархист, приверженец римского порядка, с другой стороны, он отвергает человеческое честолюбие, жажду власти и любую чрезмерность (*ὑβρις*). Он восхваляет свободу, воплощенную в образах Брута и Кассия, в образе Помпея: «Рим находится там, где есть хоть один свободный человек, где есть бруты и кассии». Таким образом Аппиан отворачивается от придворной историографии.

Итак, он дает прореспубликанскую версию планов Цезаря: военная победа сделала его величайшим (*Maximus*) из партийных вождей, превзошедшим Помпея, которого величали только Великим (*Magnus*), и он смог усмирить все межпартийные распри. Никто не был в состоянии ограничить его могущество, и вполне логично, что он пожелал стать царем. Аппиан рассматривает все события с 15 февраля по 15 марта, которые свидетельствуют об этом желании Цезаря, и приходит к выводу, что 15 марта сенат официально присвоил бы ему титул царя, чтобы он мог

победоносно вести римскую армию на войну с Парфией, как гласило Сивиллино предсказание. Аппиан хочет изобразить Цезаря человеком, одолеваемым страстью к чрезмерному, и переходит, таким образом, от объективного суждения к субъективной точке зрения. Разумеется, подобную схему, воспринятую от Светония и присутствовавшую уже у Азиния Поллиона, можно было бы интерпретировать и по-другому: ведь Цезарь раз за разом отвергал корону и отказывался от царского титула. Однако эта удобная схема очень быстро утвердилась в качестве своего рода исторического объяснения: нужно же было как-то обосновать мотивы действий заговорщиков. Так каковы же были эти мотивы?

Аппиан рисует Брута и Кассия людьми, «движимыми завистью к его огромной власти и желанием восстановить традиционный порядок». Однако подобные мотивы скорее противоречат друг другу, нежели дополняют друг друга: либо они хотели занять место Цезаря, либо мечтали защитить Республику и восстановить обычаи предков (*mos maiorum*), то есть нобилей (сенатской аристократии) II века. И в конце концов, о какой республике здесь идет речь? Не надо забывать, что ради военных побед сенат неоднократно нарушал сложившиеся правила игры: уже в 210 году в войне против Ганнибала Сципион Африканский получил военное командование в нарушение установленного порядка. Так что же, речь идет о республике недееспособных и продажных сенаторов, которых обвиняли в том, что в 109 году они продали Африку Югурте^[156], молодому нумидийскому царю, утверждавшему, что Рим — это город, где все продается? Или скорее о республике военачальников-императоров, необходимость существования которой диктовалась соображениями блага государства? Одной лишь зависти, конечно, мало, чтобы обосновать заговор, однако Аппиан не отдает предпочтения и другому объяснению — любви к республике. Так смерть Цезаря оказывается бесполезной, тем более абсурдной, что, если верить Аппиану⁵⁵⁴, его убили из-за названия: ведь власть диктатора ничем по существу не отличалась от власти царя.

Итак, Аппиан не дает объяснения Мартовским идам, не проясняет мотивов заговорщиков. Отчаявшись найти причину, он прибегает к идее вмешательства Фортуны-судьбы и, воспользовавшись этой слишком простой лазейкой, приходит к тому, что дает в конце концов фаталистическое объяснение хода событий. Фортуна — это слепой жребий, случай, который снижает ценность Цезаревой победы, а действия Помпея превозносятся. Вмешательства Фортуны, а также других богов, божественного начала и личного гения (*δαίμων*) ограничивают свободу действий Цезаря, и именно эти отзвуки антицезаревских толков в конце

концов одерживают верх у Аппиана. Историк обличает стремление Цезаря к власти, его всепожирающую страсть к овладению государством, и в конце концов выводит в роли поборника свободы Помпея — императора, также обладавшего единоличной властью.

Если историк должен делать выбор и не руководствоваться ни собственными политическими взглядами, ни мнениями своих предшественников, то Аппиан не является настоящим историком: ему так и не удалось распутать клубок событий, которые он изображает весьма противоречиво и неоднозначно. Сегодня нам уже не стоит принимать его утверждения на веру.

Цезарь Диона Кассия

В лице Диона Кассия мы имеем дело с сенатором, который должен дать оценку рассказу об убийстве, совершенном на заседании сената двадцатью четырьмя сенаторами. Такое жестокое внутреннее противоречие, даже если оно касается события, произошедшего более чем два с половиной века назад, вторгается в реальность и привносит в нее предубеждения того сословия, достоинством которого был облечен этот грек из Вифинии.

Дион Кассий родился около 163-164 годов н.э. в Никее в семье сенатора. Его отец, консул Кассий Апрониан, был наместником Ликии-Памфилии-Киликии и Далмации. Он был потомком богатого гражданина Никее времен Юлиев-Клавдиев и принадлежал к числу тех зажиточных горожан, которые естественным образом служили Риму. Помимо семейных владений в Никее и ее окрестностях, у него был собственный дом в Риме, вилла в Капуе, куда он удалялся, чтобы писать свои труды, а также земли в Италии — так что и его богатство, и общественные связи (он породнился с Дионом из Прусы) делали его заметным человеком, преданно служившим императору.

Дион Кассий приезжал в Рим в 180 году н.э., сопровождал своего отца в Киликии в 182-183 годах н.э. и начал восхождение по ступеням сенаторской карьеры: он был квестором в 188-189 годах; претором при Септимии Севере; присутствовал в Риме летом 193 года при церемонии обожествления Пертинакса.^[157] После наместничества в ранге претора в 197-202 годах н.э. он вновь приехал в Рим и жил там с 202 по 208 год, а в

205-206 годах был назначен консулом-суффектом. Будучи другом (amicus) Септимия Севера,^[158] он стал членом совета при императоре. В 214-215 годах н.э. он сопровождал Каракаллу^[159] в Никомедию и в присутствии императорского двора декламировал знаменитый диалог Агриппы и Мецената,^[160] в котором сопоставляются две политические системы. В 215 году н.э. он вернулся в Рим, в 217-м присутствовал при восшествии на престол Макрина^[161], который в конце своего царствования назначил его куратором Пергама и Смирны, где он и провел зиму 218/219 года. Известно, что впоследствии он был проконсулом Африки в 223 году н.э., а затем императорским легатом в Далмации (224-226 гг.). Наивысшей точкой его карьеры стало совместное консульство с Александром Севером^[162] в 229 году н.э. Однако репутация сурового человека породила враждебное отношение к нему преторианских когорт. В возрасте семидесяти лет, больной подагрой, он вернулся в Никею, где и завершил свою «Историю».

В общем, его карьера была типичной для представителя провинциальной senatorской семьи, пусть и не изобиловала заметными поступками. В своем управлении провинциями он выказал твердость перед лицом беспорядков, спровоцированных отсутствием дисциплины в войсках. Не желая возврата к республиканскому сенату, он тем не менее хотел обеспечить свободу, то есть личную безопасность, и гарантировать членам senatorских семейств доступ к традиционным должностям, а сенату — должное почтение.

Таким образом, труд Диона Кассия изначально отмечен печатью классового эгоизма, стоящего на страже интересов его сословия и императора, которому он служил с 197 по 207 год н.э. Он весьма тщательно готовил свою «Римскую историю», которую писал с 207 по 219 год н.э., то есть главным образом во времена Септимия Севера и Каракаллы. Будучи кабинетным историком, он прочел труды всех своих предшественников и в первую очередь Августа и его «Автобиографию». Он пользовался также документами канцелярий и надписями. Не сочиняя хронику-анналы в полном смысле этого слова, он пишет скорее историю в жанре annalов, в которой тем не менее живо ощущается вкус к историческим обобщениям. В своем изложении истории конца Республики Дион Кассий осознанно занимает антицицероновскую позицию и разделяет взгляды Азиния Поллиона, а также Саллюстия. В других местах он черпает вдохновение из противоречивых источников, и вопрос о его заимствованиях из Плутарха остается неясным. В целом, и в жизни, и в творчестве он оставался крайне ангажированным: его политические взгляды, как и у Аппиана, влияли на

изложение им событий более ранней истории, и это уменьшает значение его труда.

В отношении Мартовских ид он занимает определенную и категоричную позицию.⁵⁵⁵ Цезарь был убит вопреки закону и вопреки благочестию. Следовательно, заговорщики несли ответственность за это убийство и своим преступлением отдали Республику во власть партийных группировок: демократию нельзя восстановить при помощи преступления, и если она означает равенство перед законом, влекущее за собой равенство прав, то практика демократического режима сама уже не соответствовала этому определению. Напротив, монархия воплощает в себе такую форму правления, которая предоставляет больше преимуществ, — речь идет об эмпирической монархии, находящейся в соответствии с идеалом республиканцев и партии порядочных людей (*viri boni*), столь милой сердцу Цицерона. Легче найти одного добродетельного человека — и избавиться от него, — нежели многих. Даже самая доблестная демократия не может оставаться таковой, поскольку обеспечиваемое ею благополучие граждан порождает честолюбие, насилие и соперничество, в то время как следует придерживаться умеренности и скромности, чтобы избежать избытка богатства и гордыни. Богатство, достигнутое Римом и распространившееся по всей территории Империи, привело к исчезновению согласия между гражданами (*consensus civium*). Один лишь император воссоздает это согласие, только монархия способна спасти государства, являющиеся империями, — подобные рассуждения должны были бы остановить руку убийц. Таким образом, Дион Кассий принимает Цезаря за образец для императоров. Готов ли он водрузить его на пьедестал? Отнюдь: это значило бы забыть о влиянии Плутарха, заставляющем Диона противоречить самому себе.

Для Диона Кассия, как и для Плутарха, Цезарь с самого начала снедаем жаждой власти.⁵⁵⁶ В Галлии он готовился к захвату власти, и Дион Кассий позволяет думать, что замыслы Цезаря могли развиваться. Он единственный из историков передает речь,⁵⁵⁷ будто бы произнесенную Цезарем в сенате по возвращении из Африки в мае 46 года. В этой речи Цезарь предстает перед нами сочувствующим сенату, который все же дорог его сердцу: он объявляет, что не собирается становиться ни Марием, ни Суллой. Он не будет обманывать избирателей благими обещаниями, сдержать которые впоследствии окажется невозможно. Он также не собирается создавать тиранию, опираясь на свои военные успехи. Идеал Цезаря — быть добродетельным человеком, чтобы наслаждаться славой своих побед. Ему надлежит превзойти свои военные успехи и победить

самого себя, явив пример осторожного, умеренного поведения, позволяющего достичь добродетели. Так что сенату нечего опасаться этого философа-военачальника, говорящего в стиле Александра Севера. Цезарь сам называет себя не господином, а защитником, не тираном, а руководителем, — это уже идеология принципата Августа. Эти намерения находят свое институциональное воплощение в консулате и диктатуре. Сенаторам следует успокоиться: больше не будет казней, не будет и проскрипций. Цезарь завершает свою речь, призывая к единению и добрым чувствам: он будет отцом, а они — детьми, вся Империя будет всего лишь одной большой семьей. В этой идиллической картине мы снова имеем дело с имперской пропагандой образа Отца Отечества (*Pater patriae*). Вместе с тем Дион Кассий не может обойти молчанием две опасности, грозившие Империи в III веке н.э.: армию и деньги. Говоря об армии, Цезарь напоминает сенаторам, что она является гарантом их безопасности. В отношении денег он говорит, что налогов больше не будет. Таким образом, в этой речи Дион Кассий изображает монархический режим, основанный на добродетели и справедливости.

Но отчего же тогда трагическая развязка Мартовских ид? В основе первого объяснения — недостатки Цезаря: незнание меры, гордыня, безжалостность, тщеславие. Дион Кассий, подобно Плутарху, готов осудить Цезаря за одни лишь намерения: тот отказывается от титула «царя, не делая, впрочем, ничего, что позволило бы поверить, что этот титул ему ненавистен». [558](#) Он не отталкивает — как должен был бы — тех, кто вручает ему царский титул; пожалуй, он хотел бы, чтобы его заставили его принять: в искренность Цезаря Дион Кассий совсем не верит. Вместе с тем он возлагает на него лишь ограниченную ответственность, упоминая о его милосердии, о великодушии, доходящем до наивности, когда он распускает свою охрану, отказывается от сопровождения сенаторов и всадников и оставляет слишком много места случаю и проявлению надчеловеческой необходимости. Именно боги решили, что Цезарь должен умереть, судьбами управляет провидение [559](#); другая безымянная необходимость заставляет его стать жертвой мести Помпея [560](#).

Но все же главная ответственность лежит на заговорщиках. Дион упрекает их в зависти и ненависти, обличает их будто бы благородные намерения: они называли себя освободителями Рима и отдали город на милость противоборствующих партий. Наконец, он обвиняет сенаторов в том, что они сами оказывали Цезарю непомерные почести — то ли желая польстить, то ли провоцируя его — и тем самым открыли путь гневу богов.

Таким образом, Дион Кассий, исходя из категорических политических

суждений и отстаивая монархию как форму правления, представляет нам такого Цезаря, который в упомянутой речи изображал себя способным соответствовать этому политическому идеалу. Однако для того, чтобы объяснить его убийство, Дион не может избежать двойного обвинения и осуждает намерения и Цезаря, и заговорщиков, не выявляя при этом ни его, ни их глубинных побуждений.

Итак, перед нами пять Цезарей: невинный Цезарь Николая Дамасского, убиенный злодеями; Цезарь Светония, убитый по праву; Цезарь Плутарха, раздираемый между славой и милосердием; Цезарь Аппиана, стремящийся к царской власти и заслуживающий того, чтобы исчезнуть с лица земли; и наконец Цезарь Диона Кассия — идеальный образ монарха, которого погубила лесть. Сходство этих образов не утоляет их противоречий. Все эти пять историков на разных должностях, в разных званиях служили Империи. Убийство Цезаря беспокоит и смущает их. Защищать убийц они не могут и дают весьма путаные объяснения Мартовским идам. Будучи частью имперского режима, они неизбежно становятся консерваторами и не могут понять Цезаря-революционера. Они забывают его живого, чтобы помнить только о мертвом и обожествленном, вносящем весомый вклад в идеологию Империи. Видя в смерти Цезаря роковое стечение исторических обстоятельств и подробно разбирая его достойные осуждения намерения, они убили своего героя во второй раз.

Глава II

ЗАГОВОРЩИКИ: ДВЕ ДЮЖИНЫ ЛЮДЕЙ БЕЗ СТЫДА И СОВЕСТИ

Когда историк пытается установить личности заговорщиков, он не чувствует такой растерянности, как при знакомстве с противоречивыми и расплывчатыми мнениями древних авторов. Не составляет большого труда обнаружить данные о них в картотеке действующих лиц последнего века Республики, выявить основные этапы их карьеры, которые освещаются во многих источниках, в том числе в сочинениях Цезаря и Цицерона, совпадения между которыми лишь подтверждают объективность. Такого рода исследования по установлению «гражданского состояния» тех или иных персонажей приводят к воссозданию картины связей между поколениями в век торжества клиентелы, равно гражданской или военной. В результате выясняется, насколько важными или незначительными были эти будущие убийцы, все величие которых, впрочем, и было заключено в их преступлении.

Сколько же было заговорщиков, сколько убийц? Это первый вопрос, на который должно ответить наше следствие. За исключением Николая Дамасского,[561](#) который, насчитав 35 ран, наверняка преднамеренно сгустил краски при описании настроений в среде сенаторов и всадников, историки сходятся в том, что было нанесено 23 удара кинжалами в соответствии с числом убийц, равным 23, поскольку каждый должен был участвовать в этом ритуальном убийстве. Николай Дамасский упоминает о 80 заговорщиках, Светоний[562](#) — о 60, что уже ограничивает масштабы следствия. Однако вряд ли заговорщиков было больше, чем убийц. Тайну тщательно оберегали, и никто не выдал их имен: многочисленные доносы, которыми пренебрег Цезарь, исходили от людей, к заговору не принадлежавших. И сама эта многочисленность, в которой историки находили удовольствие, свидетельствует только о желании произвести драматический эффект — сказать, что Цезарь держал в своих руках сообщение о грозившей ему участи и отказался раскрыть его как неправдоподобное! Страшную тайну знали только сенаторы, занимавшие места поблизости от кресла, на котором должен был сидеть Цезарь, и от

идеи о 80 или 60 заговорщиках следует отказаться.

Вовсе незачем записывать под знамена заговорщиков всех противников Цезаря, которые больше болтали, чем делали. Превосходным их образцом был Цицерон: он не любил диктатора, хотя всю прославлял его гений, и был готов примкнуть к любой политической комбинации, которая законным путем сбросила бы власть (*dominatio*) Цезаря. Похоже, его скомпрометировал Марк Брут, который на следующий день после Мартовских ид, «потрясая окровавленным кинжалом, выкрикивал имя Цицерона и поздравлял его с восстановлением свободы». [563](#) Сам же Цицерон защищался от обвинения Антония в том, что он был замешан в заговоре. Не был он ни участником, ни посвященным.

Так что не следует расширять круг за пределы двадцати четырех заговорщиков, принявших решение о смерти диктатора. Удары ему нанесли только двадцать три, потому что Требоний, задачей которого было помешать консулу Антонию войти в курию, непосредственного участия в убийстве не принимал. [564](#)

Кучка стареющих «генералов» и молодых «волчат»

Горстка разочарованных цезарианцев

Л. МИНУЦИЙ БАСИЛ

Сначала его звали — М. Сатрий. Потом его усыновил очень богатый дядя по материнской линии, так что Л. Минуций Басил даже стал патроном территории Пицена и Сабинской области. С 53 года он был легатом Цезаря в Галльской войне и в войне гражданской, отличился при Диррахии и вернулся в Рим после Фарсала. В 45 году он был претором [565](#), но Цезарь отказал ему в управлении провинцией. Л. Минуций Басил почувствовал себя лично глубоко оскорбленным. Он был готов уморить себя голодом, но согласился принять денежную компенсацию: человек с чистой совестью, который однако позволил себя купить и не простил этого покупателю.

Д. ЮНИЙ БРУТ АЛЬБИН

Во времена Галльской войны он был молод (*adulescens*),^[163] служил военным трибуном, префектом флота Цезаря в действиях против венетов, префектом в Галльской войне. В начале гражданской войны Альбин в ранге легата руководил морскими операциями против Марселя под началом Г. Требония. В 48-46 годах он стал легатом-пропретором, наместником Трансальпийской Галлии; возможно, в 45 году он был претором,⁵⁶⁶ так как в 44 году стал проконсулом Цизальпинской Галлии.⁵⁶⁷ Цезарь пообещал ему консульство на 42 год. Альбин был вторым наследником Цезаря и, следовательно, одним из наиболее видных его сподвижников. Он ужинал вместе с диктатором у Лепида накануне Мартовских ид. Он был человеком решительным и смелым, владел множеством гладиаторов, Цезарь на него вполне полагался, — тем не менее он позволил Бруту втянуть себя в заговор.

Г. ТРЕБОНИЙ

Сын видного всадника, квестор в 60 году⁵⁶⁸ и трибун в 55 году,⁵⁶⁹ он провел закон (*lex Trebonia*), по которому Крассу передавалось управление Сирией, а Помпею — обеими испанскими провинциями, каждому сроком на пять лет. В 54-49 годах он был легатом Цезаря, активно участвовал во всех военных действиях как во время Галльской, так и во время гражданской войны. В 48 году он стал городским претором⁵⁷⁰ и проявил лояльность по отношению к Цезарю, воспротивившись демагогическим мерам, которые предлагал Целий Руф⁵⁷¹. В 47 году он был направлен в Дальнюю Испанию,⁵⁷² а летом 46 года был изгнан из своей провинции помпеяйцами и вернулся туда вместе с Цезарем в конце года.⁵⁷³ Первого октября 45 года он стал консулом-суффектом⁵⁷⁴, и ему сулили проконсульство в Азии. Так что это был цезарианец, осыпанный почестями. Во время встречи в Нарбоне с Антонием он прощупывал его отношение к заговору против Цезаря. Так что он, естественно, входил в

заговор, где его роль в конечном счете состояла в том, чтобы не допустить Антония в зал курии. За то, что он сделал такой выбор, Цицерон воздал ему хвалу: «Это был человек, который поставил свободу римского народа выше дружеских чувств к отдельному человеку и предпочел свергнуть тиранию, нежели участвовать в ней». [575](#)

СЕР. СУЛЬПИЦИЙ ГАЛЬБА

Его отец состоял в совете (consilium) Помпея Страбона в Аскуле во время Союзнической войны. С 58 по 56 год, на первом этапе Галльской войны, он был легатом Цезаря, а в 56 году вернулся в Рим. В 54 году он стал претором, [576](#) но потерпел неудачу при выборах консулов 49 года, когда были избраны противники Цезаря Г. Клавдий Марцелл и Л. Корнелий Лентул [577](#). Он отказался примкнуть к партии помпеянцев, и Цезарь помог ему выйти из денежных затруднений.

Г. СЕРВИЛИЙ КАСКА

Плебейский трибун 44 года, [578](#) он принял денежную помощь от Цезаря, чтобы справиться с затратами на исполнение должности эдила. Его невысокое положение наполняло его горечью. Он первым нанес удар Цезарю, и этот первый удар не стал смертельным.

П. СЕРВИЛИЙ КАСКА ЛОНГ

Брат предыдущего, сенатор. В курии он бросился на помощь брату.

Л. ТИЛЛИЙ КИМВР

Сторонник Цезаря. Наверняка был претором в 45 году,[579](#) поскольку в 44 году стал проконсулом Вифинии и Понта.[580](#) Возможно, он был втайне уязвлен изгнанием своего брата, с просьбой о возвращении которого он и бросился к Цезарю в курии.

Группка неблагодарных помпеянцев

Ко второй категории относятся сторонники Помпея, прощенные Цезарем, но при первой возможности вернувшиеся к первоначальным политическим пристрастиям.

Г. КАССИЙ ЛОНГИН

Он был единственным из помпеянцев, кто обладал военным талантом и умением. В 53 году он служил квестором[581](#) в Сирии под началом Красса, уцелел в битве при Каррах и возглавил оборону Сирии. В 52 году, будучи проквестором Сирии,[582](#) он подавил мятеж в Иудее и продолжал защищать провинцию от парфян, которым в 51 году нанес близ Антиохии серьезное поражение.[583](#) В 49 году он был избран плебейским трибуном как противник Цезаря[584](#): он командовал сирийской эскадрой во флоте Помпея. В 48 году, будучи префектом,[585](#) он провел удачные атаки на корабли Цезаря при Мессане и Вибоне. После Фарсала он сдался на милость Цезаря и был им прощен. Цезарь взял его к себе на службу в качестве легата в 47[586](#) и 46 годах. Тем не менее Кассий оставался в оппозиции: он отказался голосовать за постановления в честь диктатора, и то, что он воздержался, позволяет предположить существование некой фракции Кассия. Цезарь не таил на него за это зла и поддержал его кандидатуру на пост претора, однако претора более низкого ранга (*praetor peregrinus* — по делам чужеземцев)[587](#), чем Брут, назначенный городским претором. Кассий был этим уязвлен, ибо, если ему было обещано наместничество в Сирии, один из наиболее важных постов, то он знал, что Брут рассчитывал стать консулом в ближайшее время, тогда как ему

приходилось довольствоваться лишь более отдаленными видами на консульство (в 41 г.?). Обманутые ожидания пробудили в нем политическую оппозиционность, и этот властный человек, сознающий свои военные качества и исполненный глубокой горечи, стал мозгом заговора.

М. ЮНИЙ БРУТ (КВ. СЕРВИЛИЙ ЦЕПИОН БРУТ)

В 53 году, будучи квестором,[588](#) он отказался служить под началом Цезаря в Галлии и отправился в Киликию вместе со своим тестем Аппием Клавдием Пульхром. В 49 году мы застаем его в той же провинции в качестве легата Сестия[589](#).^[164] После Фарсала этот помпеянец также получил прощение Цезаря. В 46 году[590](#) он был легатом-пропретором, наместником Цизальпинской Галлии до 45 года. В 44 году[591](#) он стал городским претором, и ему было обещано консульство. Он был всем обязан Цезарю, своему родному отцу,[592](#) однако проникся ревностью к любовнику своей матери. Этот доблестный муж, наделенный большой силой духа, стал душой заговора против диктатора.

КВ. ЛИГАРИЙ

В 51-50 годах мы встречаем этого помпеянца в Африке в качестве легата[593](#) под началом Г. Консидия Лонга. Был ли он легатом-пропретором в 50-49 годах? Это неизвестно. Во всяком случае, получив помилование из рук Цезаря, он, по словам Плутарха,[594](#) «не испытывал ни малейшей признательности к тому, кто избавил его от наказания, и ненавидел власть, из-за которой предстал перед судом». В общем, это был враг Цезаря и близкий друг Брута.

ПОНТИЙ АКВИЛА

Аппиан относит его к числу помпеянцев. Его враждебность к Цезарю дала о себе знать в октябре 45 года, когда он, будучи плебейским трибуном,[595](#) не встал во время процессии, отмечавшей триумф над Испанией. Цезарь был возмущен таким неуважением и превратил оппозицию Понтия Аквилы в объект насмешек, повторяя при каждом своем решении: «Впрочем, если это позволит Понтий Аквила». Вряд ли трибуну нравились Цезаревы обидные выходки и юмор («Аквила, требуй же от меня, чтобы я вернул тебе Республику, благо ты трибун!»). У него конфисковали земли, и это пришлось ему по вкусу еще меньше. У выставленного на посмешище магистрата и обобранного собственника было целых две причины для мести.

ЦЕЦИЛИЙ БУЦИЛИАН

Сенатор[596](#).

ЦЕЦИЛИЙ

Брат предыдущего.

РУБРИЙ РУБ РУГА

Сенатор.

СЕКСТИЙ НАЗОН

М. СПУРИЙ

Четверо беспартийных

Политические пристрастия третьей группы определить трудно.

Г. КАССИЙ ПАРМСКИЙ

Квестор в 43 году, [597](#) он командовал флотом, сразившимся 13 июня с Долабеллой на юге Малой Азии. В 42 году он был проквестором [598](#) и возглавлял флот в Азии во время битвы при Филиппах.

ПАКУВИЙ АНТИСТИЙ ЛАБЕОН

Отец известного юриста М. Антистия Лабеоны. Друг Брута, он был легатом в битве при Филиппах и после сражения приказал своим рабам, чтобы они его убили [599](#).

ПЕТРОНИЙ

Д. ИЛИ Т. ТУРУЛЛИЙ

Он отправится с Аннием Кимвром в Вифинию и примет там командование флотом, который Кимвр приготовит в 44-м и двинет против Долабеллы в 43 году.

Наше следствие оказалось плодотворным: мы нашли 20 имен из 24. Недостающими четырьмя можно пренебречь, раз уж имена этих сенаторов стерлись из людской памяти. В целом, среди заговорщиков мы находим поколение людей, которые начали свою карьеру в 60-58 годы и, по разным

причинам испытывав разочарования, смаковали свои обиды, а также нетерпеливую молодежь, которая в 44-43 годах, закусив удила, устремилась в погоню за почестями и должностями.

Непрочная коалиция в поисках лидера

Каким образом можно было сплотить эту кучку стареющих генералов и молодых волчат и заставить их переступить через личные обиды и политические разногласия, чтобы совершить главное — убить властителя, чтобы свергнуть монархический режим и восстановить свободное взаимодействие республиканских институтов? Те, кто мог бы стать действующими лицами этой «революции», один за другим сходили со сцены, либо пав на поле битвы, либо получив прощение Цезаря. Его противникам нужен был знаменосец. После Фарсала (9 августа 48 г.) эту роль мог сыграть Катон, принявший командование войсками, сохранившими верность древним идеалам гражданской общины. После битвы при Тапсе (6 апреля 46 г.) и одержанной Цезарем победы он вышел из игры, поскольку в партии помпеянцев ему не нашлось места, а вернуться в Рим он не мог. Катон предпочел самоубийство (12-13 апреля 46 г.), продемонстрировав тем самым приверженность определенному представлению о политической жизни, в основе которого была роль наследственной аристократии, призванной, при посредстве магистратов и сенаторов, представлять интересы народа. Такая *respublica* управляется добродетелью, и только неподкупные ее члены оказываются достойны награды. Не приемля более режим, внушавший ему отвращение, и отказываясь (по крайней мере до 49 г.) поступаться принципами ради каких-то уступок и компромиссов, Катон предпочел свести счеты с жизнью.

За этим последовала война памфлетов, которая не зашла слишком далеко и не возбудила народ: да и была ли она вообще серьезной в то время, когда Цицерон искал сближения с цезарианцами, а Брут как раз перед возвращением Цезаря из Испании надеялся привлечь диктатора в партию оптиматов? Подобные иллюзии едва ли могли усилить оппозицию Цезарю, наоборот, они вызвали в ней разброд и шатание. Только Кассий и его друзья не присоединились к единодушному решению сенаторов удостоить Цезаря исключительных почестей, но они мало что значили в тот момент, когда Цезарь расколол лагерь своих врагов, определив на

должность городского претора Брута и вызвав этим ревность его шурина Кассия: оба возможных руководителя организованной оппозиции публично поносили друг друга, всю пользу в то же время плоды сделанного Цезарем выбора и рассчитывая на перспективы, которые сулило это решение в будущем.

В первый день января 44 года казалось, что оппозицию удалось приручить и Цезарь может приступить к выполнению своего грандиозного проекта завоевания Востока. Прежде чем принять верховное командование «Великой армией», он решил еще больше укрепить свой режим: 14 февраля 44 года он получил пожизненную диктатуру, а также трибунскую неприкосновенность. Отныне он стал несменяемым и неприкосновенным. Все сенаторы присягнули ему на верность и, чтобы создать видимость «цивильного» режима, он распустил свою охрану. С этого момента он стал единственным источником власти, и соперничество традиционных олигархических фракций, как и манипулирование клиентами военачальников, потеряло смысл. И у помпеянцев, и у цезарианцев оставалось лишь то будущее, которое им отводил Цезарь. В своем разочаровании они не могли не объединиться в заговоре.

Цезарь повелел принести клятву своему гению,⁶⁰⁰ и присяга эта продолжалась в разных уголках Империи, когда грянули Мартовские иды. Все подданные Империи становились детьми этого нового отца: верность и благочестие (*fides et pietas*) должны были сплотить общество и связать его с Цезарем. Подобно тому, как патрон принимает своих клиентов сидя, Цезарь не стал вставать, когда делегация сенаторов принесла ему в храм Венеры-Прародительницы декреты 14 февраля. Разумеется, ни Бруту, ни Кассию, да и никому из будущих заговорщиков не хватило мужества покончить с собой или отказаться от принесения клятвы, однако скорее всего именно эта сцена 15 февраля, а не самоубийство Катона, привела к осознанию сложившейся ситуации, знаменовала момент возникновения заговора.

Кто должен был встать во главе? Кассию удалось преодолеть свою мелочную ссору с Брутом, в лице которого общественное мнение приветствовало потомка того Брута, который ниспроверг царскую власть.⁶⁰¹ Подлог очевиден: тот Брут предал смерти двух своих сыновей^[165] и, следовательно, не оставил потомства⁶⁰². Маневры Кассия и его агентов оказали давление на Брута, который старался держаться в стороне. Чтобы заставить его отказаться от неудобного и возмутительного нейтралитета, у подножия статуи его предполагаемого предка стали разбрасывать листовки и делать надписи: «Нам нужен Брут. О если бы ты был жив!» На трибунал городского претора, где он восседал, подбросили

записку: «Ты спишь, Брут. Ты не Брут».603 Когда статую Цезаря установили подле статуй царей и статуи «предка» Брута, такое соседство будто бы внушило ему мысль о свержении Цезаря604. Конечно, отнюдь не идейные и не пространственные ассоциации объясняют решение Брута придать заговору законность, олицетворенную его чистой совестью. С Брутом встречался Кассий, и Цицерон должен был помнить, что еще в 59 году он искал новых Сервилия Агалу или Брута для того, чтобы избавить Рим от трехглавой монархии Цезаря, Помпея и Красса605. Предполагаемый предок Брута отомстил в 510 году за бесчестие Лукреции, решив свергнуть царей.606 Сервилий Агала в 434 году собственной рукой убил молодого всадника Спурия Мелия, которого обвиняли в стремлении к царской власти607. Цицерон одобряет эти расправы и уже в августе высказывает идею о возможности нового убийства608. Брут был воплощением философа — приверженца школы стоиков, ходил вечно растрепанным и представлял собой антипода элегантному Цезарю. Его жена Порция могла потягаться с мужем в способности преодолевать физическую боль. Брут даже собирался покончить с собой, если 15 марта 44 года ничего не удастся сделать для спасения Республики. Кассий отговорил его от этого, ведь Брут был носителем антимонархической традиции, так как по матери Сервилии он происходил также и от Г. Сервилия Агалы.

Заговорщики без политической программы

Итак, в конце концов оптиматы сошлись именно на этой чисто негативной программе: устранении Цезаря, — а имя Брута объединило самые разные политические планы на будущее.609 Ни Кассий, ни Брут не предусмотрели никакого альтернативного способа правления, никакого плана восстановления Республики и свободы. Да и понимали ли они вообще смысл этих магических слов одинаково? Республика, которой некогда управляли предводители благородных семейств, давно стала добычей императоров, военных вождей, опиравшихся на своих солдат. Цезарь с полным основанием мог говорить, что «республика — ничто, пустое имя без тела и облика»610. На продажу был выставлен уже не Рим, а римляне из лучших семей.

Тем не менее — в этом и заключалась слабость и даже просчет Цезаря — великая добродетель может вызвать необыкновенный подъем и поддерживать всеобщее воодушевление в среде, любящей красивые слова и театральные позы. Позднее Брут вспоминал611: он желал возвращения к

достоинству (*dignitas*) и к справедливой республике (*iusta respublica*) и сознавал необходимость убийства Цезаря, поступка неотвратимого и освященного безупречной чистотой того, кто свершил кару.

Действительно, в Риме уже несколько месяцев велись разговоры о тираноубийстве. Наравне с героями превозносили тираноубийц, которые некогда составили заговор против тирана Гиппия.^[166] Не случайно потом, в августе 44 года, статуи Кассия и Брута установят в Афинах подле статуй Гармония и Аристокитона. Таким образом, греческий мираж свободы послужил рычагом, сдвинувшим общественное мнение. Бруту, учитывая его двойную наследственность, казалось, было предопределено стать тираноубийцей: еще в 50 году он превозносил свободу (*libertas*).

С другой стороны, Цицерон в своем сочинении «О государстве» (*De Republica*) пространно рассуждал о наилучшей форме правления. В его труде Сципион отстаивает идею монархии. Однако монархия, даже там, где правит справедливый и мудрый царь, — как, например, персидский царь Кир — поражена одним неискоренимым пороком (*vitium*): в ней все зависит от одного человека. Как только царь становится несправедлив — тогда это тиран, — от него следует избавиться с помощью оружия либо изгнания. Тирания рождается не в результате узурпации новых властных полномочий, а в результате несправедливого использования той власти, что уже есть, и избавление общества от тирана вполне законно.

Цицерон не посмел настаивать на убийстве Ромула, которого он упоминал в мае 45 года,⁶¹² ведь тот после смерти стал богом Квирином. Однако когда статуя Цезаря была помещена в храм Квирина, Цицерон позволил себе злое замечание вполголоса: уж лучше пусть будет этот храм, который предвещает скорый конец Цезаря, нежели храм Благополучия (*Salus*), надежная гарантия его долголетия. Принося клятву, сенаторы признавали в Цезаре отца, *parens patriae*; однако в этой психологической драме сыну следовало убить отца. Умирая как понтифик — покрыв голову краем тоги, надетой в Габиновом стиле (*cinctus Gabinus*),^[167] — и восклицая: «И ты, дитя мое!» — Цезарь признает всю горестную очевидность попорченного благочестия (*pietas*).

Итак, заговорщики разработали скорее подробный сценарий, нежели программу. Они распределили между собой роли: Требоний должен был задержать консула Антония, которого Брут решил пощадить, и это доказывает, что речь не шла о сведении счетов между цезарианцами и оптиматами. Метили только в самого Цезаря, и связывал заговорщиков, заставляя их рисковать своей жизнью, тайный сговор. Он был заключен

ради совершения преступления, угрожавшего безопасности государства, и подобный тайный договор когда-то уже стоил смертного приговора приверженцам Вакханалий⁶¹³. Заговорщики поклялись, что каждый из них нанесет Цезарю удар кинжалом, и все это должно было произойти в храме. И вот Тиллий Кимвр подает Цезарю прошение о возвращении брата из изгнания, он спутывает ему руки полами своей тоги. В это время Каска поражает Цезаря сзади, а его брат наносит ему единственную смертельную рану. Затем наступает черед Брута и всех остальных. Двадцать три удара кинжалом служат подписями под смертным приговором. Охваченные какой-то экзотической яростью, заговорщики ранят и друг друга, кого в руку, кого в бедро, и их тоги обгаются кровью.

Таким образом, сценарий был выверен, а его выполнение назначено на 15 марта — день ид — в курии Помпея. Одно время заговорщики намеревались убить диктатора на Священной дороге, либо сбросить его с мостков в день комиций, либо покончить с ним в день гладиаторских игр⁶¹⁴.

Совершив убийство, можно было призвать сограждан к свободе, но к свободе ради чего? Солдаты Цезаря по-прежнему находились совсем рядом под командованием Антония и Лепида, скорее всего в Аполлонии, где сосредоточивались войска для войны с парфянами. В 11 часов утра 15 марта представителем законной власти оказался консул Антоний, и Брут попал в глупое положение, пытаясь доказать, что именно он является с этого момента ее воплощением. Рим отнюдь не воспламенился благородной любовью к добродетели и не встал на сторону заговорщиков.⁶¹⁵ Антоний скрылся, переодевшись простолюдином.

Таким образом, горстка раздраженных и завистливых людей смогла принять решение о политическом убийстве и привести его в исполнение. Тем не менее у них не нашлось головы, способной к политическому мышлению. Политику не строят на одной лишь добродетели. Только Цицерон, выдвигавший идею партии середины, в которую вошли бы порядочные люди (*optimi viri*) со всей Италии, способная носить оружие молодежь и цвет вольноотпущенников, — только Цицерон мог бы стать порукой эффективности действий. Однако заговорщики ему не доверяли, поскольку он все время был склонен идти на переговоры с Цезарем, и они не захотели посвятить его в свою тайну.

Разумеется, для того, чтобы казнить Цезаря, нужны были смелость и решимость, но действительно ли, совершая это, заговорщики были движимы соображениями справедливости и достоинства? Любимец Катона Фавоний^[168] заявил, что гражданская война хуже незаконной монархии.

Убийцы избавились от объекта своей ненависти, от зависти и угрызений совести, но при этом сохранили за собой все должности, которыми были обязаны щедрости своего благодетеля. Стремясь выиграть в обоих случаях и ввергнув Рим в пучину неизвестности, разве не заслужили они осуждения как люди без стыда и совести (об этом говорит Дион Кассий)?

Глава III

ИСТИННЫЕ МОТИВЫ БЕСПОЛЕЗНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Что древние историки, что сами заговорщики мало чем помогли в нашем расследовании. Не будем переживать из-за этой двойной неудачи и обратимся к главному действующему лицу, стоявшему на авансцене и вынесенному оттуда ногами вперед после того, как ему были нанесены 23 удара кинжалами. Какой же панический страх должен был он внушать, чтобы люди, обязанные ему всем, осмелились в свою очередь перейти Рубикон и решиться на одиозное убийство, похожее на отцеубийство? Скорее именно Цезарь и его образ правления, революционный с точки зрения республиканских традиций, а не его стремление к царской власти заставили заговорщиков броситься в безумное предприятие, целью которого должно было стать устранение диктатора.

Ложное обвинение в стремлении к царской власти

Хотел ли Цезарь стать царем? Не было ли это обвинение придумано для пользы дела, чтобы придать видимость законности действиям убийц, будто бы избавивших государство от того, кто был воплощением Зла? Это обвинение вписывается в логическую схему. Принимая все новые почести, Цезарь возбуждал зависть и ненависть тех, кто опрометчиво предоставлял их ему, надеясь возмутить общественное мнение и настроить его против популярного вождя. Такой логической схеме хронология ни к чему: историки изображают все эти почести, свалив их в кучу, не уточняя дат и последовательности событий. Дион с некоторой наивностью дважды признается в этом: «Решение об этих отличиях принималось не за один раз, а скорее следуя случайному стечению обстоятельств: одно — в один день, другое — в другой»[616](#); «Я расскажу здесь сразу обо всех, хотя решения эти предлагались и принимались не одновременно»[617](#). Однако это

пренебрежение хронологией приводит к противоречиям, которые лишают аргументы убедительности.

Ходили слухи, что Цезарь готовится к войне с парфянами. Согласно Плутарху, речь идет о периоде между 1 и 26 января 44 года. Парфян же якобы мог победить только царь. Согласно Аппиану,[618](#) этот план Цезаря оформился после Луперкалий, то есть после 15 февраля, и тогда же стало распространяться предсказание «Сивиллиных книг». Согласно Светонию[619](#), именно 15 марта внучатый племянник диктатора квиндецемвир Л. Аврелий Котта должен был внести в сенат предложение провозгласить его царем перед его отъездом, намеченным на 18 марта. Таким образом была бы удовлетворена потребность в реванше за памятный разгром Красса при Каррах и одновременно была бы сделана уступка традиции культа Аполлона, отправляемого коллегией квиндецемвиров. Однако Цицерон[620](#) опроверг существование подобного оракула: «Мы сохраняем и чтим стихи Сивиллы, которые она, как говорят, изрекла в исступлении. Недавно, если верить ложным слухам, их хранитель и толкователь намеревался выступить в сенате и объявить, что если мы хотим быть спасены, то должны провозгласить царем того, кто на деле уже был царем. Если это даже и есть в «Сивиллиных книгах», то о каком человеке идет речь? К какому времени относится? Уж очень хитро автор этих стихов сочинил их, что бы ни произошло, это будет выглядеть как предсказание, вследствие того, что в них определенно не указаны ни человек, ни время».

Таким образом, что бы ни утверждал по этому поводу Ж. Каркопино, идея о существовании предсказания в пользу Цезаря лишена всяких оснований. «Сивиллины книги» в этом смысле значат не больше, чем центурии Нострадамуса.

Распространялся и другой слух: Цезарь хочет перенести столицу империи в Александрию в первую очередь потому, что Цезарион — сын Клеопатры и Цезаря. Однако Николай Дамасский[621](#) первым (при Августе) опроверг отцовство Цезаря, и, как мы видели[622](#), аргументация Каркопино вполне убедительна. Цезарион, родившийся 20 апреля 44 года, не мог быть сыном Цезаря. Избавившись от этой двойной легенды, следует уточнить хронологию событий первых месяцев этого года, ибо эту хронологию каждый автор представляет на свой лад, часто внося путаницу.

26 января Цезарь вернулся из Альбы в Рим после того, как председательствовал на Латинских играх на Монте Каво, где почитался *Jupiter Latiaris* — покровитель Лация. Согласно Плутарху[623](#) и Аппиану,[624](#) именно тогда его впервые приветствовали титулом «царь». Напротив, Светоний[625](#) относит это событие к тому моменту, когда сенат

торжественно преподнес Цезарю свои постановления об исключительных почестях: неясно, случилось это в конце 45 года или после 14 февраля следующего. По мнению как Светония, так и Диона Кассия⁶²⁶, именно лавровый венок, возложенный на статую Цезаря, заставил действовать двух трибунов — Г. Эпидия Марулла и Л. Цезетия Флава, что и вызвало ответную реакцию Цезаря, сместившего их с должности.

Однако у Плутарха⁶²⁷ как и у Николая Дамасского⁶²⁸, этот эпизод происходит после Луперкалий, а у Аппиана — еще до 26 января. Со своей стороны Дион Кассий удваивает эти инциденты, разводя их по времени, — титул царя и царский венок, но в порядке, обратном тому, который мы находим у Николая Дамасского, и дело трибунов — сначала, а затем, 26 января, по возвращении из Альбы — реакция Цезаря против Эпидия Марулла и Цезетия Флава.

Так поднес ли сенат Цезарю пресловутые постановления до или после Луперкалий? Произошло ли это в храме Венеры-Прародительницы, как говорят Светоний и Дион Кассий, или на Рострах, как считают Плутарх и Аппиан? Не спутали ли они это событие с помещением перед Рострами золотой статуи Цезаря, которую, по мнению Николая Дамасского, первой увенчали диадемой? Путаница могла произойти и в связи с церемонией Луперкалий, на которой 15 февраля Цезарь председательствовал, восседая на Рострах на золотом кресле.

Кто первым протянул диктатору лавровый венок? По мнению Николая Дамасского, — Лициний, по мнению остальных историков, — Антоний. После того как Цезарь от него отказался, был ли этот венок возложен на его статую, как это представляет Николай Дамасский, или на статую Юпитера Капитолийского на Капитолии, в чем единодушны остальные историки?

Как не обратить внимание на такое обилие противоречий! Не доказывают ли они, что каждый автор черпал сведения из плохо скроенного и шитого белыми нитками «дела», состряпанного из враждебных провокаций или неуместных начинаний чересчур ревностных льстецов?

Конечно, грешные мысли у Цезаря имелись, но поведение его было каждый раз безупречным: он отказался от титула царя и от венка, ибо считал такое высшее отличие чрезмерным или недопустимым. Он никогда не соглашался принять титул царя — в этом единодушны все источники. Не соглашался он и повязывать при жизни повязку, как эллинистические цари⁶²⁹: «Я — Цезарь... стало быть я римлянин».

Поскольку известно, что Цезарь поддавался разным соблазнам, его сочли способным поддаться наивысшему из них — соблазну царской власти. Скажем ясно: мы не можем в это поверить, ибо подобное

искушение, о котором каждый автор сообщает более или менее подробно, описывается с подозрительно умозрительным нагнетанием страстей: сначала обычный венок, возложенный на статую, анонимное провозглашение царем во время официального въезда в Город (*adventus*), затем предложение диадемы самому Цезарю с тем, чтобы увенчать его как живого бога, — все это было сфабриковано для того, чтобы обеспечить моральный комфорт заговорщиков и не смущать души историков, все это так логично и объяснимо! Как же этому убийству, выглядящему отцеубийством и навсегда вычеркнутому из календаря Августа, не стать законным, коль скоро речь шла о ниспровержении царя и о том, чтобы пробудить славные воспоминания о Бруте и об основании Республики, которую каждая партия тешила себя надеждой восстановить одновременно со свободой? Все это лишь магические слова, дающие в руки оружие и скрывающие глубинные мотивы, будь они достойными или неблаговидными.

Мы уже видели, что у всех заговорщиков были основания испытывать к Цезарю ненависть и зависть. Каждому было в чем себя упрекнуть: в неспособности к действию, в трусости или в предательстве. Уничтожить тирана, желающего стать царем, — вот что могло помочь возродить мужество, познавшее унижение. Все становилось поводом к игре в слова и к инсинуациям. Его статую поместили в храм Квирина? Цицерон радуется: лучше уж Квирин, ипостась убитого Ромула, чем *Salus*, Благополучие. Так всем противникам Цезаря навязывалось искаженное представление о его намерениях, и им показалось весьма удобным приписать ему стремление к царской власти, — жертвой такого обвинения в свое время стал Тиберий Гракх,⁶³⁰ — для того, чтобы составить заговор и принять решение об убийстве.

Да и не было ли все это, по выражению Николая Дамасского, благовидным предлогом для сокрытия истинных причин и мотивов? Как мог Цезарь, прекрасно знавший историю Рима, повести себя столь безрассудно? Он, кто всегда желал лично общаться с народом, кому было необходимо погружаться в толпу, исцелявшую его от низости льстецов и глупости олигархов, — как мог он надеяться заслужить овации, заставляя величать себя царем в Риме, где именно цари были ненавистны? Зачем стал бы он бесить народ «оскорбительным для слуха титулом, вызывающим ненависть и зависть»?⁶³¹

«Я — Цезарь...» Не содержится ли в этом горделивом ответе, приведенном Аппианом, утверждения о том, чем он был и чем хотел быть, то есть самим собой? Он не называет себя даже диктатором или

императором, и его ответ предвещает тот, что Тит Ливий вложил в уста Сципиона Африканского в момент, когда Эдекон, вождь иберийского племени эдетанов, провозгласил его «царем»: «Сципион сказал, что для него звание императора, данное ему солдатами, самое почетное; а царское звание, столь уважаемое у других народов, в Риме ненавистно (*regium nomen alibi magnum, Romae intolerabile esse*). Пусть про себя думают, что у него душа царственная, — если они считают это признаком душевного величия, — но не произносят вслух этого слова»⁶³². Цезарь был всего лишь человеком, гениальным полководцем, воплощением военной доблести, и своим великодушием он показывал, что он — вождь, освободивший сограждан от варваров и от внутренних раздоров. «Я — Цезарь...»

В любом случае ни одно событие до 15 марта не кажется решающим: этот день оказывается одновременно и днем, когда Л. Аврелий Котга должен был короновать Цезаря, и днем его убийства — такое хронологическое совпадение не может не насторожить. Впрочем, распространилась и еще одна клевета относительно поведения Цезаря в будущем: по возвращении из победоносной экспедиции против гетов и парфян никто не осмелится отказать ему в царском титуле. Но тогда возникает новое противоречие: стало быть, Цезарь собирался принять царскую диадему не до отъезда на Восток, а после своего возвращения оттуда?

Да и вообще, не был ли этот царский титул бесполезным? Ведь, как отмечает Аппиан,⁶³³ «власть диктатора на деле равна царской». Так что республиканские установления предоставляли Цезарю достаточно возможностей как для того, чтобы удовлетворять свои амбиции, так и для того, чтобы решать текущие задачи. Именно сенат и народ своим голосованием узаконили режим диктатуры, при котором правая рука диктатора, начальник конницы (*magister equitum*) Лепид командовал истинно царской силой — конницей. Цезарь вполне мог удовлетвориться тем, что заставлял народ судачить, нося красные сапоги на манер древних царей Альбы, от которых он будто бы и происходил по линии Юла⁶³⁴. Однако связывать себя с добродушными альбанскими царями — это не то же самое, что возродить этрусскую монархию, низложенную первым Брутом.

Так что не следует доверять всей той клевете и тем лживым слухам, которые отравляли первые два месяца 44 года. Надо ли принимать даже гипотезу, будто Цезарь желал быть диктатором в Риме и царем в провинциях? Не значит ли это пытаться возвести на этом раздвоении

будущий принципат и выдвинуть новое обвинение в одних лишь намерениях?

В конце концов пора развенчать столь заботливо поддерживаемый миф о том, что Цезарь стремился к царской власти. Не будем забывать: это он велел сделать запись в официальном календаре о том, что по велению народа консул Марк Антоний предлагал ему царскую власть, но он ее отверг⁶³⁵. На самом деле великий страх заговорщикам внушала личность Цезаря, то, как он вел себя в роли вождя партии и как управлял государством.

Свержение революционера

Перейти к действиям заговорщиков заставили именно страх перед революционером и боязнь потрясения устоев государства: *haec commutatio rei publicae*⁶³⁶.

Политическая революция

Действительно, общественный кризис в момент заговора Катилины (63 г.) обнажил множество язв, разъедавших Италию: погрязшие в долгах люди были готовы на вооруженный мятеж и получали в этом тайную поддержку верхушки муниципиев. Так что армия Цезаря набиралась на полуострове, где вновь поднимала голову партия марианцев. «Вся Италия» (*tota Italia*) — вот что было неотъемлемым условием осуществления власти, не допускавшим существования олигархии. Именно к этой Италии повсюду взывал Цицерон, и вот она вступает в сенат благодаря диктатору: более 400 сенаторов представляли собой молодых людей боееспособного возраста (*juventus*) Умбрии, Этрурии и Сабинской области. К ним присоединились также всадники из Кампании, а сверх того и те, кого римские нобили осыпали оскорблениями и глупыми шутками, насмехаясь над галльскими штанами, снятыми ради тоги.^[169]

Народы, объединившиеся некогда, во время Италийской войны^[170]

ради борьбы, теперь берут реванш, и Азиний Поллион, потомок предводителя марруцинов^[171] Герия Азиния, сопровождал Цезаря при Рубиконе, а многие сенаторы из числа давних сторонников Помпея были родом из Пицена.

Итак, сенат наполнялся всеми этими италийцами, которых нужно было объединить. Цезарю надлежало создать единую нацию из мозаики рас, языков и диалектов, и сделать это ценой социальной и политической революции, при том что из Нарбонской и Цизальпинской Галлий и из обеих Испаний прибывали первые сенаторы-провинциалы, которые с трудом находили дорогу в курию.

Разумеется, представители традиционной олигархии не могли допустить такого переворота, хотя в выборе кандидатов на посты консулов пока еще не просматривалось ничего революционного. С 48 по 44 год знаки консульской власти носили девять человек. Пятеро из них были нобилями и даже патрициями, четверо — «новыми людьми» (*novi homines*), которые были обязаны избранием своей службе в Галлии. Так что заслуги начали соперничать с происхождением, хотя резких перемен еще не ощущалось.

Впрочем, было достаточно того, что эти новые люди, за которыми вскоре должны были последовать многие другие, стали претендовать на должности. «Генералы» обеспокоились, и в домах нобилей стали собираться тайные сходки недоброжелателей.

Овладение государством

Еще больше страшились самой той игры, которую Цезарь режиссировал как спектакль. Разумеется, все места были распределены заранее, все должностные лица были, можно сказать, уже назначены, а военачальники пристроены. Хотя теперь можно было сэкономить, так как больше не было необходимости покупать голоса центурий на выборах, нобили боялись зависеть от одного Цезаря, который увеличивал число консулов-суффектов, вплоть до смехотворного случая, когда Г. Каниний Ребил получил должность всего на один день 31 декабря 45 года. Они не хотели зависеть от того, кто вручил десяти бывшим преторам консульские отличия и кто в конечном счете поставил знак равенства между высшей властью и диктатурой, а не каким-нибудь из традиционных институтов власти. В Риме больше не было места для обсуждения (*consilium*) или

принятия решений (*auctoritas*), традиционно бывших прерогативой сената⁶³⁷.

У Цезаря, правда, была своя партия, которую составляли центурионы его войск, командиры конницы, аферисты вроде обогатившегося на снабжении армии П. Вентидия, секретари, советники и политические агенты, образованные люди наподобие Лансы и Гирция, Оппия и Бальба, первый из которых был римским банкиром, а второй — магнатом из Гадеса. Итак, это была партия, в которой меч обеспечивался расписками ростовщиков и банкиров-аргентариев и был поставлен на службу деньгам. В этой партии мы находим Г. Рабирия Постума, который ссудил деньгами египетского царя, чтобы стать у него министром финансов, и нажился на этом настолько, что смог демонстрировать свою щедрость. К этой партии следует также отнести знатные галльские и испанские семьи, восточных династов и греческие города, которых Цезарь сумел переманить из партии Помпея.

Это была партия, с помощью которой он правил римским миром, опираясь на меч и деньги; партия, которая множила свое богатство, делила между своими членами должности, число которых все увеличивалось: сорок квесторов, шестьдесят преторов, девятьсот сенаторов! Однако традиционный нобилитет вряд ли мог рассчитывать получить выгоду от этого нежданного обилия мест, тем более что Цезарь разработал план организации управления государством на многие годы вперед.

Это, разумеется, трудно доказать, поскольку убийство Цезаря остановило создание революционного режима в самом начале. Вместе с тем некоторые знаменательные меры не могли не встревожить — если не взбесить — римлян старой закваски. Ведь каким посягательством на устои предков (*mos maiorum*) было, например, назначение префектов-пропреторов, в задачу которых входило управлять Римом и государственной казной в отсутствие Цезаря! Тем самым создавался прообраз будущей должности префектов Города — нововведения, пришедшегося совсем не по вкусу сенаторам времен Августа. Больше нет традиции, и учитывается лишь желание (*libido*) Цезаря, то, что ему заблагорассудится, как выражается Светоний, следуя своему явно просенатски настроенному источнику. Но больше того: Цезарь считает дела Римского государства своими личными делами, он передает монетное дело от магистратов своим людям⁶³⁸ и чеканит монеты на манер царских, с собственным изображением.^[172] Для управления государственными доходами он назначает собственных рабов и людей из своего дома. Делая это, он оберегает доходы государства и право чеканки монеты от

возможных манипуляций олигархов: он конфискует государство в пользу собственного дома. Таким образом он лишает сенат какой бы то ни было административной власти в Риме, а также каких бы то ни было финансовых полномочий. Он доходит даже до того, чтобы посягнуть на бывшие прерогативой сената высшие военные должности, доверив сыну одного из своих вольноотпущенников Руфиону командование четырьмя легионами, оставленными в Александрии. Даже если отбросить слишком примитивное обвинение в том, что это был его любимчик, все равно факт остается фактом: едва став всадником, Руфион командует четырьмя легионами — такую непомерную власть не могли бы предоставить ни Август, ни Септимий Север. То, что Светоний не придавал значения этим трем фактам, вполне соответствует его бесцветному стилю, однако эти факты имеют первостепенное значение и дают ключ к пониманию покушения, случившегося в Мартовские иды.

Основание империи

Так возникала новая концепция государства, в котором обесценивавшиеся магистратуры становились лишь фасадом, плохо скрывающим глубокую революцию, в результате которой к управлению государством приходили люди, выдвинувшиеся благодаря своим заслугам, или выходцы из фамилии Цезаря.^[173] Более того, Цезарь не только воспринимал управление государством как пожизненное, но и с помощью своего завещания предопределил его будущее. Несмотря на то, что были и жены, и множество покоренных им женщин, в живых не осталось ни одного официально признанного его ребенка, Цезарион не был его сыном, и только Брут был рожден от его плоти и крови. Однако у него, как и у всех римлян благородного происхождения, имелось законное средство для продолжения своего рода — усыновление. Столкнувшись в расцвете лет с проблемой наследника, он поначалу, со времени своего первого консульства и вплоть до начала гражданской войны, предполагал назначить наследником своего зятя Гн. Помпея — об этом мы знаем от Л. Туберона. Однако в результате гражданской войны и изменений политической ситуации Цезарь пересмотрел первоначальные намерения. Возможно, он собирался сделать своим наследником Брута, если только Плутарх⁶³⁹ не придумал это наследство, светившее будущему убийце Цезаря, чтобы

придать своему рассказу еще больше драматизма. Как бы то ни было, 13 сентября 45 года, находясь на своей вилле в Лабиках^[174], Цезарь составил новое завещание и передал его на хранение старшей весталке.

Теперь он обратился к своей собственной семье, ведь у его замужних сестер было потомство. Его старшая сестра Юлия была замужем дважды: в первый раз за Пинарием, во второй — за Кв. Педием, и у нее было двое внуков: Л. Пинарий Скарп и Кв. Педий. Другая Юлия вышла замуж за М. Атия Бальба, а ее дочь Атия в свою очередь родила от Г. Октавия сына по имени Г. Октавий.

Именно эти три внука сестер Цезаря должны были разделить — но не в равных долях — его состояние. Три четверти отходили Г. Октавию, оставшуюся четверть следовало поделить между Л. Пинарием и Кв. Педием. Это уже само по себе давало Г. Октавию определенные преимущества в мире, где по богатству (*opes*) судили об отдельных людях и деньги позволяли покупать энтузиазм солдат и совесть политиков. Но сверх того, внизу воцеленной таблички с завещанием Цезарь объявляет об усыновлении Г. Октавия: после смерти Цезаря тот станет его сыном и будет носить его имя.

Передавая свое имя (вспомним горделивое «Я — Цезарь...»), он наделял Октавиана всем престижем, всей славой, всей магией имени, которое уже приводило в трепет Запад и готовилось завоевать гетов и парфян. Именно его имени присягали солдаты, и потому наследнику не составит труда добиться от них той же преданности. Рабы, которых Цезарь поставил во главе государственных служб, станут его рабами; ему же должны будут оказывать услуги (*obsequia*) вольноотпущенники Цезаря. Таким образом власть (*dominatio*) Цезаря получит продолжение во власти его сына. Более того — и об этом не следует забывать — сын этот должен был автоматически стать главой римской религии, поскольку сенат постановил, что после смерти Цезаря его сын будет назначен великим понтификом⁶⁴⁰. Мера эта, решение о которой было принято в 45 году, сама по себе не имела никакого значения. Но при рассмотрении в перспективе тайного усыновления Октавиана, при том что Децим Брут был в числе наследников второй очереди, а многие из будущих убийц должны были стать опекунами сына, который мог бы родиться у Цезаря, эта мера становится краеугольным камнем замысла основания Империи: император (*imperator*) — диктатор, который дает почувствовать всю весомость своего имени, своего состояния, когда государство вручается в качестве вотчины, а все религиозные акты зависят от военного и политического вождя. Октавиан будет подобием Цезаря, ставшего великим понтификом в 63 году

в результате настоящего государственного переворота и знавшего, насколько важен был в его восхождении к абсолютной власти этот этап, позволивший овладеть, следуя выражению Ж. Каркопино, «духовным рычагом для того, чтобы перевернуть государство». Более того — и никто в Риме не заблуждался на этот счет, — если Цезарь и не удовлетворил желание своего внучатого племянника получить назначение на пост начальника конницы, а выбрал Лепида, чтобы тот исполнял эту важную должность, находясь рядом с ним самим, в то же время, обдумывая восточную кампанию, он послал Октавиана в Аполлонию вовсе не для того, чтобы тот посвятил себя там учебе, а для того, чтобы он руководил подготовкой великой армии, с которой Цезарь намеревался вторгнуться в самое сердце Парфянского царства. Тем самым Цезарь как раз и выделил Октавиана как наследного принца, способного командовать армией во время военной кампании и призванного в случае смерти пожизненного диктатора (*dictator perpetuus*) принять всю диктатуру целиком.

Итак, как справедливо отметил Ж. Каркопино, «пожизненная диктатура Цезаря подразумевала самодержавие в настоящем и наследование самодержавия на будущее». К этому добавлялась еще и мобилизация войск, которые должны были сосредоточиться в Эпире. Как тут было не содрогнуться, не пожелать избавиться от «тирана»? Ни один род, за исключением рода Юлиев, уже не получил бы доступа к власти. Только цезарианская партия имела право делить между собой магистратуры. Отныне благородным фамилиям предстояло мириться с продвижением на должности рабов и вольноотпущенников и довольствоваться крохами с чужого пиршественного стола. А ведь для того, чтобы поддерживать свой обычный образ жизни, им нужно было на чем-то наживать, быть среди первых при дележе мира. Так что дело даже не в том, что переставала действовать старая общественная система, а в том, что создавалась угроза самому смыслу их жизни и существования. И потому теперь достаточно было найти благовидные предлоги для того, чтобы привлечь к своему делу совестливых мужей или, по крайней мере, Брута, что должно было произвести впечатление на толпу и отравить общественное мнение, а затем и самому стать жертвой этой отравы, уверовав в то, что Цезарь стремится к царской власти.

Итак, в марте 44 года все уже было готово для того, чтобы старая Республика исчезла с лица земли. Однако новый режим зависел от жизни одного человека, просто от его существования: убить его казалось не только моральным долгом, но и необходимостью для спасения сенаторских и всаднических семейств, которые, не колеблясь, подготовили «утро

длинных ножей».

Одинокий человек перед лицом своей судьбы

По мере того как нарастала ненависть, чреватая убийством, Цезарь все больше и больше оставался один. Он распускает свою испанскую стражу, уступая общественному мнению, которое вовсе не забыло о проскрипциях диктатора Суллы и о том военном аппарате, при помощи которого Помпей удушал свободы. Цезарь отказывается и от того, чтобы его безопасность обеспечивали сенаторы и всадники.

Он был, можно сказать, «царственно» одинок, хотя и позволял приближаться к себе как заговорщикам, так и своим друзьям Антонию и Лепиду. Наполеон, находясь на острове Святой Елены, верно заметил, что Цезарь совершил ошибку, недооценив своих противников и не веря в силу заговорщиков, объединившихся без программы, раздираемых политическими противоречиями и, по его мнению, неспособных его заменить.

Его предупреждали о том, что затевается заговор, или, по крайней мере, о формирующейся оппозиции. Он знал ее возможных вожаков, но так и не нашел в себе сил поверить в то, что Кассий и Брут отважатся на подобный шаг. Гордость одинокого человека, не желающего принимать в расчет какие бы то ни было предсказания, предупреждения и сообщения... Будь то его жена Кальпурния, прорицатель Спуринна^[175] или софист Артемидор Книдский^[176] — Цезарь не желал ничего слышать. Ни разу он и не подумал прибегнуть к жестоким мерам.

Одна ли гордыня двигала им? Не было ли у этого человека действия, у этого военачальника презрения к смерти, смешанного с сильным отвращением к борьбе, а также тайного желания освободиться от давящего груза ответственности? До него другие — Сципион, Сулла — уже испытывали такие чувства, и он был всего лишь еще одним человеком в длинном списке тех, кто хотел бы снять с себя тяжкое бремя. Цицерон говорит об этом его одиночестве: «Ты говоришь, что уже достаточно пожил для себя»⁶⁴¹ и упрекает его в забвении нужд государства. Может ли Цезарь жить только для себя, был ли он рожден для себя одного? Накануне Мартовских ид, направляясь на ужин к своему начальнику конницы

Лепиду, он признался в ответ на вопрос своего будущего убийцы Кассия, какую смерть он бы предпочел, что самой лучшей для него была бы смерть внезапная.

И все же не станем включаться в игры заговорщиков, которым хотелось бы а posteriori видеть в этом и предвестие его собственной участи, и еще больше — наказание за недостаток благочестия. Здесь мы прикасаемся к психологии Цезаря: он одинок, он забыл своих старых товарищей, хотя и раздает им посты и другие безделки; он хочет построить новый мир, но не доверяет людям; он хочет общаться только с богами.

Цезарь среди богов

Именно в этом Цезарь был революционером. Не то чтобы его предшественники, от Ромула до Помпея, не поддерживали с богами особых отношений, но он-то желал почти божественных почестей для себя, причем не от случая к случаю и на время, а постоянно, можно сказать, навечно. Уже в силу самого своего рождения он причислял себя к родам троянского происхождения, возводившим себя к Энею и его спутникам. Сын Энея Асканий, называемый также Юлом, некогда воцарился в Альбе Лонге, и Цезарю нравилось вызывать воспоминания об этой древней царской власти. Главное же, отныне его сопровождает Победа Цезаря (Victoria Caesaris) и дарует ему судьбу пожизненного императора, точно так же как Судьба Цезаря (Fortuna Caesaris) и Счастье Цезаря (Felicitas Caesaris) помогают ему в дни мира и во время войны. Его персоне приписывают главные политические добродетели: так же, как Брут, он стал освободителем Рима, так же, как Ромул, — его основателем. С собой он подводит итог всему прошлому Рима и намерен в себе одном, независимо от факта своего присутствия или отсутствия в столице, воплощать все будущее Города.

В частном порядке на Западе его называют богом.⁶⁴² Уже в 46 году одна из его статуй носит посвящение полубогу; и пусть даже в 45 году он приказал сбить эту надпись⁶⁴³, на статуе, установленной в храме Квирина, все равно было начертано: «Непобедимый бог» (Deus Invictus), как обычно писали об Александре. Цезарь, который по семейной традиции почитал в Бовиллах Вейовиса, юного Юпитера, обещавшего ему власть над миром, даже получает титул Юпитер-Юлий. Его золотой венок напоминает корону

Юпитера, однако он не теряет чувства меры: он знает, что только Юпитер может быть царем в Риме и только Юпитер может носить диадему. Цезарь мечтал о фламинe, отправляющем его собственный культ по образцу жреца Юпитера (*flamen dialis*), и определил на эту жреческую должность Антония, которому так и не довелось пройти «инаугурацию» при жизни Цезаря: только в октябре 40 года после соглашения в Брундизии^[177] Антоний получит посвящение в жрецы культа Божественного Юлия. Впрочем, для настоящего культа нужны были бы храмы: Цицерон не упоминает ни об одном таком.

Итак, Цезарь никоим образом не навязывал римлянам культ своей личности. Он прощупывал ситуацию, и еще неизвестно, действительно ли он пытался прививать в Риме политический культ восточного владыки или греческих героев. Конечно, на греческом востоке к нему относились, как к своим собственным царям, почитая его так же, как до него почитали и других римских военачальников. Род Цезаря был известен в Илионе и на Делосе. Статуя его отца красовалась в храме Аполлона, его собственная — в храме Ники в Траллах^[178]. После битвы при Фарсале число таких статуй растет наравне с количеством соответствующих жрецов; его величают богом в Эфесе, в Митиленах, в Деметриаде Фессалийской; в Эфесе провинция Азия объявляет его Видимым богом (*θεος ἐπιφανής*). Так что его божественность была очевидна — города, например Никея, чеканили монету с его изображением; в Александрии в 48 году построили первый Кесарион, в 47 году в Антиохии-на-Оронте поставили Цезареум со статуями богини Ромы и самого Цезаря.

Вот этого-то — то есть обилия божественных почестей, воздаваемых восточным миром, — традиционалисты тоже испугались. Италию могла захлестнуть эта новая религиозная волна, тем более что Цезаря навязчиво преследовал образ Александра и он также хотел навеки затмить славу завоевателя Востока Помпея. Разве не вел он в 46 году свой триумф на колеснице, запряженной белыми конями, как это было принято в церемониале персидских царей? Возможно, он собирался носить в Парфии царскую диадему, чтобы отстоять свое право на политическое господство и обеспечить римское завоевание. Не ошиблись ли люди в отношении его намерений, распространяя слухи, что он потребует диадему перед отъездом на парфянский фронт? Не пал ли он жертвой ловко подстроенного недоразумения? Может быть, он довольствовался бы тем, что стал бы вести себя как персидский царь у парфян, подобно тому как Августу впоследствии удалось сохранить за собой царскую власть фараонов в

Египте, куда не было доступа сенаторам, проявляя при этом в Риме полное уважение к традиционной религии?

Излишняя самоуверенность

В любом случае революционный характер замыслов Цезаря сомнению не подлежит. Если он и отказался от царского титула, то все же сосредоточил в своих руках всю полноту царской власти; и если он сохранил за Юпитером небесное царствование, то дал понять, поднимаясь все выше по пути божественности, что достаточно приблизился к Юпитеру, чтобы рассчитывать на власть над землей и умами людей. В зависимости от места действия он принимал славословия в адрес своего гения, или даймона, или, в Персии, своего «фраваша»: наложением и отождествлением этих понятий он обеспечивал посредством своей монархии единство римского мира. Но может ли монарх быть одиноким человеком? Отрезанный от своих прежних соратников, не в ладах с взбудораженным и беспокойным общественным мнением, которое было встревожено из-за того, что он на три года исчезнет в пустынях Востока; слишком уверенный в себе и своих богах, которые не могут его покинуть, — «он пал жертвой этого одиночества, которое, похоже, заставило пасть духом и его самого» (А. Пиганьоль).

Бесполезное преступление

Итак, решением Цезарева сына и наследника Августа 15 марта 44 года [644](#) было объявлено «Днем отцеубийства», а курия Помпея, место преступления, была навсегда зажата позорными стенами отхожего места (forica). [\[179\]](#) Следовало навеки вытравить из памяти это гнусное деяние, но при этом извлечь из гибели Цезаря политические уроки.

Царство страха

Объяснение этой гибели стоит искать скорее в нем самом, нежели в его противниках, скорее в страхе перед этой исключительной судьбой, нежели в решительности кровожадных заговорщиков. Страх этот, который когда-то увлек нерешительный сенат на путь имперских амбиций, теперь снова терзал нутро республиканцев, притупляя всякое чувство преданности, всякое уважение к законам божеским и человеческим.

Это был случайный заговор, неожиданное осложнение, потому что речь не шла ни о возврате к республике морализаторов и доктринеров, ни о возврате к идеалам первого Брута, ни даже об обращении к идеалам Цицерона. Просто доблесть сама по себе не способна взять власть.

Это была отчаянная защитная реакция небольшой группы людей, которая сумела тогой общественного блага прикрыть отсутствие программы действий. Они желали предъявить самим себе доказательства своего достоинства, стараясь добиться благосклонности (*captatio benevolentiae*) как людей, так и богов. Им казалось невыносимым, что всё, включая их благополучие и счастье, должно зависеть от Цезаря. Более того, они понимали, что в любом случае оказались включены в систему, в рамках которой Цезарю искусно удалось остановить историю, сделать ее неподвижной. Он назначил консулов и преторов на много лет вперед, избавив всех от неопределенности и необходимости борьбы. Сенаторов охватила депрессия: во что же теперь играть, если не в заговор? Но помимо этой мелкой и жестокой игры их постоянно одолевал безотчетный страх. Цезарь мечтал править без сенаторов, без традиций. Внешне опираясь на одну единственную партию, он на деле правил с помощью своих людей, рабов и вольноотпущенников. Так что под угрозой оказалась не столько приверженность сенаторов к служению государству, каковая сочеталась у них с экономическими интересами либо со стремлением к славе и власти, сколько само место, занимаемое ими в обществе. Все могло рухнуть полностью, и последствия могли оказаться куда более серьезными, чем от появления огромного разношерстного совета, состоявшего из 900 сенаторов.

Убийство диктатуры

Кому и чему оказалось на пользу это убийство? Разумеется, оно не

послужило делу восстановления республики, за неимением республиканцев. Уже 16 марта убийцы Цезаря были вынуждены защищаться и радовались уже тому, что не были растерзаны чернью, которая 20 марта соорудила из сенаторских скамей погребальный костер для своего кумира! Сами боги отвернулись от столь ужасного поступка и, похоже, вскоре вновь стали оказывать покровительство представителям закона и порядка. Конечно, Цезарь умер, но при этом он стал еще более велик, чем при жизни. Антоний, Лепид и Октавиан наперебой старались использовать эту смерть к своей выгоде и приписать Цезарю, к примеру, целую политику предоставления прав римского гражданства.

Вместе с Цезарем умерла также и диктатура как конституционный способ правления, хотя бы даже и в сочетании с консулатом. Под рукоплескания сенаторов Антоний упразднил ее,[645](#) а вместе с ней надолго исчезли и определенный тип поведения, и определенная ментальность. Ни разу не принял диктатуры Октавиан Август[646](#), как и ни один император после него. Сам Август постарался заставить всех забыть, что он был начальником конницы у Цезаря ввиду кампании против парфян. Он стер из памяти это ужасное прошлое, этот «День отцеубийства», потому что ему удалось при основании принципата дополнить предоставление проконсульского империя постоянным возобновлением трибунских полномочий, прибрав таким образом к рукам все слишком вопиющие атрибуты власти, которые наперебой возлагали на плечи диктатора сенаторы. Но именно благодаря этому Октавиан Август и сумел соединить свободу с режимом своей личной власти и гениальным образом создал режим, в котором соседствовали подобные несовместимые вещи.

Бесполезное преступление? «Да», если сопоставить надежды заговорщиков на восстановление нормального функционирования республиканских учреждений и реальность второго триумvirата, заключенного в 43 году в Болонье тремя военачальниками: Октавианом, Антонием и Лепидом, которые приговорили к смерти Цицерона. «Да» — для Брута и Кассия, которым удалось всего лишь воссоздать помпеянскую партию и положить начало новому периоду гражданских войн и проскрипций, которым было суждено еще более обескровить олигархические кланы. В 42 году при Филиппах «освободители» и вожди Мартовских ид избежали поражения, сведя счеты с жизнью. В конце концов в 31 году в битве при Акции один вождь (dux), один военачальник — Октавиан, положив конец восточным грезам Антония и Клеопатры, остался единственным главным действующим лицом на политической сцене, и его победа как раз и знаменовала поражение цицероновского

идеала принцепса. Кто посмел бы отныне противостоять пожизненной власти одного человека, в чем Цицерон усматривал основную черту тирании Цезаря?

Бесполезное преступление? «Да», если не забывать, что осталась цезарианская программа, пусть даже она и не была сразу же осуществлена и пришлось ждать времен Каракаллы, чтобы тема единства человеческого рода зазвучала снова. Убийство Цезаря разве что замедлило ход истории, но не остановило его.

Бесполезное преступление? «Нет», если учесть последующие исторические события. Заговорщики, не сознавая того, оказались участниками диалектического процесса, который позволил в 27 году установить монархическую власть Августа, положив в ее основание более надежные и потому более жизнеспособные установления. В них на этот раз во исполнение надежды Цицерона удалось примирить монархическую власть проконсула и демократическую власть трибуна, и эта «смешанная конституция» воплотилась в лице одного человека.

Несомненно, понадобилось, чтобы умер отец, Цезарь, для того чтобы сын, Октавиан, будущий Август, унаследовал его имя, состояние и войска, и для того чтобы этот сын навек избавился от искушения принять власть диктатора. Более того, обожествленный Цезарь открыл дорогу к обожествлению Августа: отныне его власть упрочилась и на земле, и на небесах. Так — с согласия богов и людей и под покровительством Юлия Цезаря, Божественного Юлия, — суждено было начаться веку Августа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОСЛЕ ЦЕЗАРЯ

Какой же парадокс уготовила судьба заговорщикам, как посмеялась она над ними! Да, они избавились от презренного тирана, от этого Цезаря, который после казни даже не был удостоен погребения, но они забыли, что в Аполлонии находился его внучатый племянник Октавиан — он теперь носил то же самое имя Цезаря и обеспечивал продолжение не просто родового имени (попен), но и определенной программы и чаяний. Убийцы оказались ввергнуты в водоворот гражданской войны, разразившейся сразу же после убийства. И случилось так, что именно они окончательно сгинули в «пучине» истории, либо погибнув на поле битвы при Филиппах, либо покончив с собой в безвыходной ситуации.

Цезаризм Цезаря

Цезарев цезаризм по-новому воссиял с установлением монархии Августа, сохранившей верность основным принципам того режима, который навсегда остался связан с именем своего создателя. Ведь не зря Август провозгласил себя «сыном обожествленного» (Divi filius).

Вплоть до конца существования Западной Римской империи, который был отмечен низложением Ромула Августула^[180] в 476 году н.э., все императоры носили имя «Цезарь», и подобная преемственность означала полный реванш Юлия Цезаря, ставшего основателем особой ветви рода Юлиев — Юлиев Цезарей. Понятно, почему на Западе в Священной Римской империи германцев, а затем в немецком рейхе правитель принимал титул «кайзер», а на Востоке «царь» утверждал свою гегемонию, с тем чтобы подчинить себе Константинополь. Эти производные от имени Цезаря титулы явно были призваны узаконить амбиции правителей, мечтавших сравняться в военной славе с завоевателем Галлии. А разве Виктор Гюго в «Отверженных» не бичевал Наполеона I, называя его «последним Цезарем»?⁶⁴⁷ И не для того ли сам Наполеон III обращался к истории Юлия Цезаря, чтобы гарантировать прочность своему режиму, одновременно и деспотическому, и народному? Начиная с него, за цезаризмом закрепилась дурная слава, и потому следует заранее

условиться, что понимается под словом «цезаризм»: не надо путать цезаризм самого Цезаря с цезаризмом его эпигонов в Европе нового времени.

Ж. Каркопино предложил весьма соблазнительное и точное определение цезаризма: «Режим, который лишает народ власти под радостные крики масс». Не будем забывать, что со строго юридической точки зрения Цезарь не отменил республику: он сохранил все традиционные органы с их прежними названиями, однако изменил их суть. Он конфисковал республику, что было необходимо для того, чтобы положить конец власти продажной олигархии, нещадной эксплуатации провинций сенатскими наместниками и алчности откупщиков-публиканов. Цезаризм Цезаря отвечал потребностям его эпохи, когда побежденные народы имели право дышать относительно свободно, когда их достоинство обеспечивалось децентрализацией муниципальной власти, гарантировавшей их свободу. Цезарь стремился установить мир в обществе, оказывая покровительство многочисленным семьям, давая работу пролетариям и поселяя их на бесплатно раздаваемых земельных наделах.

Он защищал стабильность этого «нового мира» принятием протекционистского таможенного тарифа, чеканкой монеты, привязанной к золотому эталону и обменивавшейся на серебряные монеты, объединением мира с помощью введения простого астрономического календаря и первого опыта общности языка. Кроме того, цезаризм означает монополию на ежедневную прессу, а также религиозную терпимость, благосклонно нейтральное отношение к сектам и, более всего, покровительство культуре и ученым. Итак, истинный цезаризм — цезаризм Цезаря — это не только политическое подавление и ущемление индивидуальной свободы. Его следует представлять себе во всей многогранности этого явления, в то время как позднейшие эпигоны оказались способны создать только пародию на цезаризм.

Цезарепатизм[648](#)

Во второй половине XIX века придумали еще один термин, также производный от имени Цезаря. Этот термин должен был обозначать присвоение императором (Цезарем), светским правителем, полномочий

духовной власти, принадлежащей главе христианской церкви.

Римский император олицетворял собой глубокое единство римской гражданской общины, ибо в нем соединялись политическая власть и религиозные функции, а императорский культ придавал сакральный характер и его личности, и его действиям. Христиане не могли принять религию гражданской общины, и уж тем более имперскую религию. Став христианской, империя дала императору Константину право вмешиваться в споры вокруг вероучения или богословия. Так был открыт путь для возникновения конфликтов между императорской властью и Церковью, которая в конце концов смирилась с этим новым слиянием в лице правителя власти духовной и преходящей, светской. Позднее, когда римское могущество на Западе ослабело, силу обрела доктрина о разделении власти: император — всего лишь один из сынов Церкви, а не епископ; в вопросах веры он подчинен епископам. Юстиниан (527-565 гг. н.э.) стремился вернуться к былому единству и, будучи императором-священником, создал государственную Церковь, организуемую и оберегаемую императором и служащую воплощением совести государства.

На Востоке Юстиниан завещал своим преемникам тот цезарепапизм, который сам унаследовал, и полномочия императора в сфере религии в полной мере сохранялись со времен Юстина II^[181] до прихода к власти Комнинов^[182]. Несмотря на иконоборческий кризис, власть василевса^[183] не претерпела изменений, и Церковь сохранила за собой лишь пастьерскую автономию, да и то относительную... На Востоке цезарепапизм обрел форму длительной традиции, подверженной лишь незначительным изменениям в зависимости от личных качеств императора и патриарха Константинопольского.

На Западе ситуация была совершенно иной: в этой чересполосице слабо структурированных королевств вообще трудно говорить о цезарепапизме. Карл Великий разделил сферы деятельности: за собой он оставил сферу активных действий, а папе уступил право молиться за успех этих действий. После Карла Великого каноническое избрание папы должно было утверждаться германским императором: тот назначал также епископов, подобно тому, как в других странах это назначение было прерогативой короля, графа и герцога — епископ стал обычным вассалом. Преемник Стефана IX Николай II^[184] восстал против принципа светской инвеституры, цезарепапизм пошатнулся, и Григорий VII возглавил «папоцезаристскую» реакцию^[185].

Так, под эгидой имени Цезаря начался вечный и неразрешимый спор

за превосходство между светской властью и властью духовной, между мечом и кропилом.

Прощание с Цезарем

С Цезарем невозможно расстаться без некоторой ностальгии. Конечно, мы не будем рыдать вместе с его рабами, которые подобрали его мертвое тело, не последуем и за теми, кто сложил костер из скамей оскверненного сената. Мы не станем смешиваться с толпой, прославлявшей у погребального костра своего защитника и кумира. Историк присутствует при этой церемонии с сухими глазами и невозмутимой душой, однако и он не может не быть поражен свершившимся чудом, ибо ему хорошо известно, что этот «никому не сын» стал «отцом всех». За исключением горстки заговорщиков и молча потакавших им политиков, представители самых разных классов общества признали себя его детьми: «Он умел подарками расположить к себе людей из всех классов, не презирая неимущих и распространяя блага своей щедрости даже на их вольноотпущенников и любимых рабов, лишь бы те пользовались благорасположением своего хозяина или патрона»⁶⁴⁹. Став Отцом Отечества, он оказался отцом отцов и господином людей, а обожествление ввело его в сонм богов. Так что историк — уже плененный военным гением Цезаря, восхищенный его политическим умом, потрясенный достижениями культуры, которые тот смог создать и внедрить, — тоже чувствует себя осиротевшим, когда 15 марта 44 года в 11 часов утра в курии Помпея погибает один из тех Гигантов, что были творцами Истории.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Заметки об изображениях Цезаря

Речь здесь не идет о том, чтобы рассмотреть во всей полноте иконографическое досье Цезаря, которое многие ученые, начиная с Ж. Ж. Бернулли⁶⁵⁰ и вплоть до О. Вессберга⁶⁵¹ и Л. Курциуса⁶⁵², нередко трактовали противоположным образом.

Нам хотелось бы только поставить вопрос о соотношении между зачастую противопоставляемыми друг другу изображениями диктатора на монетах и его скульптурными портретами, а также провести различие между прижизненными портретами Цезаря и теми, что были выполнены после его убийства, в контексте идеологии второго триумvirата и начала империи Августа.

Изображения на монетах

Комментируя публикацию портрета Юлия Цезаря, найденного на Фасосе, Ф. Шаму⁶⁵³ обратил внимание на почти карикатурную нарочитость изображения черт диктатора на монете, датируемой февралем 44 года. Он пишет: «Над длинной, тощей и морщинистой шеей возвышается исхудалое лицо с выступающими скулами, с изборожденными глубокими морщинами щеками, с высоким морщинистым лбом». Можно ли считать это изображение моментальным фотографическим снимком пятидесятилетнего человека, прошедшего через военные, политические и любовные авантюры, столь частые в его полной событиями жизни? Следует ли считать абсолютно достоверными эти вырезанные в реалистическом духе изображения, которым мы обязаны посредственным художникам⁶⁵⁴, работавшим для коллегии четырех мужей (quattuorviri), ведавшей монетным делом в этом году? Ведь экземпляры, отчеканенные М. Меттием⁶⁵⁵, Л. Эмилием Букой⁶⁵⁶, П. Сепуллием Макром⁶⁵⁷ и Г. Коссуцием Маридианом⁶⁵⁸, далеко не одинаковы и не все они рисуют

облик диктатора столь суровым. Достаточно обратиться к илл. LVI и LVII в труде М. Г. Кроуфорда, чтобы значительно смягчить описание Ф. Шаму: шея действительно тощая, с выступающим адамовым яблоком; вокруг рта действительно глубокие морщины; но в целом лицо вовсе не слишком морщинистое, оно отмечено выражением глубокого спокойствия и, несомненно, соответствует реалистическому направлению римского искусства.

Карикатурный реализм всегда можно списать на посредственный уровень некоторых резчиков, и это вынуждает быть осторожнее в поисках прямого соответствия между оригиналом и портретами на монетах. Более того, заметные отличия в изображении лица диктатора на различных монетах одной и той же чеканки позволяют предположить наличие нескольких групп художников на монетном дворе. Этим может объясняться и то, что некоторые чеканили «переходный» тип уже после Мартовских ид, как свидетельствуют денарии 43 года Л. Фламиния Хилона и денарии 42 года Л. Ливиния Регула⁶⁵⁹. Как бы то ни было, реалистичность изображения на монете позволила отнести один из скульптурных портретов Юлия Цезаря к числу тех, что были сделаны при его жизни.

Скульптурные портреты

Специалисты выделили в основном два типа серийных портретов. Это тип Кампо Санто из Пизы, к которому относится полдюжины портретов, лучший из которых тот, что хранится в музее Кьяромонти в Ватикане. Этот идеализированный тип портрета может быть датирован 30-20-ми годами, в то время как портреты, входящие в серию типа Торлония и выражающие стремление к реализму, напоминающему реализм монет, следовало бы датировать последними годами жизни Цезаря, либо временем непосредственно после его смерти, хотя в вопросе о датировке исследователи пока не пришли к единому мнению⁶⁶⁰.

Понятно, почему мы не стали приводить здесь ни одного из этих портретов для того, чтобы оценить, каким было обаяние диктатора при жизни, а также отринули все те портреты, которые, по меткому выражению Ф. Шаму⁶⁶¹, отмечены агиографическим преобразованием. Наш выбор остановился на портрете Юлия Цезаря из Тор-д'Алье, который ныне хранится в Туринском музее, а происхождение свое ведет из раскопок

Люсьена Бонапарта в Тускуле. По мнению автора его первой публикации[662](#), этот портрет восходит к последним годам, а то и к самому последнему году жизни диктатора. Такая датировка в настоящее время пользуется всеобщим одобрением[663](#).

Явно выраженная лысина соответствует замечанию Светония[664](#) о том, что Цезарь тяжело переживал утрату волос, которую впоследствии создатели идеализированных портретов стали скрывать искусно расположенными прядями, предвещавшими прически времен Августа. Худоба шеи и лица, морщины на лбу и на подбородке, глубокие борозды, идущие от носа к подбородку, — все эти черты, которые свидетельствуют о внутреннем напряжении, являющемся знаком превосходства, не вредят красоте и обаянию, которые сохранились вплоть до Мартовских ид, что показывают также и портреты на монетах этого времени.

Итак, портрет из Тор-д'Алье достоверно передает образ «лысого развратника»[665](#): он вполне заслуженно красуется на обложке этой книги[666](#).

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Заметки о Цезаре-писателе

Говоря о Цезаре-писателе, мы, казалось бы, открываем для себя еще одного Цезаря, однако на деле это дает возможность лучше понять многогранность его личности и в конечном счете продемонстрировать ее глубокую цельность.

Юлий Цезарь как оратор

По полученному воспитанию и своим вкусам Цезарь принадлежал к римской «интеллигенции», которая им восхищалась. В Цезаре, получившем образование⁶⁶⁷ в Риме у грамматика и ритора М. Антония Гнифона, а затем учившемся на Родосе у знаменитого Аполлония Молона, современники ценили блестящий ум, глубокие знания философии и истории, грамматики и риторики⁶⁶⁸. Тонкий ценитель и собиратель произведений искусства⁶⁶⁹, он мог цитировать наизусть греческую поэзию^[186] и любил бывать в компании поэтов. Все в Риме могли испытать на себе неодолимую силу его речей и высоко ставили его талант оратора. Говорил он «голосом звонким, с движениями и жестами пылкими, но приятными»⁶⁷⁰. Умея завладевать вниманием своих слушателей, Цезарь-полководец пользовался своим даром оратора для того, чтобы унять взбунтовавшихся солдат. Цицерон⁶⁷¹ считал его красноречие изящным, исполненным блеска и даже великолепия, с оттенком врожденного благородства. Квинтилиан⁶⁷² утверждает, что если бы Цезарь смог посвятить себя исключительно судебному красноречию, «не нашлось бы другого римлянина, которого можно было бы поставить против Цицерона. В речи его была такая сила, такая проникновенность, такой пыл, что казалось, будто в речах он проявлял ту же решимость, что и на поле боя». Это ценное свидетельство о цельности личности человека, который в первую очередь всегда оставался солдатом.

Автор «записок»

Общее название «Записки» объединяет большую часть написанного Цезарем: *C. Iulii commentarii rerum gestarum*:

Книги I-VII: «Записки о Галльской войне». Книга VIII: написана его офицером Гирцием. Книга IX: две книги «Записок о Гражданской войне», опубликованные в 49 году.

Книга X: третья книга «Записок о Гражданской войне», изданная в 48 году.

Три отдельных свитка были посвящены Александрийской войне (*Bellum Alexandrinum*), Африканской войне (*Bellum Africum* или *Africanum*) и Испанской войне (*Bellum Hispaniense*). Эти книги, написанные в штабе Цезаря, входят составной частью в корпус Цезаревых сочинений (*Corpus Caesarianum*). Несмотря на то, что они отражают точку зрения Цезаря на военные и политические события и исходят из близкой ему культурной среды, здесь их принимать в расчет не стоит.

«Записки» представляют собой памятные заметки, написанные во время различных военных кампаний, и не ставят, в отличие от жанра «Истории», специальных литературных задач. Мы приняли точку зрения, что книги публиковались отдельными выпусками, и это позволяет учесть различия в стиле, которых бы не было, будь первые семь книг написаны в один присест в конце 52 года, когда Цезарь находился на зимних квартирах в Бибракте. Существующая редакция «Галльской войны» свидетельствует о том, что композиция изменялась, постепенно становясь более простой и свободной. Так что работа над этим сочинением растянулась на довольно долгое время, и это позволяет проследить развитие стиля, выразившееся в подборе слов, имевшем в глазах Цезаря решающее значение. Например, выражение *ab imo acclivis* (BG, 111, 19) уступает место выражению *ab infimo acclivis* (BG, VII, 19, 1).^[187] Следует также отметить, как постепенно сглаживаются шероховатости стиля, заметные в Книге I.

В этих памятных записках собран разнородный материал: письма и донесения командиров Цезарю, официальные донесения Цезаря сенату. При написании «Записок» Цезарь руководствовался задачами пропаганды, а также стремлением к точности и краткости⁶⁷³. Проявления эмоций редки, за исключением двух случаев: когда у Диррахия цезарианцев

охватила паника при известии о прибытии к помпеянкам подкреплений (BC, III, 69, 4) и при описании разгрома Куриона (BC, II, 41, 8: plena erant omnia timoris et luctus — «все было полно страха и печали»). Только в Книге VII Цезарь прибегает к использованию прямой речи (oratio directa) для передачи слов Критогната (BG, VII, 77) или Верцингеторига (BG, VII, 20) — все это для того, чтобы усилить драматизм эпизода. Цезарь скорее стремится не к достижению художественного эффекта, а выстраивает с помощью порывистости своего стиля логичный рассказ, который призван заставить читателя оценить его качества военачальника, преданность его солдат и, по выражению М. Рамбо, «плебисцитное одобрение» его действий завоеванными или освобожденными им народами.

Изыщество стиля

К силе убеждения, которая должна была привлечь читателя на его сторону, пусть и ценой явного искажения исторических фактов, Цезарь добавляет «восхитительное изыщество речи, которая была предметом его постоянных забот»⁶⁷⁴. Цезарь был пуристом, отвергавшим «любые необычные или редко используемые слова подобно тому, как на море избегают рифов»⁶⁷⁵. Даже описывая свои заморские кампании, он тщательно избегает экзотических слов. Он не пользуется техническими военными терминами и словами из лексикона солдат. Он стремится к простоте и ясности, и в этом ему помогают логичные и краткие фразы. Исповедуя позицию пуриста, отстаиваемую им в посвященном Цицерону трактате «Об аналогии», он далек от жеманных азианистов; он придерживался классического стиля и тяготел к аттицистам.^[188] Он не допускал использования просторечных выражений⁶⁷⁶ и считал, что каждому понятию соответствует только одно слово. Хотя он и прибегает порой к оборотам административной речи и не боится пожертвовать слогом ради некоторой красочности описания, он постоянно следит за тем, чтобы стиль придал изыщества повествованию, задача которого — отвести Цезарю, упоминаемому в третьем лице, главную роль в развитии событий. В противовес стоицизму Катона Цезарь оставался эпикурейцем, обращенным к действию. Будучи одновременно и автором, и героем, он поставил свое перо на службу собственным амбициям и своей революционной идеологии.

В целом, благодаря своему исполненному страстности (calor⁶⁷⁷) стилю и быстроте (celeritas) письма Цезарь ведет рассказ так же, как ведет сражение, горячо и страстно. На поле битвы, как и на Форуме и в сенате, он, как цельная натура, всегда остается самим собой. Достоинства писателя раскрывают еще одну сторону его обаяния и придают блеска другим граням его харизмы.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЦЕЗАРЯ

- 101, 13 июля — родился в патрицианской семье.
- 85 — обручение с Коссуцией и расторжение помолвки.
- 84 — женитьба на Корнелии, дочери Л. Корнелия Цинны (умерла в 69 году).
- 82 — отказ подчиниться Сулле прогнать свою супругу Корнелию.
- 80 — начало военной службы в свите М. Минуция Терма.
- 74 — участие в войне против Митридата; избрание военным трибуном.
- 69 — избрание на должность квестора; начало политической карьеры.
- 65 — женитьба на Помпее, племяннице Суллы (развелся в 61 году); избрание эдилом.
- 63 — избрание верховным жрецом (понтификом).
- 62 — избрание на должность претора.
- 61-62 — управление провинцией Испания.
- 60 — заключает вместе с Помпеем и Крассом триумвират.
- 59 — избрание консулом на этот год.
- 58 — назначение в качестве проконсула Цизальпинской Галлии, Иллирика и Трансальпийской Галлии.
- 58-51 — завоевание всей Галлии, экспедиция за Рейн и в Британию; создание «Записок о Галльской войне».
- 58, август — сентябрь — победа над Ариовистом.
- 55, 21 августа — 29 сентября — победоносные сражения против бриттов.
- 53 — гибель Красса и ослабление союза с Помпеем.
- 52, сентябрь — победа над Верцингеторигом.
- 49, 12 января — переход через Рубикон и начало гражданской войны (борьба за единовластие).
- 49, апрель — декабрь — испанская кампания и взятие Марселя.
- 49, ноябрь — вручение полномочий диктатора.
- 48, 9 августа — битва при Фарсале, разгром войск Помпея.
- 47 — военные действия и встречи с царицей Клеопатрой в Египте.
- 47, 2 августа — победа над боспорским царем Фарнаком.
- 46, апрель — победа над помпеянами в Африке: создание сочинения «Против Катона».
- 45, февраль — победа над помпеянами в Испании.

45, *октябрь* — пятый триумф в Риме (первые четыре триумфа, ознаменовавшие победы над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой, следовали в период с конца августа по конец сентября 46 года).

45-44 — дарование титула «император» с правом передачи его потомкам и титула «Отец Отечества»; реформа государственного строя.

44, *15 марта* — убийство Цезаря заговорщиками во главе с Брутом и Кассием.

БИБЛИОГРАФИЯ

Предлагать библиографию, посвященную Цезарю, одновременно и легко, и неловко. Если бы мы попробовали собрать воедино данные как обо всех изданиях этого уникального автора, так и обо всех трудах общего характера или статьях по конкретным вопросам, то из одних названий получился бы целый справочный том. Мы же хотим просто помочь читателю сориентироваться в подобном лабиринте. Наша выборка может показаться поверхностной; конечно, за ней кроется куда больше изученных публикаций, но, как с юмором заметил К. Гудино (с. 353), жизнь коротка, и у каждого из нас она только одна.

СОКРАЩЕНИЯ

ANRW = Aufstieg und Niedergang der romischen Welt, Berlin.

BRGK = Bericht der Romisch-Germanischen Konjission des Deutschen Archaologischen Institute, Mainz.

Broughton. MRR = *Broughton*. The Magistrates of Roman Republic.

Цезарь. BA = Caesaris Bellum Alexandrinum (*Цезарь*. Александрийская война).

Цезарь. BAfr. = Caesaris Bellum Africanum (*Цезарь*. Африканская война).

Цезарь. BC = Caesaris Bellum Civile (*Цезарь*. Гражданская война).

Цезарь. BG = Caesaris Bellum Gallicum (*Цезарь*. Записки о Галльской войне).

CIL = Corpus Inscriptionum Latinarum.

CRAI = Compte rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres.

Crawford. RRC = *Crawford*. Roman Republic Coinage.

Dig. = Digesta (Дигесты Юстиниана).

FIRA = Fontes Iuris Romani Antejustiniani.

HAnt = Hispania Antiqua, Valladolid.

ILLRP = Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae, Degrassi.

ILS = Inscriptiones Latinae selectae, Dessau.

LEC = Les Etudes Classiques, Namur.

PECS = The Princeton Encyclopaedia of Classical Sites.

QS = Quaderni di Storia, Bari.

RA = Revue archeologique, Paris.

RAN = Revue archeologique de Narbonnaise, Montpellier.

RE = Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.

REA = Revue des Etudes Anciennes, Bordeaux.

REG = Revue des Etudes Grecques, Paris.

RG = Res Gestae divi Augusti.

ИСТОЧНИКИ

Литературные

Существует множество изданий трудов Цезаря и *Corpus caesarianum*, и каждый выпуск библиографического ежегодника «*Annee philologique*» приносит обильный урожай новых данных.

Мы в основном ориентируемся на тома, изданные в серии *Collection des Universites de France*, известной под названием «собрания Гийома Бюде» и входящей в число лучших изданий античных текстов. Мы используем следующие издания:

«Записки о Галльской войне», изд. в 2 т. Л. Констана (L. Constans). Париж, 1926. переизд. 1967.

«Гражданская война», изд. в 2 т. П. Фабра (P. Fabre). Париж, 1936, переизд. 1965.

«Африканская война», изд. А. Буве (A. Bouvet). Париж, 1949.

«Александрийская война», изд. Ж. Андрие (J. Andrieu). Париж, 1954.

Не следует упускать из виду также и издания, вышедшие под ред. М. Рамбо (V. Rambaud) в серии «*Erasmе*».

«Испанская война» в серии CUF не переводилась. Мы рекомендуем изд. Г. Паскуччи (G. Pascucci). Флоренция, 1965.

Для того чтобы получить общее представление о состоянии исследований, проводившихся до 1970 г., см.: Kroyman J. *Caesar und das Corpus Caesarianum in der neueren Forschung (1945-1970)* // ANRW, I, 3, Берлин, 1973. С. 457-487.

Нумизматические

Последнее авторитетное издание: Crawford M.H. *Roman Republican Coinage*, в 2 т. Кембридж, 1974; где подвергаются критике работы А. Альфельди (A. Alföldi), упомянутые в разделе «Исследования».

Археологические

Самая новая работа обобщающего характера была совсем недавно опубликована П. Гро: Gros P., *L'architecture romaine du debut de IIIe siecle av. J.-C. a la fin du Haut Empire, I. Les monuments publics* (Париж, 1996). См. главы, написанные им же в соавторстве с М. Торелли (M. Torelli): *Storia dell'Urbanistica. Il mondo romano*, Рим — Бари, 1988, с. 170 сл. и 184 сл.

Полезны также издания: С.М. Amici. *Il Foro di Cesare*, в 2 т. Флоренция, 1991 и статья *Forum Iulium* (С. Morselli) в словаре *Lexicon Topographicum Urbis Romae, II, D — G*, Рим, 1995. С. 299-306.

Иконографические

Ссылки на издания приводятся в Приложении I.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Adcock F.E. Caesar as a man of letters, Cambridge, 1956. Alföldi A. Caesar in 44 v. Chr., 1. Studien zu Caesars Monarchie und ihren Wurzeln, aus dem Nachl. hrsg. von H. Wolff, mit einem Anh. von W. Leschhorn (Antiquitas, R. 3, XVI), Bonn, 1985.

Alföldi A. Caesariana. Gesammelte Aufsätze zur Geschichte Caesars und seiner Zeit, aus dem Nachl. hrsg. von Alföldi — Rosenbaume (Antiquitas, R. 3, XXVI), Bonn, 1984.

Bernoulli J.-P. Caesar (Erträge der Forschung, 51), Darmstadt, 1976.

Berthier A. et Wartelle A. Alesia, avec préface de J.-M. Croisille, Paris, 1990.

Caesar / hrsg. von D. Rasmussen (Wege der Forschung, XLIII), Darmstadt, 1967.

Canali L. Personality e stile di Cesare, Roma, 1966.

Carcopino J. Jules Cesar, 6e ed., avec la collaboration de P. Grimal, Paris, 1990.

Carcopino J. Profils de conquerants, Paris, 1961.

Carcopino J. Alesia et les ruses de Cesar, 2e ed., Paris, 1970.

La culture in Cesare (Atti del convegno internazionale di studi Macerata-Matejica, 30 avril — 4 mai 1990) / a cura di D. Poli, Roma, 1993.

Etienne R. Les Ides de Mars. L'assassinat de Cesar ou de la dictature? Paris, 1973.

France J. Espace géographique, méthode historique et textes anciens. L'exemple du Bellum Gallicum de Cesar // QS, XV, 1989, c. 89-118.

Gelzer M. Caesar, der Politiker und Staatsmann, 6C Aufl. (первое изд. 1960), Stuttgart, 1983.

Gelzer M. Politician and Statesman (transl. by P. Needham), Oxford, 1968.

Gesche H. Caesar (Erträge der Forschung, 51), Darmstadt, 1976.

Gonzalez Roman G., Marina Diaz M A. El Bellum Hispaniense y la romanización del sur de la Peninsula // HAnt., XI-XII, 1981-1985, c. 17-35.

Gotter U. Der Diktator ist tot! Stuttgart, 1996.

Goudineau Chr. Cesar et la Gaule, Paris, 1990.

Goudineau Chr. La guerre des Gaules et l'archéologie // CRAI, 1991, c. 641-653.

Harmand J. Une campagne césarienne: Alesia, Paris, 1967.

Harmand J. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère, Paris,

1967.

Horst E. *Cesar, une biographie* (traduit de l'allemand par D. Meunier), Paris, 1981.

Jal P. *L'imperialisme romain: observations sur les temoignages litteraires latins de la fin de la Republique romaine* // *Ktéma*, VII, 1982, c. 143-150.

Kahn A.D. *The education of Julius Caesar. A biography, a reconstruction*, New York, 1988.

Le Bohec Y. *Cesar* (*Que sais-je?*, 1011), Paris, 1994.

Le Gall J. *Alesia: archeologie et histoire*, Paris, 1963, переизд. 1990.

Madaule J. et alii. *Jules C6sar (Genies et Realites)*, Paris, 1961.

Meier C. *Cesar*, пер. на фр., Paris, 1989.

Meyer Ed. *Caesar's Monarchie und das Prinzipat des Pompeius*, Stuttgart — Berlin, 1918, 2e ed., 1919.

Mutschler F.M. *Erzahlstil und Propaganda in Caesars Kommentarien* (*Heidelberg Forsch.*, XV), Heidelberg, 1975.

Napoleon Bonaparte L. *Precis des guerres de Jules Cesar*, Paris, 1836.

Napoleon III. *Histoire de Jules Cesar, I-III*, Paris, 1865-1887.

Nicolet Cl. *Rome et la conquete du monde mediterraneen*, 1. *Les structures de l'Italie romaine*, Paris, 1977, 4e ed., 1991; 2. *Genese d'un empire*, Paris, 3e ed., 1991.

Nicolet Cl. *Le metier de citoyen dans la Rome republicaine*, Paris, 1976.

Nicolet Cl. et Rambaud M. *Cesar, 101-44 avant J.-C.* // *Encyclopaedia Universalis*, Paris, 1990, c. 256-261.

Oppermann H. *Caesar*, Hambourg, 1968.

Peman C. *Nuevo ensayo de interpretacion de la topografla del Bellum Hispaniense* // *Homenaje Garcia y Bellido (Gerion, Anejos I) V*, 1988, c. 35-80.

Piganiol A. *La conquete romaine (Peuples et civilisations, III)*, Paris, 5e 6d., 1967.

Presence de Cesar (Actes du colloque des 9-11 decembre 1983. Hommage au doyen Michel Rambaud, ed. par R. Chevallier) (*Caesarodunum, XX bis*), Paris, 1985.

Rambaud M. *L'art de la deformation historique dans les Commentaires de C6sar*, Paris, 1952, 2e ed., 1966.

Rambaud M. *Cesar* // *Actes Congres Bude (Lyon, 1958)*, Paris, 1960, c. 205-238.

Rambaud M. *Cesar* (*Que sais-je?*, 1049), Paris, 1963, 2e ed., 1967.

Rambaud M. *Le camp de Fabius pres d'Ilerda. Un probleme cesarien (Bellum civile, I, 40)* // *LEC, Namur, XLIV*, 1976, c. 25-34.

Rambaud M. *Les marches de Cesariens vers l'Espagne au debut de la guerre*

civile // Melanges Heurgon, 1976, c. 845-861.

Rimbaud M. Autour de Cesar (textes reunis par M. Bonjour et J.-C. Fredouille), Lyon, 1987.

Ross-Taylor L. La politique et les partis a Rome au temps de Cesar (trad. E. et J.-C. Morin), Paris, 1977.

Semi F. 11 sentimento di Cesare, Guida di cultura contemp., Padova, 1966.

Strasburger M. Caesar im Urteil der Zeitgenossen // Hist. Zeitschrift, 175, 1953, c. 225-264.

Syme R. The Roman Revolution, Oxford, 1939, переизд. 1952; фр. пер. R. Stuveras, Paris, 1967.

Thevenot R. Les Eduens n'ont pas trahi. Essai sur les relations entre les Eduens et Cesar au cours de la guerre des Gaules et particulierement au cours de la crise de 52 (collection Latomus, L), Bruxelles, 1960.

Walser G. Caesar und die Germanen: Studien zur politischen Tendenz romischer Feldzugsberichte (Historia, Einzelschr. I), Wiesbaden, 1956.

Walter G. Jules Cesar, Paris, 1947.

Weinstock S. Divius Iulius, Oxford, 1971.

Wickert L. Caesars Monarchic und der Prinzipat des Augustus // Jahrbucher fur antike und deutsche Bildung, 1941, c. 12-23.

Will W. Julius Caesar, eine Bilanz, Koln, 1992.

Yavetz Z. La Plebe et le Prince. Foule et vie politique sous le Haut Empire romain, Paris, 1984 (Oxford, 1969).

Yavetz Z. Cesar et son image: des limites du charisme en politique (trad, par E. Barnavi), Paris, 1990.

Zecchini G. L'immagine di Cesare nella storiografia moderna // Aevum Antiquum, 4, 1991, c. 227-254.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ардашев П. Н. Переписка Цицерона как источник для истории Юлия Цезаря от начала столкновения последнего с Сенатом до его смерти. М., 1890.

Богоявленский А. А. Военное дело у римлян по Цезарю. Тифлис, 1884.

Буассье Г. Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря // Гастон Буассье. Собр. соч. Т. 1. СПб., 1993.

Грималь П. Цицерон. М., 1991.

Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991.

Корнилова Е. Н. «Миф о Юлии Цезаре» и идея диктатуры. М., 1999.

Моммзен Т. История Рима. Т. 111. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. СПб., 1994.

Наполеон. История войн Цезаря. М., 1836 (2-е изд., 1865).

Наполеон III. История Юлия Цезаря. В 2 т. СПб., 1865-1866.

Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1973.

Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976.

Ферреро Г. Юлий Цезарь. М., 1916 (переизд. Ростов н/Д., 1997).

АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Л. Анней Флор. Эпитомы римской истории // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. Луций Анней Флор — историк Древнего Рима, Воронеж, 1977.

Аппиан. Гражданские войны (пер. под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера) // Аппиан. Римские войны. СПб., 1994.

Апулей. Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии. Метаморфозы. Флориды. Пер. М. А. Кузмина и С. П. Маркиша. М., 1956.

Веллей Патеркул. Римская история // Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. Воронеж, 1985.

Тит Ливий. История Рима от основания Города. В 3 т. М., 1989-1993.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. 2-е изд. Под ред. С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова, С. П. Маркиша. М., 1994.

Г. Саллюстий Крисп. Сочинения. Пер. В. О. Горенштейна. М., 1981.

Г. Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1964 (многочисленные переизд.).

Страбон. География в 17 книгах. Пер. и коммент. Г. А. Стратановского. М., 1964 (переизд., 1994).

М. Туллий Цицерон. Брут (пер. И. П. Стрельниковой) // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1994.

М. Туллий Цицерон. Диалоги. Пер. В. О. Горенштейна. М., 1966.

М. Туллий Цицерон. О дивинации. О природе богов. Пер. М. И. Рижского // Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.

М. Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Пер. В. О. Горенштейна. М., 1974.

М. Туллий Цицерон. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Пер. и коммент. В. О. Горенштейна. В 3 т. М.; Л., 1949-1951 (переизд. 1994).

М. Туллий Цицерон. Речи. В 2 т. Пер. В. О. Горенштейна. М., 1962 (переизд. 1993).

М. Туллий Цицерон. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. Пер. В. О. Горенштейна. М., 1999.

Г. Юлий Цезарь. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о

Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне. Пер. и коммент. М. М. Покровского. М.; Л., 1948 (многочисленные переизд.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга первая

Глава I

1 с. 42. Появившийся на свет... без всякого кесарева сечения

Название «кесарево сечение» является результатом неправильного этимологического толкования термина «sectio caesarea», где caesarea — производное не от имени Caesar, а от причастия прошедшего времени caesus глагола caedere — «сечь, резать». Так, «ab utero caesus» (Плиний) означает «извлеченный из матки при помощи разреза». В Древнем Риме эту операцию производили в основном в случае смерти роженицы ради спасения еще живого плода.

2 с. 42. Г. Юлий Цезарь

Имя римского гражданина включало три элемента: личное имя (praenomen), родовое имя (nomen) и семейное прозвище (cognomen), полученное обычно родоначальником данной ветви рода. Когномен Caesar, возможно, происходит от корня, общего с «caesaries» — «пышные кудри», что придавало дополнительную пикантность шуткам современников по поводу плешивости Цезаря. Женщины в качестве личного имени носили родовое, поэтому и тетку, и дочь Юлия Цезаря звали Юлией.

Мужских личных имен было мало, и они обычно писались сокращенно. Этой традиции следует и автор данной книги. Приводим таблицу сокращений.

Лат. сокращение | Лат. написание имени | Рус. сокращение | Рус. написание имени

A. | Aulus | А. | Авл

C. | Gaius | Г. | Гай

Сп. | Gnaeus | Гн. | Гней
D. | Decimus | Д. | Децим
L. | Lucius | Л. | Луций
M. | Marcus | М. | Марк
M' | Manius | М' | Маний
P. | Publius | П. | Публий
Qu. | Quintus | Кв. | Квинт
Sept. | Septimus | Септ. | Септим
S. | Servius | С. | Сервий
Sex. | Sextus | Сек. | Секст
Sp. | Spurius | Сп. | Спурий
T. | Titus | Т. | Тит
Ti. | Tiberius | Ти. | Тиберий

3 высшие магистратуры

Замещение должностей (магистратур) регламентировалось в Риме обычаями и законами, хотя реальная жизнь знала немало исключений из этих правил. В 180 г. до н.э. был принят Виллиев закон (*lex Villia annalis*), установивший следующий порядок: магистратуры предоставлялись только после военной службы, с промежутком в три года после каждой из них; квестором можно было стать в возрасте не менее 30 (или 27) лет, эдилом — не ранее 36, претором — не ранее 39, консулом — не ранее 42 лет. Соответствующие законы принимались и в дальнейшем, наиболее известен Корнелиев закон о магистратах, проведенный Суллой в 81 г. до н.э. Бывший консул назывался консуляром, бывший претор — преторием, бывший эдил — эдилицием, бывший квестор — квесторием.

Промагистраты...

4 с. 43. в сопровождении весталок

Весталки пользовались правом заступничества за приговоренных к смерти.

5 с. 43. Еще раньше некоторые из оптиматов ополчились против преданных Марию плебейских трибунов Сатурнина и Главци

Л. Аппулей Сатурнин, будучи плебейским трибуном в 103 и 100 гг. до н.э., провел аграрный закон о наделении землей ветеранов Мария и об организации колоний в различных провинциях. Г. Сервилий Главция был претором и провел закон о привлечении к суду за злоупотребления наместников провинций, усиливавший власть всадников в противовес

знати. Эти законы столкнулись с резким противодействием сената, обострившимся в ходе кампании по выборам консулов 99 г. до н.э., в которую ввязался Главция.

6 с. 43. матери, которая проявлю характер под стать матери Гракхов

Мать трибунов Тиберия и Гая Гракхов Корнелия (дочь Сципиона Африканского) была высокообразованной женщиной и посвятила всю жизнь своим детям, их воспитанию, а затем поддержке в общественной деятельности. В литературе она изображается как образец добродетельной римлянки, проявляющей целомудрие и стойкость характера.

*7 с. 44. * ряд ограничений, несовместимых с политическими амбициями*

Так, фламин Юпитера не имел права садиться на коня, осквернять свой взор лицезрением войска, носить перстень, а также отлучаться из Рима более чем на два дня. Он должен был происходить от родителей, сочетавшихся браком по обряду *confarreatio*, который фактически исключал расторжение брака. Это условие в случае Цезаря было соблюдено, так как его родители вступили в брак именно по этому древнему обряду. Однако сам фламин также должен был последовать их примеру, что скорее всего не очень устраивало Цезаря. При этом он должен был выбрать себе супругу из патрицианской семьи. Именно поэтому невеста из всаднической семьи могла послужить Цезарю благовидным предлогом для того, чтобы избежать столь обязывающей должности.

*8 с. 45. * Он привел флот из Вифинии, добыл себе воинский венок при взятии Митилен*

М. Минуций Терм должен был покарать жителей г. Митилены (на о. Лесбос), оказавших поддержку Митридату в войне с Римом. Цезарь был послан Термом в Вифинию к царю Никомену, который, будучи союзником Рима, обещал прислать флот, необходимый для морской блокады Митилен, но всячески задерживал его отправку. Цезарь блестяще выполнил свое поручение и привел флот, покорив, как говорят, и самого Никомена (см. кн. I, гл. III). Митилены были взяты приступом, и за отличие при штурме города Цезарь получил венок из дубовых листьев (*corona civica*), присуждавшийся обычно воину, спасшему в сражении жизнь римского гражданина (см. также кн. III, гл. IV).

*9 с. 45. * когда Тулл Гостилий захватил город*

Тулл Гостилий, третий царь Рима (672-640 гг. до н.э.), завоевал и разрушил Альбу Лонгу и поселил ее жителей на Целиевом холме в Риме (юго-восточная часть Города).

*10 с. 45. * были приписаны к Фабиевой трибе*

Трибы (от лат. tres — «три») — основная единица территориально-административного деления в Риме. Согласно легенде, основатель Рима Ромул разделил все население Города на три трибы — Рамнов, Тициев и Луцеров. Есть предположение, что первые объединяли латинов, вторые — сабинян, а третьи, возможно, выходцев из Этрурии. В V в. до н.э. число триб возросло до 4 городских и 16 сельских, а с 241 г. до н.э., с учетом роста Города, были утверждены 35 триб. Это число сохранялось и во времена Цезаря. Выразителем воли трибы считались трибутные комиции, то есть собрания, в которых имели право участвовать все граждане, приписанные к данной трибе, независимо от сословной принадлежности и имущественного ценза. Голосование в трибах происходило поголовно (все 35 одновременно), а затем подсчитывалось общее число триб, голосовавших «за» и «против». В трибутных комициях избирались квесторы, курульные эдилы, часть военных трибунов и различные низшие магистраты.

*11 с. 46. * в сражении у Коллинских ворот*

Коллинские ворота — северные ворота Рима. После смерти Мария Сулла, победивший Митридата на Востоке, высадился на юге Италии с 30 тысячами пехоты и 6 тысяч конницы и в 82 г. до н.э. с боем вошел в Рим через Коллинские ворота, после чего оставался диктатором в Городе вплоть до своего отречения в 79 г.

*12 с. 46. * не является ли само имя Суллы сокращением от имени Сивилла?*

Предки Суллы носили изначально имя Руфин («рыжий»), однако, начиная с прапрадеда Суллы, фламينا Юпитера П. Корнелия, они стали носить новый cognomen — Сулла (Sulla), по смыслу означавший нечто вроде «свиное мясо» и скорее всего намекавший на цвет лица первого носителя этого прозвища. Стараясь облагородить свое имя, Сулла способствовал распространению слухов о том, что Сулла (в написании Sylla) — это сокращение от имени Сивилла (Sibylla), поскольку его прадед, сын фламينا, получил от сената поручение проверить предсказание

«Сивиллиных книг» и решить, следует ли проводить игры в честь Аполлона. Этимологически и исторически такое объяснение не подтверждается.

13 с. 47. * *Город Сегеста близ горы Эрик перешел на сторону римлян...*

Этот город на западе Сицилии перешел на сторону римлян в 263 г. до н.э. в начале Первой Пунической войны. На горе Эрик находилось почитаемое святилище Венеры Эрицинской, культ которой был перенесен в Рим во время Второй Пунической войны, с чем и связано сооружение упомянутых храмов, посвященных этой богине.

14 с. 47. * *поэзия Невия и Энния*

Гн. Невий (Gn. Naevius, ок. 265 — ок. 201 г. до н.э.) — поэт из Кампании, автор трагедий и комедий. В ряде своих произведений, и прежде всего в эпической поэме «Пуническая война», Невий обратился к теме происхождения Рима, в частности к судьбе Энея после Троянской войны.

Кв. Энний (Qu. Ennius, 239-169 гг. до н.э.) — один из наиболее значительных римских поэтов, создатель латинского гекзаметра, писатель и преподаватель. Основное сочинение Энния — поэма «Анналы», служившая национальным эпосом вплоть до появления «Энеиды» Вергилия. В 18 книгах поэмы описывалась история Рима от бегства Энея из Трои до современной Эннию эпохи. Энний писал также трагедии, комедии, стихи и эпиграммы.

15 с. 47. * *Марий Младший*

Г. Марий Младший (109-82 гг. до н.э.) — сын знаменитого Гая Мария (Старшего), павший в сражении против Суллы.

Глава II

16 с. 48. * *императоры-военачальники*

В период Республики термин «империй» (*imperium*) обозначал высшее военное командование в каком-либо регионе, а слово «император» (*imperator*) было почетным титулом военачальника, обычно присваиваемым ему за определенные военные заслуги солдатами его войска. Впоследствии

слово «император» стало относиться к единовластным правителям Римской империи. Говоря об императорах, наделенных военной властью, автор данной книги использует латинское слово *imperator*, а правителей называет французским словом *empereur* («император»). В случае, если смысл слова «император» не ясен из контекста, мы в дальнейшем будем пользоваться оборотами «император-военачальник» и «император-правитель».

17 с. 51. * *пришлось назначить интеррекса*

В случае выбытия (например, смерти) обоих консулов из числа сенаторов назначался *interrex* («междуцарь»), задачей которого было проведение выборов новых консулов.

18 с. 51. * *Цизальпинская Галлия*

Римляне различали расположенную на севере Апеннинского полуострова Ближнюю Галлию (*Gallia Citerior, Cisalpina*) и заальпийскую Дальнюю (*Gallia Ulterior, Transalpine*). Цизальпинскую Галлию река По (Пад) делила на Циспаданскую (по эту сторону По) и Транспаданскую.

19 с. 51. * *senatus consultum ultimum*

— постановление сената, вводившее фактически чрезвычайное положение.

20 с. 51. * *ветераны из Пицены*

Пицен — область в Средней Италии, примыкающая к Адриатическому морю. Помпей был родом из Пицены и пользовался там большим влиянием.

21 с. 53. * *Союзническая война*

Название Союзнической войны получило восстание италийских союзников Рима, охватившее в 90-88 гг. до н.э. почти всю Италию. Города и общины италиков должны были поставлять римлянам вспомогательные войска, но не имели прав римского гражданства. В результате войны римское гражданство распространилось практически на всю Италию.

22 с. 53. * *Ближняя и Дальняя Испания*

Провинции Ближняя (*Citerior*) и Дальняя (*Ulterior*) Испании были учреждены в 197 г. до н.э.

23 с. 53. * *Тингитанская Мавритания* — мавританское царство с центром в городе Тинге (*Tinge*, ныне Танжер, Марокко).

24 *Эбуз* — самый крупный из Питиузских островов, расположенных у восточного побережья Испании.

25 *Нао* — мыс на восточном побережье Пиренейского полуострова.

26 *Палос* — мыс на юго-восточном побережье Пиренейского полуострова.

27 с. 56. * *арпан* — старинная французская мера площади (0,15 га).

28 с. 56. * *умножил число Помпеев* — те, кто получал римское гражданство из рук Помпея (так же как и отпущенные им на свободу рабы), меняли свое имя на римское и звались Помпеями (по родовому имени Гнея Помпея).

29 с. 58. * *Апулия, Базиликата, Бруттий* — области в южной части Италии.

30 с. 58. * *после победы над кимврами*

Кимвры — германское племя, мигрировавшее к югу от Ютландии и в конце II — начале I в. до н.э. угрожавшее безопасности римских территорий. Победу над кимврами одержал Гай Марий в 101 г. до н.э.

31 с. 58. * *ремесло ланисты*

Ланиста — профессиональный содержатель гладиаторской школы, готовивший гладиаторов и отдававший их за определенную сумму для публичных игр.

32 с. 58. * *Эмилий Павел*

Л. Эмилий Павел Македонский (228-160 гг. до н.э.) — римский государственный деятель, оратор, военачальник, нанесший в 168 г. поражение македонскому царю Персею в битве при Пидне.

33 с. 58. * *посветили манам отца*

Маны (manes) — души умерших, тени усопших. Это слово употребляется во множественном числе, даже если речь идет об одном человеке. Маны родоначальников почитались как покровители рода.

34 с. 59. * *мирмиллон (мурмиллон)* — род гладиаторов, получивший свое название по значку в виде морской рыбы на шлеме или каске. Сражались в галльском вооружении.

35 с. 59. * *Кампания* — область в Средней Италии на побережье Тирренского моря, с центром в Капуе.

36 *Самний* — гористая область к северу от Кампании.

37 *Лукания* — область на западном побережье южной Италии (между Кампанией, Апулией и Бруттием).

38 *Нола* — город в Кампании к северо-востоку от Везувия.

39 *Нуцерия (Нукерия)* — город в южной Кампании на реке Сарн.

40 с. 62. * *право интерцессии*

Все древнеримские республиканские магистратуры были организованы коллегиально, то есть существовало несколько одноименных магистратов (два консула и т.д.). При этом каждый магистрат действовал самостоятельно, обладая всей полнотой соответствующей его должности власти. В случае несогласия с действиями данного магистрата его коллега или другой (высший) магистрат мог воспользоваться правом интерцессии (*ius intercessionis* — право вмешательства), то есть наложить вето или приостановить развернутую коллегой деятельность. Плебейские трибуны обладали правом интерцессии по отношению ко всем другим магистратам.»

41 с. 63. * *против Корнелиевых законов*

Имеются в виду законы, изданные Суллой.

42 с. 64. * *консулы восстановили институт цензоров*

На цензорах лежали следующие обязанности: проведение цензовой переписи (то есть составление списков населения, распределение по трибам, классам и центуриям, зачисление во всадники), наблюдение за правильным поступлением налогов, сдача на откуп государственных доходов и надзор за благонравием поведения римских граждан. С 86 по 70 г. цензоры не избирались.

43 с. 67. * *клиенты*

Клиентела развилась из древнего обычая (создание которого приписывается Ромулу) могущественных и влиятельных лиц брать под свое покровительство людей, становившихся при этом их клиентами. Процесс этот был добровольным, и инициатором установления таких отношений должен быть клиент. Узы, связывавшие патрона и клиента, являлись в глазах древних столь же священными, как узы родства. Патрон помогал

клиенту советом, влиянием, деньгами. Клиент должен был в меру сил всесторонне поддерживать своего патрона, в том числе зачастую сопровождать его в поездках, шумно выражать одобрение во время его выступлений, по возможности настраивать в его пользу общественное мнение.

44 с. 70. * *consules designati*

designatus (букв. «назначенный») — должностное лицо, уже избранное на свой пост, но еще не вступившее в должность.

45 с. 71. * *вернуть себе фасции*

Фасциями назывались знаки достоинства римских магистратов, которые несли перед ними ликторы. Они представляли собой связки прутьев с топориком посередине.

46 с. 71. * *назначил бы Цезаря начальником конницы*

Начальником конницы (*magister equitum*) назывался ближайший помощник диктатора.

47 с. 71. * *1 января 65 года ничего не произошло*

Ситуация изменилась, и Красс счел за благо вообще не явиться в назначенный день на Капитолий. В его отсутствие Цезарь не стал подавать условного знака (он должен был спустить тогу с плеча).

48 с. 71. * *сделать Египет римской провинцией*

Юридическим основанием подобной акции служило мнение, что Птолемей XI Александр завещал свое царство Риму.

49 с. 72. * *Мегалезии* — семидневный праздник (в апреле) в честь Великой матери богов Кибелы, названный так по греческому эпитету Кибелы — *μεγάλη* (Великая). Празднику предшествовали проводимые в конце марта Мегалезийские игры (*Ludi Megalenses*).

50 с. 72. * *восстановил на Капитолии трофей Мария*

Статую Мария и его трофеи в честь побед над Югуртой, а также над кимврами и тевтонами, стоявшие на Капитолии, в свое время удалили по решению сената и народа.

51 с. 73. * *iudex quaestionis*

Обычно так назывался первоприсутствующий член суда присяжных, назначаемый претором.

52 с. 73. * *Катилины, замешанного в одном из дел об убийстве*

Кроме того, одним из двоих осужденных был дядя Катилины Беллиен.

53 с. 74. * *принцепс сената*

Сенатор, имя которого стояло первым в списке сенаторов, назывался *princeps senatus*. Ему принадлежало право первым из сенаторов высказывать свое мнение.

54 с. 75. * *центуриатные комиции*

Шестой римский царь Сервий Туллий (VI в до н.э.) разделил население Рима по имущественному признаку на 193 категории, называемые центуриями. Народное собрание по центуриям называлось центуриатными комициями. Центуриатные комиции имели право объявлять войну и выбирать всех ординарных должностных лиц, а также являлись высшей судебной властью, к которой каждый гражданин имел право обратиться для обжалования смертного приговора или приговора о лишении гражданских прав, вынесенного обычным судом. Центуриатные комиции созывались верховными магистратами вне городской черты на Марсовом поле. Решение о дате собрания принималось в результате гадания жреца-авгура по полету птиц. Каждая центурия голосовала отдельно и через своего представителя объявляла один общий голос председателю. Поскольку первый объявленный голос считался имеющим сакральное значение, то центурия, которая должна была проголосовать первой, выбиралась по жребию из центурий первого класса. (См. далее о прерогативах триб и центурий Юлия при голосовании: кн. III, гл. IV.)

55 с. 75. * *убийство Сатурнина и Главции*

В условиях острой предвыборной борьбы в 100 г. кандидат на консульство Главция оказался замешан в деле об убийстве своего соперника Г. Меммия. Сенат объявил *SC ultimum* и поручил наведение порядка Марию, который выступил против своих бывших союзников Сатурнина и Главции. Последние засели в Капитолии, и его пришлось брать штурмом. Несмотря на высказанное Марием намерение сохранить Сатурнину и Главции жизнь, они были убиты. В 99 г. законы Сатурнина были отменены.

56 с. 77. * *обменяв Цизальпинскую Галлию на Македонию*

Цицерон отказался от установленного законом распределения консульских провинций по жребию и предоставил своему обремененному долгами коллеге по консульству Г. Антонию доходное наместничество в Македонии. Антоний был проконсулом Македонии в 62-60 гг.

57 с. 78. * *аллоброги* — галльское племя, проживавшее в Цизальпинской Галлии.

58 с. 78. * *Vixerunt*

Форма перфекта от глагола vivo (жить) — букв. «они прожили» — означала «их уже нет в живых», «они умерли».

59 с. 79. * *Метеллу Непоту не удалось занять Форум*

Метелл Непот привел с собой на Форум толпу вооруженных сторонников и даже гладиаторов. Однако Катон и Кв. Минуций Терм как плебейские трибуны решили воспользоваться правом интерцессии. Когда Метелл хотел зачитать свое предложение, Катон выхватил у него свиток с текстом законопроекта, а Терм зажал ему рот. В последовавшей потасовке Катона чуть не убили, однако и Метеллу не удалось довести дело до голосования.

60 с. 80. * *исход дела сообщников Катилины решился очень скоро, во второй половине января того же года после поражения войск Катилины и Манлия под Писторией*

Катилине не удалось собрать большое войско, поскольку он отказывался принимать в него беглых рабов. При этом ему угрожали войска Метелла Целера с одной стороны и войска Г. Антония с другой. Вступив в битву с войсками Антония, которыми командовал легат последнего М. Петрей, Катилина был разбит под Писторией (на севере Италии) и погиб (Саллюстий. Заговор Катилины, 59-61).

61 с. 81. * *мог рассчитывать на дружбу Клодия, которого спас*

Цезарь поспособствовал оправданию Клодия тем, что отказался давать обвинительные показания, сказав, что по существу дела ему ничего не известно.

62 с. 82. * *на Villa publico, за пределами померия*

Померий — сакральная граница города Рима, внутри которой

находилась только его самая древняя часть. Villa publica (букв. «государственная усадьба») находилась на Марсовом поле. Именно там цензоры производили перепись римских граждан (ценз).

*63 с. 83. * Цезарь предпочел отказаться от триумфа*

Цезарь мог претендовать на триумф за замирение Испании, однако по закону триумфатор не имел права появляться в Риме до дня триумфа. Напротив, законы предвыборной кампании требовали обязательного присутствия кандидата на пост консула в Городе.

*64 с. 84. * Бибул хотел было прибегнуть к интерцессии, но натиск противников вынудил его отступить*

Бибул пришел на Форум во время выступления Цезаря и был встречен крайне враждебно. Его консульские фасции сломали, а некоторые из сопровождавших его трибунов получили ранения. На следующий день Бибул предпринял в сенате последнюю попытку объявить закон недействительным, но это не удалось.

*65 с. 84. * в день, когда Цезарь помог Клодию стать плебеем*

Цезарь провел в куриатных комициях усыновление Клодия плебеем Фонтеем. В результате перехода в сословие плебеев он и сменил свое патрицианское имя Клавдий (П. Клавдий Пульхр) на его плебейский вариант — Клодий.

*66 с. 85. * леса и тропы...*

Существует мнение, что это, возможно, даже были не провинции, а поручение наблюдать за государственными лесами и дорогами для перегона скота.

*67 с. 85. * добавили Трансальпийскую Галлию*

Имеется в виду Нарбонская Галлия, так как остальные области Трансальпийской Галлии не были подвластны Риму.

*68 с. 85. * Курионы выступали с неистовыми речами*

Г. Скрибоний Курион Старший, плебейский трибун 90 г. и консул 76 г., был в свое время сторонником Суллы, а затем ярким противником Цезаря. Его сын Г. Скрибоний Курион Младший впоследствии перешел на сторону Цезаря (см. кн. II, гл. III).

69 с. 85. *Л. Веттий пустился в неправдоподобные обвинения

Сначала Веттий сам предложил Куриону Младшему принять участие в заговоре против Помпея. Однако Курион, не поддавшись на провокацию, сообщил об этом в сенат, где по этому вопросу началось обсуждение, и Веттий был вызван на заседание. Он показал, что во главе заговора против Помпея стоит обвинивший его Курион, а участвует в нем ряд лиц (вплоть до Бибула), чья причастность к подобному делу была крайне маловероятной. Видимо, заподозрив в выступлении Веттия спланированную кем-то (по мнению ряда авторов, самим Цезарем) авантюру, сенат отдал приказ об аресте незадачливого свидетеля. На следующем допросе он дал еще более путанные и неправдоподобные показания.

Глава III

70 с. 87. * ...покоривший Цезаря».

Светоний. Божественный Юлий, XLXIX, 4 (пер. М. Л. Гаспарова). Во время триумфов было принято петь насмешливые стихи о триумфаторе, во-первых, для того, чтобы не сглазить его удачу, а во-вторых, для того, чтобы сам он не слишком задирал нос.

71 с. 89. * М. Брут, который на деле был сыном Цезаря

Многие исследователи считают это родство маловероятным и объясняют возникновение подобной версии желанием древних авторов (особенно Плутарха) драматизировать описываемые ими события. Существует также предположение, что сыном Цезаря был не Марк, а Децим Брут.

72 с. 90. * *таламега* — судно типа ладьи с каютами.

Книга вторая Глава I

73 с. 94. * ... в Косматую Галлию

Трансальпийская Галлия включала в себя завоеванную Римом в конце II в. до н.э. Нарбонскую Галлию (Южная Франция), а также территории, не подвластные Риму до походов Цезаря. Эта независимая Галлия называлась *brogata* («носящая штаны (брюки)») или *comata* («косматая», так как галлы носили длинные волосы).

74 с. 95. * *Галлиям*

Вся независимая Галлия делилась на три части: Белгику, Аквитанию и Кельтику, позже названную Лугдунской Галлией. Поэтому римляне обычно говорили о Галлиях во множественном числе.

75 с. 96. * *промагистрат*

Консул и претор, срок полномочий которых только что окончился, назывались соответственно проконсулом и пропретором и обычно получали в управление провинции, которые, таким образом, делились на консульские и преторские.

76 с. 100. * *Кенаб* — столица карнутов на реке Лигере (Луара), впоследствии *civitas Aurelianensis*, ныне — Орлеан.

77 *Аварик* — город битуригов в центральной Галлии, ныне Бурж.

78 *Алезия* — укрепленный город мандубиев к западу от современного Дижона.

79 с. 103. * *убить венетских сенаторов*

У ряда галльских народов высшей властью обладали не цари (вожди), а советы, состоявшие из наиболее почитаемых и могущественных людей племени, возможно, развившиеся из советов старейшин. Цезарь в своих «Записках», по аналогии с римским государственным устройством, называет эти советы «сенатами».

Глава II

80 с. 104. * *Арвернская федерация только что распалась*

Так называемая арвернская федерация представляла собой противостоявший эдуям и их союзникам союз галльских племен, возможно, имевший антиримскую направленность. После гибели царя арвернов

Кельтилла большинство племен отпало от этого союза, и он фактически перестал существовать.

*81 с. 107. * вергобрет*

Цезарь определяет вергобрета как «верховного правителя [у эдуев], который... избирается на год и имеет над своими согражданами право жизни и смерти» (BG, I, 16).

*82 с. 107. * тигуринцы*

Гельветы так называемого Тигуринского пага, в свое время выступавшие против Рима в союзе с кимврами и тевтонами. В «Записках» Цезарь выражает удовлетворение тем, что «та часть гельветского племени, которая когда-то принесла римскому народу крупные поражения, первая и поплатилась» (BG, I, 12).

*83 с. 110. * удалось удалить Катона, послав его на Кипр*

Кипр, ранее принадлежавший Египту, по завещанию Птолемея XI Александра отошел к Риму. Юридическое и административное оформление этой передачи было сопряжено с финансовыми вопросами, допускавшими возможность серьезных злоупотреблений. Поскольку Катон пользовался репутацией порядочного и неподкупного человека, Клодий, действовавший в интересах Цезаря, желавшего удалить Катона из Рима, предложил поручить решение кипрского вопроса именно ему.

*84 с. 112. * солдаты, отпущенные на зиму по домам*

Солдаты на зиму увольнялись в отпуск. Цезарь пообещал триумвирам голоса своих солдат, если выборы удастся оттянуть до зимы. В результате находившиеся в увольнении солдаты Цезаря явились на голосование в комициях организованным образом под командованием служившего под началом Цезаря сына Красса. Произошла неизбежная потасовка со сторонниками олигархии, так что Катон даже получил ранение в руку, однако солдаты создали необходимый перевес голосов в пользу Помпея.

*85 с. 113. * Воспользовавшись в качестве предлога постигшим его конницу поражением*

Цезарь ссылаясь на нападение германцев на его конницу. Однако, судя по сообщениям древних авторов, узипеты и тенктеры не намеревались воевать с Римом и вели с Цезарем переговоры, когда тот спровоцировал их на сражение и перебил. Провокация Цезаря в отношении германцев,

видимо, была чересчур грубой, поскольку его противники в сенате собирались даже направить на место происшествия следственную комиссию и ставили вопрос о выдаче Цезаря неприятелю в наказание за нарушение правил ведения войны (Светоний. Божественный Юлий, XXIV, 3; Плутарх. Цезарь, XXII). Сторонникам Цезаря удалось замять это дело.

86 с. 116. * *Красс погиб 12 июня этого года*

Потеряв в бою большую часть войска и лучших командиров (в том числе своего сына Публия, ранее служившего у Цезаря в Галлии), Красс был убит во время переговоров с представителями царя парфян Орода. Отрубив его голову и руки, они отправили их царю.

87 с. 117. * *Индутiomар был обезглавлен*

Это не означает, что он был казнен. Индутiomар погиб в стычке с отрядом Лабиена, и, поскольку за его убийство была назначена награда, его голову доставили в римский лагерь.

88 с. 120. * *его действия сдерживали битуриги*

Поскольку военные действия проходили на территории битуригов, они, естественно, противились крайним, хотя и необходимым, решениям Верцингеторига. В частности, они умолили его и других галльских военачальников не предавать огню их город Аварик, в результате чего он попал в руки Цезаря (BG, VII, 15).

89 с. 126. * *греческая полиоркетика*

Полиоркетика — искусство осады городов.

90 с. 126. * *контрваланционная линия* — укрепленная позиция, которую осаждающие возводили вокруг блокированной крепости, чтобы обезопасить себя от вылазок ее защитников.

91 *Циркумваланционная линия* — внешняя укрепленная позиция, возводившаяся для обеспечения тыла осаждающих и отпора подкреплениям, идущим на выручку осажденным извне.

92 с. 127. * *гласис* — земляная пологая в сторону противника насыпь перед наружным рвом укрепления.

93 с. 131. * *проведенный Помпеем в 52 году закон позволял заменить Цезаря сразу по истечении срока его полномочий*

По этому новому закону преемником Цезаря не обязательно должен был быть человек, только что отбывший должность, а мог быть любой, чья магистратура закончилась пять лет назад, а такого человека найти было проще.

*94 с. 132. * одновременно лишить командования и Цезаря, и Помпея*

Настроенный против Цезаря сенат пытался игнорировать тот факт, что единоличный консул Помпей также сохранял за собой провинцию (Испанию) и войско. Играя в объективность, Курион потребовал беспристрастного решения вопроса и настаивал на том, чтобы и Цезарь, и Помпей сложили с себя командование, так как если бы войско осталось лишь у одного из них, он, не имея противовеса, мог бы стать опасен для Республики. На деле же в той ситуации такой «нулевой вариант» был на руку Цезарю.

*95 с. 134. * язык богов поддержал волю людей*

Жребий (*alea* — букв. гадательные кости) был атрибутом жрецов-авгуров, судивших по выпавшим костям о воле богов. Поэтому в известной фразе Цезаря содержится намек на то, что боги поддерживают его действия.

Глава III

*96 с. 140. * храбрости наемников-альбиков*

Альбики, воинственное горное племя, жившее к северу от Марселя и, по словам Цезаря, издавна находившееся под его покровительством (Цезарь. ВС, I, 34), стало союзником города во время осады.

*97 с. 144. * серию золотых денариев и квинариев*

На чеканившиеся в Риме золотые монеты (*aurei*) часто распространяют названия номиналов серебряных монет: денария и его половины — квинария. По стоимости *aureus* соответствовал 25 серебряным денариям.

*98 с. 144. * Пиетас на реверсе монеты*

Pietas — благочестие, чувство долга — было персонифицировано в образе богини Пиетас, имевшей свои храмы и алтари. Изображения Пиетас

и ее атрибутов часто появлялись на монетах.

99 с. 151. * *Гептастадий*

Дамба длиной 1200 метров, которая соединяла остров Фарос с материком.

100 с. 154. * *Коркира* — остров в Ионическом море (ныне Корфу, Керкира).

101 с. 154. * *П. Аттий Вар* — давний сторонник Помпея, бывший в 52 г. наместником в Африке.

102 с. 155. * *«Корнелиев лагерь»*

Курион расположился лагерем вблизи Утики на том самом месте, где когда-то находился лагерь Публия Корнелия Сципиона Африканского (Старшего), победителя Ганнибала.

103 с. 156. * *Лилибей* — мыс на западном берегу Сицилии, где находился город того же названия (ныне Марсала).

104 с. 157. * *избавляется от неприятельских слонов, которые повернулись против союзников*

Согласно рассказу, приведенному в «Африканской войне» (LXXXIV), один из слонов, раненный солдатом Цезаря, обезумел от боли и, побежав в обратную сторону, увлек за собой остальных животных.

105 с. 159. * *Новый Карфаген*

— город на юго-восточном побережье Испании, основанный Гасдрубалом в 227 г. до н.э. (ныне Картахена).

106 с. 160. * *в Гиспалисе он провозгласил новый статус Испании*

На народных собраниях в Кордубе, Гадесе и Тарраконе Цезарь поблагодарил те области и города, которые оказывали ему поддержку, отменил некоторые из объявленных ранее налогов, определил ряду общин государственные награды и льготы и назначил новых правителей (Цезарь. ВС, II, 21).

107 с. 166. * *малолетний Юба (будущий Юба II)*

Сын покончившего с собой нумидийского царя Юбы I. После триумфа ему была сохранена жизнь, он получил классическое римское образование и стал известен как литератор, историк и географ. Август восстановил его на нумидийском престоле.

108 с. 166. * *навмахия* — инсценировка морского боя в специальном водоеме.

109 с. 168. * *череп Октябрьского коня*

В Риме ежегодно 15 октября совершалось торжественное жертвоприношение коня.

110 с. 168. * *овилий* — огороженное место (букв, «овечий загон») на Марсовом поле, где происходило голосование в комициях.

111 с. 169. * *консул-суффект* — «дополнительный» консул, избиравшийся взамен выбывшего или сложившего полномочия.

112 с. 170. * *XV viri sacris faciundis*

(букв.: пятнадцать мужей, уполномоченных совершать жертвоприношения) — одна из трех больших жреческих коллегий, ведавшая «Сивиллиными книгами».

113 с. 170. * *курульные кресла*

— складные, украшенные слоновой костью кресла, на которых восседали высшие магистраты: консулы, преторы и эдилы.

114 с. 171. * *стали «бесподобной палатой»*

«Бесподобной палатой» называли один из составов палаты депутатов французского парламента во времена Реставрации (1815-1816), включавший 402 человека, многие из которых были «новыми людьми», всем обязанными Людовику XVIII, и потому стояли на ультрароялистских позициях. Узнав об этой особенности палаты, приятно удивленный король и назвал ее «бесподобной».

Глава II

115 с. 175. * *дионисийские братства, которые появились в Риме впервые после дела о Вакханалиях*

Вакханалии — мистические ночные обряды в честь бога Вакха (Диониса), справлявшиеся объединениями его почитателей. В 186 г. до н.э. по обвинению в разврате и убийствах, а также в том, что такие собрания представляют опасность для государства, организаторы вакханалий были казнены, а многие последователи культа подверглись гонениям.

116 с. 175. * *писем, которые Саллюстий будто бы писал Цезарю-старцу*

В «Письмах к Цезарю-старцу об устройстве республики» — сочинении публицистического жанра, приписываемом Гаю Саллюстию Криспу, — изложены представления автора о благе государства и исходящая из них политическая программа. Если эти письма действительно написаны Саллюстием (что оспаривается многими исследователями), то первое из них следует датировать приблизительно 50-м, а второе — 46 г. до н.э.

117 с. 176. *Acta populi* (также *acta diurna*) — хроника ежедневных городских происшествий и наиболее важных событий, предоставлявшаяся ко всеобщему сведению (нечто вроде городских ведомостей).

118 *Acta senatus* — протоколы, постановления и распоряжения сената.

119 с. 181. * *Вейи и Вольтерра* — древние города Этрурии.

120 *Казилин* — город в северной Кампании на правом берегу Волтурна.

121 *Калатия* — город в Самнии на Аппиевой дороге между Капуей и Беневентом.

122 с. 181. * *Фуцинское озеро* — самое крупное озеро Центральной Италии в области марсов (ныне Лаго-ди-Челано).

123 с. 181. * *Помптинские болота* — болота на побережье Лация

между Цирцеями и Таррациной, наводняемые реками Амасен, Астура и Уфент.

124 с. 181. * *асс* — мелкая медная монета и единица веса, равнявшаяся 12 унциям меди. К концу I в. до н.э. ее стоимость очень сильно упала.

125 с. 182. * *перистиль* — колоннада, портик или галерея, вокруг открытого пространства, например площади, но также двора или сада, в том числе в частных домах.

Глава III

126 с. 185. * *капитолийская триада*

Под капитолийской триадой понимаются боги-покровители, чьи храмы находились на Капитолии: Юпитер, Юнона, Минерва.

127 с. 185. * *декурион*

В римских провинциях и колониях декурионами назывались городские советники. Изначальное значение этого слова — начальник группы из десяти человек.

128 с. 186. * *Апамею... нужно отнести ко времени 11 триумvirата, поскольку она носила второе название Конкордия (Concordia, Согласие)*
«Согласие» было официальным лозунгом в пропаганде II триумvirата.

129 с. 189. * *Понт Эвксинский* — Черное море.

Глава IV

130 с. 193. * *этот образ мы находим и в сне Октавия, отца Августа*

«Октавий увидел сына в сверхчеловеческом величии, с молнией, скипетром и в одеянии Юпитера Благого и Величайшего, в сверкающем венце, на увенчанной лаврами колеснице, влекомой 12 конями сияющей

белизны» (Светоний. Август, XCIV, 6).

131 с. 197. * *мода на греческую богиню Тюхе*

Тюхе — греческая богиня судьбы. Считалось, что она сопровождает человека всю жизнь и весьма непостоянна, а порой слепа. Ее культ получил широкое распространение в эпоху эллинизма.

132 с. 198. * *изображение быка, сулившего победу и обеспечивавшего связь с Бовиллами*

Vos, bovis — бык (лат.).

133 с. 199. * *в 42 году накануне битвы при Филиппах...*

В битве при Филиппах были разбиты войска Кассия и Брута, которые покончили с собой, как и многие их сторонники. Оставшихся в живых убийц Цезаря после поражения основных республиканских войск казнили по приказу Октавиана. Он же приказал послать голову Брута в Рим и бросить ее к ногам статуи Цезаря (Светоний. Август, XIII, 1).

134 с. 199. * *лектистернии* — («божья трапеза») — род жертвоприношения, при котором изваяния богов попарно расставлялись на подушках лож (lecti) перед накрытым столом.

135 с. 199. * *в гражданском венке*

Воин, спасший в бою жизнь своего товарища — римского гражданина, получал в награду венок из дубовых листьев (согопа civica).

136 с. 200. * *пилей* — круглая войлочная шапочка (pileus).

137 с. 201. * *Филиппики* — речи Цицерона против Антония.

138 с. 201. * *битва при Акции*

Битва при Акции, в которой войска Антония и Клеопатры потерпели поражение от войск Октавиана, состоялась в 31 г. до н.э.

139 с. 201. * *Брут, который некогда освободил Рим от Тарквиния Гордого*

Л. Юний Брут, родоначальник Брутов, возглавил в 510 г. до н.э. восстание, приведшее к изгнанию из Рима последнего царя Тарквиния Гордого и его семьи. Согласно традиции Брут заложил основы

республиканского строя и стал первым консулом. Считался идеалом республиканского государственного деятеля.

140 с. 204. * *Фасос* — остров в Эгейском море.

141 с. 206. * *Камилла за освобождение Рима от галлов назвали вторым Ромулом*

М. Фурий Камилл отразил в 387 г. до н.э. нашествие галлов на Рим. После отступления галлов он был провозглашен Отцом Отечества и восстанавливал город. Был пять раз диктатором, умер в 364 г. до н.э.

142 с. 206. * *Прокул Юлий был свидетелем апофеоза Ромула*

Прокул Юлий — римский сенатор, которому, по преданию, Ромул явился во сне и объявил, что желает быть почитаемым как бог под именем Квирина.

143 с. 206. * *Квиринал*

— один из семи римских холмов к северо-востоку от Капитолия.

144 с. 207. * *появление кометы в июле 44 года возвестило о конце IX века и начале века X*

Очевидно, после восьми веков, прошедших от основания Рима (ab Urbe condita), IX был век Цезаря, а X — век Августа, в котором видели новый золотой век.

145 с. 208. * *над входом в его «дворец»*

Слово «дворец» помещено в кавычки, потому что по тем временам дворец был чисто царским атрибутом, а Август жил в обычном доме.

146 с. 209. * *компитальные лары* — духи-хранители перекрестков.

147 с. 209. * *арвальские братья* — (от *arvum* «пашня»; букв. — «братья-пахари») — одна из древнейших римских жреческих коллегий, состоявшая из 12 человек. Ежегодно в мае братья совершали освящение полей.

148 с. 210. * *был уподоблен трибунам*

Неприкосновенность была исключительным правом плебейских трибунов.

149 с. 210. * *Тарпейская скала*

Скала в Риме, с которой сбрасывали приговоренных к смерти.

Книга четвертая Глава I

150 с. 215. * *история со статуей, увенчанной диадемой*

Древние авторы описывают следующие два эпизода, будто бы указывающих на намерение Цезаря стать царем: некий человек из толпы приветствовал его царским титулом, а кто-то еще украсил его статую знаком царской власти — лавровым венком с белой повязкой (диадемой). В обоих случаях трибуны Г. Эпидий Марулл и Л. Цезетий Флав привлекли излишне ретивых почитателей Цезаря к ответственности: оба эти человека были арестованы трибунами. Инициатива трибунов вызвала гнев Цезаря, и он лишил их должности (см.: Аппиан. Гражданские войны, II, 108; Светоний. Божественный Юлий, LXXIX; Плутарх. Цезарь, 60-61).

151 с. 215. * *то, что произошло на Луперкалиях 15 февраля 44 года*

Имеется в виду настойчивая попытка М. Антония увенчать Цезаря царской диадемой, которую тот не принял.

152 с. 215. * *на заре правления Флавиев*

Династия Флавиев правила Римской империей с 69 до 96 г. н.э.

153 с. 215. * *его отец сражался под Бедриаком в армии Отона*

Сальвий Отон составил заговор против императора Гальбы и после его убийства в 69 г. н.э. был провозглашен императором. Однако был выдвинут и другой император — Авл Вителлий. В битве у городка Бедриака войска Отона потерпели поражение, и он был убит.

154 с. 218. * *архонт-эпоним, ... эпимелет амфиктионов*

Эпоним — один из архонтов (высших магистратов городской общины), именем которого обозначали текущий год. Эпимелет амфиктионов — распорядительная должность в религиозно-политическом союзе греческих городов. Представители одного из таких союзов собирались в святилище Аполлона в Дельфах и Деметры в Антеле у

Фермопил.

155 с. 218. * *Дион* (409-353 до н.э.) — знатный сиракузец, друг Платона, который в 357 г. до н.э. освободил Сиракузы от тирании Дионисия Младшего, но затем пал жертвой заговора.

156 с. 224. * *Югурта* — царь Нумидии, воевавший с Римом в 111 — 105 гг. до н.э. Первое время действия Югурты были очень успешны, однако затем он потерпел поражение от Метелла, а затем — от Мария и Суллы. Царь Мавритании Бокх I выдал его римлянам.

157 с. 225. * *обожествление Пертинакса*

Пертинакс — римский император с 1 января по 23 марта 193 г. н.э.

158 с. 225. * *Септимий Север* — римский император с 193 по 211 г. н.э., отец Каракаллы.

159 с. 225. * *Каракалла*

Марк Аврелий Антонин Каракалла — римский император в 211-217 гг. н.э.

160 с. 225. * *диалог Агриппы и Мецената*

В ЛII книге своей «Истории» Дион Кассий рассказывает, как Август советовался со своими ближайшими друзьями М. Випсанием Агриппой и Г. Цильнием Меценатом о дальнейшей судьбе государства. Агриппа посоветовал ему отказаться от единовластия в пользу сената и народа. Меценат же красноречиво доказывал Августу необходимость сохранить за собой власть, соблюдая справедливые и разумные принципы правления. Император отдал предпочтение совету Мецената (Дион Кассий. ЛII, 14-15 и далее).

161 с. 225. * *восшествие на престол Макрина*

Опилий Север Макрин — римский император с апреля 217-го по июнь 218 г. н.э.

162 с. 225. * *Александр Север* — римский император с 222 по 235 г. н.э.

163 с. 231. * он был молод (*adulescens*)

Adulescens — юноша, молодой человек в возрасте от 14 до 30 лет.

164 с. 234. * в качестве легата Сестия

П. Сестий, друг Цицерона, противник Катилины и Клодия, плебейский трибун 57 г., претор 54 г.

165 с. 238. * Брут предал смерти своих двоих сыновей

Сыновья Брута Тит и Тиберий участвовали в заговоре с целью возвращения Тарквиниев и были казнены вместе с другими заговорщиками по приказу своего отца. Однако не сохранилось свидетельств о том, сколько всего детей было у Брута, кроме того, Тит Ливий (II, 4, 1) подчеркивает, что казненные дети Брута были «взрослыми», то есть могли уже иметь наследников. Древние авторы не упоминают столь значимого факта, как прекращение рода освободителя Рима.

166 с. 240. * тираноубийцы, которые составили заговор против тирана Гиппия

Речь идет о заговоре Гармодия и Аристокитона против Гиппия и Гиппарха, сыновей афинского тирана Писистрата. В результате этого заговора Гиппарх был убит (в 514 г. до н.э.), а Гиппий продолжал править, пока не был изгнан (в 510 г. до н.э.).

167 с. 241. * тога, надетая в Габиновом стиле

Габинов стиль ношения тоги состоял в том, что конец подобранной тоги перебрасывался через левое плечо и из-под правой руки вытягивался к груди.

168 с. 242. * любимец Катона Фавоний

Марк Фавоний был страстным поклонником Катона, избирался эдилом в 53 г. до н.э. Он принадлежал к помпеянкам, получившим прощение Цезаря. После Мартовских ид встал на сторону Брута, попал в плен при Филиппах и был казнен за личное оскорбление Октавиана.

169 с. 248. * *насмехаясь над галльскими штанами, снятыми ради тоги*
О введенных Цезарем в сенат галлах в народе пели следующие
насмешливые стихи:

Галлов Цезарь вел в триумфе, галлов Цезарь ввел в сенат.
Сняв штаны, они надели тогу с пурпурной каймой.

(Светоний. Божественный Юлий, LXXX. 2)

Штаны (брюки, *bracae*) были традиционной одеждой галлов, а пурпурная кайма на тоге — знаком сенаторского достоинства.

170 с. 249. * *Италийская война* (*Bellum Italicum*) — война с италийскими союзниками (см. Союзническая война).

171 с. 249. * *потомок предводителя марруцинов*

Марруцины — сабельское племя на восточном побережье Средней Италии. Главный город — Теата.

172 с. 251. * *чеканил монеты на манер царских с собственным изображением*

В Римской республике на монетах обычно чеканились изображения богов, а не государственных деятелей.

173 с. 251. * *выходцы из фамилии Цезаря*

Фамилия (*familia*) включала в себя не только родственников, но и рабов дома, а также вольноотпущенников. В домах римской знати число рабов и отпущенников могло исчисляться сотнями, а то и тысячами.

174 с. 252. * *Лабик* — древний латинский город между Тускулом и Пренестой.

175 с. 255. * *прорицатель Спурина*

Спурина — жрец-гаруспик, который, согласно свидетельствам древних авторов, предсказал Цезарю, что в день Мартовских ид ему грозит

смертельная опасность.

176 с. 255. * *Артемидор Книдский* — ритор, друг Цезаря, предупреждавший его о заговоре.

177 с. 256. * *соглашение в Брундизии* — соглашение о разделе сфер влияния между Октавианом, Антонием и Лепидом, заключенное в 40 г. до н.э. после войны с республиканцами.

178 с. 256. * *Траллы* — крупный торговый город в северной Карии (юго-западная часть Малой Азии).

179 с. 258. * *курия Помпея... была навсегда зажата позорными стенами отхожего места*

В эпоху Империи по обеим сторонам курии Помпея были построены общественные латрины (отхожие места).

Заключение

180 с. 261. * *Ромул Августул* — последний император Западной Римской империи, взойшедший на престол в шестнадцатилетнем возрасте, откуда прозвище с уменьшительным суффиксом (не август, а августенок). Был низложен в 476 г. н.э. варварским военачальником Одоакром.

181 с. 263. * *Юстин II* — император Восточной Римской империи, правивший в 565-578 гг. н.э.

182 *Комнины* — династия византийских императоров (1081-1185 гг.).

183 с. 263. * *василевс* (или *басилевс*) — официальный титул византийского императора.

184 с. 264. * *преемник Стефана IX Николай II*

Стефан IX — папа римский в 1057-1058 гг. н.э., активный сторонник реформы в пользу усиления папской власти.

Николай II — папа римский в 1059-1061 гг. н.э., проводил политику против прерогатив императора и принял ряд мер для установления

политической независимости Ватикана.

185 с. 264. * *Григорий VII возглавил «папоцезаристскую» реакцию*

Григорий VII — папа римский в 1073-1085 гг. н.э., провел реформу, получившую название григорианской, реформировал Церковь в пользу строгости обычаев, издал так называемый «Диктат папы», гласивший, что «только папа обладает властью назначать и короновать императора» и «никто не имеет права судить папу».

ПРИЛОЖЕНИЕ II

186 с. 268. * *мог наизусть цитировать греческую поэзию*

Строго говоря, знаменитое выражение «Жребий брошен» — цитата из Менандра.

187 с. 269. * *ab imo acclivis, ab infimo acclivis*

Оба выражения означают «поднимающийся снизу» (речь идет о склоне горы), однако слово *infimus* было более привычно и употребительно в языке времен Цезаря.

188 с. 270. * *азианисты и аттицисты* — два противостоящих стилистических направления, первое из которых (азианисты — от «Азия») отличалось восточной пышностью слога, а второе (аттицисты — от «Аттика») брало образцом для подражания сдержанный стиль древнегреческих писателей и ораторов.

Примечания

1

Syme R. Roman Revolution. Oxford, 1939.

2

Все даты, кроме специально оговоренных, — до новой эры.

3

Syme R. History or biography: The case of Tiberius Caesar // *Historia*. 1974. Bd. 24. P. 481.

4

Levi M.A. Augusto e il suo tempo. Milano, 1986.

5

Keaveney A. Sulla: The Last Republican. London — Canberra, 1982.

6

Scullard H.H. From the Gracchi to Nero: A history of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. 5 ed. London — New York, 1982.

7

Zierer O. Cicero: Republikaner ohne Republik: Eine Biographie. Frankfurt a. M., 1979.

8

Roberts A. Mark Antony: His life and times. Worcestershire, 1988.

9

Yavetz Z. The Res Gestae and Augustus public image // Caesar Augustus. Seven Aspects. Oxford, 1984. P. 1-36.

10

Manuwald B. Cassius Dio und Augustus. Wiesbaden, 1979.

11

Kuntze C. Zur Darstellung des Kaisers Tiberius und seiner Zeit bei Velleius Paterculus. Frankfurt a. M., 1985.

12

Clarke M.L. The noblest Roman Marcus Brutus and his reputation. Ithaca, 1981.

13

Huzar E.G. Mark Antony: A Biography. Minneapolis, 1978.

14

Seager R. Pompey: A political biography. Oxford, 1979.

15

Greenhalgh P. Pompey: The republican prince. London, 1981. P. 268; *idem.* Pompey: The Roman Alexander. London, 1981.

16

Canali L. Giulio Cesare. Roma, 1985.

17

Bradford E. Julius Caesar: The pursuit of power. London, 1984.

18

Huzar E.G. Mark Antony...; *Chamoux F.* Marc Antoine, dernier prince de Porient grec. Paris, 1986.

19

Hammond M. The sincerity of Augustus // Harvard Studies in classical philology. 1965. Vol. 69. P. 139-162.

20

Caesar Augustus. Seven aspects / Ed. By F. Millar and E. Segal. Oxford, 1984. P. 26.

21

Утченко С.Л. Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 195.

22

Hubertus, Prinz zu Lowenstein. Tiberius: Der Republikaner auf dem Casarenthron. München, 1980.

23

Weigall A. Neron. Paris, 1931.

24

Rouge J. Neron a la fin du IVe et au debut du Ve siecle // Latomus. Bruxelles, 1978. Vol. 37. P. 73.

25

Wankenne J. Faut-il rehabiliter l'empereur Neron? // Etudes classiques. Namur, 1981. T. 49. P. 135-152.

26

Charles Picard G. Auguste et Neron: Le secret de l'empire. Paris, 1982.

27

Cizek E. Neron. Paris, 1982; idem. Neron. L'empereur maudit. Paris, 1988.

28

Кнабе Г.С. К специфике межличностных отношений в античности // Вестник древней истории. 1987. № 4. С. 167.

29

Auguet R. Caligula, ou le pouvoir a vingt ans. Paris, 1984.

30

Storoni Mazzolani L. Tibere ou La spirale du pouvoir: La force irresilible au despotisme. Paris, 1986.

31

Корнилова Е.Н. Традиционный образ Юлия Цезаря в литературе Западной Европы и США: Автореферат дис. канд. филол. наук. М., 1988.

Ж. Каркопино (*J. Carcopino. Profils de conquerants. Paris, 1961, с. 843*) энергично отстаивал дату 13 июля 101 г., которую в крайнем случае готов принять и К. Гудино (*Chr. Goudineau. Cesar et la Gaule [далее — Goudineau], Paris, 1990, с. 103*).

Имеется в виду известная ошибочная этимология.

T.R.S. Broughton. The Magistrates of the Roman Republic (далее — Broughton, MRR), New York, 1951-1953, II, с. 20.

Там же. II, с. 25.

Broughton, MRR, II, с. 17.

37

Inscriptions Italiae, XIII, 3, 7.

38

Отождествление CERCE с CERCEI следует исключить, поскольку для этого времени ни одного факта основания колонии в Италии не засвидетельствовано.

39

Светоний. Божественный Юлий (Divus Iulius), I, 2.

40

Там же. I.

41

Светоний. Божественный Юлий (Divus Iulius), VI.

42

Broughton. MRR, II, с. 45, 53, 57, 60.

43

Светоний. Божественный Юлий, I, 3.

44

Broughton. MRR, II, с. 76, 81.

45

St. Weinstock. Divus Iulius (далее — Weinstock), Oxford, 1971, с. 4-18.

46

Тит Ливий. История от основания Города (далее — *Тит Ливий*), I, 30, 1.

47

Светоний. Божественный Август (Divus Augustus), С. 2.

48

ILS, 2988 = ILLRP, 270 = Imagines (Degrassi), Berlin, 1965, 399, а и в.

49

Тит Ливий. I, 2, 6.

50

Эта датировка оспаривается. См. *Broughton*. MRR, II, с. 442.

51

Плутарх. Марий, 46, 8.

52

Светоний. Божественный Юлий, VI, 1.

53

Там же. XLIX, 3, принимая вместо *orti* чтение *ortae*. *Дион Кассий*. XLIII, 43, 3.

54

Вергилий. Энеида, I, 589 и далее.

55

Такой точки придерживается Ив Ле Боек (*Y. Le Bohec. Cesar, Paris, 1994, с. 44*).

56

Broughton. MRR, II, с. 85.

57

Саллюстий. История, 1, фр. 54 (MAUR = Maurenbrecher В. *Histonarum Sallusti reliquiae, Leipzig, 1891-1893*).

58

Плутарх. Гай Гракх, V, 1.

59

Аппиан. Гражданские войны (Bella civilia), I, 107, 501.

60

Саллюстий. История, I, фр. 77, 82 (MAUR); Broughton. MRR, II, с. 89.

61

М. Юний Брут был убит на следующий день после капитуляции: Плутарх. Помпей, 16, 6; Broughton. MRR, II, с. 99.

62

Плиний. Естественная история (Plinii Naturalis historia), VII, 122; Плутарх. Помпей, 16, 9.

63

Светоний. Божественный Юлий, III, 1.

64

Broughton. MRR, II, с. 89.

65

Светоний. Божественный Юлий, IV, 1.

66

Плутарх. Серторий, 3, passim.

67

Broughton. MRR, II, с. 83.

68

Плутарх. Серторий, 12, 3-4 и 13; Саллюстий. История, I, 113, 114 и 119 (MAUR).

69

Broughton. MRR, II, с. 84.

70

Там же. С. 87.

71

Плутарх. Серторий, 13, 10-12.

72

Там же. 14.

73

Там же. 22, 5.

74

Broughton. MRR, II, с. 90.

75

Плутарх. Серторий, 23, 6.

76

Аппиан. Митридатовы войны, LXVIII.

77

Аппиан. Гражданские войны, I, 113, 526.

78

Плиний. Естественная история, III, 18; VII, 96.

79

Флор. II, 8, 1.

80

Плутарх. Катон Младший, VIII, 1.

81

Варрон. О сельском хозяйстве, II, предисл., 6, вне Италии, например, в Эпире.

82

Аппиан. Гражданские войны, I, 69, 305-306; *Плутарх.* Марий, XLI.

83

Об этой эволюции гладиаторских игр (*munera*) см.: *G.Ville.* La gladiature en Occident des origines a la mort de Domitien (BEFAR, 245), Rome, 1981, с. 42-51 и *J.-C. Golvin.* L'amphitheatre romain. Essai sur la theorisation de sa forme et de ses fonctions (Publications du Centre Pierre Paris, 18), Paris, 1988, с. 15-25.

84

Этот народ проживал в среднем течении Стримона.

85

Флор. II, 8, 8.

86

Broughton. MRR, II, с. 109.

87

Плутарх. Красс, 9, 8.

88

Broughton. MRR, II, с. 118.

89

Плутарх. Красс, 2.

90

Плутарх. Помпей, 21, 3.

91

Broughton. MRR, II, с. 126.

92

Там же. С. 96.

93

Broughton. MRR, II, с. 109.

94

Цицерон. Против Верреса, II, III, 70, 163; V, 21, 52.

95

Светоний. Божественный Юлий, 5.

96

Broughton. MRR, II, с. 127.

97

Там же. С. 126.

98

«Aspera censura»: *Тит Ливий. Перииохи, ХСVIII.*

99

Плутарх. Помпей, 22, 8.

100

Broughton. MRR, II, с. 102.

101

Там же. С. 112.

102

Broughton. MRR, II, с. 98.

103

Основным источником являются «Речи против Верреса» (Verrinae) Цицерона.

104

Broughton. MRR, II, с. 132.

105

Там же. С. 131.

106

Broughton. MRR, II, с. 127.

107

Светоний. Божественный Юлий, III.

108

Плутарх. Цезарь, 4.

109

Broughton. MRR, II, с. 132.

110

Там же. С. 55.

111

Там же. С. 133.

112

Дион Кассий. XXXVII, 52, 2; XLI, 24, 2.

113

Broughton. MRR, II, с. 39-40.

114

Там же. С. 144.

115

Плутарх. Помпей, 25.

116

Светоний. Божественный Юлий, VIII.

117

Broughton. MRR, II, с. 153.

118

Там же. С. 152.

119

Broughton. MRR, II, с. 157-161.

120

Саллюстий. О заговоре Катилины (далее — Катилина), 18, I.

121

R. Seager. The First Catilinian Conspiracy // *Historia*, XIII, 1964, с. 338-347.

122

Саллюстий. Катилина, 19, 3. 5: мятеж испанских всадников мог спровоцирован сторонниками Помпея.

123

Светоний. Божественный Юлий, XI.

124

Broughton. MRR, II, с. 157.

125

Там же. II, с. 158.

126

Там же.

127

Светоний. Божественный Юлий, X.

128

Broughton. MRR, II, с. 162.

129

Там же. С. 162.

130

Там же. С. 165.

131

Там же. С. 168.

132

Broughton. MRR, II, с. 159.

133

Там же. С. 113.

134

Там же. С. 114 и 171. Г. Аврелий Котта приходился двоюродным братом матери Цезаря Аврелии, следовательно, он был его двоюродным племянником (если принять предложенную нами генеалогию), а не дядей, как пишет Каркопино.

135

Там же. С. 167-168.

136

Светоний. Божественный Юлий, XIII; *Плутарх*. Цезарь, VII.

137

Broughton. MRR, II, с. 171.

138

Светоний. Божественный Юлий, XII.

139

Broughton. MRR, II, с. 172.

140

Там же. С. 173.

141

Broughton. MRR, II, с. 165-166.

142

Саллюстий. Катилина, 51; *Плутарх*. Цезарь, VII.

143

Светоний. Божественный Юлий, XIV.

144

Broughton. MRR, II, с. 174.

145

Broughton. MRR, II, с. 173.

146

Плутарх. Катон Младший, XXVII-XXIX.

147

Broughton. MRR, II, с. 175: quaestor.

148

Светоний. Божественный Юлий, XVII.

149

Плутарх. Цезарь, X, 4; Светоний. Божественный Юлий, LXXIV.

150

Плутарх. Цезарь, XI, 1; Красс, VII, 7.

151

Broughton. MRR, II, с. 180.

152

Цицерон. В защиту Бальба, XIX, 43 и XXVIII, 63; Плутарх. Цезарь, XII.

153

Дион Кассий. XXXVII, 52-53.

154

Плутарх. Цезарь, XIII, 4.

155

Тит Ливий. Перियोхи, CIII.

156

Dig. XLVIII, 11, 1-10.

157

Broughton.MRR, II, с. 191-192.

158

Broughton. MRR, II, с. 190.

159

Светоний. Божественный Юлий, LII, 3.

160

Светоний. Божественный Юлий, LII, 3.

161

Там же. II, 1.

162

Там же. XLIX, 1.

163

Broughton.MRR, II, с. 194.

164

Светоний. Божественный Юлий, L, 1.

165

Broughton. MRR, II, 60.

166

Там же. С. 39.

167

Там же. С. 193.

168

Светоний. Божественный Юлий, L.

169

Broughton. MRR, II, с. 222.

170

Там же. С. 194.

171

Плутарх. Цицерон, XXV, 5.

172

Плутарх. Помпей, XLII, 13; *Цицерон*. Письма к Аттику, I, 12, 3.

173

См. убедительные доказательства в книге D. Porte. *La perle de berville* (note sur la naissance de Marcus Iunius Brutus) // REA, 96. 1994, с. 465-484.

174

Дион Кассий. XLIII, 47: он подарил ей жемчужину стоимостью 6 000 000 сестерциев.

175

Светоний. Божественный Юлий, LI.

176

Там же. LII, 1.

177

По этому поводу см. *J. Carcopino. Passion et politique chez les Césars*, Paris, 1958, глава II: Cesar et Cleopatre. С. 10-64.

178

Regina meretrix: это выражение принадлежит Плинию. Ест. ист., IX, 119.

179

Плутарх. Антоний, XXVII, 2.

180

Об Александрийской войне, XXXIII, 4.

181

Дион Кассий. XLIII, 27, 3.

182

Цицерон. Письма к Аттику (Ad Atticum), XV, 15, 2.

183

Дион Кассий. XLIV, 46, 1.

184

Николай Дамасский. XX.

185

Светоний. Божественный Юлий, LII.

186

Плутарх. Цезарь, XIV, 8.

187

Светоний. Божественный Юлий, XLV, 1.

188

Денарий 43 г. до н.э. (монетарий Л. Фламиний Хилон). Собрание Денкур (Daincourt, Peronne).

189

Светоний. Божественный Юлий, XLV, 1.

190

Там же. LIII.

191

Там же. XLV, 1.

192

NY Carlsberg Glyptotek, G 13. Цезарь пытался скрыть лысину, зачесывая вперед свои жидкие волосы: *Светоний. Божественный Юлий.*

193

Дион Хрисостом. II, с. 75 (Reiske).

194

Цезарь. Записки о Галльской войне (далее — BG), VI, 1.

195

Там же. IV, 18; VI, 33.

196

Там же. 9.

197

Там же. 10.

198

Там же. 32.

199

Там же. 1.

200

Там же. 9.

201

Там же. I, 7.

202

Там же.

203

Цезарь. Записки о Галльской войне (далее — BG), II, 2.

204

Там же. IV, 13.

205

Там же. V, 48.

206

Там же. VI, 3.

207

Там же. VII, 40.

208

Там же. 45.

209

Там же. 12.

210

Там же. II, 12.

211

Там же. VII, 9 и 56.

212

Там же. 88.

213

Там же. 19.

214

Там же. II, 25.

215

Цезарь. Испанская война, XXVII, 6, XXXI, 9; Плутарх. Цезарь.

216

Цезарь. BG, VIII, 6.

217

Там же. VII, 52.

218

Цезарь. BG, II, 35.

219

Там же. V, 52.

220

Там же. VI, 8.

221

Там же. VII, 12.

222

Там же. I, 16.

223

Там же. III, 7.

224

Там же. IV, 32.

225

Там же. V, 8.

226

Там же. VI, 10.

227

Там же. VII, 16.

228

Там же. 73.

229

Там же. VIII, 10 и 11.

230

Там же. VII, 3; *Cl. Nicolet*. L'ordre equestre a l'epoque republicaine (312-43 av. J.-C.) (BEFAR, 207) — Paris. 1974 (=Nicolet. Ordre equestre), II, n° 157.

231

Авл Геллий. Аттические ночи (Auli Gellii Noctes Atticae), XV, 4; *Nicolet*. Ordre equestre, II, n° 379.

232

Цезарь. BG, VII, 9.

233

Цезарь. BG, VII, 85.

234

Там же. VIII, 14.

235

Там же. 16.

236

Там же. V, 1.

237

Там же. 2.

238

Там же. 50.

239

Там же. 26 и далее.

240

Цезарь. BG, V, 34. Плутарх. Моралии, V, 1-я часть. Об удаче римлян, CUF, Paris, 1990, 6.

241

Цезарь. BG, V, 58.

242

Там же. VI, 30.

243

Там же. 35.

244

Там же. 30 и 42.

245

Weinstock. Divus Iulius, с. 112-127: Fortuna Caesaris.

246

Цезарь. BG, VI, 3.

247

Там же. I, 30.

248

Цезарь. BG, VI, 44.

249

Там же. VI, 3.

250

Там же. II, 5.

251

Там же. 15.

252

Там же. 32.

253

Там же. V, 4.

254

Цезарь. BG, III, 16.

255

Там же. V, 7.

256

Там же. VI, 44.

257

Там же. VIII, 38.

258

Наше хронологическое деление следует порядку опубликования книг «Записок о Галльской войне» (Commentarii de bello Gallico — BG), торые публиковались попарно.

259

Цезарь. BG, кн. I и II.

260

Broughton. MRR, II. с. 182-183.

261

Broughton. MRR, II. с. 198.

262

Он, несомненно, не имел звания легата, поскольку не достиг еще должности квестора: *Broughton. MRR, II, с. 204.*

263

Цезарь. BG, кн. III (события 56 г.), кн. IV (события 55 г.) и кн. V (события 54 г.). На рис. 2 изображены операции 56 и 55 гг.

264

Broughton. MRR, II, с. 195-196.

265

Там же. С. 194.

266

Broughton. MRR, II, с. 211.

267

Там же. С. 210.

268

Там же. С. 211.

269

Broughton. MRR, II, с. 214-215.

270

Плутарх. Красс, XVI, 3.

271

Broughton. MRR, II, с. 213.

272

Там же. С. 212.

273

Broughton. MRR, II, с. 213.

274

Там же. С. 219.

275

Цицерон. В защиту Бальба, 64.

276

Цицерон. Против Пизона, XXIII, 81.

277

Цицерон. Письма к близким (Ad familiares) I, 8, 1.

278

Broughton. MRR, II, с. 230.

279

О событиях 53 г. см.: Цезарь. BG, кн. VI.

280

Там же. Кн. VII (посвящена событиям 52 г.).

281

Goudineau, с. 288.

282

Goudineau, с. 292.

283

Следует обратить внимание на то, что Цезарь действует, сознательно принимая решения вопреки общему мнению: *Цезарь*. BG, VII, 56: contra opinionem omnium.

284

Цезарь. BG, VII, 56, 2: vehementer timebat.

285

J. Le Gall. Fouilles d'Alise-Sainte-Reine, 1861-1865 (Memoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, IX). Paris, 1989.

286

J. Carcopino. Alesia, с. 219-233.

287

M. Redde et S. von Schnurbein. Fouilles et recherches nouvelles sur les travaux du siege d'Alesia // CRAI, 1993, с. 281-312; см. также последние работы: *L'armee romaine en Gaule* (sous la direction de M. Redde). Paris, 1996 (= *Armee romaine en Gaule*); *M. Redde, S. von Schnurbein et alii*. Fouilles et

recherches sur les travaux de C6sar devant Alesia (1991-1994) // BRGK, 76, 1995, с. 73-158.

288

R. Goguey, Alesia: les travaux de Cesar sur la montagne de Bussy, d'apres les dernieres revelations de la photographie aerienne // CRAI, 199b с. 43-51. Эти данные подтверждают в целом, зачастую с поразительной наглядностью, точность планов, составленных экспедициями времен Второй Империи: Armee romaine en Gaule, с. 42.

289

Цезарь. BG, VII. 62, 10.

290

Цезарь. BG, VII, 69.

291

Цезарь. BG, VII, 89.

292

События 51 и 50 гг. известны по VIII книге «Записок о Галльской войне», составленной легатом Цезаря Гирцием.

293

Broughton. MRR, II, с. 227-228.

294

Broughton. MRR, II, с. 234.

295

Там же. С. 233-234.

296

Broughton. MRR, II, с. 258.

297

Там же. С. 259.

298

Там же. С. 249.

299

Цицерон. Письма к Аттику, VVI, 3, 4 и 5, 4.

300

Цезарь. Гражданская война (Bellum civile, далее — BC), I, 22: libertatem vindicaret.

301

Broughton. MRR, II, с. 256.

302

Там же. С. 268.

303

Там же. С. 263.

304

Broughton. MRR, II, с. 261.

305

Broughton. MRR, II, с. 256-257.

306

Broughton. MRR, II, с. 267.

307

Там же. С. 269-270.

308

H. Treziny et P. Troussel. Les fortifications de Marseille grecque // Marseille grecque et la Gaule. Aix-en-Provence, 1992, с. 98-105. По мнению М. Эзена (М. Euzennat), которого я благодарю за любезное сообщение,

оборонительная стена эллинистической эпохи восходит к концу II и даже началу I в., что не совпадает с точкой зрения К. Гудино (*Chr. Goudineau. Le siege de Marseille // Armee romaine dans la Gaule*, с. 88-89).

309

Broughton. MRR, II, с. 267.

310

Там же. С. 266.

311

Broughton. MRR, II, с. 268.

312

Там же. С. 269.

313

Broughton. MRR, II, с. 259 и 261.

314

Фриульские острова и Стойхады часто по ошибке путают.

315

Broughton. MRR, II, с. 257.

316

Цезарь. ВС, III, 2, 1.

317

Broughton. MRR, II, с. 272.

318

Broughton. MRR, II, с. 261 и 275.

319

Broughton. MRR, II, с. 280.

320

Broughton. MRR, II, с. 275.

321

Цезарь. ВС, III, 81.

322

Broughton. MRR, II, с. 276.

323

Там же. С. 277.

324

Broughton. MRR, II, с. 281.

325

Цезарь. ВС, III, 91, 2; *Аппиан*. Гражданские войны, II, 82.

326

Broughton. MRR, II, с. 277.

327

Цезарь. Александрийская война (Bellum Alexandrinum = BA), XXIII-XXIV.

328

Цезарь. Александрийская война (Bellum Alexandrinum = BA), XLI.

329

Там же. LXV-LXXVII; *Светоний*. Божественный Юлий, XXXVII, 2.

330

Broughton. MRR, II, с. 278.

331

Там же. С. 278.

332

Carcopino. Cezar, с. 440.

333

Цезарь. ВС, II, XXVI-XXXV.

334

Плутарх. Катон Младший, LVIII-LXXII.

335

Broughton. MRR, II, с. 275-276.

336

Там же. С. 274.

337

Там же. С. 288.

338

Там же. С. 273-274.

339

Веллей Патеркул. Римская история, II, 55, 2.

340

Broughton. MRR, II, с. 313.

341

Broughton. MRR, II, с. 300.

342

Broughton. MRR, II, с. 233-234.

343

Там же. С. 256-257.

344

Там же. С. 272.

345

Там же.

346

Там же. С. 286.

347

Broughton. MRR, II, с. 293-295.

348

Там же. С. 304 (единоличный консул); С. 305-306 (диктатор).

349

Там же. С. 315-316 (консул совместно с Марком Антонием); с. 317-318 (dictator III, dictator perpetuus — после февраля 44 г.).

350

Плиний. Естественная история, XXXIII, 17.

351

Дион Кассий. XLI, 39, 1.

352

Дион Кассий. XLII, 50.

353

Флор. II, 13, 14.

354

Тит Ливий. Периохи, CXV и CXVI; *Светоний.* Божественный Юлий, XXXVII.

355

Веллей Патеркул. II, 56, 1; *Плутарх.* Цезарь, LV, 3; *Светоний.* Божественный Юлий, XXXVIII и XXXIX; *Макробий.* Сатурналии, II, 7 и 11, 10; *Плиний.* Естественная история, IX, 171 и XIV, 97.

356

Светоний. Божественный Юлий, XXXIX; *Аппиан.* Гражданские войны, II, 102, 423.

357

Дион Кассий. XLIII, 12.

358

Плиний. Естественная история, VIII, 53.

359

Там же. 182: это зрелище похоже на португальскую корриду.

360

Дион Кассий. XLIII, 23, 1-2.

361

Веллей Патеркул. II, 56, 2.

362

Аппиан. Гражданские войны, II, 102, 423.

363

Светоний. Божественный Юлий, XXXVIII.

364

Дион Кассий. XLIII, 21, 3; Аппиан. Гражданские войны, II, 102, 422.

365

Platner — Ashby, с. 373 и 460.

366

Дион Кассий. XLIII, 45, 2; Broughton. MRR, II, с. 323.

367

Светоний. Божественный Юлий, LXXVI; Дион Кассий. XLIII, 47 и 51; Николай Дамасский. 20 и 22.

368

Дион Кассий. XLII, 20, 3.

369

Там же. XLIII, 45, 2.

370

Там же. XLII, 55, 4.

371

Там же. XLIII, 46, 2; *Broughton. MRR, II, с. 304-305.*

372

Дион Кассий. XLII, 33, 3; Веллей Патеркул. II, 58, 3; Broughton. MRR, II, с. 317.

373

Broughton. MRR, II, с. 305.

374

Если верить сообщению Диона Кассия (XLI, 43, 1).

375

Светоний. Божественный Юлий, LXXVI.

376

Дион Кассий. XLI, 14, 4;.

377

Дион Кассий. XLIII, 36; *Цицерон*. Письма к близким, IX, 15, 5 и 26, 3;
Светоний. Божественный Юлий, XLIII.

378

Цезарь. Африканская война, XXVIII, 2.

379

Цицерон. Филиппики, XI, 12; XIII, 27; Broughton. MRR, II, с. 324: плебейский трибун в 44 г.

380

Цицерон. Письма к близким, X, 32, 1; Broughton. MRR, II, с. 325: квестор в 44 г.; *PIR*², II, 310, по 1531.

381

Broughton. MRR, II, с. 198: легат Цезаря при Ариовисте в 58 г.

382

Светоний. Божественный Юлий, LXXVI.

383

Там же. LXXVI.

384

Дион Кассий. XLIII, 47, 3: впоследствии Фуфиций Фангон стал

легатом Октавиана в Африке в 41-40 гг.; *Broughton. MRR, II, с. 373 и 382.*

385

Авл Геллий. Аттические ночи, XV, 4; Валерий Максим. VI, 9, 9; Плиний. Естественная история, VII, 135; Broughton. MRR, II, с. 337.

386

Светоний. Божественный Юлий, XLI; Август. XXXV.

387

Макробий. Сатурналии, II, 3, 11.

388

Дион Кассий. XLIII, 48, 1; Broughton. MRR, II, с. 313.

389

Светоний. Божественный Юлий, XLI.

390

Там же. LXXVI.

391

Crawford. RRC, I, 470, например, бронзовая чеканка 45 г.

392

Аппиан. Гражданские войны, II, 48, 197.

393

Дион Кассий. XLII, 20, 1.

394

Тацит. Анналы, XII, 60.

395

Светоний. Божественный Юлий, XXIII; Авл Геллий. Аттические ночи, XVII, 9, 1.

396

CIL I², 593; FIRA, I, 13, с. 140-152.

397

J.-M. Flambard. Clodius, les colleges, la plebe et les esclaves. Recherches sur la politique populaire au milieu du Ier siecle // MEFR, LXXXIX, 1977, с. 115-156.

398

Светоний. Божественный Юлий, XLII.

399

Иосиф Флавий. Иудейские древности, XIV, 215.

400

Сервий. Комментарии к «Буколикам» Вергилия, V, 29; J.-M. Paillet.

Bacchanalia. La repression de 186 av. J.-C. a Rome et en Italie: vestiges, images, tradition (BEFAR, 270). Paris, 1988, с. 728-741.

401

См. издание А. Эрну А. Ernout (CUF), Paris, 1962; К. Вирлуве (С. Virlouvét. *Le Senat dans les lettres de Salluste a Cesar / Des ordres a Rome /* Под ред. Cl. Nicolet. Paris, 1984, с. 101-141) отстаивает подлинность писем; во всяком случае она признает их ценность в качестве свидетельства об эпохе Цезаря.

402

Цицерон. Письма к близким, VI, 6, 8 и 9; 7, 6; XIII, 66.

403

Саллюстий. Письма, I, 3, 4; см. F. Hinard. *Les proscriptions de la Rome republicaine* (Coll. EFR, 83). Rome, 1985, с. 213-219.

404

Broughton. MRR, II, с. 320-321.

405

Цицерон. В защиту Лигария, XII, 37-38.

406

Broughton. MRR, II, с. 240-241.

407

См. схолии к Цицерону (Scholiasta Gronovianus) в издании И. Орелли, с. 418.

408

Цицерон. В защиту Марцелла, III, 8 и IX, 27.

409

Broughton. MRR, II, с. 273.

410

Там же.

411

Broughton. MRR, II, с. 272.

412

Там же. С. 273; *Цезарь. ВС, III, 22.*

413

Broughton. MRR, II, с. 287.

414

Цезарь. ВС, III, 20, 3.

415

Там же. 20, 2.

416

Светоний. Божественный Юлий, XLII.

417

C. Viriouvét. Famines et émeutes à Rome des origines de la République à la mort de Néron (coll. EFR, 87). Rome, 1985, с. 112-113; Она же. Tessera frumentaria. Les procédures de distribution de blé public à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire (BEFAR, 286). Rome, 1995, с. 165 и везде.

418

Светоний. Божественный Юлий, XXXVIII.

419

Страбон. VIII, 6, 23.

420

Светоний. Божественный Юлий, XLII. На самом деле эта цифра может представлять собой общую численность, включающую ветеранов, расселенных в Италии.

421

Светоний. Божественный Юлий, XLII.

422

Broughton. MRR, II, с. 127.

423

Саллюстий. Письма, I, 7, 2 и II, 7, 10; 8, 3.

424

О подробностях этой политики см.: *Светоний. Божественный Юлий, XLIII.*

425

Не забудем, что Цезарь соблазнил его жену Эвною: *Светоний. Божественный Юлий, LI.*

426

В речи «В защиту царя Дейотара» (XIV, 39) Цицерон взывал к

благосклонности Цезаря.

427

Африканская война, ХСVII, 5.

428

Светоний. Божественный Юлий, ХLI, 5.

429

Об этом красноречиво свидетельствует карта 43 «Колонии римского права эпохи Цезаря или Августа» и комментарий к ней в книге *Histoire de la France urbaine, I. La ville antique des origines au IXe siecle*. Paris, 1980, с. 88-89. Те же продиктованные осторожностью сомнения присутствуют в книге П. Леру (P. Le Roux. *Romains d'Espagne. Cites et Politique dans les provinces, IIe siecle av. J.-C. — IIIe siecle ap. J.-C.* Paris, 1995, с. 55).

430

P. Moret. Les maisons fortes de la Betique et de la Lusitanie romaines 11 REA, 1995, с. 527-564, особенно с. 547-553.

431

Авл Геллий. Аттические ночи, XVI, 13, 9.

432

M. Gayraud. Narbonne antique des origines a la fin du IIIe siecle (RAN. Suppl. 8). Paris, 1981, с. 175-186.

433

Светоний. Тиберий, IV; *Broughton,* MRR, II, с. 300.

434

M. Clavel. Beziers et son territoire dans l'Antiquite (Annales litteraires de l'Universite de Besangon, 112; Centre de Recherches d'histoire ancienne, 2). Paris, 1970, с. 166; Histoire de la France urbaine, I, с. 91 (там предпочтение отдается датировке временем Цезаря).

435

Histoire de la France urbaine, I, с. 91: период после смерти Цезаря.

436

Там же. I, с. 91; *P.-A. Fevrier*. Forum Iulii (Frejus). Bordighera, 1963, с. 14.

437

A. Blanc. Valence romaine (Cahiers valentinois, 1), 1953, с. 18 и далее.

438

RE. XVIII, 3. 1949, s.v. Panormos, стб. 661-678, особенно стб. 665 (К. Ziegler).

439

PECS. Syracuse (G. Vozza), с. 871-874. с. 872: колония Августа в 21 г.

440

Там же. Catane (G. Rizza), с. 442-443, с. 442.

441

Там же. Turris Libisonis (D. Manconi), с. 941; CILX, 7953; *A. Boninu*, *M.*

Le Glay, A. Mastino. Turris Libisonis, colonia Iulia. Sassari, 1984, с. 39.

442

A. Tovar. Iberische Landeskunde (=Tovar), I. Baetica. Baden-Baden, 1974, с. 140-143, с. 141.

443

Об этой колонии известно благодаря данному ей знаменитому городскому уставу — *lex coloniae Iuliae Genetivae*.

444

PECS. Corduba (J.M. Roldan), с. 239; основана ранее 45 г., возможно, старшим сыном Помпея Гнеем; *Tovar. I, с. 86-92, с. 87-88.*

445

PECS. Emporion (J. Maluquer de Motes), с. 303: колония ветеранов в 45 г.; *Tovar. III. Tarraconensis, 1989, с. 427-430.*

446

PECS. Sinope (E. Akurgal), с. 842: colonia Iulia Felix в 47 г.

447

Там же. Herakleia (D.R. Wilson), с. 383.

448

Там же. Buthrotum (F.C. Sestieri), с. 175-176.

449

Там же. Corinth (H.S. Robinson) с. 240-243: Цезарева колония Laus Iulia Corinthiensis; *Страбон*. VIII, 6 23.

450

J.-M. Lassère. Ubique populus. Peuplement et mouvements de populations dans l'Afrique romaine, de la chute de Carthage a la fin de la dynastie des Severes (146 a.C. — 235 p.C.). Paris, 1977 (=Lassère), с. 145-198.

451

PECS. Vienna (M. Le Glay), с. 978-980.

452

Tovar. I, с. 115-116.

453

PECS. Tarraco (J.Arce), с. 882-883: возведенный в 45 г. в ранг Colonia Iulia Urbs Triumphalis Tarraco.

454

Ж.-М. Лассер включает в число почетных латинские колонии Киртской конфедерации.

455

J.-M. Pallier. Palladia Tolosa, Toulouse romaine. Toulouse, 1988, с. XV: при Цезаре город получает латинское право.

456

M. Gayraud. Les inscriptions de Ruscino // Ruscino. Château-Roussillon, Perpignan (Pyrénées-Orientales), I. Etat des travaux et recherches en 1975

(RAN. Suppl. 7). Paris, 1980, с. 67-98, особенно с. 96.

457

PECS. Antipolis (R.V. Schoder), с. 64-65.

458

Histoire de la France urbaine, I, с. 76 и 92: четкого ответа на вопрос, относится ли образование этого муниципия ко временам Цезаря или Августа, так и не дано; не следует ли сравнивать этот бывший город массалиотов с Кабеллионом?

459

PECS. Gadir (J.-M. Blazquez), с. 341-342: в 49 г. город получил статус латинского права (*ius Latii*).

460

Там же. Olisipo (J. Alarco), с. 645: относительно точной даты получения статуса муниципия и присвоения городу имени *Iulia Felicitas Olisipo* остаются сомнения.

461

Там же. Eborac (J. Alarcão), с. 290: датировка — период Цезаря или период Августа — не уточняется.

462

Tovar. III, с. 17.

463

Lassère, с. 87: город получил латинское право между 59 и 49 гг.

464

Там же. С. 157, со ссылкой на: A. Beschouch. Mustitana, Recueil des nouvelles inscriptions de Mustis, cite romaine de Tunisie, I // Karthago, XIV, 1965-1966 (1968), с. 117-224.

465

Аппиан. Гражданские войны, II, 110, 460.

466

Там же. III, 24, 92.

467

Светоний. Божественный Юлий, XLIV, 3.

468

См. выше.

469

Дион Кассий. XLIII, 14, 6.

470

Crawford. RPC, I, n° 449, 4 (табл. LIII).

471

Alfoldi. Studien iiber Caesars Monarchie, с. 26 и далее, табл. 16;
Weinstock, табл. 4.

472

Дион Кассий. XLIII, 14, 6.

473

Дион Кассий. XLIII, 14, 3.

474

Светоний. Август, XCIV, 6.

475

Дион Кассий. XLIII, 21, 2.

476

Цицерон. Письма к Аттику, IV, 16, 8.

477

Светоний. Август, XXIX, 1.

478

Дион Кассий. XXXVII, 54, 2.

479

Аппиан. Гражданские войны, II, 68, 281.

480

Обо всех этих прецедентах см. *J.-Ch. Balty*. *Curia ordinis. Recherche d'architecture et d'urbanisme antiques sur les curies provinciales du monde romain*. Bruxelles, 1991, с. 286-292. а теперь *P. Gros*. *L'architecture romaine du debut du IIIe siecle av. J.-C. a la fin du Haut Empire. I. Les monuments publics*. Paris, 1996, с. 100 (портики), с. 140-141 (храм Венеры-Прародительницы), с. 212-213 (форум).

481

Плиний. Естественная история, XXXV, 156.

482

Crawford. RRC, I, n° 449, 4 (табл. LIII).

483

Светоний. Божественный Юлий, LXXVI, 1.

484

Цицерон. В защиту Лигария, 7.

485

Цицерон. Об империи Гнея Помпея, 47.

486

Fasti Allifani: Degrassi, с. 493 и далее (12 августа).

487

Цезарь. BG, IV, 26, 5; V, 58, 6; VI, 35, 2; BC, III, 68, 1 (эту тему подхватывает автор «Александрийской войны»).

488

Это письмо Цезаря приводит *Цицерон*. Письма к Аттику, 10, 8В, 1.

489

Плутарх. Цезарь, XXXVIII, 5; *Аппиан*. Гражданские войны, II, 57, 236.

490

Цезарь. В. Afr., 83, 1.

491

Светоний. Божественный Юлий, XLIV, 1.

492

Дион Кассий. XLIII, 42, 1; XLIII, 11; XLIV, 1, 6; XLV, 3; *Аппиан*. Гражданские войны, II, 106, 440; *Веллей Патеркул*. II, 56, 3.

493

Саллюстий. Письма Цезарю, II, 5, 7; 11, 4; 2, 4; 3, 1.

494

Цезарь. ВС, I, 22, 5.

495

Тит Ливий. XXXIV, 58, 9.

496

См. монеты Афродисиады: BMC, Caria 30; Weinstock, табл. 15, 10 и 11.

497

5 REG, 19, 1906, 128.

498

Эпиктет. IV, 1, 14.

499

Светоний. Божественный Юлий, LVI, 5.

500

RG. I, 1.

501

Цицерон. О царе Дейотаре, 34.

502

Дион Кассий. XLVII, 25, 3; Crawford. RRC, I, 508, 3 (табл. LXI).

503

Crawford. RRC, I, 507, 2 (табл. LXI).

504

Weinstock. C. 152-162.

505

Ehrenberg-Jones. 94a.

506

Crawford. RRC, I, 305, 1, 2 (табл. XLI).

507

Цицерон. Против Пизона, 6.

508

Цицерон. В защиту Марцелла, 22.

509

F. Chamoux. Un portrait de Thasos: Jules Cesar // Mon. Piot, 47, 1953, с. 131-147.

510

RG. 34, 2.

511

Дион Кассий. XLIII, 42, 3.

512

Там же. 45, 3.

513

Плутарх. Камилл, I, 1.

514

Плутарх. Марий, XXVII, 9.

515

Цицерон. Против Катилины, III, 2.

516

Цицерон. В защиту Марцелла, 25; В защиту Лигария, 38.

517

Цицерон. О государстве, II, 20; О законах, I, 3.

518

Цицерон. Письма к Аттику, XII, 45, 3 (2); XIII, 28, 3.

519

R. Etienne. Le Siecle d'Auguste. Paris, 2e ed., 1989, с. 9-13.

520

Вергилий. Эклоги, IV, 6.

521

Аппиан. Гражданские войны, II, 106, 442; Дион Кассий. XLIV, 4, 4.

522

Дион Кассий. LIII, 18, 3.

523

Плиний. Панегирик, 2, 3.

524

Цицерон. В защиту Рабирия, 27.

525

В Брундизии надпись, посвященную Августу, окружает венки.

526

RG, 34, 2.

527

Дион Кассий. XLIV, 4, 4.

528

Там же. 6, 1; L, 1.

529

Цицерон. О государстве, VI, 12.

530

Дион Кассий. XLIV, 5, 3.

531

RG. 10, 1.

532

Там же. 25.

533

Вся эта IV книга основана на том, что уже было написано в книге: R. Etienne. Les Ides de Mars, assassinat de Cesar ou de la dictature? Paris, 1973.

534

Цицерон. Письма к близким, VI, 15.

535

Цицерон. Письма к Аттику, XIV, 4.

536

Там же. 6.

537

Там же. 12.

538

Цицерон. Письма к Аттику, XIV, 14, 3.

539

Там же. 22.

540

Там же. XV, 4.

541

Цицерон. О дивинации, II, 23; пер. М. И. Рижского. — Прим. ред.

542

Эти слова в третьем акте трагедии Шекспира «Жизнь и смерть Юлия Цезаря» произносит Антоний в известном монологе. — Прим. ред.

543

RG, I.

544

Еврипид. Финикиянки, 524 (пер. М.Л. Гаспарова).

545

Светоний. Божественный Юлий, LXXV.

546

Там же. LXXVI.

547

Светоний. Божественный Юлий, LII.

548

Плутарх. Александр, I, 1; см. также Никий, I, 5 и Гальба, II, 5.

549

Плутарх. Цезарь, XXVIII, 6.

550

Там же. LXIX, 2.

551

Плутарх. Брут, XVIII.

552

Плутарх. Цезарь, LXIII, 1.

553

Там же. LXIX, 2.

554

Аппиан. Гражданские войны, II, 111.

555

Дион Кассий. XLIV.

556

Дион Кассий. XLIII, 25.

557

Там же. 15.

558

Дион Кассий. XLIV, 9, 10, 11.

559

Там же. XLIII, 16.

560

Там же. 52.

561

Николай Дамасский. XXIV.

562

Светоний. Божественный Юлий, LXXX, 4.

563

Цицерон. Филиппики, II, 28.

564

Плутарх. Брут, XVII.

565

Broughton. MRR, II, с. 307.

566

Там же. С. 307.

567

Там же. С. 328.

568

Там же. С. 184.

569

Там же. С. 217.

570

Broughton. MRR, II, с. 273-274.

571

См. выше, с. 173-174.

572

Broughton. MRR, II, с. 289.

573

Там же. С. 299.

574

Там же. С. 305.

575

Цицерон. Филиппики, II, 27.

576

Broughton. MRR, II, с. 222.

577

Там же. С. 256.

578

Там же. С. 325.

579

Broughton. MRR, II, с. 307.

580

Там же. С. 230.

581

Там же. С. 229.

582

Там же. С. 237.

583

Там же. С. 242.

584

Там же. С. 259.

585

Там же. С. 283.

586

Broughton. MRR, II, с. 290.

587

Там же. С. 320.

588

Там же. С. 229.

589

Там же. С. 267.

590

Там же. С. 297 и 301.

591

Там же. С. 321-322.

592

См. выше, с. 62.

593

Broughton. MRR, II, с. 244 и 253.

594

Плутарх. Брут, XI.

595

Broughton. MRR, II, с. 308.

596

Там же. С. 488.

597

Broughton. MRR, II, с. 341.

598

Там же. С. 360.

599

Плутарх. Брут, LI.

600

Светоний. Божественный Юлий, LXXXIV-LXXXV; Аппиан. Гражданские войны, II, 106, 124, 137, 139, 144 и далее.

601

Плутарх. Брут, IX.

602

Дион Кассий. LIV, 12.

603

Плутарх. Брут, IX; Дион Кассий. XLIV, 13.

604

Дион Кассий. XLIII, 45.

605

Цицерон. Письма к Аттику, II, 24, 3.

606

Тит Ливий. I, 59.

607

Там же. IV, 15.

608

Цицерон. Письма к Аттику, XIII, 40.

609

Светоний. Божественный Юлий, LXXX.

610

Светоний. Божественный Юлий, LXXVII.

611

Письмо Брута от 13 мая 43 г.: *Цицерон. Письма к Бруту, I, 17 (= DCCCLXIV, изд. Tyrrel-Purser).*

612

Цицерон. Письма к Аттику, XII, 45.

613

Тит Ливий. XXXIX, 8; Pailler, с. 325-328.

614

Светоний. Божественный Юлий, LXXX (вслед за Николаем Дамаским).

615

Плутарх. Брут, XVIII.

616

Дион Кассий. XLIII, 46.

617

Там же. XLIV, 4.

618

Аппиан. Гражданские войны, II, 110.

619

Светоний. Божественный Юлий, LXXIX.

620

Цицерон. О дивинации, II, 110.

621

Николай Дамасский. XX.

622

Sarcopino. Cesar, c. 429, прим. 1.

623

Плутарх. Цезарь, LXI.

624

Аппиан. Гражданские войны, II, 108.

625

Светоний. Божественный Юлий, LXXIX.

626

Дион Кассий. XLIV, 8.

627

Плутарх. Цезарь, LXI, 8.

628

Николай Дамасский. XXI, 75.

629

Аппиан. Гражданские войны, II, 107.

630

Плутарх. Тиберий Гракх, XIV.

631

Цицерон. В защиту Суллы, 9.

632

Тит Ливий. XXVII, 19, 4.

633

Аппиан. Гражданские войны, II, 111.

634

Дион Кассий. XLIII, 43.

635

Цицерон. Филиппики, II, 87.

636

Цицерон. Письма к близким, XIII, 10, 2.

637

Цицерон. Об обязанностях, II, 2.

638

Дион Кассий. XLIII, 48.

639

Плутарх. Цезарь, LXII; Брут, VIII.

640

Дион Кассий. XLIV, 5.

641

Цицерон. В защиту Марцелла, 25.

642

Цицерон. В защиту Марцелла, 8: deo simillimum — в наивысшей степени подобным богу.

643

Дион Кассий. XLIII, 21, 2.

644

Саму «хронику происшествия» см. выше.

645

Цицерон. Филиппики, 1,3; II, 32; 91; *Плутарх*. Антоний, XIV; *Дион Кассий*. XLIV, 51.

646

Светоний. Божественный Август, LII, 2; *Дион Кассий*. LIV, 1.

647

V. Hugo. Les Miserables, I, 1862, с. 378.

648

M. Meslin, J. Guillard. Cesaropapisme // Encyclopaedia Universalis. Paris, 1990, с. 261-265.

649

Z. Yavetz. Cesar et son image. Des limites du charisme en politique. Paris, 1981, со ссылкой на: Светоний. Божественный Юлий, XXVII.

650

J.-J. Bernoulli. Romische Ikonographie. Stuttgart, 1882, переизд. 1969, I, с. 145-181, илл. XIII-XVIII.

651

O. Vessberg. Studien zur Kunstgeschichte der römischen Republik. Lund-Leipzig, 1941, с. 138-148, илл. 6-8.

652

L. Curtius. Ikonographische Beitrage. II. C. Iulius Caesar // Rom. Mitt., 47, 1932, с. 212-241, илл. 47-57.

653

F. Chamoux. Un portrait de Thasos: Jules Cesar // Monument Piot, 47, 1953, с. 131-147 (далее: Chamoux), с. 135.

654

Chamoux, с. 135.

655

Crawford. RRC, I, n° 480, 2a, 2b, 3, табл. LVI.

656

Там же. 4, 6, 7a, 7b, 8, табл. LVI.

657

Там же. 5a, 5b, 9, 10, 11, 12, 13, 20, табл. LVII.

658

Там же. 15, 16, 17, 18, 19, табл. LVII.

659

Crawford. RRC, I, n° 485, 1, табл. LVII; I, n° 494, 24, табл. LIX.

660

Chatoux, с. 138, n° 1.

661

Chatoux, с. 138; мы не занимаемся здесь типом портретов времен Траяна, появившимся значительно позднее.

662

M. Borda // *Rendic. Acc. Pontif. di Archeol.*, 1943-1944, с. 347-382.

663

M. Rambaud. Le caractere de Jules Cesar // Hommages a J. Bayet. Rome, 1964, с. 599-610 = Autour de Cesar. Lyon, 1987, с. 69-78, с. 74; O. Cavalier, L. Faedo, D. Boschung. A propos de la tete de Cesar en bronze de la donation Puech au Musee Calvet d'Avignon (Compte rendu de la journee d'etude du 25 octobre 1991) // RA, 1995, с. 69-89, с. 80.

664

Светоний. Божественный Юлий, XLV, 2.

665

Светоний. Божественный Юлий, LI, 1.

666

См. начальную фотографию фоторяда.

667

Не следует ни недооценивать роль домашнего обучения, ни забывать об усердных и углубленных занятиях: *Цицерон. Брут, 252.*

668

Авл Геллий. Аттические ночи, I, X, 4; вслед за ним: *Макробий.* Сатурналии, I, 5, 1.

669

Светоний. Божественный Юлий, XLVII.

670

Там же. LV.

671

Цицерон. Брут, 261; Цицерон упоминает также о физической красоте Цезаря; *Светоний.* Божественный Юлий, LV.

672

Квинтилиан. Воспитание оратора, X, 1, 114.

673

Цицерон в «Бруте» (262) говорит о «Записках», что «в них есть нагая простота и прелесть, ибо они, как одежды, лишены всяких ораторских прикрас», и хвалит «незатейливую и ясную краткость — самое лучшее украшение истории» (*Светоний*. Божественный Юлий, LV).

674

Квинтилиан. Воспитание оратора, X, 1, 114. См. также: *Цицерон*. Брут, 252: «Я полагаю, что Цезарь говорит по-латыни едва ли не чище всех других ораторов».

675

Авл Геллий. Аттические ночи, I, X, 4.

676

Чтобы говорить чисто, «необходимо очистить язык и пережечь его на огне неизменных правил, а не следовать искаженным обычаям общего употребления»: *Цицерон*. Брут, 258.

677

Апулей. Апология, XCV.